

ЧЕРНОБЫЛЬ
ДОЛГ И МУЖЕСТВО
ТОМ II

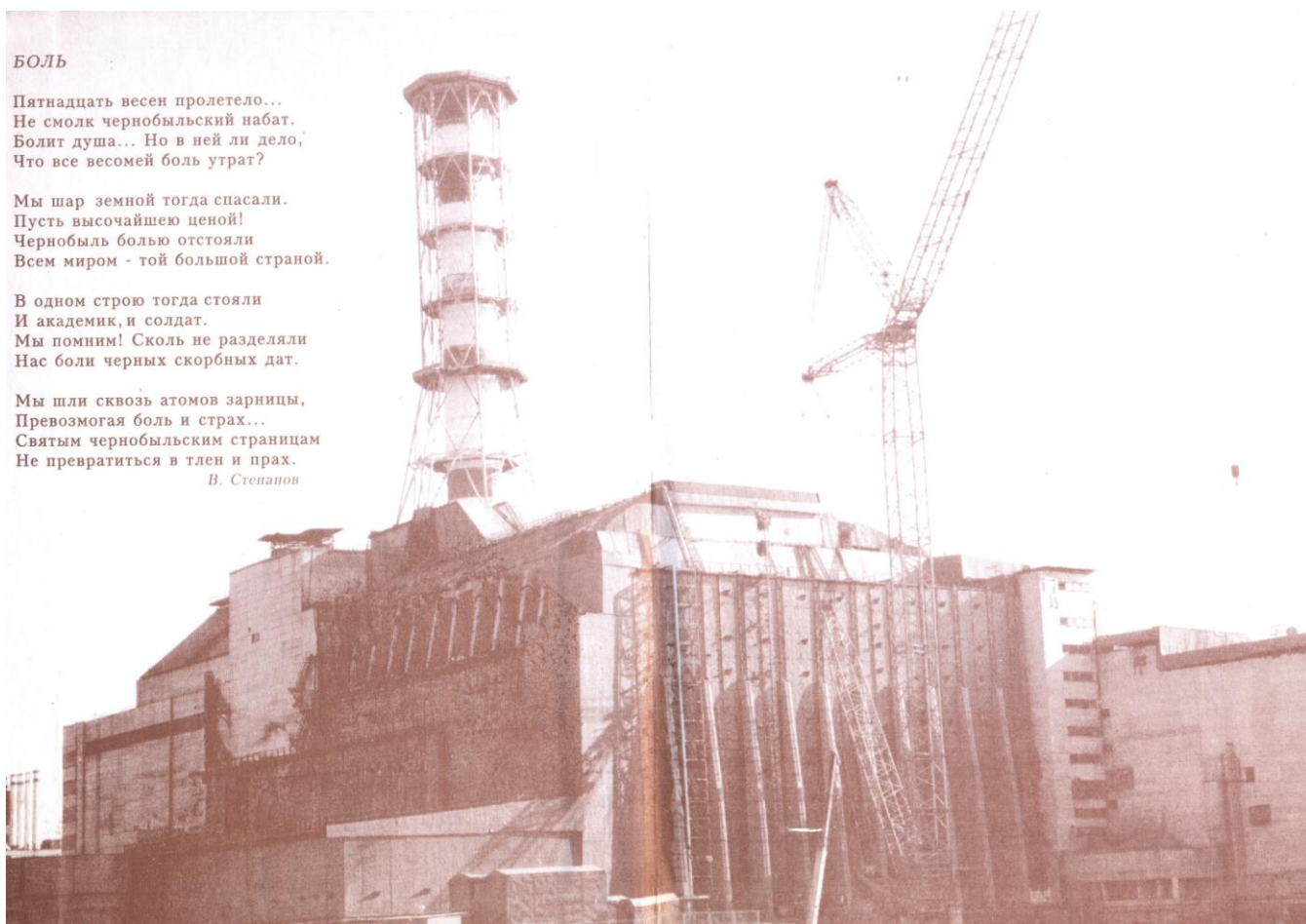
БОЛЬ

Пятнадцать весен пролетело...
Не смолк черновыльскый набат.
Болит душа... Но в ней ли дело,
Что все весомей боль утрат?

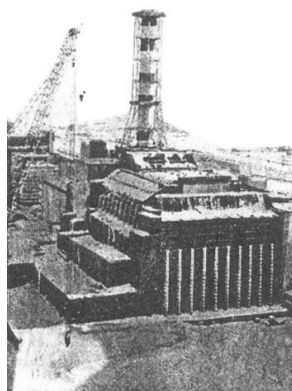
Мы шар земной тогда спасали.
Пусть высочайшею ценой!
Черновыль болью отстояли
Всем миром - той большой страной.

В одном строю тогда стояли
И академик, и солдат.
Мы помним! Сколь не разделяли
Нас боли черных скорбных дат.

Мы шли сквозь атомов зарницы,
Превозмогая боль и страх...
Святым черновыльским страницам
Не превратиться в тлен и прах.
В. Степанов

"Чернобыль. Долг и мужество". Научно-публицистическая монография. Том II.
Под редакцией Дьяченко А.А. М., Воениздат, 2001. 320 с., 92 ил.

Настоящая монография посвящена участникам ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС.

В монографии на основании архивных документов, воспоминаний ликвидаторов представлен вклад советских граждан в локализацию и ликвидацию последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС. Особое место в монографии отведено раскрытию долга и мужества ликвидаторов в ходе ликвидации последствий радиационной катастрофы.

Существенное внимание уделяется развитию научных исследований по проблемам, выполненным в постчернобыльский период.

Раскрываются отдельные аспекты чернобыльского движения, помыслы и трудная жизнь вдов ликвидаторов и отношение к ним общества и органов управления различных уровней.

Монография предназначена не только для специалистов, научных сотрудников, исследующих чернобыльские проблемы, но и для широкого круга читателей.

А. А. Дьяченко (председатель ред. комиссии),
И.Д. Грабовой (зам. председателя ред. комиссии),
В. Я. Степанов (зам. председателя ред. комиссии).

Члены комиссии:

Е.Н. Додонов,
Ю.П. Дорофеев,
Ю.Н. Корякин,
А.Е. Пекарский,
А.А. Шевченко

ВВЕДЕНИЕ

Пятнадцать лет назад минуло с того трагического памятного дня разразившейся чернобыльской катастрофы. В те не столь уж и далёкие годы весь мир, затаив дыхание, следил за происходящими событиями.

Прошло время, и что-то подёрнулось дымкой забвения... Безусловно, что-то забылось, но не всё. Вместе с тем, прошедшие годы высветили новые грани того подвига, который совершили советские люди.

Центральной фигурой во всём процессе ликвидации последствий глобальной радиационной катастрофы с первого дня являлся и по сей день является человек. Люди трудились на пределе возможностей. Не выдерживала нагрузок техника и оборудование, а люди продолжали вести борьбу с вышедшим из-под контроля мирным атомом.

Без преувеличения можно сказать, что героическим трудом советских ученых, военнослужащих, рабочих и колхозников была проведена титаническая работа по усмирению ядерного исполина, вырвавшегося на просторы нашего Отечества.

То, что произошло на маленьком клочке украинской земли, стало достоянием мировой истории. Летопись истории, её страницы пишут люди. Поэтому так дорого Слово каждого человека, имевшего отношение к той катастрофе.

На страницах второго тома монографии своими воспоминаниями делятся академики, военачальники, врачи, корреспонденты... Все те, кто в битве с радиацией носил и продолжает нести высочайшее звание - «Рядовой Чернобыля». Об ушедших товарищах вспоминают друзья, об ушедших любимых - вдовы.

Большое внимание на страницах второго тома монографии уделено истории развития чернобыльского движения, объединившего в своих рядах участников ликвидации последствий радиационной катастрофы.

Чернобыль не закончился закрытием атомной станции. Его последствия ощущаются во многих уголках земного шара. Причем не только на просторах стран Содружества независимых государств, но и в Югославии, в Ираке...

В каждой строке воспоминаний чётко прослеживается мысль о том, чтобы в наших душах не возникло «духовного» Чернобыля. Надеемся, что эти строчки воспоминаний найдут добрый душевный отклик в душах благодарных читателей.

Глава III

"РЯДОВЫЕ" ЧЕРНОБЫЛЯ

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ К ГЛАВЕ

Дьяченко А.А., полковник в отставке, кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник научного центра ФПС России. Участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, 1986 год. Член Союза писателей России.

Общеизвестен не прекращающийся диалог философов, крупных теоретиков, писателей, политологов о роли личности и масс в решении крупномасштабных проблем, в революционных преобразованиях и в развитии государств и народностей в целом.

Если прислушаться к дискутирующим группировкам, то можно услышать убедительные доводы с яркими примерами правомерности как одной стороны (личность решает все), так и другой (массы решают все).

Так все-таки - где же истина? Кто прав? Те, кто утверждает, что решение крупномасштабных проблем достигается за счет личности, или те, кто выдвигает на передний план массы.

На наш взгляд, применительно к чернобыльской эпопее ликвидации последствий катастрофы (да и не только к ней), правомерно другое утверждение: решающее значение при возникновении крупномасштабных проблем (катастрофы, войны, революции и др.) принадлежит единой суперсистеме, включающей и личности, и массы, действующей как единое целое, имеющей ярко выраженные цель, задачи, алгоритм их решения, необходимые материальные и людские ресурсы и др.

Подтвердим это. Известно, что качество любой системы, в том числе и организационно-технической, к которой относится система ЛПК с заданной структурой, специалистами, техническим оборудованием, руководящим ядром, налаженными информационными и материальными потоками, определяется ее свойствами. Одним из основных свойств является эффективность.

Так как эффективность сложной системы определяется эффективностью функционирования ее подсистем, а они, в свою очередь, составляющими их элементами (к ним можно отнести руководителей, специалистов, технику и др.), то отсюда вытекает, что эффективность сложной системы определяется как личностью, так и массами, входящими в эту систему.

Таким образом, можно утверждать, что ликвидацию последствий в 30-км зоне Чернобыльской АЭС один, даже сверхгениальный руководитель, при всех своих стараниях не смог бы выполнить.

С другой стороны, наличие неорганизованной массы специалистов, действующих каждый по своему плану, также "завалило" бы выполнение работ в 30-км зоне.

И только единая сплоченная суперсистема (во второй главе ей дано название - стратегическая группировка сил и средств), в которой все: руководители Правительственной комиссии, отраслей, ведомств, подчиненные им штабы и многочисленные подразделения, в том числе соединения и части силовых министерств, укомплектованные современной техникой, профессионалами, смогла выполнить задачи по ликвидации катастрофы на ЧАЭС.

Таким образом, можно утверждать, что в ходе ликвидации последствий катастрофы все - от руководителей до простых тружеников - были "рядовыми" Чернобыля и каждый из них выполнял свой долг, свои функциональные обязанности с максимальной эффективностью, что и обеспечило в целом укрощение "мирного" атома в заданные сроки.

Так как же быть нам, взявшим на себя миссию описать, систематизировать вклад ликвидаторов? О ком писать? О Б.Е. Щербине или о простом труженике, работавшем на "Укрытии", или о водителях КамАЗов, вывозивших радиоактивные отходы? На наш взгляд, надо осветить вклад каждого ликвидатора! Пусть дети, внуки и правнуки знают и не забывают вклада их отца, деда или прадеда!

Но создать единую монографию на всю страну - невозможно! Как же быть? Выходы, конечно, есть. Один из возможных вариантов заключается в том, чтобы была создана многотомная "История ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС". Но не в виде единой книги. Это должен быть многотомный труд, объединенный единой концепцией и структурой. Участие в его разработке могут принять все чернобыльские организации, освещая вклад "своих" чернобыльцев.

Фактически общественные организации имеются в каждом районе, поселке. Именно на этом уровне и надо осветить вклад чернобыльцев, проживающих на данной территории. Чтобы об их труде в те трудные годы знали родные, близкие, соседи и односельчане.

Создавая такие произведения, необходимо не забывать, что основную тяжесть, как на войне, так и в Чернобыле вынесли солдаты, простые труженики, вне зависимости от занимаемой должности, работали на сооружении "Укрытия" или участвовали в дезактивации населенных пунктов, проселочных дорог, лесных массивов и т.д.

Исходя из высказанных положений, и построена третья глава настоящей монографии.

ПАТРИАРХ МИНАТОМА

Бриш А.А., главный конструктор Всероссийского научно-исследовательского института автоматики, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, доктор технических наук, профессор.

Е.П. Славский родился 26 октября 1898 г. в Макеевке. С раннего детства познал нелегкую жизнь сельского труженика, затем работал на угольных шахтах и заводах Донбасса, в годы гражданской войны участвовал в боях в составе Первой Конной армии.

С 1933 года, после окончания Московского института цветных металлов и золота, работал на предприятиях цветной металлургии, пройдя путь от инженера до директора завода.

В годы Великой Отечественной войны, будучи директором Днепропетровского алюминиевого завода, обеспечивал эвакуацию на Урал и организацию производства необходимого фронту металла. В конце 1945 года назначается заместителем наркома цветной металлургии. В 1946 году Е.П. Славский направляется в атомную промышленность. С 1957 года по 1988 год возглавлял Министерство среднего машиностроения СССР.

За исключительные заслуги перед государством Е.П. Славскому трижды присвоено звание Героя Социалистического Труда, он награжден десятью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, медалями. Ему присвоено звание лауреата Ленинской премии и трижды лауреата Государственной премии СССР.

Умер Е.П. Славский 28 ноября 1991 года.

Завершается двадцатый век, принесший коренные, глобальные изменения в жизнь людей и расцвет науки; век опустошительных войн, с гибелью многих десятков миллионов людей; век, когда энергия атомного ядра, превышающая в 20 миллионов раз энергию обычных химических взрывчатых веществ, была применена США в военных целях.

Наша страна в течение считанных лет смогла ликвидировать монополию США на ядерное оружие и использовать атомную энергию в мирных целях, построив первую атомную электростанцию. Был осуществлен прорыв в освоении новых грандиозных источников энергии - ядерной и термоядерной.

Началась новая эпоха. Угроза взаимного ядерного уничтожения принудила ведущие государства к миру. Вторая половина столетия прошла без глобальных войн.

Становлением атомной отрасли в нашей стране занимались талантливые ученые и руководители. Одним из выдающихся создателей атомной индустрии был легендарный человек - Ефим Павлович Славский. Он 40 лет отдал становлению атомной отрасли, из них 30 лет возглавлял Министерство среднего машиностроения.

Время не было властно над ним. Его физическая мощь, выдающийся интеллект и мудрость не увядали.

В 1957 г. Ефим Павлович становится министром среднего машиностроения. На этом посту наиболее полно проявился его талант крупного и мудрого руководителя, самоотверженность и громадная трудоспособность. За тридцать лет его руководства Министерство преобразилось: построена мощная атомная промышленность, множество новых городов, воспитаны многочисленные кадры высококвалифицированных рабочих, инженеров, конструкторов, ученых. Был создан мощный ядерный щит нашей страны, построены многочисленные атомные электростанции, вырабатывающие значительную часть электроэнергии.

Ефим Павлович уделял большое внимание достойной жизни людей. Строилось благоустроенное жилье, школы, больницы, учреждения культуры. Наблюдался непрерывный научно-технический прогресс отрасли, значительные средства выделялись для развития фундаментальных научных исследований. Министерство и его министр имели стабильный высокий авторитет.

Когда он был министром, мне приходилось встречаться с ним при различных обстоятельствах: на заседаниях Научно-технического совета по ядерному оружию, на расширенных коллегиях Министерства, на совещаниях по отдельным научно-техническим вопросам... Всякий раз я убеждался, что нам - работникам атомной отрасли, нашему государству - очень повезло, что Министерство возглавил такой руководитель, как Ефим Павлович Славский.

В течение 22 лет я встречался с ним не только по служебным делам, но и в доме отдыха "Опалиха", куда он пригласил меня отдыхать. Я хочу поделиться своими воспоминаниями о Ефиме Павловиче, каким он мне запомнился.

РАБОТЫ ВЕЛИСЬ ПО МНОГИМ НАПРАВЛЕНИЯМ

Освоение энергии атома шло широким фронтом. Активно занимаясь созданием все более совершенных ядерных боеприпасов, их производством и испытаниями, Ефим Павлович настаивал на мирном применении ядерных взрывов и приступил к реализации обширной программы использования ядерных взрывов в интересах народного хозяйства. Уже в 1965 г. после проведения проектных работ был взорван ядерный заряд для создания искусственного водоема. Место представляло собой полупустыню на полпути между городами Семипалатинском и Курчатовым. В результате было создано прекрасное озеро Чаган с чистой прозрачной водой. Местность преобразилась. На берегу мы находили большие прозрачные кристаллы гипса, которые были вскрыты взрывом. Ефим Павлович гордился этим творением человеческого гения. Он поручил снять цветной фильм для широкого показа. Запомнились кадры: по голубому простору озера несется быстроходный катер.

Затем, выполняя программу, было произведено 116 мирных взрывов до 1988 г.

При выполнении программы были решены многие народнохозяйственные задачи, накоплен огромный опыт применения ядерных взрывов, исключая опасность выхода радиоактивных продуктов на земную поверхность.

В г. Обнинске была сооружена первая в мире атомная электростанция. В последующие годы была создана целая отрасль промышленности по изготовлению сложных узлов и агрегатов, необходимых для сооружения атомных электростанций.

Ефим Павлович, придавая большое значение атомным электростанциям, не забывал о строительстве атомных реакторов для научных целей, в том числе в республиках Союза, а также для стимулирования научных исследований и национальных научных кадров.

Он включил в план Министерства добычу золота в Мурун-тау, где в породе находилось сравнительно небогатое содержание золота, но общее количество золота было неисчерпаемо. Он гордился, что добыча золота Министерством составляет 25% всей добычи в стране, говорил, что мечтает довести добычу золота до 50%. К сожалению, его мечта не сбылась. А золото осталось в Узбекистане.

ОН ВЕРИЛ В ВЕЛИЧИЕ НАУКИ

Привлечен Ефим Павлович к атомной проблеме был по инициативе И. В. Курчатова, который увидел в нем крупного руководителя, знающего металлурга, способного внедрить

новейшие достижения науки. Строительство и введение в строй первого промышленного атомного реактора, решение в процессе строительства новых научно-технических вопросов, общение с И.В. Курчатовым, Б.Л. Ванниковым, Ю.Б. Харитоновым, Б.Г. Музруковым, А.П. Виноградовым, В.Г. Хлопиным, А.П. Александровым, А.А. Бочваром и др. крупными специалистами и учеными убедили Ефима Павловича в том, что в союзе с наукой можно успешно решать совершенно новые задачи.

Свое отношение к науке и ученым он выразил в воспоминаниях "Когда страна стояла на плечах ядерных титанов", написанных в 1991 г., имея в виду крупных ученых атомщиков, которых возглавлял Игорь Васильевич Курчатов. Ефим Павлович много пишет об Игоре Васильевиче как основе всей атомной науки и ее главе. Он полностью доверял И.В., доверял науке и считал, что только с помощью передовой науки могут быть решены все стоящие перед страной задачи. Но он не терпел обмана или преувеличений. Я был свидетелем, как один из заместителей Е.П. при поддержке некоторых специалистов хотел получить его согласие на разработку принципиально новой единой системы автоматики для ядерных боеприпасов взамен ранее разработанных и разрабатываемых систем.

Е.П. выслушал предложение и сказал, что он как министр должен поддерживать прогрессивные предложения, если они продвигают нас вперед. Если есть альтернативное предложение, то следует сделать образцы новой системы и провести сравнительные испытания старой и новой. Менять же технику по команде без тщательных исследований и учета всех обстоятельств не следует. Так была предотвращена возможность конфликта между несколькими институтами, разрабатывающими вооружение.

Е.П. многократно демонстрировал уважительное, бережное отношение к ученым и науке, поддерживал ученых и оказывал им помощь, отвергал командный метод в науке, лично вмешивался, если возникал конфликт между руководством и учеными. Е.П. говорил: "Сейчас в моем Министерстве своя академия наук: академиков - 24, докторов наук - 670 и кандидатов - 4500 человек. Героев Социалистического Труда - 25. Грандиознейшее хозяйство! И основа всего - Игорь Васильевич Курчатов. Он - фундамент всему! Вот Харитон Юлий Борисович, он был главным в "конструкции". Главные теоретические расчеты по оружию выполняли Зельдович и Сахаров...". Ефим Павлович безгранично верил в науку, которую олицетворяли Игорь Васильевич Курчатов, Юлий Борисович Харитон и другие выдающиеся ученые, которые уже закончили свой жизненный путь. На смену пришли новые ученые и руководители, настали новые времена. Выбрать правильное направление, не ошибиться, отвечать за все, не растерять то, чего достигли, сохранить традиции и стиль работы - это обязанность молодых. Стремясь к лучшему, не натворить худшего, писал Харитон. Молодые ученые, будьте бдительны! Нужно помнить, что, создавая ядерное оружие и ядерную энергетику, мы не имеем право на ошибки.

ВЗАИМНАЯ ПОМОЩЬ

Министерство среднего машиностроения со временем стало обладать большими научными и производственными возможностями и Е.П. считал необходимым оказывать помощь другим министерствам и народному хозяйству. Так Министерство среднего машиностроения выпускало большое количество удобрений для сельского хозяйства, добывало высококачественное золото, разрабатывало и выпускало уникальные изделия для медицины, оказывало помощь в строительстве, возводило сооружения в Москве к Олимпийским играм, проводило множество других работ.

Я был свидетелем, когда министр Общего машиностроения Сергей Александрович Афанасьев обратился с просьбой выполнить некоторые разработки в интересах ракетной техники, Е.П. сразу же согласился, считая, что Министерства среднего и общего машиностроения делают общее дело.

Для укрепления оборонной мощи страны была выполнена работа по существенному увеличению стойкости пусковых установок (ПУ) межконтинентальных баллистических ракет к поражающему действию ядерных взрывов, по увеличению стойкости систем управления (СУ) ракет к воздействию проникающих излучений ядерных взрывов. Уже прошло несколько десятилетий, как эти установки были разработаны, серийно изготовлены и вошли в состав ПУ и СУ ракет, и хорошо себя зарекомендовали.

По заданию С.А. Афанасьева были проведены исследования по космической рентгеновской локации, повышению безопасности взрывных устройств, применяемых в современных ракетах, и другие работы.

Еще один пример. В 1968 г. Е.П. поручил нашему институту совместно с институтом, занимающимся разведкой урана, разработать установку для нейтронного каротажа урановых месторождений. Это поручение было выполнено. Были разработаны и изготовлены специальные, импульсные нейтронные генераторы и каротажные установки. Опытная эксплуатация установок дала положительные результаты. Мы выполнили также поручение Е.П. по разработке частотных нейтронных генераторов, используемых для исследований атомных реакторов различного назначения и анализа атомного состава различных веществ, а также каротажа нефти.

В первые годы МСМ не могло вести у себя все разработки и изготовление всех неядерных компонентов ядерного оружия. Одним из таких вопросов была разработка и изготовление специальных электровакуумных приборов и высоковольтных элементов. Несколько институтов МЭП (тогда МПСС) были привлечены к выпуску первых образцов высоковольтных элементов и электровакуумных приборов, разработанных в МСМ.

Шло время, увеличивалось количество типов приборов и росла потребность в их производстве. Стал вопрос о передаче разработок и производства в МСМ. Е.П. проявила в этом вопросе полное понимание и добился своевременной передачи разработок и организации их производства в МСМ. Трудно даже себе представить, что было бы теперь, если бы разработки этих основных компонентов остались в МЭП. Это министерство было ликвидировано, а некоторые институты распались.

ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ

Е.П. уделялось большое внимание безопасности разнообразных, часто опасных, работ, проводимых Министерством. Так, потребовались срочные мероприятия для обеспечения безопасности добычи и переработки радиоактивных и токсичных веществ и исключения вредных воздействий проникающих излучений на персонал.

Когда возникла проблема захоронения отходов, был разработан эффективный способ захоронения радиоактивных отходов, исключающий загрязнение окружающей среды.

Много вопросов по безопасности возникло в связи со строительством и эксплуатацией атомных электростанций. Здесь еще есть проблемы, которые решаются.

Особенные трудности, связанные с безопасностью, пришлось преодолевать при разработке, производстве, испытаниях и эксплуатации ядерного оружия. Применение мощных взрывчатых веществ в ядерных зарядах требовало исключения несанкционированных взрывов, в первую очередь, за счет чувствительности детонаторов. В случае синхронного взрыва детонаторов имела вероятность полномасштабного ядерного взрыва. Если при аварии происходил одноточечный взрыв или сгорал заряд, то распыленный плутоний заражал значительную территорию и воздушное пространство. Меры предотвращения необходимо было принимать не только для нормальных условий эксплуатации, но и в условиях различных аварийных воздействий, включая пожар. И был разработан комплекс схемных и конструктивных мероприятий, чтобы исключить несанкционированные взрывы, а также организационных мер по исключению аварий с ядерными боеприпасами.

Одним из сложных мероприятий по повышению безопасности ядерных боеприпасов была разработка электродетонаторов без первичных взрывчатых веществ. Ефим Павлович около четырех десятилетий тому назад издал приказ, запрещающий применять электродетонаторы с иницирующими взрывчатыми веществами в ядерных зарядах и при проведении экспериментальных и испытательных работ. С этого момента была исключена потенциальная опасность взрыва детонаторов от пожаров и электрических зарядов на одежде операторов, различных электрических наводок и даже подключения в осветительную сеть. Это мероприятие было одним из важнейших для обеспечения безопасности изделий, в которые входили взрывчатые вещества, и при проведении взрывных экспериментов и испытаний.

Были проведены и другие мероприятия по повышению безопасности ядерного оружия, в том числе создание автоматики, которая при любых аварийных воздействиях не может

выработать подрывной импульс. Обеспечение безопасности ядерного оружия на всех этапах его жизненного цикла остается основной задачей.

Чувство гордости испытываем мы, глядя на грандиозные свершения, достигнутые трудом коллективов, предприятий и институтов Минатома в освоении энергии атома и создании мощной индустрии. Все это выполнено под руководством выдающихся ученых и руководителей, великанов духа. Девять лучших из них были трижды удостоены звания Героя Социалистического труда.

26 октября 1988 года Ефиму Павловичу исполнилось 90 лет. Юлий Борисович Харитон и я поехали поздравить его домой на ул. Воровского. Он принял нас с радостью, был бодр и весел.

За столом начался интересный разговор. Вспомнили Игоря Васильевича, определившего развитие атомной науки и техники, и его безвременную кончину. Ефим Павлович обнял Юлиа Борисовича, прижал к груди, расцеловал и поблагодарил за совместный труд, дружбу и верность. Это была последняя встреча атомных титанов.

Особое место в создании атомной индустрии принадлежит богатырю земли русской Ефиму Павловичу Славскому - трижды Герою Социалистического Труда, награжденного десятью орденами Ленина, лауреату Ленинской и Государственных премий, герою Гражданской войны, который возглавлял Министерство в период расцвета и наибольших свершений.

Память об этом легендарном человеке-созидателе сохранится навсегда.

МЯГКИЙ ДИРИЖЕР

*Хализева М.Е., редактор газеты "Курчатовец"
Российского научного центра «Курчатовский институт».*

Высок, хорошо сложен, лицо одухотворенное, глаза живые, в беседе почтителен, в публичных выступлениях логичен, умело сочетает серьезность мысли с легким юмором. Добавим к этому благородство, верность делу и друзьям, интеллигентность и получим портрет одного из ярких представителей курчатовской цивилизации - Виктора Алексеевича Сидоренко, члена. корреспондента РАН, директора Центра по научному развитию.

РУБЕЖ

Он появился в Институте атомной энергии в 1952 году студентом-дипломником Московского энергетического института и первые практические уроки получил на 37-м объекте у В.В. Гончарова. Опытный Владимир Владимирович оценил потенциальные возможности молодого специалиста, которого сразу после защиты диплома по специальности "проектирование и эксплуатация физических приборов и установок" оформили в ЛИПАН старшим лаборантом. Пройдет еще несколько лет, прежде чем он приступит к главному делу своей жизни - разработке энергетических атомных реакторов водо-водяного типа.

В середине 50-х годов на установке МР была организована немногочисленная группа экспериментальных исследований, руководителем которой стал Сергей Александрович Скворцов, а ведущим инженером - Виктор Алексеевич Сидоренко. Это был период становления теории и практики водо-водяных реакторов в СССР. Не хватало знаний, а те, которые добывались с трудом, не сразу воплощались в хорошо аргументированные проекты. В.А. Сидоренко и работавшие с ним инженеры главные силы бросили на освоение уже существующих методик нейтронно-физических и теплотехнических расчетов активной зоны водо-водяных реакторов, уточняли их и создавали новые.

Одновременно шло развитие технологии реакторов этого типа. Виктору Алексеевичу удалось усовершенствовать методологию и на практике решить проблему надежного расхолаживания реакторов большой мощности при возникновении аварии, например, при полном обесточивании АЭС. Решение этой задачи позволило создать дополнительный автономный источник электроэнергии для первых нескольких десятков секунд аварийного расхолаживания реактора.

На своих плечах вынес он все тяготы научного руководителя энергопуска Ново-Воронежской АЭС, строительство которой началось в середине 50-х годов на берегу Дона в 50 километрах от Воронежа.

В.А. Сидоренко появился на станции еще во время монтажа оборудования. Эксплуатационный персонал встретил его как одного из многих инженеров, участвовавших в энергопуске. Однако вскоре все увидели, что он знает реактор лучше любого сотрудника по эксплуатации и способен успешно решать и распутывать самые трудные случаи (а их при пуске первого реактора возникало великое множество). В конце концов, все узловые вопросы, связанные с пуском и первым периодом эксплуатации реактора, стали решаться только с участием В.А. Сидоренко.

30 сентября 1964 года станция была впервые включена в электрическую сеть Воронежэнерго и стала давать ток потребителям. Ее электрическая мощность составляла 210 тысяч киловатт - больше, чем мощность всех электростанций, включенных в систему ГОЭЛРО. Гигантская сила в одной "кастрюле". Это была победа. Но немногие знают, какой труд стоял за ней. Руководителям Курчатовского института - И.В. Курчатову и В.В. Гончарову - нужно было обладать и гражданским мужеством, и даром научно-технического предвидения, чтобы не останавливаться даже тогда, когда в высших эшелонах власти прекращали сооружение станции и изготовление оборудования, когда испытания отдельных узлов, определяющих работоспособность АЭС, давали, казалось бы, катастрофические результаты. Для В.А. Сидоренко это была хорошая школа. Таких, как он, одержимых, трудно было остановить, искали решения, и смело шли на переделки.

В 1967 году за создание, пуск и ввод в эксплуатацию первого водо-водяного энергетического реактора на Ново-Воронежской атомной станции Виктор Алексеевич получил Государственную премию. За ВВЭР-210 последовали ВВЭР-440, ВВЭР-1000 и вторая Государственная премия (1983 год). Уже 49 блоков с реактором водо-водяного типа включены в энергетическую сеть России, стран СНГ и восточно-европейских стран. Но первый всегда будет первым.

Тот сентябрьский день 64-го поделил жизнь В.А. на две части: до пуска, который он встретил 35-летним, и после пуска, с момента которого прошло тоже 35 лет.

35+35 "Магия цифр". И трудно сказать, какая из двух равных частей его жизни сильнее по воздействию на энергетику страны.

ШКОЛА НАУЧНОГО РУКОВОДСТВА

После пуска началась планомерная работа по изучению процессов в водо-водяных реакторах. В.А. Сидоренко руководил лабораторией, в которой сосредоточивался весь опыт в области их проектирования, сооружения и эксплуатации. Накопленные знания позволили Виктору Алексеевичу и его сотрудникам выполнить проектные разработки блоков мощностью 440 мегаватт, обеспечивших первый этап расширенного применения более экономически эффективных конкурентоспособных АЭС. Дальнейшие исследования доказали возможность повышения мощности серийного блока ВВЭР-440 более чем в два раза при тех же размерах корпуса. Это значительно уменьшило стоимость сооружения и себестоимость электроэнергии, вырабатываемой водо-водяными реакторами. Его научная и инженерная мысль стремилась к ВВЭР-1000 и материализовалась в пятом блоке все той же Ново-Воронежской АЭС в 1980 году.

Вокруг Сидоренко формировалась школа научного руководства пуском и освоением сооружаемых станций. Работы коллектива, которым он руководил, способствовали внедрению в промышленную энергетику страны новых поколений реакторов ВВЭР, соответствующих современному мировому уровню.

Г.Л. Лунин о В.А. Сидоренко: "Что я ценю в нем больше всего - умение правильно, мягко поставить задачу, четко ее сформулировать и дать направление дальнейшего развития.

Я часто сравниваю стиль работы В.А. с тем, как рисуют дети, которые простыми способами преобразовывают чистый лист бумаги. В центре у них всегда находится дом, возле дома сад с деревьями. А дальше они непременно обносят этот пейзаж забором, методично вырисовывая колышек за колышком.

Точно также строит свою работу Сидоренко. В многообразии вещей, которые окружают проблему, он видит главную ось. И потом на эту ось нанизывает другие важные элементы конструкции, шаг за шагом "вбивая" новые и новые колышки. Для него этой осью была и остается надежность, безопасность атомных станций".

Кстати, этому вопросу посвящена диссертация Виктора Алексеевича, которую он защитил в начале 60-х годов, получив ученую степень кандидата технических наук. И докторская (1973 год) тоже на эту тему. По сути, В.А. Сидоренко разработал научные основы проблемы безопасности эксплуатации ВВЭР, развил и внедрил в практику новый подход к вопросам ядерной безопасности. Его многолетние исследования по этой проблеме изложены в монографии "Вопросы безопасной работы реакторов ВВЭР", опубликованной в 1977 году и ставшей настольной книгой специалистов.

ДИРЕКТОР ОТДЕЛЕНИЯ

В начале 70-х годов темпы строительства АЭС нарастают. ВВЭРы поступают в серийное производство и уже используются не только в нашей стране, но и за ее пределами. Вводятся первые блоки атомной станции "Норд" в ГДР и "Козлодуй" в Болгарии. Осваиваются новые реакторные направления.

Ввод в строй первого блока Ленинградской АЭС, созданной на основе канального реактора РБМК электрической мощностью 1 миллион киловатт, положил начало крупной серии атомных электростанций, сооружаемых в Европейской части СССР. В отделе Н.Н. Пономарева-Степного разрабатываются высокотемпературные газовые реакторы, представляющие одно из перспективных направлений будущей атомной энергетики.

Всем этим беспокойным разрастающимся хозяйством, объединенным в 1974 году в Отделение ядерных реакторов, руководил А.П. Александров. Виктор Алексеевич был его заместителем по научной работе, а с 1976 года - директором Отделения.

Кандидатом на должность директора ОтЯР был не один Сидоренко. Предлагалось сразу несколько человек - с широкой эрудицией, последовательных в решении научно-технических проблем, способных привести коллектив к поставленной цели. Кандидатуры, как принято было тогда, обсуждались на административном, партийном, профсоюзном уровнях и, конечно, в частных беседах. Анатолий Петрович терпеливо выслушивал различные точки зрения, но решение всегда принимал самостоятельно, особенно кадровые. На этой работе должен быть человек, который умеет забивать гвозди", - сказал он. Что вкладывал А.П. в это понятие. Очевидно, простую вещь - практическую жилку, которой должен обладать руководитель большого коллектива, нацеленного на выполнение уже намеченной широкой программы строительства атомных станций в Европейской части СССР. Из многих сильных личностей А.П. выбрал Сидоренко - ученого-практика, способного из каждого научного вывода немедленно произвести техническое следствие.

Что может объединить научный коллектив? Единство научных целей? А они вытекали из узловых проблем реакторной науки и техники. В.А. Сидоренко выделил четыре важнейших направления: физика активных зон, безопасность ядерных реакторов, комплексное решение вопросов атомных энергетических установок и совершенствование топливных циклов. Определившись в задачах, директор начал планомерно разрабатывать единые подходы, единые методики, производя "перекрестное опыление" научных отделов.

Разработки ОтЯР, по мере перехода из стадии научной в стадию инженерных проработок, требовали вовлечения огромного количества научных, проектных и строительных организаций. И здесь во всей полноте раскрылась другая особенность характера В.А. - мягкого дирижера (по меткому определению Г.Л. Лунина). Дирижировал он без надрыва, без эмоциональных срывов на подчиненных. Вовлекал в свою орбиту людей дела, на которых можно опереться. Кого-то держал на длинном поводке, кого-то на коротком, но всегда в поле зрения. Все это вкупе обеспечивало эффективное решение научно-технических задач. А оценкой труда коллектива, которым он руководил, была быстрорастущая энерговооруженность страны.

ПОЛИТИКА ПРОТИВ ЭКОНОМИКИ

Но случались в дороге и ненастья. Опыт по созданию водо-водяных реакторов позволил выдвинуть идею атомных станций теплоснабжения. Пар или горячую воду нельзя перебросить на сотни километров так, как электроэнергию. Поэтому "ядерная котельная" должна находиться вблизи жилого массива, который она снабжает теплом. Это, естественно, увеличивало требования безопасности атомного реактора. Но Сидоренко - научный руководитель проекта - не был бы самим собой, если бы не предпринял вместе с коллективом разработчиков соответствующих мер, повышающих безопасность. Были резко упрощены схемы реакторной установки, снижены ее параметры, введены системы трех последовательных контуров теплопередачи, изолирующих потребителя тепла от источника радиоактивности. И головную опытно-промышленную станцию атомного теплоснабжения начали строить в конце 80-х годов в Горьком, нынешнем Нижнем Новгороде. Она, можно сказать, была уже на выданье. Но тут в науку и экономику вмешалась политика. Оголтелая антиядерная позиция Бориса Немцова, в те годы старшего научного сотрудника НИРФ, члена общественной комиссии по контролю за строительством АСТ, была поддержана администрацией и частью населения Нижнего Новгорода. Строительство прекратилось. Теперь это сложнейшее техническое сооружение, в которое вложено около миллиарда долларов, превратилось в... склад винной продукции. Такое расточительство научных и финансовых ресурсов ничего, кроме боли, не вызывает.

ПО ЛЕСТНИЦЕ, ИДУЩЕЙ ВВЕРХ

В.А. Сидоренко сыграл центральную роль в создании и становлении в стране системы государственного регулирования безопасности и обеспечил, будучи первым заместителем председателя Госатомнадзора СССР, научную поддержку этой деятельности, создав в ГАНе научно-технический центр ядерной и радиационной безопасности.

Это был 1984 год. А через два года грянул Чернобыль. Председатель ГАН В.А. Кулов накануне аварии попал в больницу и функции руководителя Госатомнадзора, который играл роль независимого эксперта в оценке аварийной ситуации, взял на себя В.А. Сидоренко. "Многие запомнили, - говорит В.Г. Асмолов, - емкие слова Виктора Алексеевича, которыми он определил причину аварии на ЧАЭС: "Человек допустил, а реактор позволил". Более точного определения я не слышал". Кстати, тогда по инициативе В.А. была востребована созданная в 1984 году группой специалистов Курчатовского института программа исследований в области безопасности, которая в модифицированном виде стала претворяться в жизнь.

После аварии на ЧАЭС при генеральном директорате МАГАТЭ создается международная группа советников по ядерной безопасности. Двенадцать экспертов высшей квалификации получили приглашение в Вену для выработки критериев, философии безопасности. В их числе В.А. Сидоренко. Эта работа завершилась созданием восьми фундаментальных документов, сформулировавших и развивших основные принципы и подходы в обеспечении безопасности атомных станций во всем мире.

УЙТИ, ЧТОБЫ ВЕРНУТЬСЯ

Чернобыль черной полосой прошелся по жизни каждого ученого-ядерщика. В.А. тяжело переживал этот удар. Больше десяти лет прошло - бурных, стремительных, характеризующихся сменой карьерного амплуа (зампредседателя ГАН, эксперт МАГАТЭ, первый замминистра по атомной энергии, директор Курчатовского института по научному развитию), но душевная боль не затягивается.

Авария на Чернобыльской АЭС была потрясением не только для ядерно-энергетической отрасли, но и для общества, которое мучительно осуществляло переход из одной системы общественных отношений в другую. В той, тоталитарной системе была жесткая структура управления ядерной энергетикой. Сегодня как таковой ее нет. Взамен разрушенных связей ничего не создано. "Эра немого кино закончилась, а звукового не началась". И в таком стагнирующем состоянии ядерная энергетика пребывает по сей день. В.А. Сидоренко, как истинного патриота ядерно-энергетической отрасли, это не может не тревожить. Будучи

замминистра, он пытался повлиять на ситуацию. Но схватка была неравной и закончилась для В.А. инфарктом.

В октябре 1997 года Виктор Алексеевич вернулся в Курчатовский институт - в родной дом, который сам же и строил. Причем строил даже тогда, когда находился на расстоянии от него. Уходя в ГАН, он создал в Курчатовском институте отдел безопасности атомной энергетики и оставался его руководителем. Позже на базе этого отдела вырос Институт проблем безопасного использования ядерной энергии, которым сегодня руководит его ученик - В.Г. Асмолов. Исследования по проблемам безопасности, проводимые в ИПБИЯЭ, получили международное признание. Отраслевой семинар по безопасности АЭС под председательством В.А. Сидоренко живет второй десяток лет.

Здесь у него дом (всю жизнь жил на Качалова, а теперь переехал на Расплетина), работа, коллеги, друзья и, признаться, они ждали Виктора Алексеевича. Ждали его появления именно в этой роли - директора по научному развитию. Оркестру, в котором каждый из музыкантов способен самостоятельно выводить сложные мелодии, нужен человек с абсолютным слухом, обладающий даром гармонии. Одним словом, нужен мягкий дирижер.

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК ВЛАДИМИР КАРПОВИЧ ПИКАЛОВ

*Дьяченко А.А., Жуков Г.А., Ильин Л.Н.,
Чирков М.А., Додонов Е.Н.*

Более 40 тысяч кубанцев приняли участие в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы, вспоминает А.А. Дьяченко.

Были среди них труженики предприятий, колхозов, представители научных коллективов, кадровые и призванные из запаса военнослужащие.

Кубанцы честно и добросовестно выполнили свой долг, так же, как и их отцы, и деды в Великой Отечественной войне.

Раскроем подвиг кубанцев на примере одного из них, в котором, как в зеркале, отражается великий и многострадальный народ нашей Родины.

Кубанская земля вырастила немало военачальников, которые своим мужеством, профессиональным мастерством в военное время и в послевоенный период вписали яркую страницу в историю нашей Родины. Один из них - активный участник локализации и ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, начальник химических войск МО генерал-полковник Пикалов Владимир Карпович.

Его биография типична для нашей страны.

Родился в г. Армавире. Отец принимал активное участие в первой мировой войне на Турецкой границе, а в гражданскую - в составе Таманской дивизии дошел до Царицына.

Г.А. Жуков так описывает это время:

Рабочая семья, натруженные руки –
С отцом Иваном десять мужиков.
Держать бы крепко поручни на плуге,
Да приближался фронт из беляков.
Не стали ждать райкомовских сигналов –
По зову сердца, совести своей
Явился в красный штаб Иван Пикалов,
А рядом с ним - пять взрослых сыновей.
В атаку шли громить врага нещадно
И падали, кровавый метя след.
Пришли с войны три сына лишь обратно,
Троих Пикаловых с войны гражданской нет
За Родину свою, за власть Советов
В бою Иван Пикалов жизнь отдал
И, падая с коня, как эстафету,
Любовь сынам к Отчизне передал.

Владимир Карпович родился 15 сентября 1924 г. в г. Армавир Краснодарского края. Великую Отечественную Владимир, сын красного командира периода гражданской войны, встретил курсантом 1-го Ростовского артиллерийского училища. Кстати, стал он курсантом в порядке исключения: тогда, летом 41-го, ему не было и семнадцати. С февраля 42 года лейтенант Пикалов в действующей армии.

В годы войны Владимир Карпович служил артиллеристом: командир взвода управления 584 истребительно-противотанкового полка, заместитель командира батареи на Западном фронте; в 1944- 45 гг. командир батареи и офицер разведки гаубичного артполка РГК на 2-м Белорусском фронте. За мужество и боевые отличия, проявленные в годы Великой Отечественной войны, награжден рядом медалей и орденами: Отечественной войны I ст. и Красной звезды.

Курсантом училища осенью 1941 года он встретил немецко-фашистских захватчиков у стен Ростова. Обороняя его, отступал и снова освобождал город на Дону. Командиром батареи участвовал в боях в Белоруссии, в Германии. Незадолго до победы был ранен и отправлен в глубокий тыл - госпиталь в г. Сочи.

Зажили раны. Кончилась война.
И раны сердца заживали,
Когда Владимиру родные имена
Внезапно в письмах оживали.
Владимир Карпович такое пережил.
Отец писал, что жив остался,
Что ради битвы раны победил
И в партизанах в Чехии сражался.
Да, ликовала Родина вокруг,
И радости Победы нет предела.
Но все же туча из военных вьюг
Над миром бомбой атомной висела.
И верно рассудил тогда Пикалов:
Военным защищать страну свою.
И только мать тихонечко шептала:
«Володя вновь в строю, словно в бою».

После войны В. Пикалов решает окончательно посвятить себя военной службе и поступает слушателем в Военную академию химической защиты. В 1952 году заканчивает командно-инженерный факультет ВАХЗ им. Ворошилова и убывает служить на должность начальника химической службы дивизии в ПрибВО. В 1954-1960 гг. проходит службу на должности старшего офицера по боевой подготовке ПрибВО. За усердие и старание, проявленные Владимиром Карповичем при исполнении служебных обязанностей, в 1960 г. он назначается заместителем начальника химических войск ПрибВО. С 1962 по 1966 гг. исполняет обязанности начальника химических войск. В 1965 году ему присвоено воинское звание генерал-майор.

Для дальнейшего продвижения по службе Владимир Карпович проходит обучение в Военной академии Генерального штаба. После ее окончания получает диплом с отличием и золотой медалью и назначается на должность заместителя начальника ВАХЗ по учебной и научной работе. В процессе службы усиленно работает над диссертацией и защищает ее.

В 1969 г. назначается начальником химических войск МО СССР - член Военного Совета Сухопутных войск. Через год ему присваивается воинское звание генерал-лейтенант, а в 1975 г. - генерал-полковник.

Руководству химическими войсками генерал-полковник Пикалов посвятил более 18 лет. За эти годы в химических войсках произошли глубокие оперативно-тактические изменения, достигнуты огромные успехи в военно-химической науке, зарождались новые части и были реорганизованы существующие в целях повышения их боевых возможностей.

В послевоенные годы служба генерал-полковника В. Пикалова была отмечена правительственными наградами, в том числе он награжден орденами Ленина, Красного знамени

(вторым), Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, Полярная звезда (Монгольской республики); лауреат Государственной премии.

Весть об аварии на Чернобыльской АЭС застала генерал-полковника В. Пикалова в Прикарпатском военном округе, на плановых учебных сборах руководящего состава МО СССР. Утро. Звонок из Генерального штаба Маршала Советского Союза С.Ф. Ахромеева: «Владимир Карпович! В Чернобыле авария. Полагаем, Вам необходимо там быть...».

В течение нескольких минут поднимается по тревоге мобильный отряд, отданы необходимые указания по химическим войскам и - в самолет.

Припятъ, куда прибыл генерал-полковник В. Пикалов, где с каждым часом в напряженную работу включались новые специалисты, тоже жила большой тревогой. Попросив установить в одном из кабинетов горкома партии стол с аппаратурой связи, Владимир Карпович решил лично провести разведку радиационной обстановки.

В распоряжении В.К. Пикалова оказались четыре дозора. Один из них стал оперативным, второй - резервным, третий дозор был дублирующим и одновременно выполнял функции ретранслятора, четвертый стал пунктом сбора информации для председателя Правительственной комиссии.

Для максимального снижения числа переоблученных В.К. Пикалов сам, с механиком-водителем казахом, в разведывательной машине РХМ «Кашалот» отправились в разведку. Пройти по всем дорогам вокруг АЭС не удалось, т.к. на западной стороне путь преградила траншея, прорытая накануне. Кроме того, пришлось таранить запертые ворота.

Разведку вынуждены были вести двумя путями. Наиболее благоприятные подходы к четвертому блоку оказались с восточной стороны, а наиболее опасные - с южной и западной, где уровни радиации оказались от 300 до 2200-2300 Р/ч. На северной дороге они были от 13 Р/ч до 140 Р/ч, на восточной - до 5 Р/ч.

Было принято решение все силы и средства для ликвидации последствий аварии вводить на станцию с восточной и, в крайнем случае, с северной стороны. Четвертый блок оказался с северной стороны полностью разрушенным, а выброс активности произошел в северо-западном направлении.

В район катастрофы была направлена отдельная рота радиационной и химической разведки КВО, которая также включилась в работу.

Между 7 и 8 часами утра 27 апреля 1986 г. была разработана первая подготовленная воинами-химиками карта радиационной обстановки в районе ЧАЭС. Она позволила дать обоснованные предложения по эвакуации населения г. Припяти. Б.Е. Щербина собрал руководителей АЭС, актив г. Припяти и объявил, что в 14.00 ч. начнется эвакуация.

В последствии ведение карты радиационной обстановки и подготовка отчетных карт стали системой.

По указанию В.К. Пикалова для координации и организации работ была сформирована оперативная группа в составе контр-адмирала В.А. Владимирова, генерал-майора В.С. Кавунова, капитана 1 ранга Ю.А. Тимошкина, полковника В.П. Кузьмичева, капитана 2 ранга Е.М. Волкова, подполковника Н.П. Андреева, В.А. Петрайтиса, А.И. Баженова, А.И. Микиша.

Встала задача определения масштаба и характера радиоактивного загрязнения, а также установления величины суточного выброса из 4-го энергоблока.

Путем воздушной радиационной разведки на вертолетах удалось ориентировочно оценить площадь загрязнения и направление распространения продуктов горения из разрушенного реактора.

Это дало возможность начать наземную радиационную разведку по выбранным направлениям двенадцатью дозорами роты РХР КВО и двумя дозорами мобильного отряда.

Два дозора по воздуху были переброшены на левый берег Припяти.

Выявились первые очаги загрязнения радиоактивными веществами. Одновременно оказалось, что несколько вертолетов попали в шлейф радиоактивных выбросов и сами стали фоновыми источниками излучения, т.е. не годились для дальнейшей воздушной радиационной разведки. Дозоры, действующие на земле, докладывали по радио и по прибытии.

В целом радиационную обстановку в районе станции и в 60-км зоне удалось выявить за трое суток.

Одной из важнейших задач, решенных химическими войсками во взаимодействии с авиацией, было установление суточного выброса активности из кратера 4-го энергоблока. С этой целью начальником химических войск была спланирована, а вертолетчиками с химиками-разведчиками на борту проведена операция, получившая название «Крест». В ходе ее было проведено 70 вертолето-вылетов. По общей команде все вертолеты забирали пробы воздуха по оси с подветренной стороны на удалении от 13 до 3 км от АЭС и по нормали к оси на удалении 3,9 км на высотах от 25 м до 2 км. Это позволило правильно спрогнозировать выпадение радионуклидов в удаленных районах.

К исходу 27.04.86 г. оперативная группа по данным воздушной и наземной радиационной разведки района катастрофы провела анализ радиационной обстановки и нанесла на карту границы зон радиоактивного загрязнения (изодозовые линии), соответствующие степеням опасности для населения. Это позволило Правительственной комиссии оценить складывающуюся обстановку в районе аварии.

С 29.04.86 г., после прибытия основных сил мобильного отряда химических войск МО СССР, было увеличено количество маршрутов разведки, которая стала проводиться более детально. Ранее действующие дозоры использовали для защиты экипажей от облучения свинцовые листы, которые поступали для сброса в разрушенный реактор. Прибывшие разведывательные машины РХМ, имеющие повышенный коэффициент защиты от излучения, позволили провести практически первые, наиболее сложные и опасные измерения в районе АЭС в начальный период.

Для того чтобы реально оценить состояние разрушенного реактора и обеспечить подход к нему, в первую очередь, было необходимо расчистить проходы к поврежденному энергоблоку, убрать выброшенные в результате взрыва застывшие массы отработанного топлива, обломки ТВЭЛов, куски графитовой кладки и радиоактивных элементов конструкций. Химики-разведчики выявили загрязненность радиоактивными веществами, а воины инженерных войск на инженерных машинах разграждения с дополнительной защитой расчищали проходы.

В целях улучшения координации работ по радиационному контролю 29.04.86 г. было принято решение Правительственной комиссии о возложении задач по этому направлению на начальника химических войск Министерства обороны СССР. Впоследствии границы разведки были расширены в радиусе до 60-км.

Тем временем в кратчайший срок, по предложению начальника химических войск В.К. Пикалова, решением начальника Генерального штаба были сформированы и начали прибывать в район катастрофы две бригады химической защиты, семь полков и три отдельных батальона химической защиты, начали работу мобильный отряд ликвидации последствий, отдельная рота химиков-дозиметристов, образовался отдельный ремонтно-восстановительный батальон средств химической защиты и химический склад. Кроме того, для подготовки резерва и замены личного состава, получившего предельно допустимые дозы облучения, предусматривалось создание трех учебных батальонов.

Комплектование частей личным составом осуществлялось за счет офицеров, солдат и сержантов кадра, но главным образом из специалистов, призванных из запаса. Вооружение и техника поступала с войсками и отдельно из военных округов.

4 мая в Чернобыль прибыли почти все члены Политбюро. Совещание проходило в населенном пункте Зеленый мыс. Было предложено послушать В.К. Пикалова, который докладывал в течение 35 минут и предложил остановить работу станции, эвакуировать население из районов, где загрязнение выше 10 Ки/км^2 , не проводить дезактивацию населенных пунктов до закрытия четвертого энергоблока, максимально сократить количество войск в зоне, разработать технологию дезактивационных работ. Главным выводом было, что станции пришел конец. Данное сообщение было, мягко говоря, весьма неожиданным для присутствующих. И руководство вместо семи лет, предложенных для осуществления ликвидационных работ, потребовало уложиться в семь месяцев. Последующая практика расставила все по своим местам.

В начале июня 1986 г. начальник химических войск МО поставил перед оперативной группой в Чернобыле задачу по сбору проб зараженного грунта на территории станции, а затем и в подвергшихся загрязнению населенных пунктах. Эту работу в течение месяца выполняли химические разведывательные дозоры.

Ежедневно в 7.00 машина выезжала в контрольные точки вокруг станции и пруда-охладителя. У каждой отметки приходилось забирать в металлический стакан пробу грунта, помещать ее в пакет с соответствующей маркировкой. Таких точек было несколько десятков.

Затем работа переместилась в загрязненные населенные пункты. В каждом из них пробы забирались в четырех точках, в центре, в 100 м на север и на таком же расстоянии от первого под углом 120°.

Пробы доставлялись в специальное место в Чернобыле, а затем переправлялись самолетами для анализа в лабораторию Семипалатинского полигона.

Таким образом, у начальника химических войск сформировалась картина загрязнения растительности, грунта и воды, отражающая динамику проникновения активности в глубину. Полученные данные сопоставлялись с подобной информацией Госкомгидромета.

К середине мая вырисовался и обозначился круг задач, которые были возложены на химические войска:

- воздушная радиационная разведка территории АЭС и местности с отбором проб воздуха, грунта, растительности и воды;
- наземная радиационная разведка территории и объектов АЭС, местности, населенных пунктов, маршрутов движения войск и подвоза материальных средств, отбор и анализ проб грунта, растительности и воды;
- дозиметрический контроль облучения и загрязнения личного состава, загрязнения техники;
- локализация радиоактивных загрязнений на территории АЭС, в населенных пунктах и на дорогах;
- дезактивация внутренних и наружных поверхностей зданий и сооружений АЭС и населенных пунктов;
- дезактивация территории АЭС, местности и населенных пунктов, дорог;
- дезактивация техники, обмундирования, спецодежды, средств защиты и санитарная обработка личного состава;
- сбор, временное хранение, транспортировка и захоронение радиоактивных отходов;
- обеспечение войск средствами защиты, приборами радиационной разведки и дезактивирующими веществами.

Таким образом, на химические войска, кроме традиционных, было возложено и выполнение ряда специфических, не свойственных им задач.

Эти задачи соединения и части химических войск решали в тесном взаимодействии с Гражданской обороной, Госкомгидрометом, Госагропромом и Минздравом страны.

Однако главенствующую роль в деле ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС продолжали играть химические войска под руководством В.К. Пикалова.

С лета 1986 г. начал функционировать Научный центр МО, начальниками которого и основными специалистами были представители химических войск.

В.К. Пикалов постоянно держал руку на пульсе работ в Чернобыле. В конце мая он посылает одного из нас посмотреть на месте, как оборудуются и начинают работать в намеченных им местах пункты специальной обработки.

Научный центр постоянно разрабатывал методики действий личного состава Вооруженных Сил при выполнении вновь возникающих работ.

Только перечисление их может занять не одну страницу.

Это дезактивация 3-го энергоблока, очистка крыши, обеззараживание населенных пунктов, работа в «Рыжем лесу», строительство тоннеля и еще множество рекомендаций.

Уже в июне 1987 г. на Пленуме Научного центра специалисты предложили то, что сейчас в декабре 2000 г. сделали с ЧАЭС. Закрыть ее и превратить в полигон для исследований. Хотя теперь это с точки зрения безопасности не так уж и нужно.

Тогда, для предотвращения «растаскивания» радиоактивного заражения из-за человеческой деятельности на АЭС, это было целесообразно.

Владимир Карпович искал и вместе с учеными химических войск находил многие решения работ, большинство из которых было востребовано впервые.

Например, оказалось что в условиях загрязнения всего района, дезактивация отдельных «пятачков» - деревень из-за ветровых переносов и самой этой деятельности бесперспективна.

Снятие 15-сантиметрового слоя грунта губит почву. Если и проводить эти работы, то начало их должно быть через 5...6 месяцев, когда спадут высокие уровни радиации.

Объем работ по дезактивации этих 1000 населенных пунктов потребовал бы 12 млн. чел.-дней, т.е. работы 10...15-тыс. группировки в течение 10... 15 лет.

Особо следует выделить возникшую на первом этапе, проблему сбора высокоактивных осколков.

Для их удаления был проведен в Чернобыле большой объем работ по дооборудованию техники. Она эксплуатировалась круглосуточно сменными экипажами общей численностью до 6 тыс. человек. К сентябрю пришлось заменить почти половину личного состава как получившего дозы более 25 бэр.

Для ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС было привлечено более 10 тыс. единиц инженерной, строительной, войск РХБ защиты техники и автомобильного транспорта. Все это необходимо было дезактивировать. О напряженности работ говорят цифры: в среднем на каждом пункте ежедневно обрабатывалось 200...400 единиц техники и 350...550 человек личного состава. До 60...70% техники приходилось обрабатывать 2...3 раза.

Потребовала разрешения проблема дезактивации одежды, обуви белья.

Только в 1986 г. было дезактивировано 373 тонны одежды различных видов, а санитарной обработке подвергнуто за это же время более 1 млн. человек.

Отдельную проблему представляла радиационная защита персонала войск и населения.

Прежде всего, в то время не были созданы дозиметры, удовлетворяющие по точности условиям не ядерной войны, а мирного времени. Известно, что в военное время при применении ядерного оружия однократно допустимой дозой облучения считается 50 рентген. В мирное время для населения, персонала и лиц, работающих по ликвидации последствий, годовая доза - 30 бэр. Проблема индивидуальных дозиметров не была решена ни по качеству показаний, ни по количеству, необходимому для работы.

Все эти работы производились под личным руководством генерал-полковника В.К. Пикалова.

Соединения и части химических войск, принимавшие участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, с поставленными задачами справились, проявив при этом мужество и самоотверженность. Только за 2,5 года с участием личного состава соединений и частей химических войск осуществлена дезактивация территории АЭС, вывезено и захоронено около 500 тысяч куб. м загрязненного оборудования, строительных конструкций и грунта дезактивировано более 600 населенных пунктов и 5 млн. кв. м поверхности территории, вырублено и локализовано 115 га «рыжего леса».

За успешное выполнение задания правительства и министра обороны СССР по ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС один из батальонов химической защиты и мобильный отряд химических войск были награждены вымпелами «За мужество и воинскую доблесть». Большая группа личного состава частей и соединений химических войск награждена правительственными наградами, начальник химических войск Министерства обороны генерал-полковник Пикалов Владимир Карпович удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

В апреле 2001 г. исполнится 15 лет с того трагического события.

Бывший начальник химических войск генерал-полковник В.К. Пикалов на пенсии. Основную борьбу ему приходится вести с последствиями ранений, полученных в Великой Отечественной войне, и переоблучения в Чернобыле.

А нам всем стоит задуматься над сегодняшним положением страны, ее Вооруженных Сил и теми, кто может и должен, если это случиться, встать на защиту Родины от радиоактивной и химической опасности.

Настораживает следующее:

- сокращение войск не позволит воспользоваться ими без дополнительного призыва;
- призываемый контингент давно не проходил переподготовку на сборах запаса;
- техника войск, находящаяся на длительном хранении, в возрастающей прогрессии будет требовать ремонта при расконсервации;

- запасы приборов, машин, расходных средств, включая средства индивидуальной защиты, почти не пополняются, а имеющиеся к 2005 году исчерпают гарантийные сроки хранения полностью.

Наконец, нельзя выпускать из виду и проблему отношения власти к чернобыльцам. Она не позволяет с оптимизмом надеяться на всеобщий энтузиазм и трудовой порыв, характерные для 1986 года.

На примере Югославии мы видим, что появилась сила, которая бомбами и ракетами добивается переустройства мира по своему сценарию.

В самой Югославии после двухмесячных бомбежек в земле Косова лежит около 10 тонн урана от бомб с радиоактивными сердечниками.

Не связанная с чернобыльской катастрофой, но спотыкающаяся о те же «пеньки», отдельной проблемой становится борьба с химической опасностью. На нашей территории имеется более 3600 химических объектов. Только в Центральном регионе их более 900.

Нужны специалисты, техника, расходные средства, методики работы на случаи аварии или катастрофы на этих объектах.

Оборонный заказ выполняется лишь в незначительной его части. Имеющиеся запасы устаревают и выходят из строя. Система подготовки специалистов нуждается в развитии. Для военных инженеров в области РХБ защиты и инженерного дела (в широком смысле) главное - это инженерные знания. Ибо на их основе возможно управление процессами, возложенными на службу. Однако выпускников военно-инженерного университета и военного университета РХБ защиты может и не оказаться в будущем, если произойдет ликвидация этих ВВУЗов. Следовательно, инженерные знания остаются во многом за кадром. Мы этому насмотрелись в Чернобыле на примерах троечников и двоечников, посылавших солдат в радиоактивное пекло без необходимых расчетов.

Пока АЭС не вышла из строя и предприятия, содержащие сильнодействующие ядовитые вещества, не разрушаются очередными претендентами на мировое господство, давайте позаботимся о собственной безопасности. Пока не поздно.

Возвращаясь к основной теме, необходимо сказать, что В.К. Пикалов руководил химическими войсками с 1969 по 1988 год. При нем произошел подлинный расцвет химических войск и службы.

По опыту службы и образованию В.К. Пикалов отлично ориентировался в оперативных вопросах и как человек талантливый хорошо понимал ограничения, которые накладывает на действия войск уровень развития ВВТ. Он вникал во все вопросы развития ВХВ и СЗ, был инициатором постановки ряда новых актуальных военно-технических проблем: глобализации автоматизированного выявления обстановки по последствиям применения ОМП, управления маскирующими аэрозолями и ряда других.

В.К. Пикалов лично держал под контролем направления работ по огнемтно-зажигательной тематике. При его поддержке в ЦНИИ ХВ были развернуты работы по поиску новых способов применения огнесмеси, крупномасштабным полевым испытаниям как на полигоне, так и на войсковых учениях в военных округах с применением самодельных макетов будущих боеприпасов.

С целью проверки правильности выбранного направления офицеры сами разрабатывали и проводили испытания на показах техники и войсковых учениях в Белорусском, Забайкальском и Среднеазиатском ВО. Особенно ценные материалы были получены при проведении войсковых учений. Материалы учений и полигонных испытаний позволили сделать важные практические выводы, которые легли в основу создания высокоэффективного зажигательного оружия и, в частности, огнемтной реактивной системы залпового огня (ОРСЗО) «Буратино».

Испытания показали, что недостаточно только массировано применять огнесмеси для достижения эффективности, но нужны новые составы с иной структурой и способом сжигания, что должны быть пересмотрены приемы и тактика применения зажигательного оружия вообще и огнеметов в частности.

В 1972 году начальник химических войск, опираясь на результаты войсковых учений, вышел с предложением о восстановлении на вооружении и разработке дымовых средств для маскировки войск и противодействия управляемому и высокоточному оружию противника, взяв

на себя, как и по ОЗС, ответственность за организацию и проведение всех работ этого направления.

Еще одной очень важной чертой в характере и работе генерала Пикалова было то, что он не только умел требовать, но и был хорошим и дальновидным военным деятелем, профессиональным воспитателем личного состава. Вспоминается такой случай. В обеденный перерыв Пикалов возвращался к себе в кабинет и стал случайным свидетелем такого вот разговора в группе стоящих в коридоре офицеров. Они что-то жарко обсуждали, и один из них говорил:

- Нет, друзья, этот документ надо готовить так, чтобы в нем ясно звучало такое определение... (и он сказал, какое именно), подчеркнув при этом: «Владимир Карпович так любит...»

Услышав это, генерал Пикалов остановился, подошел к группе спорящих и спокойно сказал:

- Я извиняюсь, что невольно вмешиваюсь в ваш разговор, ибо не могу не высказать одну мысль - Вы, товарищ N, не правы, подчеркивая, что документ надо готовить так, как нравится мне или какому-то другому начальнику, хотя я, естественно, как каждый, имею (и даже должен иметь) свой вкус и свои требования. А поэтому документ должен быть подготовлен так, чтобы он отвечал всем современным требованиям науки и практики, с чем бы ни я, ни кто-то другой не могли бы не согласиться. И еще важно всегда помнить, что вы служите не мне, а все мы служим нашей Родине, нашему многонациональному Советскому народу. И поэтому все наши желания, взгляды и вкусы, все интересы должны быть постоянно отданы именно этому.

Урок преподан, да мы и сами знали, что генерал-полковник Пикалов лично сам этому следует и неустанно требует от своих подчиненных.

Работали мы в Управлении начальника химических войск МО СССР напряженно (вспоминает генерал Г.А. Жуков). Ибо задачи были объемны и разнообразны, но зато трудились с большим интересом и удовлетворением. Генерал Пикалов всегда поощрял инициативу, поощрял старательных работников, помогал новичкам влиться в обстановку и в ритм работы всего коллектива и не терпел каких бы то ни было отступлений от установленных норм и правил.

Обладая огромной работоспособностью, Владимир Карпович увлекал на эту стезю и других своих подчиненных, да они и сами следовали его примеру.

Поэтому раньше и теперь при встрече и разговорах бывших сослуживцев по центральному аппарату и в войсках, мы, говоря о генерал-полковнике Пикалове Владимире Карповиче, непременно подчеркиваем: «Патриарх наших славных войск: ранее - химическом защиты, ныне войск радиационной, химической и биологической защиты».

ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА СССР, ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ КУНЦЕВИЧ АНАТОЛИЙ ДЕМЬЯНОВИЧ

Константинов А.М., кандидат технических наук, старший научный сотрудник, участник ликвидации последствий аварии на ЧАЭС в 1986 г.

Додонов Е.Н., председатель правления Региональной общественной организации инвалидов Чернобыля ВУРХБЗ, участник ликвидации последствий аварии на ЧАЭС в 1986 г.

Родился в августе 1934 г. в семье инспектора района г. Осиповичи Могилевской обл. Кунцевича Демьяна Игнатьевича - выпускника Могилевского педрабфака. Мать, Кунцевич Ольга Федоровна, работала художницей на стеклозаводе.

Житель г. Москвы, женат, два сына, окончил Военную академию химической защиты.

Действительный член Академии наук СССР и России, консультант Генерального Секретаря ООН, директор центра Экотоксиметрии РАН, генерал-лейтенант запаса, Герой социалистического труда, лауреат Ленинской премии.

Автор и соавтор около 100 изобретений, 300 научных статей, 15 образцов вооружения и техники, принятых в армии и промышленности, доклада, утвержденного 44 Сессией Генеральной ассамблеи ООН.

Сторонник сбалансированного процесса ликвидации избытков оружия. Идеолог концепции существенной поддержки западом российских разоруженческих программ за счет сэкономленных средств, полученных США и другими странами в результате развала глобальной системы СССР.

Прошел «горячие точки» Афганистана, Чернобыля, Кубы, Вьетнама.

Предшествующий опыт участия в региональных, ведомственных и государственных программах - 10 лет директор одного из лучших в мире военно-химических центров, 10 лет Глава военной и гражданской администрации приволжского региона, 8 лет руководитель

НИОКР и серийного производства образцов военно-промышленного комплекса, делегат 28 съезда КПСС.

Участник ряда военно-политических и дипломатических переговоров с США, ФРГ, НАТО, Швецией и другими странами.

НЕКОТОРЫЕ СОБЫТИЯ 1986 года

Во второй половине апреля 1986 г. министр обороны СССР проводил сборы руководящего Состава МО в Прикарпатском военном округе.

Кроме участия в сборах химические войска подготовили для показа руководству Минобороны широкую программу, в том числе новые подходы к повышению живучести войск в условиях применения противником высокоточного оружия, действующего в режиме «увидел - поразил».

В связи с этим все руководство химических войск во главе с генерал-полковником В.К. Пикаловым с большой группой офицеров вылетело во Львов. На «хозяйстве» в Москве был оставлен генерал Кунцевич А.Д.

25 апреля вечером он выехал в ближнее Подмосковье, как и полагается, свой адрес оставив дежурному по управлению. Примерно в четыре часа утра в окно дома, где Анатолий Демьянович гостил с женой, раздался стук. Помощник дежурного по управлению доложил, что в Чернобыле произошла авария и его срочно вызывает начальник Генерального штаба.

Вызовы к руководству по таким обстоятельствам были для Анатолия Демьяновича за долгую службу не в новинку. Но то, что прибыть нужно было как можно быстрее непосредственно к оставшемуся «старшим» в Минобороны Маршалу Советского Союза С.Ф. Ахромееву, вызывало серьезную озабоченность.

Около 7 часов утра его принял начальник Генерального штаба и ознакомил с обстановкой на то время, сведений об аварии и принятых решений министром Обороны, в том числе по срочной отправке генерал-полковника В.К. Пикалова с группой УНХВ в Чернобыль.

Маршал приказал немедленно войти в контакт с ГО УГШ, генералами Г. Стародубовым, Г. Прокопчиком, В. Заиченко, оперативной группой В.К. Пикалова.

Все это было сделано, но информация, поступающая в ГШ по разным каналам, была противоречивой. Генерал Кунцевич А.Д. доложил НГШ, что обстановка складывается неординарно и чтобы докладывать предложения более обстоятельно, ему необходим вылет непосредственно в Чернобыль, где в это время уже были развернуты основные оперативные группы - химических, инженерных войск, Гражданской обороны и др.

Маршал предложение принял и расширил задачи, придав для их решения генерала В. Заиченко и трех полковников - выпускников Академии Генштаба. В этом составе они вылетели в Чернобыль и через несколько часов работали в оперативных группах. В.К. Пикалов вначале ревниво отнесся к внезапному появлению генерала Кунцевича А.Д., восприняв, видимо, это, как некую высшую инстанцию. Однако Анатолий Демьянович объяснил, в какой ситуации оказался в Москве, представляя, по существу химические войска, ввел его в обстановку и сам предложил «точки» для посещения. В.И. Заиченко работал с Анатолием Демьяновичем на станции и в оперативных группах, а офицеры Генштаба оценивали ситуацию, которая складывалась в секторах.

Вернувшись в Москву, каждый из четырех участников докладывал Маршалу лично. Предварительные выводы сводились к тому, что последствия аварии еще не ясны, но скорее всего, будут масштабными, и потери в личном составе будут значительными, а мера ответственности за безопасность высокая.

В течение апреля и первых дней мая 1986 года генерал Кунцевич А.Д. с небольшой группой офицеров во главе с В.Д. Киселевым и сотрудниками Минздрава неоднократно ночевали в зоне аварии, и сами оценивали параметры уровней радиации и характер выпадений.

В этот период сотрудники Шиханского военного института традиционными «вакуумными средствами» отбирали пробы радиоактивных выбросов из разрушенного реактора. Руководство страны в Москве и Правительственную комиссию на данном этапе волновал вопрос: «утихнет» реактор или нет, будет или не будет взрыв? Этим занимались большие группы специалистов.

Как физхимика и специалиста по дезактивации Анатолия Демьяновича, естественно, интересовали физико-химические аспекты загрязнения среды и связанные с этим последствия - объемы и возможности дезактивационных работ, защита вод, безопасность личного состава войск и населения, организация разведки, контроля зараженности воздуха, почв и т.д.

Постепенно накапливался необходимый экспериментальный материал для серьезных выводов.

Примерно 5-6 мая генерала Кунцевича А.Д. в очередной раз пригласил С.Ф. Ахромеев и предложил ознакомиться с проектом Постановления ЦК КПСС и СМ СССР о мерах по ликвидации Чернобыльской аварии. Документ был объемным, и Анатолий Демьянович попросил 2 часа на ознакомление. Через 2 часа состоялся доклад начальнику Генерального штаба. В течение 40 минут Анатолий Демьянович обстоятельно докладывал свои доводы, что Постановление не реально, не выполнимо по объемам и срокам. Маршал согласился, но тут же отметил, что ему поручено доложить на Оперативной группе Политбюро ЦК КПСС о готовности Минобороны выполнить это Постановление. Оценив ситуацию, он предложил Кунцевичу А.Д. выступить вместо него. Вопрос был серьезным. С.Ф. Ахромеев коротко доложил о ситуации министру обороны СССР Маршалу Советского Союза С.Л. Соколову, который предложил им прибыть к нему. Еще раз оценив ситуацию, руководство МО СССР приняло решение, чтобы на Оперативной группе выступил генерал Кунцевич А.Д. Понятно, что выступление против основной идеи Постановления ЦК и Правительства, согласованного с рядом ведомств, - более чем серьезно.

Являясь членом-корреспондентом Академии наук СССР, Анатолий Демьянович срочно созвонился с президентом академии А.П. Александровым. Анатолий Петрович принял его незамедлительно, выслушал и подход одобрил. Решили провести дополнительное совещание в президиуме с участием академиков А.В. Фокина, ЯМ. Колотыркина, В.А. Легасова, чл.-корра Н. Никифорова, представителей промышленности. Доклад Анатолия Демьяновича «Физико-химические аспекты загрязнения территорий в результате аварии на ЧАЭС, выводы и предложения» был одобрен.

Он позвонил в Чернобыль В.К. Пикалову о предстоящем докладе и получил от него дополнительные советы. Разумеется, эта серьезная подготовка придала необходимую уверенность в дальнейшей работе.

В день заседания на машине НГШ они выехали на Старую площадь. Заседание шло в режиме - сначала оперативные вопросы Правительственной комиссии из Чернобыля, потом по ним - Оперативной группы. Когда очередь дошла до Минобороны, Н.И. Рыжков - руководитель группы - предоставил слово С.Ф. Ахромееву. Маршал С.Ф. Ахромеев доложил, что по согласованию с министром обороны предлагается заслушать доклад одного из ведущих специалистов Минобороны. Возражений не последовало.

Начиная доклад, Анатолий Демьянович отметил, что выступает от двух ведомств - Минобороны и АН СССР. Анатолий Петрович тут же подтвердил его полномочия.

В докладе был дан анализ постоянно действующего источника загрязнения, изотопный состав выбросов, дисперсность частиц, коэффициенты их захвата поверхностями, формы и характер связей с природными и искусственными материалами, возможные коэффициенты дезактивации. Вывод сводился к долгосрочному характеру работ по ликвидации последствий аварии. О возврате населения в 30-км зону не могло быть и речи, а о возврате в 10-км зону

вообще в ближайшие десятилетия вопрос стоять не может. Доклад был заслушан, и около 40 минут ушло на ответы. В заключение Рыжков отметил, что уже сделаны объявления о скором возврате населения к родным местам и восстановлении нормального режима работы станции, и задал вопрос - что делать и какие перспективы. Анатолий Демьянович ответил, что формы физико-химических связей изменить можно, но, с учетом огромных масштабов территорий, наличия большого числа зданий, сооружений, лесной и травянистой растительности - невозможно. Что касается почв, то лесная почва вообще содержит активные природные сорбенты. Скорее всего, нужно ориентироваться на то, что к концу 1986 года можно будет обеспечить персоналу станции возможность работы, но не на всех участках. Нереальные сроки были сняты, а в последствии в сентябре - октябре Н.И. Рыжков, когда уже практически все стали понимать, что произошло, подтвердил своевременность и правильность прогноза генерала Кунцевича А.Д.

На следующий день после заседания Оперативной группы Анатолий Демьянович был приглашен к Секретарю ЦК КПСС В.И. Долгих на совещание с участием ученых академии наук, руководителей ведомств, военных. На совещании Владимир Иванович попросил коротко изложить еще раз положения доклада и объявил, что Анатолий Демьянович назначается главным специалистом по дезактивации. Просил всех от имени ведомств и групп специалистов направить в его адрес рекомендации по дезактивации. Все это оперативно было сделано, и в войска были направлены первые обоснованные рекомендации.

В середине мая из Афганистана вернулся первый заместитель начальника ГШ В.И. Варенников, которому было поручено курировать проблемы Чернобыля. Он вызвал генерала Кунцевича А.Д. для того, чтобы ознакомиться с обстановкой. Кроме этого Анатолий Демьянович доложил, что характер работ будет сложным, не всегда стереотипным и войска самостоятельно с этим не справятся. Будут ошибки, передозировки, потери. Требуется высококвалифицированное научно-техническое сопровождение войск. Для этого в Чернобыле должен быть создан научный центр из специалистов различных направлений МО, химиков, инженеров, медиков, автомобилистов, шестого главного управления и т.д. В.И. Варенников согласился, но предложил доложить об этом министру обороны непосредственно на совещании, которое в то время проходило под его руководством. Предложение министром было одобрено. Генерал-лейтенант А. Кунцевич, генерал-полковник В. Герасимов и генерал-лейтенант С. Зеленцов получили задание подготовить проект штата, который был оперативно разработан и утвержден директивой ГШ. Так родился 1039 НЦ МО СССР в Чернобыле, который стал координационным центром всех научных сил в Чернобыле и обеспечил в ходе 1986-87 годов высокоэффективную работу 400-тысяч военных. Центр был подчинен НХВ МО.

Решением генерал-полковника В.К. Пикалова Анатолий Демьянович был определен научным руководителем Центра на постоянной основе, так как личный состав этой организации работал вахтовым методом (несколько месяцев) с ограничением по полученной Дозе радиации не более 25 Бэр.

Специалистами центра выполнено более 300 практических программ с войсками. Об участие в этой работе руководящего состава Минобороны России, генерал-полковника В.К. Пикалова, генерал-лейтенанта А.Д. Кунцевича, о замечательных ученых, прошедших через Центр, связях с промышленностью и других аспектах можно получить информацию в отчетах и архивах центра.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ МИШИНУ ЕВГЕНИЮ ТИМОФЕЕВИЧУ - 80 ЛЕТ

Коллектив Специального научно-производственного объединения "Элерон".

Евгений Трофимович Мишин родился 17 июля 1920 года. В 1941 году, будучи курсантом, в составе Московского военно-технического училища Пограничных войск участвовал в обороне Москвы. В сражениях за Сталинград был ранен. Далее была знаменитая Орловско-Курская битва, а в 1945 г. и до 50-х годов - борьба с различными бандформированиями. Во время службы в Вооруженных Силах им внесен существенный вклад в организацию и эксплуатацию техники связи.

Служебная деятельность Евгения Трофимовича резко меняется в марте 1963 года, когда он был откомандирован в Центральный аппарат Министерства среднего машиностроения (МСМ).

Именно в это время в МСМ остро встал вопрос об усилении охраны атомных секретов на объектах отрасли. Стало понятно, что существующие традиционные стратегия и тактика охраны, основанные на использовании «живой силы» - вооруженных подразделений внутренних войск МВД, не обеспечивают решение этой задачи по многим параметрам. Прежде всего, человек-часовой является ненадежным элементом всей системы - он быстро устает от однообразной монотонной работы, страдает от дискомфорта условий несения службы, легко может быть выведен из строя. Кроме того, требуемая численность войсковой охраны стала превышать все разумные пределы. Напрашивался очевидный выход - разработка и внедрение технических средств охраны.

Руководством Министерства среднего машиностроения была принята новая концепция охраны объектов. Фактическим руководителем этого направления работ стал Е.Т. Мишин. По его инициативе приказом министра среднего машиностроения Ефима Павловича Славского от 13 марта 1963 года была образована в составе предприятия п/я 912 (ВНИИ химической технологии) лаборатория № 36, на которую были возложены задачи по разработке технических средств охраны (ТСО) и координации работ в этой области в системе Министерства.

Для решения поставленной задачи потребовалось развернуть широкий фронт работ: выбор направлений исследований и разработок, создание научно-методической, испытательной и опытно-конструкторской базы, формирование коллектива специалистов в этой новой области техники, которых не готовил ни один вуз страны. "Железный занавес" отгораживал СССР от зарубежной информации в этой области.

Самоотверженная работа коллектива лаборатории во главе с Е.Т. Мишиным дала первые плоды. Уже через год появился ряд лабораторных макетов сигнализационных датчиков различных принципов действия - емкостных, радиолучевых, ультразвуковых, микроволновых, оптических. Изготовленные макеты демонстрировались на выставке в Министерстве, устанавливались на пробную эксплуатацию на многих объектах и при всем своем несовершенстве явно показывали преимущества внедрения технических средств. Настойчивая и энергичная "маркетинговая политика" увеличивала число сторонников внедрения технических средств охраны как среди руководства Министерства, так и среди директоров объектов.

Одновременно на Пензенском приборостроительном заводе была создана сначала группа, а затем лаборатория, которая стала заниматься отработкой конструкторской документации для серийного производства, и превратилась в серийное конструкторское бюро.

В 1964 году начался серийный выпуск первых приборов охранной сигнализации, а также другого необходимого оборудования, которые включались в проекты на охранную сигнализацию объектов нашего и других ведомств.

В 1967 году МСМ получил важный заказ от Правительства на оборудование охранной техникой Выставки алмазного фонда в Кремле. То, что этот заказ был дан МСМ, свидетельствовало о признании достижений и возможностей нового направления деятельности Минсредмаша. Для выполнения этого заказа в крайне короткий срок - 4 месяца - был разработан, изготовлен, смонтирован и налажен сложный комплекс безопасности этого уникального объекта. Под руководством и при личном участии Е.Т. Мишина комплекс был сдан заказчику в установленные сроки и получил высокую оценку правительственной комиссии.

В 1966-1967 годах началось серийное производство нескольких типов новых датчиков для охраны периметров и помещений объектов, были созданы современные системы сбора и обработки информации, началось широкое оснащение объектов отрасли. В апреле 1968 г. во исполнение постановления руководства страны на базе лабораторий ВНИИХТа и ППЗ были созданы специализированные отделы с целью разработки малозаметных, надежных систем сигнализации для охраны государственной границы с максимальным учетом требований пограничных войск и других служб органов безопасности.

Одновременно тем же постановлением Минсредмаш был утвержден головной организацией в стране по созданию ТСО для Комитета госбезопасности.

Проводимые НИОКР охватывали большинство проблем обеспечения безопасности. Широкий спектр новых задач и многие другие проблемы, выявленные в процессе разработки,

внедрения и эксплуатации ТСО, потребовали значительного улучшения организационно-технического руководства, расширения НИОКР, улучшения фундаментальных исследований, повышения качества ОКР и серийного производства.

Учитывая новые технические возможности разведывательных служб противника, руководство Министерства создало самостоятельный отдел по вопросам организации и проведения в отрасли работ, направленных на противодействие техническим средствам разведки противника. Инициатором создания этого отдела также является Е.Т. Мишин. Работа по этому направлению деятельности осуществлялась в тесном взаимодействии с соответствующими службами КГБ СССР, а затем и Гостехкомиссией.

Руководство страны, рассматривая вопросы обеспечения безопасности особо важных объектов и усиления охраны государственной границы в условиях сложившейся в середине 70-х годов сложной международной обстановки, а также учитывая накопленный в Минсредмаше опыт создания и внедрения технических средств в охрану важнейших объектов, приняло в октябре 1976 года постановление, которым возложило на Минсредмаш:

- выполнение поисковых, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по созданию комплексов технических средств охраны, обеспечивающих эффективное прикрытие участков государственной границы и особо важных объектов;
- разработку комплексных проектов по оборудованию государственной границы и особо важных объектов и техническое руководство работами по осуществлению этих проектов;
- выполнение монтажных и пусконаладочных работ.

Во исполнение постановления в центральном аппарате Минсредмаша на базе 6 отдела, Второго управления, преобразованного во Второе Главное управление, было создано Специальное техническое управление (СТУ) для централизованного планирования и руководства работами по созданию и внедрению ТСО в охрану государственной границы и особо важных объектов. Начальником этого управления был назначен генерал-майор Е.Т. Мишин.

На базе СКВ ВНИИХТ был создан Всесоюзный научно-исследовательский институт физических приборов (ВНИИФП), а на базе спецотдела ППЗ - Специальное конструкторско-технологическое бюро (СКТБ), строительство и оснащение которых также легло на Е.Т. Мишина.

С созданием ВНИИФП и СКТБ практически все вновь вводимые особо важные объекты в СССР оснащались монтажными подразделениями Минсредмаша или с использованием производимой им аппаратуры. Фактически в рамках Министерства была создана и успешно функционировала новая подотрасль - "технические средства безопасности". Ее организатором и научно-техническим руководителем был Е.Т. Мишин.

Слаженный коллектив, насчитывающий более 3000 специалистов-профессионалов, располагающий современной исследовательской и производственной базой, несколькими филиалами и испытательными полигонами, устоявшимися связями с академическими институтами, проектными организациями, серийными заводами, был способен решать самые сложные научно-технические задачи и обеспечить безопасность любого объекта. В середине 80-х годов СКТБ было преобразовано в НИКИРЭТ, созданы предприятия «Дедал» в г. Дубне и «Лептон» в г. Лермонтове.

В 1989 году приказом министра было образовано государственное предприятие «Специальное научно-производственное объединение «Элерон» (ГП «СНПО «ЭЛЕРОН»), Генеральным директором которого был назначен Е.Т. Мишин. В объединение вошли НИИФП, НИКИРЭТ, предприятия «Дедал», «Лептон», а также специалисты СТУ, имеющие большой опыт организационной работы по техническим средствам охраны. Постановлением Правительства РФ от 15.09.93 № 911-50 ГП «СНПО «ЭЛЕРОН» определен головным в стране по оборудованию средствами и системами безопасности особо важных объектов.

Наиболее приоритетной задачей объединения остается задача обеспечения безопасности ядерно- и радиационноопасных объектов. Особое внимание к этой проблеме обусловлено теми катастрофическими последствиями экономического, экологического и политического характера, к которым может привести реализация диверсионно-террористической акции. Приказом министра от 21.10.96 г. №61 на ГП "СНПО "Элерон" возложены научно-методическое руководство и обеспечение работ по физической защите ядерно- и радиационноопасных

объектов, ядерных установок и материалов при их производстве, использовании, переработке, хранении и транспортировании, организация физической защиты инженерно-техническими средствами, включая их разработку, изготовление, проектирование, внедрение и сертификацию, а также функции головной организации по данной проблеме в отрасли.

В настоящее время в Минатоме России разработаны и серийно изготавливаются все необходимые технические средства для построения СФЗ ядерных объектов. За последние несколько лет объединение "Элерон" проводило работы по оснащению современными системами физической защиты на десятках объектов отрасли и других ведомств. Им установлены прочные научно-производственные и взаимовыгодные партнерские отношения с исследовательскими лабораториями Министерства энергетики США по реализации ряда крупных совместных проектов по обеспечению безопасности хранения и транспортировки расщепляющихся материалов

Научная и творческая деятельность генерал-майора, доктора технических наук, профессора Е.Т. Мишина была высоко оценена руководством страны. Он является дважды лауреатом Государственной премии. Ему присуждено почетное звание «Заслуженный деятель науки и техники Российской Федерации». За боевые и трудовые заслуги награжден многими орденами и медалями (орден Ленина, орден Отечественной войны 1-й степени, орден Красной Звезды, орден Мужества, 32 медали). Е.Т. Мишин - активный участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и событий в Афганистане.

И сегодня неутомимая энергия, трудолюбие, высокая государственная ответственность за порученное дело, умение быть на острие важнейших проблем, юношеский задор в сочетании с огромным жизненным опытом, требовательность к себе и к подчиненным, искренняя любовь к людям - вот те главные черты, которые характерны для генерального директора Е.Т. Мишина.

В день славного 80-летнего юбилея хочется пожелать дорогому Евгению Трофимовичу еще многих, многих лет жизни, крепкого здоровья, сохранения присущего ему жизнерадостного оптимизма, хорошего настроения и дальнейших творческих успехов в той, очень нужной для страны деятельности, которой он отдает все свои силы.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ТИМОФЕЙ МИХАЙЛОВИЧ САЛАМАХИН

Дорофеев Ю.П., генерал-майор в отставке, академик АВН, заслуженный деятель науки РФ, доктор военных наук, профессор, участник ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, 1986 год.

Т.М. Саламахин - академик РАН, заслуженный деятель науки и техники РФ, профессор, доктор технических наук, почетный профессор Военно-инженерной академии, генерал-майор в отставке, выдающийся ученый в области газовой динамики, теории действия взрыва, устройства и преодоления инженерных заграждений (от ред.).

Чернобыль! Для многих современников это слово определяет предел возможностей человека. Как и слово "Ликвидатор" оно характеризует мужество, которое проявляли те, кому волей судьбы пришлось участвовать в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской атомной электростанции. "Ликвидаторы", "Чернобыльцы" - это люди, которые в экстремальных условиях выполняли свою профессиональную работу без лишней помпы, без рекламирования заслуг, порой буднично и незаметно. Родина потребовала - выполнили.

Одним из многих, кто в первые дни после катастрофы прибыл на атомную станцию, чтобы укротить "взбунтовавшийся" атом, был генерал-майор Саламахин Тимофей Михайлович. Именно его знания как специалиста-подрывника, теоретика и практика подрывного дела потребовались ликвидаторам. Без его участия многие вопросы или не были бы решены, или потребовали бы значительно больше времени на решение, что в те дни было подобно гибели. Если не гибели, то такому осложнению обстановки, что длительность аварийно-восстановительных работ значительно возросла и, как следствие, увеличилось бы число жертв.

Тимофей Михайлович прибыл на ЧАЭС вместе с начальником инженерных войск Министерства обороны СССР маршалом инженерных войск Сергеем Христофоровичем Агаповым уже 3 мая 1986 года. Начиная с оценки обстановки, определения объема неотложных первоочередных работ, составления плана срочного решения задач и кончая практическим их выполнением, он не покидал зоны радиоактивного заражения и обеспечил фронт восстановительных работ для многих коллективов ликвидаторов: атомщиков, метростроевцев, строителей, для подразделений практически всех родов войск и служб, привлеченных в очаг катастрофы в тот сложный для Родины момент.

Кто же он - герой нашего повествования? Мы можем проследить его жизненный путь и убедиться, что мужество является яркой чертой характера Тимофея Михайловича Саламахина. Он плоть от плоти, кровь от крови русского народа. Хвативший лиха за свою долгую жизнь сполна, выстоявший при многих невзгодах, сохранивший высокий дух патриота своей Родины.

Тимофей Михайлович родился 1 февраля 1922 года в семье крестьянина-середняка (по тем меркам) в слободе Рудаевка Кантемировского района Воронежской области (соответственно уезда и губернии), можно сказать, в центре России, на земле исконно русской, героической.

Тимофей Михайлович был первенцем в семье, которая, по традициям русского крестьянства, объединяла всю родню. Кроме отца и матери, с ними жили родители отца, а также его сестра. Дед и бабушка были неграмотные, но мудрые люди, т.е. наделенные природной мудростью крестьяне. У них было 12 детей. Но поскольку семья бедствовала, выжили лишь отец Тимофея и его сестра, остальные дети скончались в возрасте 7-8 лет. Следуя народной традиции, родители Тимофея Михайловича стремились иметь много детей. Вслед за Тимофеем появился брат, Федор (умер ребенком), сестра Мария (родилась в 1927 году), брат Павел (родился в 1930 году, ныне доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой в МАДИ: до увольнения из армии преподавал в Военно-инженерной академии и дослужил до полковника) и сестра Валентина (родилась в 1941 году).

Отец Тимофея Михайловича окончил церковно-приходскую школу, на большее возможностей не было, так как надо было кормить семью. Он очень любил лошадей и своего первенца приучил ездить верхом уже с 5 лет. Несмотря на неустанный труд, в хозяйстве отца были лишь одна кобыла и корова (что и послужило названием "середняк"). Незадолго до коллективизации удалось купить еще двух лошадей, но их пришлось отдать в колхоз при объединении крестьянских хозяйств. Отец же стал трудиться в колхозе конюхом. В 1941 году, когда началась война, его призвали в армию и направили на фронт. Провоевал он только год, а 13 августа 1943 года погиб в бою и похоронен на братском кладбище в Карминово Гагаринского района Смоленской области.

Мать Тимофея Михайловича в школе не училась, но во время ликвидации неграмотности обучилась читать и писать.

Родители всеми силами стремились дать образование детям. Тимофей Михайлович окончил 7 классов в Рудаевской неполной средней школе и поступил в Богучарское педагогическое училище, которое окончил в 1939 году. После него успел поработать в течение года педагогом, преподавал в 5...7 классах физику и математику.

В 1940 году Тимофей Михайлович начал службу в Красной армии. Он поступил в Московское военно-инженерное училище. Из-за начала войны в июле 1941 года состоялся ускоренный выпуск. Уже с августа 1941 года молодой командир на Юго-Западном фронте. Он участвует в формировании корпусного инженерно-саперного батальона. Происходит это в Кременчуге. В октябре 1941 года начинается боевая биография Тимофея Михайловича, под его руководством взрывается мост в Крысино на дороге Богодухов - Харьков, чем сдерживается продвижение немцев. В интересах отходящих войск инженерно-саперный батальон, в котором служил Тимофей Михайлович, совместно с местным населением участвовал в подготовке мощного оборонительного рубежа на подступах к Харькову. Однако наши войска его не заняли, а стали отрывать окопы совсем в другом месте. Это очень удивило Тимофея Михайловича. Лишь с приобретением опыта ему стало понятно, что войскам эффективнее вести оборону на своих, пусть менее добротных подготовленных рубежах, чем использовать созданные для них, но не освоенные, из-за отсутствия времени, позиции.

Но враг напирал, и Тимофею Михайловичу на его путях приходится устраивать и приводить в действие минно-взрывные заграждения, которые наносили существенный урон врагу.

В декабре 1941 года Тимофей Михайлович, уже заместитель командира роты армейского инженерно-саперного батальона, при выполнении задач командует подвижным отрядом заграждения и устанавливает минные поля западнее Купянска.

Деятельность саперов многогранна, и в начале 1942 года, являясь начальником штаба армейского инженерно-саперного батальона, Тимофей Михайлович выполнял должность начальника участка переправ через р. Оскол в Купянске, одновременно подготавливал к взрыву и взорвал четыре моста на р. Оскол. При отходе 38 армии Тимофей Михайлович назначается командиром отряда заграждений, который на глубину в 70 км (от р. Оскол до р. Красная) устраивал минные заграждения, создавая предполье оборонительного рубежа по р. Красная. В течение июля-августа 1942 года ему пришлось отводить свои подразделения, сохраняя их боеспособность, по Калмыцким степям к Сталинграду.

С августа по октябрь 1942 г. Тимофей Михайлович участник напряженных боев за Сталинград, когда его подчиненным приходилось создавать минно-взрывные заграждения не только на подступах к городу, но и на его улицах, не раз переходя в рукопашные схватки с противником. Тяжелые бои отражались на состоянии инженерно-саперных подразделений. 20-летний командир является начальником штаба одного инженерно-саперного батальона, а затем и другого. Он руководит его боевыми действиями и обеспечивает вывод остатков батальона из полузахваченного Сталинграда.

После реформирования инженерно-саперного батальона Тимофей Михайлович со своими подчиненными обеспечивает наступление наших войск через Сальск на Ростов-на-Дону. Операция успешно завершается, и Тимофей Михайлович в течение февраля - марта 1943 года руководит разминированием центральной части Ростова и подрывом льда на Дону, спасая наши переправы через реку. На плечи уже опытного сапера в это же время ложится задача по подготовке и забросу в тыл врага групп разведчиков-минеров, действия которых были достаточно эффективны и наносили существенный урон фашистам. Одну из групп лично возглавлял Тимофей Михайлович. Она должна была высадиться в виде десанта, преодолев Азовское море. Однако из-за волнения моря выход группы был неудачным, пришлось вернуться назад.

Офицера Саламахина Т.М. командование отмечает как хорошо подготовленного специалиста и для совершенствования знаний направляет его с октября 1943 года по июль 1944 года на учебу в Московскую высшую офицерскую инженерно-минную школу. После ее окончания Тимофей Михайлович на 2-м Прибалтийском фронте в 3-ей Ударной армии на должности старшего помощника начальника оперативного отдела штаба армейской инженерно-саперной бригады.

В декабре 1944 года 3-я Ударная армия в составе 1-го Белорусского фронта. С его войсками, выполняя задачи инженерного обеспечения, Тимофей Михайлович участвовал в освобождении Варшавы, в Висло-Одерской, Восточно-Померанской и Берлинской операциях. В Берлине, уже в должности начальника оперативно-разведывательного отдела штаба 25-й инженерно-саперной бригады, командовал оперативной группой инженерных войск при 79 стрелковом корпусе, которая производила разминирование и обеспечивала переправу штурмовых групп при штурме Рейхстага.

По окончании войны Тимофей Михайлович основное внимание сосредоточил на боевой подготовке подчиненных подразделений.

В 1946 году Тимофей Михайлович поступает в Военно-инженерную академию, блестяще овладевает изучаемыми дисциплинами, успешно трудится в Военно-научном обществе по кафедре подрывного дела и минно-взрывных заграждений под руководством профессора, доктора технических наук полковника Ореста Евгеньевича Власова. На этой кафедре подготовил и защитил дипломный проект. На протяжении всей учебы в академии Тимофей Михайлович славится примером для подражания, всегда готов прийти на помощь своим товарищам по учебе. В 1952 году он завершает обучение с отличием с золотой медалью. Его оставляют в адъюнктуре при кафедре О.Е. Власова, где в 1955 году он успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук.

С первых дней преподавательской работы Тимофей Михайлович проявляет себя способным и инициативным педагогом, устремленным в достижении цели, что позволяет ему подготовить и в 1963 году блестяще защитить диссертацию на соискание ученой степени доктора технических наук.

В 1968 году он становится начальником кафедры, с которой связана вся его послевоенная жизнь. В 1980 году ему присваивают воинское звание генерал-майор.

Кафедра всегда находилась на острие достижений науки. Появление ядерного оружия потребовало углубленного изучения развития взрыва новых боеприпасов и действия ударной волны на различные объекты. Тимофей Михайлович предлагает свою теорию взрыва в сопоставлении со взрывами крупных зарядов обычных химических взрывчатых веществ. В январе 1965 года он участвует в испытаниях оружия при подземных взрывах на р. Чаган на Семипалатинском полигоне. В этом же году в марте месяце там же он прокладывает взрывом обычных взрывчатых веществ канал в вале грунта, образованном при ранее произведенном наземном ядерном взрыве для наполнения воронки водой и образования озера. В марте этого же года он снова на Семипалатинском полигоне руководил исследованиями последствий взрыва многотонного заряда взрывчатых веществ (формирование заряда, его подрыв и ликвидация последствий).

Судьба не оставила Тимофея Михайловича в покое. Когда случилась Чернобыльская катастрофа - он в первых рядах ликвидаторов с 3 по 17 мая 1986 года на ЧАЭС, где был затребован его опыт по производству направленных взрывов. Наиболее крупные взрывы были произведены 9 мая 1986 года (случайное совпадение, но прогремели как салют Победе в Великой Отечественной войне в день ее 41-й годовщины).

Расчеты по взрывам, осуществленным вблизи реактора и под ним, произведены на месте Тимофеем Михайловичем. Командный пункт, на котором находились маршал инженерных войск С.Х. Агапов и генерал-майор Т.М. Саламахин, располагался под энергоблоком.

Боевой и трудовой путь Тимофея Михайловича отмечен орденами: Отечественной войны I степени (два), II степени; Трудового Красного Знамени; Красной Звезды; "За службу Родине в Вооруженных Силах СССР" III степени, а также многими медалями.

Тимофей Михайлович - участник Великой Отечественной войны, Ветеран подразделений особого риска, участник ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС - пронес мужество через всю жизнь!

НАШ САЛАМАХИН ТИМОФЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Шакин А. А., полковник в отставке, профессор, доктор технических наук.

Гавваза В.С., доцент, кандидат технических наук, участник ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, 1986 год.

Саламахин Тимофей Михайлович - создатель авторитетной научной школы учеников и последователей, подготовил большое количество кандидатов и докторов военных и технических наук.

Его ученики активно работают не только в Военно-инженерной академии, но и в ряде научно-исследовательских институтов, в организациях промышленности, в войсках и штабах и имя им - легион.

Тимофей Михайлович и до сих пор активно участвует в учебном процессе и воспитании слушателей-офицеров и курсантов. Его лекции отличаются научной глубиной и одновременно доходчивостью и практической направленностью. Постоянно работает со слушателями в кружке ВНО, вовлекая их в разработку актуальных вопросов теории и практики взрывных работ, устройства и преодоления заграждений.

Многие слушатели, активно работавшие в кружке ВНО, стали адъюнктами, успешно закончили обучение, защитили диссертации и уже работают преподавателями в академии и в военно-инженерных училищах.

Профессор Саламахин Т.М. - автор большого количества учебников и учебных пособий, постоянно совершенствует их, добываясь при научной достоверности необходимой

доходчивости. Участник боев в Сталинграде и Берлине, активно внедряет фронтовой опыт применения взрыва и заграждений на конкретных примерах решения задач инженерного обеспечения.

Генерал-майор в отставке Саламахин Тимофей Михайлович обладает высокими организаторскими способностями. Более 20 лет руководил коллективом преподавателей кафедры инженерных заграждений, впервые разработал ряд дисциплин по изучению основ газовой динамики, теории действия взрыва, устройства, разведки и преодоления заграждений. Своим авторитетом и умением работать с людьми сплотил коллектив кафедры в интересах достижения успеха в обучении и воспитании офицеров-слушателей.

Командование Академии и инженерных войск высоко ценят научную и педагогическую деятельность профессора Саламахина Т.М. Он неоднократно вместе с командованием инженерных войск, участвовал в ответственных испытаниях, учениях и сборах, готовил командованию материалы по ряду важных вопросов применения и преодоления заграждений в современных условиях. Руководил созданием пособия по ведению боевых действий в условиях наземной минной войны для наших войск в Афганистане, которое помогло сократить потери на минах, устанавливаемых противником, особенно на дорогах в горах. Под его научным руководством в учебно-материальную базу на полигоне, ранее ориентированную на борьбу с вероятным противником на Западном ТВД, были внесены существенные изменения и дополнения, связанные с задачами преодоления и устройства заграждений ограниченным контингентом наших войск в Афганистане.

Тимофей Михайлович всегда уделял большое внимание не только разработке высокоэффективных инженерных боеприпасов, но также их хранению на базах и складах, подчеркивая, что без этого все расчеты системы заграждений останутся на бумаге. При переработке Руководства по хранению, несмотря на нажим "сверху", когда штабные чиновники пытались дать рекомендации по сокращению безопасных расстояний между хранилищами инженерных боеприпасов для "удешевления" хранения, Тимофей Михайлович выступил резко против. В результате были запланированы широкомасштабные испытания на Семипалатинском полигоне, где был оборудован опытный склад боевых инженерных боеприпасов различного назначения практически всей существовавшей в то время номенклатуры инженерных боеприпасов.

Руководителем этих ответственных и опасных испытаний командование назначило генерал-майора Саламахина Т.М. Он четко организовал работы по загрузке хранилища склада (в центральном хранилище было заложено 240 тонн тротила). Испытывались различные типы хранилищ: открытые, полузаглубленные, заглубленные с различными типами боеприпасов.

В результате испытаний (центральное хранилище - 240 тонн тротила было взорвано по радио с расстояния около 5 км) были получены ценные данные, позволившие внести существенные изменения в Руководство "Склады инженерных боеприпасов" и ввести специальный курс на факультете руководящего состава.

Результаты проведенных испытаний получили высокую оценку командования, а Тимофей Михайлович еще раз подтвердил свои высокие организаторские способности, показал, что он не только кабинетный ученый.

Этот авторитет и был основанием его участия как "первопроходца" при ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС.

Уже 3 мая Тимофей Михайлович и тогда еще адъютант, а ныне начальник кафедры Гаваза В.С. по вызову НИВ МО Аганова С.Х. - члена Правительственной комиссии - вылетели специальным самолетом к месту катастрофы и приступили к работе.

Правительственная комиссия приняла решение охлаждать аварийный четвертый реактор жидким азотом. Для прокладки труб для подачи азота необходимо было пробить несколько железобетонных стен толщиной до 2-х метров с противооткольной стальной одеждой.

Подготовленные саперы из десантно-штурмовой бригады под руководством Тимофея Михайловича и Владимира Семеновича Гавазы успешно выполнили поставленную задачу.

Работы велись в условиях радиоактивного заражения местности, после взрыва долго оседала пыль, а результаты нужны были как можно скорее, поэтому к месту взрыва ползли по лабиринтам конструкций в простейших марлевых повязках, невольно глотая пыль. Взрывники помогали метростроевцам, разбивая взрывом железобетонные плиты на пути проходки туннеля

под реактор. Эти первопроходцы во главе с Тимофеем Михайловичем делали необходимое для ускорения ликвидации аварии до тех пор, пока их не сменили 17 мая.

За самоотверженность, героизм, квалифицированное выполнение заданий Правительства Тимофей Михайлович и Владимир Семенович награждены орденами "За службу Родине".

ОДА ВОИНУ И УЧИТЕЛЮ (К юбилею Тимофея Михайловича)

I. ВОИНУ

Наш юбиляр прошел войну сполна.
Познал утраты горечь и Победы радость.
И подвиги отметила страна,
Украшив грудь геройскую наградами за храбрость.
В войну ты много испытал,
От Дона к Волге отступал,
Мосты взрывал, друзей терял,
В боях тяжелых возмужал
От Бога командиром стал.
А в Сталинграде из последних сил
Стоял со всеми, как скала,
Фашистов к Волге не пустил,
И разгромил врагов дотла...
Затем, как тот комбат,
Ногою оттолкнувшись от Урала,
Вспять повернул войну.
Вот так и ты освобождал страну.
Из Волги силы Русь всегда черпала.
Прошел победный путь до стен Берлина.
Бои тяжелые, что снятся и поныне,
И в Знамени Победы над Рейхстагом
Есть твой пусть скромный, но бесценный вклад,
Сознание, что сражался ты под этим стягом,
Дороже всех наград.

II. УЧИТЕЛЮ

Талант Учителя, как говорят, от Бога.
Свое призвание нашел в академических стенах,
Вложил в учеников ты сил и знаний много
И командиров вдумчивых прибавилось в войсках.
Профессор, доктор, генерал
Заслуженным в науке стал,
Достиг, казалось бы вершины,
Но трудишься упорно и поныне,
Идешь все дальше вверх, вперед
И в глубину, чтоб выяснить причины.
Непререкаем твой авторитет.
Желаем мы, чтоб много лет
Ты силы духа сохранил,
На благо Родины творил,
Здоровым и счастливым был.

КАПИТАН ВАЛЕНТИН АНДРЕЕВИЧ БОНДАРЕВ – КОМАНДИР БАТАЛЬОНА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ВОЙСК

Дьячкин А.Г., генерал-майор в отставке, первый зам. нач. Политического управления, участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, 1986 год. В настоящее время - Ответственный секретарь центрального совета Общероссийского общественного Объединения "Союз ветеранов железнодорожных войск РФ".

Героизм и стойкость, беспримерное мужество Российской Армии у каждого поколения нашего народа вызывали восхищение и самые добрые воспоминания. Подвиги воинов и традиции русской армии были и есть - непоколебимы. И нынешнее поколение воинов своим ратным трудом приумножает их повседневно. В веках не померкнет подвиг солдат, сержантов и офицеров, гражданского персонала Вооруженных Сил СССР, совершенный при ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС.

Одним из боевых отрядов Советской Армии были воины-железнодорожники. Их самоотверженный ратный труд в опасной для жизни радиоактивной зоне - яркий пример для нашей молодежи сегодня.

Прошло более 12 лет, но до сего времени выявляются новые факты героических действий военных по спасению погибавших жителей в опасной зоне Чернобыльской Атомной Электростанции.

Находясь среди воинов-железнодорожников с первых дней прибытия в район бедствия отдельного железнодорожного батальона, могу утверждать, что командование, командир батальона капитан Бондарев В.А. сумели организовать на самоотверженный ратный труд солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров по восстановлению подъездных железнодорожных путей.

Каждый участник ликвидации последствий аварии проявил высокую ответственность и глубокую внутреннюю потребность в выполнении своего воинского долга, требований присяги. Воины-железнодорожники трудились с особым упорством, проявляя инициативу в выполнении поставленных задач.

Валентина Анатольевича я знал еще курсантом Ленинградского высшего ордена Ленина Краснознаменного училища железнодорожных войск и военных сообщений им. М.В. Фрунзе.

В 1975 году он поступил в училище. Был активным и целеустремленным курсантом, а в 1979 году он стал офицером железнодорожных войск. И вот через 7 лет встречаю воспитанника вуза в должности командира отдельного Гвардейского батальона, которому поручено выполнить задание в экстремальных условиях. В его действиях по командованию батальоном группа генералов и офицеров железнодорожных войск, возглавляемая генерал-лейтенантом Виноградовым А.А., не разочаровалась. Капитан Бондарев В.А. оказался энергичным, профессионально подготовленным командиром, способным организовать труд подчиненных. Его деловые качества и умение строить добрые человеческие взаимоотношения в воинском коллективе, определять главное в деятельности, самостоятельно принимать решения свидетельствовали о том, что он прошел хорошую школу жизни в семье, школе при получении среднего образования и технической специальности, в военном вузе и воинском коллективе, после окончания высшего училища.

В. Бондарев родился 25 июля 1955 года в г. Могилеве БССР, в трудовой семье. Отец, Анатолий Яковлевич, работал водителем на автокомбинате, мать, Зинаида Васильевна, на базе "Белмясо-рыбторг". В силу занятости родителей Валентин воспитывался у бабушки с дедушкой - Ефросинии Моисеевны и Якова Анатольевича Бондаревых, проживающих в д. Копани Чаусского района Могилевской области.

Как и все бабушки и дедушки, они прививали первому внуку, по его словам, трудолюбие, порядочность, уважительное отношение к сверстникам и старшим. И внуку с учетом возраста приходилось помогать бабушке с дедушкой на приусадебном участке в уходе за живностью, в заготовке сена и дров к зиме. В летнее время разрешалось со всей ребятней деревни купаться в реке Реста.

Перед школой появились друзья из числа заводил - Толя Ванюшкин и Сережа Шпартов. Любимые занятия троицы с одного двора - это речка, лес, богатый ягодами и грибами. Но были и другие привлекательные места для сельской ребятни. На полях и в лесах Могилевской области после Великой Отечественной войны оставалось немало мест, где велись боевые сражения Красной Армии с немецко-фашистскими захватчиками. И хотя за любопытство иногда перепадало от деда, неумная энергия и интерес брали свое - вели раскопки в блиндажах, окопах, ходах сообщения, находили боеприпасы, закладывали их в костер и из-за укрытия наблюдали за фейерверками. А в последующем оправдывался перед бабушкой - почему грязные рубашка, штаны и сам неумытый?

Как и у всех, детство пролетело быстро. Подошло время идти в школу. И когда родители в 1963 году привезли сына в город и определили в 1 класс школы № 26 на улице Строителей города Могилева, то еще долгое время пришлось ему вспоминать о той "вольнице" и незабываемых друзьях деревенской жизни.

Школу полюбил. К учебе относился серьезно. Все дисциплины давались ему легко.

Среди самых уважаемых учителей были директор школы Карнаухов Михаил Гаврилович, классный руководитель Новик Нелли Николаевна, физрук Стрельцов Николай Иванович. Находился среди активистов пионерской и комсомольской организации школы, в которой проучился с 1-го по 9-й класс. От мероприятий не уходил, а во всех начинаниях принимал самое активное участие, охотно выполнял поручения, а нередко сам являлся организатором увлекательных игр. Взрослел, прибавлялось энергии, проявлял личную инициативу.

Родители, особенно сестра Людмила, поддерживали и поощряли хорошие идеи. Так он оказался в музыкальной школе. Затем увлекся спортом и добился в этом положительных результатов, до призыва в армию выполнил норматив кандидата в мастера спорта по вольной борьбе. Неоднократно участвовал в областных и республиканских соревнованиях. Занимал призовые места, о чем свидетельствуют ныне хранящиеся призы, вымпелы, грамоты.

Весь уклад школьной жизни был направлен на получения учениками твердых знаний, привитие им трудолюбия, спортивных достижений, полезный отдых в свободное от учебы время. И.В. Бондарев это освоил. Сложившийся коллектив мальчишек и девчонок школы и установившаяся дружба между ними продолжают и в настоящее время. Годы службы в армии, учебы и работы после школы не расстроили этой дружбы. Школьные товарищи Геннадий Савкин, Владимир Деревяшкин, Анатолий Пусовский, Анатолий Фомин, Татьяна Федосевич, Полина Глебова постоянно поддерживают связь, и заслуга в этом принадлежит Валентину Бондареву, умеющему дорожить и поддерживать товарищеские отношения.

В.А. Бондарев был призван в ряды Советской Армии в 1974 году и направлен для прохождения службы в ракетные войска, в учебное подразделение, по окончании которого попал служить в часть ЛенВО. Организованность и высокая воинская дисциплина были восприняты им положительно, и, не раздумывая, он решает связать свою судьбу с военной карьерой. В звании младшего сержанта в 1975 году прибывает кандидатом для поступления в училище железнодорожных войск и военных сообщений.

Курсантом В. Бондарев был примерным и настойчивым в достижении поставленной цели.

Друзья по учебе Евгений Удовенко, Сергей Малышев, Сергей Усачев характеризуют его как человека организованного, принципиального, умеющего держать слово и сплотить коллектив.

Командирские качества курсанта В. Бондарева полно изложены в аттестации на присвоение первичного офицерского звания - лейтенант: "За период учебы в училище зарекомендовал себя дисциплинированным, исполнительным сержантом. На 3 и 4 курсах исполнял обязанности командира учебной группы. Проявлял требовательность к подчиненным, хорошие организаторские способности по увлечению их на решение стоящих задач. В принимаемых решениях не допускает поспешности и горячности... По характеру спокоен, уравновешен. В коллективе общителен, среди товарищей пользуется деловым авторитетом. Профессию Советского офицера любит. Выполнил нормы ВСК 2 степени. Достоин присвоения офицерского звания "лейтенант".

По распределению л-т В. Бондарев был направлен в Гвардейскую часть, которая дислоцировалась в городе Чопе, на должность командира кадрового взвода. Становление в

должности шло эффективно. Взвод постоянно находился в числе передовых. Показатели по боевой и специальной подготовке были высокими. И его как достойного офицера в 1981 году назначают командиром путевой роты. Повышали в должности - В. Бондарев усиленно работал над совершенствованием своего профессионального мастерства, изучением методики лучших офицеров по руководству подчиненными.

Учитывая полученные знания и приобретенный опыт, результаты командования ротой, в 1984 году ему дают новое назначение - начальник штаба отдельного батальона, а через 4 месяца приказом начальника железнодорожных войск назначают командиром этого же батальона.

Батальон имел свои особенности и трудности: сложные условия строительства, отсутствие в достаточном количестве для семей военнослужащих жилья, неустойчивое состояние с дисциплиной среди личного состава.

Но при поддержке и оказании помощи командиром соединения полковником Лапшиным В.В. (ныне генерал-полковник), офицерами соединения в батальоне была разработана программа работы с офицерами, личным составом, предусматривающая мероприятия по повышению организованности, утверждению твердого воинского порядка, повышению заинтересованности у воинов в результатах своего труда. В ходе реализации плана повысилась активность офицеров, они стали увереннее подходить к решению сложных задач, стоящих перед батальоном. Их энергия и профессионализм сказались на сплоченности воинского коллектива. Была обновлена с учетом требований времени к боевой подготовке учебная база, полигоны к новому учебному году.

Личный состав явился инициатором соревнования в соединении. Этот почин был поддержан. В 1986 году зимний период учебы по боевой подготовке батальон закончил с хорошими показателями, принятые обязательства выполнил.

Повысилась организованность и дисциплина.

И когда потребовалась организованная и мобильная воинская часть для решения трудных задач по ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, командованием корпуса было принято решение - направить в район бедствия батальон, которым командовал капитан Бондарев В.А. И батальон, в полном составе, со штатной техникой совершил 500-километровый марш-бросок в район станции Вильча за 15 часов.

А на следующий день личный состав приступил к выполнению строительно-восстановительных работ. Для капитана Бондарева В.А. наступили дни напряженного ратного труда. Он успевал побывать на всех объектах работ, оценить состояние дел, проконтролировать мероприятия по созданию безопасных условий труда подчиненных на зараженной местности, вместе с командирами подразделений наметить задачи на следующий день и определить систему обеспечения строительными материалами и техники безопасности личного состава. За 15 дней с момента прибытия в зону были сооружены подъездные пути к новой промбазе Чернобыльской АЭС. В июне восстановлены железнодорожные пути к 4-му энергоблоку ЧАЭС. Такие темпы обеспечивались за счет четкой организации труда и высокой профессиональной подготовки командира, офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат батальона.

Ратный героический труд большинства из них по достоинству оценен. За умелые действия и проявленное мужество при выполнении заданий многие воины были награждены орденами и медалями. Командир батальона капитан Бондарев В.А. в ходе ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС проявил умение и организаторские способности по поддержанию боевой готовности и руководству подразделениями квалифицированно и высокими темпами решать поставленные задачи в условиях радиоактивного заражения.

За успешное выполнение правительственного задания награжден орденом Красной Звезды.

В ходе дальнейшей службы он был назначен начальником штаба соединения, а с 1990 по 1994 годы - командир железнодорожного соединения. Зарекомендовал себя на этих должностях положительно. Его сослуживец, начальник политотдела соединения того времени полковник Беликов В.Т. так характеризует Бондарева В.А.: "Обладает высокими боевыми качествами. Организован в работе. Умеет определить Главное направление в решении задач боевой подготовки. Высокую требовательность к подчиненным сочетает с заботой об их нуждах. В решении служебных вопросов объективен".

В настоящее время полковник Бондарев Валентин Анатольевич является заместителем начальника кафедры Военно-транспортного университета железнодорожных войск Российской Федерации. Передает свои знания, накопленный опыт курсантам Университета, готовя их к нелегкой воинской службе в железнодорожных войсках и органах военных сообщений.

ВРАЧ РЯДОМ С ПОСТРАДАВШИМИ

Гуськова А.К., доктор медицинских наук, член-корреспондент РАМН, лауреат Ленинской премии, Заслуженный деятель науки РСФСР.

Медицина, приближенная к месту аварии - это особый аспект радиационной медицины, выдвигающий врача в число военных медиков, действующих на передовой, в разряд спасателей, разделяющих зачастую с теми, кого они спасают, их опасности, все их житейские неудобства.

Так удачно получилось, что вызванную мною как руководителем клиники ИБФ в 5 часов утра 26.04.86 г. аварийную бригаду возглавлял кандидат медицинских наук Г.Д. Селидовкин, с его большим опытом срочных контактов с пациентами из очень многих разнообразных аварийных ситуаций. К тому времени он был участником оказания медицинской помощи более чем в 25 радиационных авариях (сейчас - более чем в 30).

Помимо реального опыта срочных решений и действий в таких сложных обстоятельствах, Георгия Дмитриевича отличали и некоторые особые черты его личности. Он не только решал и советовал, но и сам был всегда готов к выполнению самых разнообразных, не только специальных, но иногда очень простых и крайне необходимых действий. Он мог и посмотреть, и ободрить пациента, и взять у него для исследования кровь и костный мозг, и осуществить интенсивную, на грани реанимационной, терапию, и при необходимости участвовать в аутопсии. И он же мог просто физически помочь тяжело больному, запустить в работу какой-то прибор, починить неудобную для больного кровать, перевязать рану, поехать добывать необходимые медикаменты и оснащение, стать самому донором клеток крови.

Недаром в его прошлом опыте было освоение создаваемого в клинике асептического блока, где все надо было делать впервые и во многом самому, обучая и монтирующих блок мастеров, и медперсонал навыкам работы в блоке.

Аварийная бригада долго ждала других спутников аварийной комиссии (более 6 часов). Хотя практически была готова появиться в МСЧ, обслуживающей аварийный реактор, уже в первые 8-10 часов от момента аварии, т.е. спустя 4-5 часов от принятия решения о ее отправке, из расчета времени, которое было необходимо для ее транспортировки по маршруту: клиника - аэропорт в Москве - перелет до Киева - переезд с аэродрома в г. Припять.

Также быстро включил Г.Д. аварийную бригаду в работу МСЧ- 126, действовавшей в г.Припяти с первых минут возникновения у работавших острых проявлений заболевания и обращения их за медицинской помощью.

Вместе с Г.Д. прибыли врачи и лаборанты клиники для реального усиления возможности МСЧ в охвате огромного числа лиц (около 600), которым было нужно срочно сделать анализ крови, а в части случаев и повторить эти исследования. Эти маленькие, как выяснилось позднее, уже «грязные» листочки проследовали за пострадавшими и в клинику, являясь бесценным диагностическим документом причастности к аварии и облучению, а также и основанием предварительного диагноза лучевой болезни.

Часы и дни в МСЧ, перемещенной 27.04.86 г. в другое временное помещение (п/л «Сказочный», расположенный в 10 км от г. Припяти), до 05.05.86 г. для Г.Д. слились в один нескончаемый поток. Осмотры и отправка двух первых основных по тяжести эшелонов пострадавших в Москву - в клинику вместе с сопровождающими их членами аварийной бригады. Последние тотчас же включились в интенсивную деятельность гематологической лаборатории клиники.

Министр атомной энергии Е.П. Славский.
Лауреат Ленинской и Государственных
премий, трижды Герой социалистического
труда, награжден 10-ю орденами Ленина,
участник ЛПК на ЧАЭС 1986 г.

В.Н. Михайлов, доктор технических
наук, профессор, академик РАН

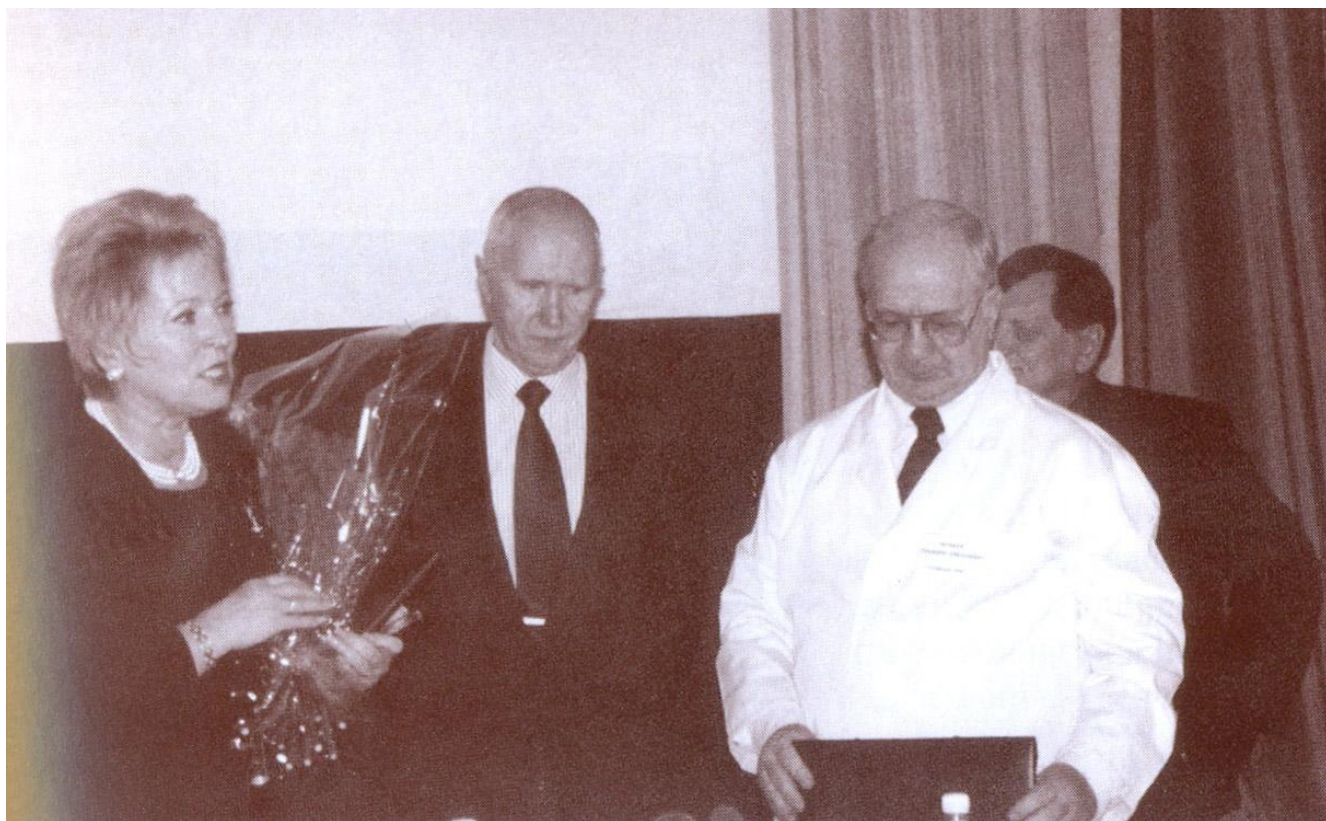
Академик РАН Э.М. Галимов

Академики РАН, слева направо: В.Н. Михайлов
Л.П. Феокистов, Е.Н. Аврорин на юбилее в г.Снежинске, апрель 1995 г.

Генерал-лейтенант Н.Н.Долгин,
председатель НТК ГО СССР
(1986-1987 г.г.). Участник ЛПК
на ЧАЭС, 1986 г.

На презентации новейшей медицинской аппаратуры в клинической больнице №83 города
Москвы. Слева направо: зам. Председателя Правительства В.И. Матвиенко, министр по
атомной энергии РФ Е.О. Адамов, главный врач больницы Г.Н. Матвеев, декабрь 2000 г.

Герой России академик
Валерий Алексеевич Легасов
(01.09.1936 г. – 27.04.1988 г.)

Маргарита Михайловна Легасова, академик
Международной академии экологии и
безопасности жизнедеятельности

Контр-адмирал В.А. Владимиров
доктор технических наук,
Заслуженный деятель науки РФ,
участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Обсуждение проекта развития
ситуационного кризисного центра.
Слева направо: министр
МЧС России генерал-полковник
С.К. Шойгу, министр по атомной энергии
РФ Е.О. Адамов
и генерал-лейтенант В.П. Берчик

Дозиметрический контроль загрязнений защитных комплектов

Белоруссия, июль 1986 г. Сотрудники научного центра МО, слева направо: подполковник В.П. Зубрилин, капитан 1-го ранга Г.А. Кауров, генерал-майор И.В. Евстафьев, подполковник В.И. Холстов

Генерал-майор Л.Н. Ильин,
доктор военных наук, профессор,
начальник НЦ 1039 МО СССР,
участник ЛПК на ЧАЭС, 1987 г.

Генерал-лейтенант В.И. Холстов,
начальник войск РХБЗ,
доктор химических наук,
профессор, участник ЛПК
на ЧАЭС, 1986 г.

Награждение академика РАН Кунцевича А.Д. Орденом Трудового Красного Знамени
Министром обороны СССР, Маршалом Советского Союза С.Л. Соколовым,
31 декабря 1986 г.

В теплице г.Припяти. На переднем плане Председатель ПК Б.Е. Щербина (1919-1990 гг.)

Генерал-майор мед.службы В.Г. Чвырев,
доктор медицинских наук, профессор,
Участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Министр труда и социального развития А.П. Починок (в центре),
заместитель министра А.И. Осадчих (слева),
президент Союза «Чернобыль» России В.Л. Гришин после совещания, Москва, 04.10.2000 г.

Генерал-полковник в отставке
В.В. Коробушин, доктор военных наук,
профессор, лауреат Ленинской премии
первый вице-президент АВН.

После вручения Ордена Ленина и медали Золотая Звезда
Героя Советского Союза генерал-полковнику В.К. Пикалову. Слева: Председатель
Верховного Совета СССР А.А. Громыко, Москва, Кремль, 14 января 1987 г.

Людмила Викторовна Максимчук

Виктор Михайлович и Вера Ивановна Николаевы на отдыхе, 1964 г.

Полковник А.М. Константинов,
кандидат технических наук,
участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Полковник С.И. Роговой,
участник ЛПК на ЧАЭС, 1987 г.

Капитан 1-го ранга Г.А. Кауров,
кандидат технических наук,
участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Сотрудники научного центра МО СССР
второй справа – полковник В.С. Исаев,
третий справа – Е.Е. Клевец, Чернобыль, 1986 г.

Доктор биологических наук,
профессор, Заслуженный деятель
науки РФ Кудряшов Ю.Б.
Участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Начальник инспекции Счетной палаты, действительный государственный советник РФ,
Г.Н. Карандаев, доктор экономических наук, профессор, участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Генерал-лейтенант, доктор технических наук, профессор Дутов В.П.
Участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Сотрудники Всероссийского научно-исследовательского института Гражданской обороны.
Десять лет спустя, на юбилее института. Участники ЛПК на ЧАЭС (слева направо):
Исаев В.С., Карпов К.К., Фесечко А.И., Баньщикова З.Е., Степанов В.Я., Мальшев В.П.

Генерал-лейтенант Н.Г. Садовников,
начальник ГУТ МО (1986-1991 гг.),
участник ЛПК на ЧАЭС, 1986-1988 гг.

Подписание протокола о сотрудничестве в производстве реакторного оборудования
на заводах "Шкода", г. Пльзен, Чехия, справа: Г.А. Шашарин, 1980 г.

Участвовал Г.Д. и в аутопсии, и в составлении документации по пациенту, погибшему в МСЧ в первые сутки от комбинированного терморadiационного поражения. Бесконечные устные личные и его телефонные ответы на запросы и консультации. Просмотр пополняющейся медицинской информации. Обучение на ходу врачей, работавших в аварийной зоне, и вместе с руководством МСЧ, обеспечение их работы всеми доступными средствами, что было так непросто!

Смешались дни и ночи, застыл календарь - на первом открытом еще 25.04.86 г. листочке, Г.Д. уже больше нужен в клинике, принявшей свыше ста, в т.ч. 2/3 очень тяжелых больных. Для них нужны были организация асептического режима вне малого асептического блока (6 мест - а нужно, по крайней мере, 46!), интенсивной, в т.ч. трансфузионной терапии, подготовка к проведению трансплантации костного мозга (шел поиск разбросанных по стране потенциальных доноров-родственников).

Никто, наверное, и не расспросил толком Георгия Дмитриевича о том, что и как он делал эти первые 10 дней в Припяти. Все мы просто обрадовались, что к нам вернулся такой нужный сотрудник, без скидки на все, что он пережил за прошедшие дни и от чего, наверное, безмерно устал.

И он этому не удивился, и без разговоров встал снова на бессменную, как и у всех других, вахту - снова в смешавшиеся день - ночь - помощь живым и их близким, тяжесть потерь и освоение огромных потоков «чуждых» клинике, не надолго приходивших врачей и сестер, пытавшихся то советовать, то учиться. Нужно было влиться в своеобразную ассоциацию «больница - клиника» и еще много других сотрудничающих с нами в этот момент учреждений, «проверявших нас» комиссий и экспертов, приехавшей с Р.П. Гейлом бригады зарубежных гематологов, поставщиков лекарств и оборудования.

Георгий Дмитриевич был в числе самых легких по контакту с окружающими сотрудников, который безотказно и охотно делал все: от сложных специальных процедур возле тяжело больных до доставки и монтажа поступивших приборов, консультаций в диагностических отделениях и общения с бесчисленными посетителями.

Вот тогда мы и почувствовали знание им реальной обстановки в первые часы на месте аварии, корректирующие иногда фантастические рассказы других «участников ситуации».

Постепенно мы справлялись с ситуацией, и к осени 1986 г. клиника вернулась к привычной работе, и к привычному скудному существованию. Г.Д. также естественно, без признаков «звездной болезни», несмотря на закономерную награду (орден Знак Почета), тоже вернулся к своему детищу - асептическому блоку, центрифуге-сепаратору клеток крови, анализу накопившегося опыта.

В 1994 г. он успешно защитил докторскую диссертацию под названием «Патогенетические методы лечения гемобластозов и костномозгового синдрома острой лучевой болезни тяжелой и крайне тяжелой степени (трансплантация гемопоэтических клеток и/или гемопоэтические ростовые факторы)», а в 1996 г. в теплом кругу друзей и соратников отметил свой 50-летний юбилей.

С 1996 по 1999 г. Г.Д. исполнял нелегкие обязанности заведующего клиническим отделом. Коллектив с доверием отнесся к нему, а Г.Д. успешно представлял клинику на ряде международных совещаний уже в качестве директора сотрудничающего Центра ВОЗ. Он принимал участие во всех основных научных публикациях по проблемам гематологии и радиационной медицины, которые были выполнены за эти 15 послечернобыльских лет, в строгом и требовательном внутреннем обсуждении исходов и последствий у тяжелобольных лучевой болезнью, в работе Экспертного совета по установлению причинно-следственных связей заболеваний, инвалидности и причин смерти с работами по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Заслуженный врач Российской Федерации.

Перечисляем лишь часть главных публикаций:

1. "Первоочередные медико-гигиенические мероприятия при радиационной аварии. Пособие для врачей".
2. "Руководство по организации санитарно-гигиенических и лечебно-профилактических мероприятий при крупномасштабных радиационных авариях".
3. "Проблемы организации работы территориальных органов здравоохранения и медицинских учреждений в начальный период крупномасштабной радиационной аварии".

4. "Радиационная авария в Несвиже (Беларусь). - (The radiological accident at the irradiation facility in Nesvizh)".

5. "Радиационная авария в Таммику (Эстония). - (The radiological accident in Tammiku)".

6. "Местные лучевые поражения у лиц из населения".

Общее число опубликованных работ - 127, в том числе участие в подготовке ряда руководств и методических пособий.

Серьезным испытанием для каждого человека, тем более для врача, является тяжелое заболевание и связанное с ним оперативное вмешательство.

Наверное, тогда в первый раз можно было задуматься, что для Г.Д. не прошли бесследно эти тяжелые годы и особенно те дни и месяцы 1986 г., когда на его плечи легли многочисленные физические и моральные перегрузки.

Но и в этом проявились в полной мере замечательные свойства личности Г.Д.: так мужественно и достойно он вел себя и в житейских испытаниях, и в принятых им рабочих решениях, и в формировании нового стереотипа своей деятельности - без скидок на прошлые заслуги и болезни.

Г.Д. справедливо награжден почетным знаком причастности к событию, резонировавшему во всем мире.

Мы радуемся, что он остается с нами: выдержанный, приветливый, доступный, охотно и умно обучающий своими яркими лекциями новые поколения врачей, искренне волнующийся за то, чтобы сохранить преемственность уникального опыта, накопленного клиникой.

Корни семьи Селидовкина Г.Д. можно найти в разных слоях общества. В ней, например, были купец 3-й гильдии, рядовой гусар, обедневший дворянин, но, видимо, бывший очень неплохим инженером-энергетиком: главный инженер г. Курска, главный инженер единственного тогда крупного предприятия города - тепловой электростанции, проектировщик и создатель одной из первых, а может быть, по легенде и первой, в России ветряной электростанции, которая продолжает работать уже более 100 лет.

Г.Д. является врачом во втором поколении. Его родители познакомились в Курском медицинском институте, поженились в период эвакуации во время ВОВ в г. Алма-Ата.

Его отец - Дмитрий Алексеевич - сначала поступил в Ленинградскую художественную академию, но из-за тяжелого материального положения родителей вынужден был из нее уйти, чтобы жить в семье и зарабатывать деньги на жизнь. В г. Курске тогда было только два института: педагогический и медицинский, который он и выбрал. Он учился и работал и в г. Курске, и в г. Алма-Ата. После окончания мединститута с конца 1943 г. служил начальником медсанбата одного из полков Дновской дивизии, воевавшей на Северо-западном фронте. Награжден боевыми орденами и медалями.

После окончания войны вернулся к семье в г. Курск, где, несмотря на опыт военно-полевого хирурга и институтское желание посвятить себя физиологии, в связи с почти поголовной безработицей, приступил к работе санитарным врачом. Позже был назначен заведующим сначала районной, а затем городской санитарно-эпидемиологической станции. Его работу заметили, и в 1954 г. перевели на должность санитарного инспектора в Минздрав СССР, где среди других вопросов он курировал тогда еще создававшиеся СЭС системы 3-го Главного управления (сейчас - Федеральное управление «Медбиоэкстрем»). Заинтересовавшись некоторыми специфическими аспектами санитарно-эпидемиологической работы в атомной промышленности, он перешел в Управление и начал формировать из разрозненных учреждений общую систему. Это потребовало формирования головного центра - была создана Центральная СЭС 3-го ГУ, главным врачом которой он и проработал более четверти века.

За эти годы он боролся с вспышками кишечных или особо опасных инфекций, учитывая особенности контингентов, обслуживаемых 3-м ГУ санитарно-гигиеническим и эпидемиологическим обеспечением жизнедеятельности некоторых закрытых городов и населенных пунктов, детских учреждений и пионерских лагерей, воинских коллективов и т.д., т.е. занимался рутинной работой.

Особое внимание он уделял санитарно-гигиеническим аспектам радиационной защиты при испытаниях атомного оружия, выполнении космических программ, работе на ядерно-энергетических установках и атомных электростанциях в том числе. Санитарно-гигиеническим

вопросам охраны здоровья персонала последних и членов их семей была посвящена его кандидатская диссертация.

За обширный спектр успешно выполненных работ по охране здоровья населения страны Д.А. неоднократно награждали правительственными наградами, а в 1969 г. ему присвоено звание Героя Социалистического труда СССР.

Мать - Алла Андреевна - после окончания в эвакуации мединститута была распределена в Геок-Тепинский район Ашхабадской области, где в течение 2-х лет работала педиатром. Население района в основном проживало в кишлаках, и поэтому работа осуществлялась «на горбах верблюда» - она с медсестрой переезжала из одной точки в другую, разворачивали временный медпункт и оказывали помощь не только детям, но и, естественно, взрослым. Только почти через год после рождения сына ей было предоставлено место педиатра в самом городке.

Вернувшись в г. Курск, она работала в городском роддоме в отделении «микрopedиатрии», в котором наблюдались дети после рождения до их выписки или брошенные матерями до времени, когда детей можно было передать в детский сад, т.к. устроить их в ясли практически было невозможно. Помимо этого тогда все врачи дополнительно и безвозмездно дежурили в госпиталях для раненых на фронтах ВОВ.

Переехав в г. Москву из-за сложностей поиска работы, ей пришлось переквалифицироваться, и она стала работать врачом функциональной диагностики: электрокардиография, фонокардиография, плетизмография, энцефалография и т.п. Сначала она работала в МСЧ-12, а затем в Клинической больнице № 6, где потом стала заведовать отделением функциональной диагностики. Овладев тонкостями функциональной диагностики, она не только занималась практической деятельностью, но и преподавала на курсах повышения квалификации. К сожалению, несмотря на большой собранный, заведомо диссертационный материал и почти готовую работу, защитить кандидатскую диссертацию ей не представили возможность. Отмечена многочисленными благодарностями и премиями.

Селидовкин Г.Д. имеет двух дочерей, которые, окончив юридический факультет, работают в правоохранительных учреждениях. Его брат закончил МИФИ, по специальности - физик-теоретик, кандидат физмат наук, работал в Курчатовском центре, сейчас - Ученый секретарь РАН.

ОДНА ИЗ МАССОВЫХ ПРОФЕССИЙ

Вилькович Юрий Юрьевич, участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Родился 15 апреля 1965 г. На работы по ликвидации аварии ЧАЭС был призван из запаса РВК Дзержинского района Калужской области. До аварии работал взрывником в тресте «Союзвзрывпром». В Чернобыль прибыл 10 октября 1986 г. Службу проходил в 26-й Московской бригаде. Был водителем автомобиля ЗиЛ-131, производил работы по дезактивации техники и зданий на станции и в 30 км зоне. Непосредственно на станции работал 45 дней. Участвовал в работах на III энергоблоке, в Припяти, производил дезактивацию техники, приходящей с работ из «рыжего леса». Работал у четвертого энергоблока. Больше всего запомнился первый выезд и монтаж саркофага, и как постоянно над реакторами поднимался дым, и кружили вертолеты. Но больше всего запомнилось мужество советских ребят, которые встали грудью на защиту от невидимого врага своей Родины, матерей, жен, детей. Не щадя своего здоровья, а порой и жизни, шли на самые трудные работы и выходили победителями. Бригада наша стояла в селе Оранное. И больно было смотреть, проезжая по 30-км зоне, на мертвые деревни, поселки, города. И порой не верилось, что несколько месяцев назад здесь цвели сады, играли, смеялись, радовались жизни дети, взрослые ходили на работу, а старики трудились на участках. Выезжая на станцию, получали накопитель - маленький прибор, который показывал, какую дозу облучения получил во время работы. Но очень часто приходилось писать объяснительные, потому что прибор показывал большие дозы облучения. Демобилизовался 24 декабря 1986 г. В 1987 г. приехал в Москву. Десять лет отработал на строительстве Московского метро в Мосметрострое. В 1997 году получил инвалидность.

Хочу выразить большую благодарность врачам и медицинскому персоналу Института диагностики и хирургии, а также руководителю отделения профессору Зубовскому, заведующей терапевтическим отделением 224-й городской поликлиники Исаевой Е.Н.

Всем чернобыльцам желаю большого здоровья, счастья и долгих лет жизни.

ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТ ВВ МВД

Наумов С.В., участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Родился 1 апреля 1956 года. В командировку направлен по распоряжению начальника Внутренних войск МВД России. Прапорщик ВВ МВД СССР (Фотокорреспондент Центрального музея ВВ МВД СССР). В Чернобыле находился в качестве фотокорреспондента Внутренних войск МВД СССР. Имеется карточка учета доз радиоактивного облучения. Пребывание в 30-км зоне отчуждения, Чернобыле, Припяти. По специфике работы мне приходилось общаться как с рядовым составом, так и с командованием. Производил фоторепортажные съемки и сбор информации об исполнении служебных обязанностей личного состава ВВ МВД СССР. По-фронтовому тяжелый и ответственный труд лег на плечи командиров частей, их заместителей. Неизмерима тяжесть солдат и сержантов, ротных и взводных командиров. Кроме круглосуточного несения боевой службы на постах, количество которых не совпадало с возможностями войск, этим же военнослужащим приходилось создавать инженерные заграждения, оборудовать КПП, места расположения войсковых нарядов и обстраиваться в местах дислокации. Солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров, совершивших этот подвиг, не перечесть, многие из них были удостоены государственных наград. В командировке находился с 4 июня по 8 июня 1986 года. В Чернобыле был ежедневный медицинский контроль, брали кровь на анализ, ежедневный учет дозы рентгенов. После командировки был поставлен на учет, и каждый год проходил диспансеризацию. В 1992 году при очередной диспансеризации были обнаружены увеличение щитовидной железы, хронический гепатит, гипертония, боли головы и суставов. В 1992 году находился на излечении в Центральном госпитале МВД, в 1993 году в ГТК ММА им. И.М. Сеченова. И в 1996 году пришлось уволиться по состоянию здоровья. Пенсионер с 1996 года. После Чернобыля было присвоено звание старшего прапорщика. Позже был командирован в горячие точки. Северная Осетия, Карабах, Владикавказ, Чечня (два раза).

Я ПОБЕДИЛ "ЧЕРНОБЫЛЬСКИЕ БОЛЕЗНИ"

Бондаренко Г.А., полковник запаса, доцент. Участник ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, 1987 г.

Взрыв в Чернобыле застал меня в отпуске. По прибытии я позвонил в штаб округа и попросил направить ликвидировать последствия этой беды, так как считал, что мои знания и опыт могут пригодиться. В это время я служил в Московском ОКУ в должности старшего преподавателя - начальника химической службы. Из штаба ответили, что "придет когда-нибудь и мой черед". И в июне 1987 года я уже был в Чернобыле заместителем командира бригады химической защиты Московского военного округа. На месте мне была поставлена задача - ежедневно вывозить бригаду из населенного пункта Оранное на станцию и руководить работами по дезактивации 3-го энергоблока. Кроме того, батальоны выполняли много других задач по дезактивации "рыжего" леса, прилегающих сел и другие. Почти три месяца с утра до вечера я находился на 3-м энергоблоке. Хочется отметить высочайшую добросовестность ликвидаторов и, как недостаток, безграмотность в вопросах радиационной безопасности.

Для многих такие понятия как радиация, дезактивация были довольно туманными, а воинов-химиков на 1500 человек было раз-два, и обчелся.

Меры безопасности соблюдались плохо не из-за нерадивости, а только по незнанию. Приходилось по ходу работ учить людей.

Вспоминаю два случая. Бригада после развода выдвигается в крытых машинах на станцию. "Партизаны" сидят в крытых машинах, курят в условиях пылеобразования. Второй

случай. На вентиляционной трубе сидит уже немолодой человек и добросовестно трет ее наждаком, металлической щеткой (дезактивирует). Пыль столбом, а он без респиратора. И только после разъяснения этих оплошностей люди соблюдали меры безопасности. Меня как военного человека удивляла высочайшая организованность в бригаде. За несколько минут осуществлялась посадка по машинам тысячи человек. Этот пример в дальнейшем я приводил курсантам.

К военным руководство станции относилось хорошо, но требования были жесткие: "Почему медленно идет дезактивация, почему не вывезли радиоактивный "мусор" в контейнерах". В кратчайшие сроки нужно было дезактивировать большое количество помещений 3-го энергоблока. Применялись самые различные способы, вплоть до прибивания к стенам свинцовых листов, с помощью пистолета. Через месяц ко мне все же подкралась радиация. Я начал сильно уставать, как будто целый день жарился на солнце. Вдруг стали шататься все зубы и просто выпадать прямо с корнем. Берешь двумя пальцами и вытаскиваешь. Я доложил командиру, но он ответил, что мы выполняем правительственную задачу и "находимся на переднем крае борьбы с империализмом", и только через два месяца меня отпустили домой. Я был доволен и счастлив. Но тут начались неприятности. Лег в госпиталь подлечить зубы, а вытащили 9 штук. Я подумал: "Черт с ними, с этими зубами, значит слабое звено в моем организме - десны. А радиация наносит удар по самым слабым местам. Это не главное. Стала часто болеть голова, сердце. Давление подскочило 190/110. Такого у меня никогда не было.

И начались мучения по различным госпиталям, где методика лечения была одна: "Пей таблетки, глотай таблетки. Лежи тихо, не шевелись. Это продолжалось два года. Я пожелтел, осунулся. Периодически терял сознание. Домашние перепугались. Жене даже стало казаться, что по квартире бегают мыши. Все думали, что я долго не протяну. И вот, на счастье мне, сослуживец дал книгу одного рязанского врача, не помню фамилии, который лечил гипертоников с помощью бега трусцой. Я воспрял духом, начал потихоньку ходить, бегать и контролировать свое давление. Дома мне готовили различного рода салаты для выхода радионуклидов. Через полгода тренировок я спрятал в дальний ящик прибор для измерения давления и больше им не пользуюсь.

Сейчас участвую в соревнованиях по бегу среди ветеранов и показываю довольно не плохие результаты. Недавно пробежал полумарафон за 1 час 30 минут.

Традиционная медицина вообще мне не советовала бегать, а спортивная медицина наоборот. Сейчас я чувствую себя прекрасно. И советую друзьям-чернобыльцам по возможности перенять мой опыт.

КОРОТКО О ГЛАВНОМ

Седойкин С.С., участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

У большинства людей в памяти навсегда отражаются самые яркие события, оставившие след в их жизни, будь то хорошее или плохое. Одно из таких событий произошло 26 апреля 1986 г. - авария на 4 блоке, мало кому известной до этого АЭС в г. Чернобыле. По скудной информации, которая доходила до нас в эти дни, я понял, что случилась большая беда и что меня и моих товарищей по работе она обязательно коснется. Волею судьбы после окончания института я был распределен на работу в одно из научных подразделений системы МО, сейчас это учреждение называется НИИ Гражданской обороны. По сути, ликвидация аварии на ЧАЭС - это наш хлеб, поэтому вопрос ехать или нет, не стоял. Все думали о том, когда пошлют, сразу или позже. Я считаю, что нам очень повезло, что командиром нашей части в то время был Борис Павлович Дутов, доктор технических наук, профессор, прекрасный руководитель и просто хороший человек. Он пригласил меня к себе в кабинет и предложил поехать с ним в составе первой группы, попросив поговорить с комсомольцами управления (я в ту пору был секретарем комсомольской организации). Мы с ребятами посоветовались и решили, что ехать надо сразу и вместе, так будет лучше и легче. Поехали даже те, кто по состоянию здоровья могли остаться, например, Галина Головки, которая настояла, чтобы ее отправили с первой группой, хотя ее отговаривали. Честно говоря, было боязно и тревожно, героями себя никто не чувствовал. Никто

не мог знать о последствиях. Как специалисты мы отдавали себе отчет, что эта командировка не в благополучное место, и что это когда-нибудь о себе напомнит. Все знали, что работать придется не на научных должностях, а куда определят. Но за спины друг друга никто не прятался и за справками по больницам не бегал. Надо - так надо. В мае, когда все сборы подошли к концу, нашу группу на самолете доставили в г. Овруч, где уже находился штаб управления. Мне пришлось трудиться в группе обеспечения. Первые недели работали без передышки по 16 часов, спать было некогда. Удивлялись, откуда берутся силы, потом привыкли и каждый из нас, в меру возможности, старался сделать больше. Работали все добросовестно и, хотя очень уставали, никто не ныл. Мне приходилось много ездить по соседним районам, и везде видел последствия большой беды. В глазах людей страх и тревога. Только тогда я понял всю степень несчастья, которое постигло нашу страну. Находиться там и не киснуть нам помогал коллектив. Мы впервые почувствовали себя одной командой, где каждый отвечал за каждого, такого взаимопонимания, взаимовыручки до этого не было. Когда выходило свободное время, мы собирались вместе, главным заводилой и балагуром был Александр Швырков, я очень хорошо помню его шутки, анекдоты. Очень жаль, что он рано ушел из жизни. Светлая ему память, мы помним о тебе, Саша. Оглядываясь назад, сейчас, когда прошло много лет, я горжусь тем, что пришлось стать участником тех событий. Сейчас нет ликвидаторов, которые в той или иной степени не испытывают проблем со здоровьем, и наше государство не должно забывать о людях, которые закрыли страну от великой напасти.

ИЗ КРАСНОЯРСКА В ЧЕРНОБЫЛЬ

Надубов А. А., участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Для меня встреча с Чернобылем началась, как и для многих, внезапно. В 1986 г. я служил в Красноярске в оперативном отделе штаба ГО края. 20 декабря в штаб пришла телеграмма, с указанием моей фамилии и требованием в 2-дневный срок прибыть в Киев. Телеграмма пришла в пятницу, к концу рабочего дня, а в воскресенье я уже должен быть в Киеве. В это время офицеры штабов ГО РСФСР еще не привлекались к ликвидации аварии в Чернобыле. Для меня и моего руководства это было неожиданно. Никто заранее не согласовывал ни сроки, ни кандидатуры привлекаемых офицеров. Моя семья восприняла это сообщение очень тревожно, но делать было нечего, и я через 4 часа уже улетал в Киев. В воскресенье в Киеве формировался состав оперативной группы МО СССР для Руководства работами по ликвидации последствий на ЧАЭС. Впервые эта группа формировалась из состава ГО СССР, и ГО СССР передавались все функции по решению этой задачи. В Чернобыль мы прибыли поздно вечером 22 декабря. Разместили нас в общежитии Чернобыльской АЭС - 5-этажном блочном доме. Оперативная группа размещалась в здании исполкома Чернобыльского р-на. Меня назначили в информационную группу. В мои обязанности входил сбор информации о работах, проведенных частями, входящими в группировку, по ликвидации последствий аварии по специальной форме. Работа в составе оперативной группы была однообразной и монотонной. Работали без выходных и праздников, по графику: 8 часов смена, 8 часов отдых, и так далее. Поэтому все свободное время поглощала работа. В свободное время я старался больше узнать и увидеть все, связанное с аварией. Поэтому хочу остановиться на самых ярких впечатлениях, связанных с моим пребыванием в зоне аварии. Зима на Украине в декабре 1986 г. оказалась небывало морозной и снежной. В канун Нового 1987 года температура ночью опускалась до -31 С. система отопления в большинстве домов была разморожена. В нашем общежитии батареи были чуть теплые. Мне повезло - я спал возле батареи, в ватниках и валенках под двумя одеялами, так как в комнате было около нуля. Новый год мы встретили с чаем и печеньем. Поздравили друг друга и легли спать. Особое впечатление оставило посещение АЭС. Все внутренние помещения АЭС ежедневно мыли (дезактивировали) солдаты бригады химзащиты. При посещении станции мы брали с собой дозиметры и приборы радиационного контроля. И хотя территория и помещения ежедневно обрабатывались, в отдельных местах встречались участки с уровнем радиации до 3-4 рентген. Огромное количество коммуникаций труб и арматуры невозможно было обработать, и они создавали мощный фон излучения. При пребывании на крыше уровень излучения возрастал в 10 раз. Вся обстановка и атмосфера внутри станции была мрачной и давила на психику.

Отдельные помещения и островки, где постоянно находились люди, тщательно обрабатывались и были более безопасными. И все же многие хотели попасть в состав группы, работающей на АЭС. Глубокое впечатление оставило посещение Припяти в январе 1987 г. Когда мы прибыли туда, город оставлял мрачное впечатление мертвого города, занесенного снегом. Еще более мрачную картину представлял завод «Юпитер». Мы зашли в заводоуправление, современное 6-эт. здание. Большинство лабораторий и кабинетов были разорены. На полу и на столах валялись разбитые и целые приборы и оборудование. На полу лежали горы книг, битое стекло. На мой взгляд, авария не принесла столько вреда, сколько его принесли мародеры и варвары. Такая же картина наблюдалась и в некоторых квартирах, которые мы видели. Многие события за эти годы стерлись из памяти. О многом трудно сказать. Я знаю, что в мутной воде вокруг Чернобыля обогащалось много всякого рода мерзавцев, были и напуганные жертвы. Об этом уже немало сказано. Но абсолютное большинство солдат и офицеров честно выполняли свой долг, рисковали здоровьем и не жаловались на выпавшее на них бремя. Простые люди, с которыми мне приходилось встречаться в Киеве, в населенных пунктах, прилегающих к зоне, да и других местах, очень искренне относились к ликвидаторам. Возвращались назад 15 марта. В Киеве, в аэропорту «Борисполь» два дня стоял сплошной туман, скопилось несколько тысяч людей. Спали на полу. Но как только открыли аэропорт, я улетел в числе первых, так как ликвидаторов пропускали без очереди. В Красной реке я был одним из первых, кто побывал в Чернобыле, не считая специалистов атомщиков из Красной реки-26 и Красной реки-45. В течение месяца я выступал перед работниками Крайкома КПСС, крайисполкома, краевого управления УВД, КГБ, перед студентами и школьниками и просто в кругу друзей. Это говорит о том, что всей нашей стране, даже далекой Сибири, было очень важно знать, что происходит в Чернобыле. Мы были одной страной и одним народом, с общей болью и общей заботой. Будет ли такое дальше - пока не знаю.

ГОД 1986

Полякова Т.А., участница ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Год рождения - 1942 г. Участник ликвидации последствий аварии на ЧАЭС в 1986 г. Работаю во Всероссийском научно-исследовательском институте по проблемам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям с 1977 года. У меня общий трудовой стаж 41 год, из них 23 года работаю в институте и являюсь ветераном труда. Но вот в 1986 году грянула страшная «чума» - чернобыльская катастрофа и во многом изменила планы и судьбы наших сотрудников. Практически весь личный состав института оказался в Центре страшных трагических событий. На базе ВНИИ ГОЧС в мае 1986 года был создан Научный центр Министерства обороны. Активное участие принимали замечательные люди нашего института: начальник ВНИИ ГОЧС, доктор технических наук, профессор генерал-лейтенант Дутов Борис Павлович, Цивилев Михаил Порфирьевич, Сульдин Юрий Иванович, Русенков Юрий Михайлович, Степанов Владимир Владимирович, Хомко Аркадий Антонович, Милехина Светлана, Баньщикова Зоя, Головка Галина и др. Вместе с ними работала и я, с июля по август 1986 г. Мы всегда ощущали в трудную минуту локоть товарища и старались быть рядом. В таких ситуациях всегда познаешь - кто есть кто. Еще меня очень поражали своим самопожертвованием местные люди, которые жили в зараженной местности. Это такие прекрасные люди. Понимая всю опасность и серьезность случившейся беды, они относились к нам с такой любовью и надеждой, что мы им поможем выжить в такой ситуации, но уезжать из города не хотелось. Я никогда не забуду их доброту и внимание к нам. Нас приглашали к себе в дом, угощали как самых дорогих гостей, и мы вместе пережили эту боль и горе. К сожалению, среди тех людей, с которыми мы работали в центре, многих нет в живых. Молодыми ушли из жизни офицеры Кучеренко Анатолий, Дементьев Сергей, Овчаренко Владимир, Швырков Александр. Им не было 40 лет. Также из жизни ушли наш бывший начальник института Дутов Борис Павлович, Сульдин Юрий Иванович. Светлая им память. Многие сотрудники потеряли здоровье и стали инвалидами. Но жизнь продолжается, течет своим чередом. Одно большое желание - жить под чистым, голубым небом, пусть никогда не повторяется то страшное время, и сберечь от беды нашу дорогую, красивую ЗЕМЛЮ.

СЛУЖАЩИЕ СОВЕТСКОЙ АРМИИ В ЧЕРНОБЫЛЕ

Милехина С.Ю., участница ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

В 1986 г. я работала машинисткой в Институте Гражданской обороны. В апреле 1986 г. узнали об аварии на ЧАЭС. Нас, группу сотрудников, вызвали в политотдел, сообщили, что надо ехать на работу на место аварии. И уже 29 мая мы вылетели с аэродрома Чкаловский. Нам тогда мало что было известно о последствиях. Природа, красота неопишная, но все заражено. Ничего нельзя брать - ни овощей, ни цветов, ни фруктов. Нельзя ходить по обочинам дороги. Нас, служащих СА, было не так уж много (пусть мне простят те, кого уже не могу вспомнить). Вместе со мной в тот период работали Банщикова Зоя Ефимовна, Уточкина Нина, Швырков Саша, рано ушедший из жизни, Кузнечихин Олег, Полякова Таня, Головкин Галя, Журиков Валя. Правду говорят, что все познается в беде. Эти экстремальные условия помогли нам сплотиться. Все были внимательны и заботливы друг к другу. Работала я в оперативном отделе машинисткой. Работы было много. Было много материала по радиации и ее последствиям. По 14-18 часов приходилось сидеть за машинкой, вызывали по ночам. Но когда бы я ни пришла с работы, всегда был горячий чай, сначала Зоя, а потом Татьяна, заботились обо мне. Очень запомнился мой день рождения. Дома у меня осталось двое детей (две доченьки). И вот первый раз за всю жизнь я была далеко от дома в свой день рождения. И вот, когда я пришла в гостиницу после работы, я была приятно удивлена. Вся моя комната была в цветах, а на столе был большой пирог. Поздравляли все друзья и командование. Потом было много дней рождений, но я до сих пор с теплотой вспоминаю тот неповторимый день. Когда адаптировались, сдружились, стало немного повеселей. Помогали друг другу жить в тех условиях. Когда стало поменьше работы, стали чаще вечерами собираться, много говорили о семьях, о детях, читали стихи, пели под гитару песни. Были дни, когда становилось тоскливо, и тогда появлялся в нашей компании Володя Степанов (тогда еще Володя), сейчас солидный человек, занимается проблемами гражданской обороны. Так вот, Володечка мог двумя-тремя словами поднять настроение. У меня, например, сразу веселее на душе становилось. И тогда я могла уже поддержать, подбодрить других. Моя командировка продлилась до 24 августа. С теплотой вспоминаю Масюка Владимира Андреевича, который помогал связаться по телефону с мужем и родителями. А когда возникли некоторые семейные обстоятельства, то помог начальник политотдела Чекулаев Г.П. - летала в командировку домой. Вскоре начались болезни, нарушился обмен веществ, диабет. Вот уже семь лет как на пенсии. Но жизнь складывается так, что приходится работать до сих пор. Работаю в хорошем коллективе. Мне всегда везло на хороших людей. Я низко кланяюсь всем, кто помогал жить тогда и тем, кто помогает выжить сегодня.

ИЗ ЧЕЛЯБИНСКА В ЧЕРНОБЫЛЬ

Попов А.В., участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Родился в 1962 году. Принимал участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС с 14 июня по 14 декабря 1986 года. Проходя срочную службу в г. Челябинске-65, нас 4 человек, имеющих водительские права, отправили в Чернобыль для ликвидации последствий ЧАЭС. Сначала мы попали в полк в Иванково. Недалеко от зоны, в палатках была натянута специальная противорадиационная пленка, стояла страшная жара, и находиться в них было невыносимо. Отсюда не каждый день нас возили в Чернобыль, где, мы поначалу загружали вертолеты мешками со специальным порошком, которым посыпали реактор. Потом нас отобрали в автороту и перевели в поселок Тетерев, дали нам спальные вагоны, которые мы благоустраивали по ночам, когда нас привозили из зоны, увозили нас в 5 утра, привозили часов в 10 вечера. Чернобыль производил неприятное впечатление, он был пуст, кругом было все разбросано, бегали брошенные животные с отупевшими глазами, не понимающие, что происходит. Ликвидаторов там было еще мало, в основном солдаты срочной службы и гражданские. Сначала из дозиметрических приборов нам дали только по «таблетке», которые, сказали, что будут проверять по истечении месяца. Только потом нам выдали «карандаши», которые проверяли

каждый день. Официально у меня зафиксировано 17,8 рентген. В июле, в самую жару, мы разгружали баржи на реке Припять со щебенкой для бетонного завода, который сами и строили. Воду нам привозили только минеральную, раздеваться и ополаскиваться в реке запрещали. Потом нас посылали расчищать площадку под перевалку бетона с чистых машин на грязные, километрах в 1,5 от реактора. Офицеров у нас меняли каждые 2 месяца, а солдаты оставались те же. Только после приказа министра Соколова было распоряжение: срочников вывести из зоны. И все-таки нас еще долго туда возили, только глубокой осенью нас вывели оттуда, и мы стали мыть загрязненные машины на КП. В декабре стало невыносимо холодно и в вагончиках жить стало невозможно. Нам осталось дослужить еще полгода, и мы были отправлены в г.Днепродзержинск, откуда и демобилизовались. Ухудшение здоровья я почувствовал в 1998 году - работал монтажником, и в ночной смене у меня было несколько приступов с сердцем, потом начала болеть спина и суставы. В 1996 году получил инвалидность.

РАДИОДОЗИМЕТРИСТ

Отрошенко Э.Л., участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Родился в 1938 году. Участвовал в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС с 3 сентября по 4 октября 1986 года. Был командирован дирекцией НПО «ВНИИЛИТМАШ» по распоряжению штаба ГО г. Москвы и решению Краснопресненского районного Исполкома №9/16 от 01.09.86 г. К моменту командировки являлся старшим научным сотрудником НПО «ВНИИЛИТМАШ» и одновременно членом штаба ГО предприятия. В командировке выполнял должность радиодозиметриста. По косвенным данным за период работы по ликвидации на ЧАЭС получил дозу не менее 15 рентген. На начальном этапе работы проводились на площадях Хойниковского района. Далее и до конца командировки - Злынка, Новозыбков, Комаричи. Задачей нашей группы являлось определение уровня радиационного заражения местности, составление и перепроверка карт с указанием уровня радиации. Кроме указанных работ, контролировалась система загрязнения радиацией сельскохозяйственных продуктов и животных. Из наиболее запоминающихся эпизодов считаю случай, когда от нашей рабочей группы (мы перемещались на стареньком УАЗике) ударили люди с велосипедами, нагруженными какими-то мешками, а также довольно частое обращение к нам местного населения с просьбой проверить радиационное заражение личного домашнего скота - телят, поросят и т.д. После возвращения в Москву я сдал отчет по работе в штаб ГО г. Москвы и, к сожалению, со своими товарищами я больше не встречался. С 19 сентября 1991 года я - пенсионер. Как чернобылец я вышел на пенсию по старости ранее установленного возраста. До многих моих «Чернобыльских дел» здоровье у меня было отличное. В 1985 году я даже был удостоен знака «Почетный донор СССР». А ориентировочно с 1988 года здоровье постепенно стало ухудшаться. Я часто стал посещать районные поликлиники, и в 1994 году был впервые госпитализирован. Периодически прохожу лечение в госпитале ветеранов войны № 2. Доставлялся на «скорой» в Спасо-Перовский госпиталь «Мира и милосердия». Прохожу обследования в НИИ Диагностики и хирургии, и конечно, в районной поликлинике № 167. Сейчас я инвалид II группы с пятилетним стажем. Желаю здоровья и долгих лет жизни всем чернобыльцам! И большая обида на работников Комитета по социальной защите населения за политику снижения (урезания) денежных выплат за возмещение вреда чернобыльцам-инвалидам.

ОКАЗАНИЕ ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Полежаев В.В., участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Родился 25 сентября 1938 г. В Чернобыле находился с 16 февраля 1987 г. по 9 марта. Направлен туда руководством организации НПО «Энергия - ОКБ «Горизонт». Командировка была вызвана просьбой руководства цеха радиационного легирования кремния (ЦРЛК) - начальник Литовченко Александр Васильевич - оказать техническую помощь в разработке конструкторской документации и изготовлении опытного образца модернизированного

устройства для производства легированного кремния на втором энергоблоке ЧАЭС. Медицинский контроль в Чернобыле не проходил. На момент командировки в Чернобыль занимал должность ведущего конструктора в ОКБ «Горизонт». В Чернобыле занимался разработкой конструкции, выпуском рабочей документации и контролировал изготовление опытного образца в мастерской ЦРЛК. Только первую ночь по приезду провел в Зеленой зоне, все остальное время проживал в бывшем жилом 9-этажном доме на центральной улице Чернобыля. В основном контактировал с начальником ЦРЛК Литовченко Александром Васильевичем и его сотрудниками, а при согласовании и утверждении документации - с техбюро ЧАЭС; частичную помощь в выпуске технической документации мне оказывали сотрудники Московского института «Гиредмет», специально вызванные руководством ЦРЛК. До 1987 г. я был в Чернобыле 3 раза, и с коллективом ЦРЛК у меня были хорошие отношения. По возвращении в Москву замечал у себя неполадки с горлом, часто опухали десны, что приводило к потере зубов. На пенсию вышел в 1993 году. На излечении в медицинском учреждении не находился.

АКАДЕМИК АН СССР
ВАЛЕРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЛЕГАСОВ
(01.09.1936 г. - 27.04.1988 г.)

Легасова М.М., академик Международной академии наук Экологии и безопасности жизнедеятельности.

Легасов В.А. родился 1 сентября 1936 г., в День Знаний, в г. Туле в семье служащих, в 1954 г. окончил Московскую школу № 56 с золотой медалью. Его выпускное сочинение по литературе было признано лучшим в городе. Директор школы Окуньков Пётр Сергеевич сказал родителям Валеры: «Это взрослый человек, будущий государственный деятель, талантливый организатор. Он может быть философом, историком, инженером и т.д.!» Он поступил в Московский химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева на физико-химический факультет. После тщательного отбора был приглашен в отделение Молекулярной физики ИАЭ им. И.В. Курчатова для выполнения дипломной работы, погрузился в решение текущих исследований. Сразу зарекомендовал себя по инженерной подготовке, эрудиции - взрослее сверстников, работал с подъемом, вдохновенно. Продемонстрировал незаурядные экспериментальные способности. После успешной защиты дипломного проекта академик Кикон И.К. предположил Легасову В.А. остаться в институте и готовиться к экзаменам в аспирантуру. Но еще ранее Валерий Алексеевич дал слово товарищам по МХТИ им. Д.И. Менделеева уехать работать на Сибирский химический комбинат. Слово сдержал, работал на комбинате, что дало ему практические знания и хорошую закалку. Работая, он сдал кандидатские экзамены. При сдаче кандидатского экзамена по философии он получил приглашение на работу на кафедру философии Томского государственного университета. Возвратился в Москву в конце 1962 года, поступил в аспирантуру Института атомной энергии им. И.В. Курчатова. Ему было предложено изучать коррозию металлов в технологических средствах фторидного процесса. Осенью 1963 г. из сообщения в JACS стало известно, что за океаном Н. Бартлеттом в 1962 г. впервые получено первое истинно химическое соединение благородных газов (XePtF_6). Химики горячо и заинтересованно обсуждали новую ситуацию...

Открытие меняло традиционные представления, огромная новая область, часть периодической системы Д.И. Менделеева открылась для уникальных исследований, появился соблазн синтеза казалось бы немыслимых соединений. Аспирант В.А. Легасов оставил свою узаконенную тему и немедленно начал переговоры с физиками о возможности взаимодействия фтора с ксеноном в электрическом разряде, он добывает химически чистый ксенон и в свободном боксе начинает работу. Параллельно довел до интересных результатов свою аспирантскую тему. Ученые в различных отзывах о его работах отмечали, что основная научная деятельность неразрывно связана с потребностями отрасли, где на одном из предприятий Сибирского комбината он начинал трудовую биографию. Его первые работы по ректификационной очистке и химии гексафторидов тяжелых металлов показали техническую

осуществимость и целесообразность применения ректификации для глубокой очистки этих соединений, нашедших практическое использование.

Он провел имеющие прикладное значение обширные исследования коррозионной устойчивости различных материалов в среде гексафторидов. При изучении коррозионной активности некоторых гексафторидов им впервые обнаружена и объяснена их аномально высокая (сравнительно с элементарным фтором) химическая активность по отношению к металлам при температуре выше 550° С.

С осени 1963 г. Легасов В.А. - непосредственный исполнитель и постоянный руководитель всех научных и опытно-конструкторских работ в области химии соединений благородных газов. Получены десятки уникальных веществ.

В скорости работы никто и никогда с ним состязаться не мог. Он быстро, без раскачки переходил от слов к делу.

Устанавливал деловые контакты с теоретиками из ИОНХа, крупнейшими специалистами по квантовой химии, с учеными, производственниками из многих городов и организаций страны.

Легасов В.А. владел ярким даром стратегического мышления. Ему была подарена природой интуиция, рабочая целеустремленность, умение доводить дело до конца. Он не только видел колоссальное практическое значение выдающегося фундаментального открытия в химической науке, но работал и над реализацией технологических проектов. Налаживалось производство и поставка в торгующие организации килограммовых количеств новых соединений. Интуиция не подвела его: он один в самом начале воспринял бремя риска, усилий, не отступил, стал лидером в новейшей области науки и технологии. Легасов В.А. пошел своим оригинальным путем, повторил известные результаты и вышел на новые рубежи исследований, став одним из первооткрывателей в новой области химии.

2 апреля 1966 г. ему присвоили почетное звание «Изобретатель Государственного комитета по использованию атомной энергии СССР».

Эксперимент с фтором под давлением в сотни атмосфер требовал знаний, напряжения и искусства. Его девизом была опора на собственные силы, он умел все необходимое изыскивать из имеющихся средств, никогда не охотясь за импортным. Новое интересное дело собрало вокруг Легасова В.А. много талантливых, одаренных сотрудников.

В 1967 г. Легасов В.А. защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата химических наук. Не часто на защиту представляют такие диссертации, о которых ученые, авторитетные оппоненты заявляют, что это работа на уровне докторской. Продолжение работы инициировало исследования по ксенон-органическим соединениям, применению плазмы для синтеза новых соединений, применению метода взрывающихся проволочек, использованию оригинальной техники синтеза химических соединений в неравновесных условиях, что имеет самостоятельное значение.

Предложенный и изученный им плазмохимический метод синтеза высших фторидов тяжелых металлов с применением «инертных» фторагентов (четырёхфтористый углерод, гексафторид серы), основанный на явлении взрывающихся проводников, широко внедрен; развито новое направление, связанное с получением и применением высокоинтенсивных потоков электроотрицательных и электроположительных частиц в технологии неорганических материалов, что позволило осуществлять химический синтез с высоким градиентом температуры в условиях сильно неравновесной плазмы.

Предложены, разработаны, освоены новые высокоэффективные методы синтеза соединений благородных газов (радиационный, фотохимический, плазмохимический) и технологии их производства.

Были внедрены искровой плазмотрон, УФ- и ВЧ-генераторы атомарного фтора. Им найдены катализаторы процесса термической диссоциации фтора. Подробно изучена фотохимия сжиженного фтора.

Синтез неустойчивого соединения - дифторида криптона происходит в очень жестких условиях «пламени и льда»: генерации атомарного фтора в плазме электрического разряда со стабилизацией вещества на охлаждаемой до -196° С стенке реактора.

Разработанный каталитический процесс получения атомарного фтора сделал технологию синтеза термодинамически неустойчивого, но очень важного, дифторида криптона и других неустойчивых соединений много безопаснее и производительнее.

Впервые осуществлён каталитический синтез гексафторида ксенона. Исследованы термодинамика и кинетика процессов образования соединений благородных газов, изучена термодинамика системы ксенон-фтор. Предложен оригинальный метод определения основных кинетических констант газофазных химических реакций в неизотермических условиях.

Определены кинетические константы химических процессов образования и разложения ди-, тетра- и гексафторидов ксенона. С помощью экспериментальных данных и современных математических методов найдены оптимальные условия синтеза индивидуальных фторидов ксенона.

Развиты плазмохимические методы генерации и применения интенсивных потоков атомарного фтора для синтеза эндотермических фторидов и окислителей.

Исследовано взаимодействие указанных потоков с матрицами твердых благородных газов при криогенных температурах, различными методами определены коэффициенты использования атомарного фтора.

Впервые исследована кинетика интересных с научной точки зрения процессов окисления ксенона, кислорода, трифторида азота фтором на поверхности сильных кислот Льюиса, лимитируемых переносом заряда от донора к акцептору. Выявлено каталитическое влияние акцепторов фтор-иона на реакции фторирования неорганических соединений дифторидом ксенона в неводных растворителях. Впервые изучена кинетика и предложен механизм гидролиза дифторида ксенона.

Огромное значение для последующего развития нового направления имело и определение границ устойчивости новых соединений, разрушавшее миф о взрывоопасности большинства из них.

Проанализированы и систематизированы химические свойства целого ряда соединений благородных газов.

Исследованы взаимодействия фторидов ксенона и криптона со всеми элементами периодической системы, оксидами, солями, реакции комплексообразования, фторирования, замещения и присоединения, окислительно-восстановительные, что имеет фундаментальное значение для химии благородных газов, даёт полное представление о закономерностях химического поведения этих элементов и их соединений.

Проведенные исследования реакций новых сильнейших окислителей с представителями различных классов неорганических и отчасти органических соединений способствовали расширению химии ксенона и криптона и на основе полученной новой информации помогают решать прикладные задачи.

Интересны реакции комплексообразования фторидов благородных газов. Установлена связь между строением, устойчивостью и реакционной способностью комплексных соединений с фторкатионами благородных газов. Показано, что протекание окислительно-восстановительной реакции фторкатионов благородных газов, галогенов, азота, диоксигенильного катиона обусловлено соотношением сродства к электрону катиона и потенциала ионизации восстановителя. Данная закономерность позволяет прогнозировать поведение комплексных фторидов-окислителей с газовыми потоками любого состава, что важно для разработки новых химических методов улавливания летучих продуктов деления ядерного горючего.

Выполненные исследования заложили научные основы и помогли разработать методы количественного улавливания радиоактивных изотопов благородных газов, что необходимо для решения экологической проблемы ядерной энергетики и радиохимических производств.

Проделанная работа позволила успешно защитить в 1972 г. диссертацию на соискание ученой степени доктора химических наук. В этом же году он назначен заместителем директора института по научной работе. Осенью 1976 г. за совокупность работ по развитию химии соединений благородных газов, выполненных коллективом под научным руководством и при непосредственном участии Легасова В.А., была присуждена Государственная премия СССР.

Исследования доказали химическую индивидуальность ксенона и криптона. Изучение структурных и физико-химических свойств новых соединений проводили с использованием современных методов исследования.

Свойства химических соединений благородных газов свидетельствуют о том, что химия, вероятно, нашла предел запаса химической энергии, аккумулируемый в молекулах.

Окислительно-восстановительные потенциалы многих соединений ксенона и криптона не имеют себе равных среди известных окислителей. Это позволило химикам в водном растворе дифторида ксенона получить пербромат-ион, над образованием которого ученые работали столетие. С помощью дифторида криптона золото было окислено до пятивалентного состояния. Новые мощные окислители помогают получать палладий со степенью окисления пять, бром и нептуний - со степенью окисления семь, кобальт и никель со степенью окисления четыре и т.д., т.е. появились методы получения соединений с аномально высокими степенями окисления элементов, с высоким запасом химической энергии.

Сочетание физических методов генерации атомарных пучков, реагирующих с мишенью, и химических методов стабилизации получаемых малоустойчивых фрагментов позволило создать обширный класс соединений благородных газов и сильных неорганических окислителей, синтезировать ряд новых соединений урана, тория, циркония с высокими молекулярными массами.

Открытие и исследование химических соединений благородных газов способствовало развитию теории химической связи.

С именем академика связаны наиболее крупные достижения отечественной науки в новейшем разделе химии - химии благородных газов.

Проведённый комплекс исследований вывел отечественную химическую науку на достойные международные рубежи.

Газета «Правда» 7 ноября 1976 г. в статье «В авангарде прогресса», сообщая о работах, удостоенных Государственных премий СССР, отмечала, что значительный вклад в развитие химической науки внесли работы под руководством Легасова В.А. Это: синтез и исследование физико-химических свойств десятков новых соединений ксенона и криптона. Это разработка и освоение новых высокоэффективных методов получения фторидов благородных газов, существенно отличающихся от зарубежных. Это организация опытно-промышленного производства соединений, обладающих ценными, в частности, сильнейшими окислительными свойствами.

Многие из этих соединений находят применение в химической, медицинской практике, в геологии, атомной технике.

Работа, работа, работа...

В отрезок времени, ограниченный 1977 - 1984 годами, интенсивно проводятся исследования возможностей использования соединений благородных газов и других фторсодержащих соединений в специальных областях науки и техники. Работа закончена созданием эффективных рабочих веществ и изделий, внедрением результатов в промышленность. Данный цикл работ В.А. Легасова и возглавляемого им химического отдела отмечен в 1984 г. присуждением Ленинской премии СССР в области науки. В 1985 г. В.А. Легасов избран членом президиума АН СССР.

Академик Легасов В.А. руководит работами по изучению новых свойств фторидов элементов, в том числе, фторидов благородных газов. В этот период (1985-1988 гг.) проделана важная интересная работа:

- разработан и внедрен в практику метод регенерации практически значимых соединений;
- разработаны основы технологии и созданы промышленные производства целого ряда фторидов, в том числе, дифторида ксенона и дифторида криптона;
- разработаны программы исследований по определению возможности синтеза соединений более легких благородных газов, в первую очередь, аргона.

Послушаем профессора, академика РАЕН, члена-корреспондента РАН Олейникова Н.Н.: "Академик Легасов В.А., заведовавший в МГУ им. М.В. Ломоносова объединенной кафедрой радиохимии и химической технологии с 1983 г. до конца жизни, остается в памяти преподавателей химического факультета. Его яркие выступления по актуальным проблемам химии и химической технологии всегда проходили в заполненной до предела Большой химической аудитории. Высочайший профессионализм, огромная научная эрудиция, умение подать проблему в целом и, одновременно, показать иерархичность ее построения - все это ярко проявлялось в его выступлениях и увлекало слушателей.

Более узкий круг сотрудников химического факультета знает, сколько сил и энергии он вложил в развитие принципиально новой концепции химико-технологического образования,

которое, по его мнению, должно быть для химика-универсала весьма специфичным и заметно отличаться от «классического» образования химика-технолога.

Велика его роль в консолидации сил химиков-материаловедов, работающих в ВУЗах страны. Именно усилиями В.А. Легасова впервые в стране была создана беспрецедентная ситуация, когда ответственность за выполнение крупнейшей национальной материаловедческой программы была возложена на ВУЗ: головной организацией в выполнении программы по химии и технологии высокотемпературных сверхпроводников в настоящее время является химический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.

Сегодня мы с благодарностью вспоминаем еще об одном начинании академика. Речь идет о крупнейшей экспертизе химической науки и технологии, которая была организована по его инициативе. Под его руководством и при его участии проведен анализ областей и направлений приоритетных исследований в химии и химической технологии.

Результат проведения этой грандиозной акции - выявление на базе системных представлений основных приоритетных направлений развития химии. Роль этой работы, в которой участвовали также сотрудники химического факультета, трудно переоценить. Даже сейчас, когда идет существенная переоценка ценностей, фундаментальная расстановка приоритетов в химической науке осталась именно такой, как это предсказывали эксперты, руководимые Легасовым В.А.

Деятель государственного масштаба, наделенный внутренней культурой, интуицией, энергией, он возглавил рабочую группу ГКНТ, которая проанализировала тяжелое положение, сложившееся в приборном и методическом оснащении нашей науки, предложила обеспечение научных исследований современными программами через всесоюзную сеть центров коллективного пользования. Был разработан проект перестройки организации и финансируван НИОКР в стране, предусматривающий концентрацию средств и сил на приоритетных направлениях, финансирование научных проектов на конкурсной основе, развитие инфраструктуры и сети приборных центров, перестройку системы химического образования.

Способность генерировать идеи, научная интуиция, стратегическое мышление, строгая логика исследований и рассуждений создали атмосферу творчества, делали работу рядом с академиком увлекательным, интересным занятием, а самого ученого с его незаурядным ярким талантом мыслителя и экспериментатора сделали крупнейшим организатором науки с государственным подходом к глобальным проблемам.

Идеи водородной энергетики родились в 70-х годах прошлого столетия в разных странах. Академик Александров А.П. одним из первых пришел к ним в нашей стране. Активно в этой области стал работать академик РАН Русанов В.Д., быстро подключился академик Легасов В.А. - большой энтузиаст комплекса идей по водородной энергетике, он сумел интегрировать разрозненные идеи и работы, с его участием была разработана комплексная общесоюзная программа, выбран оптимальный вектор развития работ.

Под его научным руководством организованы и развернуты работы по энерготехнологическому использованию ядерных реакторов. Определены области наиболее целесообразного их применения в энергоемких отраслях промышленности, созданы и работают крупные реакторные технологические стенды, позволяющие использовать тепловую и электрическую энергию реакторов. Изучены термохимические и комбинированные электрохимические циклы разложения воды и углекислого газа для получения водорода и монооксида углерода, созданы плазменные, электрохимические, разделительные устройства, завершено проектирование двух крупных объектов.

Академику Легасову В.А., как первому заместителю директора института, было поручено руководство всеми химическими работами. По его инициативе было создано восемь новых лабораторий. Для реализации идей по энерготехнологическому использованию ядерных реакторов. Характерной чертой его научной деятельности была быстрая передача идей и научных разработок в конструкторское бюро и организации. Все это позволяло без промедления переудить в новые области перспективных исследований. Он автор более 150 научных работ, изобретений, руководил проектированием и строительством ядерных центров в зарубежных странах.

Несколько лет Легасов В.А. осуществлял научное руководство научно-производственным объединением «Техэнергохимпром», концентрируя внимание на создании гибких технологий,

например, технологии переработки фосфатного сырья. Сделана успешная попытка создания безотходной технологии на основе новых идей, высказанных академиком. Велась проработка систем и узлов для энерготехнологического использования атомных реакторов в производстве различных химических продуктов.

Академик Легасов В.А. проводил огромную научно-организационную работу, организовал регулярный Всесоюзный семинар по проблемам атомно-водородной энергетики, наладил выпуск журнала «Атомно-водородная энергетика и технология» и ежегодника «Атомно-энергетические процессы и технология», главным редактором которых он был. Получив признание международной научной общественности, был избран в состав Совета директоров Международной ассоциации по водородной энергетике и членом редколлегии международного журнала «Водородная энергетика».

Он был заместителем председателя комиссии по водородной энергетике АН СССР, председателем экспертного совета по неорганической химии ВАК СССР, председателем специализированного совета по присуждению ученой степени в ИАЭ им. И.В. Курчатова, членом правления Всесоюзного общества «Знание».

Как председатель ведомственной комиссии по плазменной химии и металлургии, он способствовал внедрению в производство новейших достижений физики и химии плазмы, был членом Совета АН СССР по химии высоких энергий.

Основные научные интересы академика были связаны с развитием нового раздела современной химии - синтезом, изучением свойств, применением соединений благородных газов, с химией плазмы, с проблемами водородной энергетики. Он был увлечен перспективами развития энерготехнологических систем, основанных на использовании водорода, считал одной из актуальнейших проблем науки и техники поиск оптимальной стратегии энергетике - оптимальной с технической, экономической, экологической точек зрения. Искал замену природному газу и нефти как топливу и как сырью в крупномасштабных химических производствах. Путь к концепции безопасности: от риска «нулевого» - к риску «приемлемому». Каково современное понимание безопасности? Какие представления развивают научные школы? И есть ли концепция безопасности?

Ещё в 70-е годы прошедшего XX столетия Легасов В.А. одним из первых утверждал, что «система знаний о закономерностях в состояниях защищённости человека и окружающей среды от опасностей, сопутствующих развитию цивилизации, должна стать самостоятельной научной дисциплиной». Задолго до Чернобыльских событий в его работе появилось новое направление по формированию современной концепции безопасности и «науки о безопасности человека и окружающей среды».

«Естественно воспринималось то, - написал академик Л.П. Феоктистов - что Валерий Алексеевич с первых минут как член правительственной комиссии был привлечен к выяснению причин и ликвидации последствий чернобыльской аварии.

При его уме, организаторском таланте он стал очень популярным, почти легендарным. Широко известным стало имя академика Легасова и за границей, особенно после его поездки в Вену и доклада «Анализ причин аварии на Чернобыльской АЭС и ликвидация её последствий...»

Весь 1986 год прошёл у него без отпуска и отдыха. 26 апреля 1986 г. по распоряжению Совета Министров СССР № 830 он в составе Правительственной комиссии вылетел в Чернобыль (находился в Припяти, в двух километрах от развала 4-го блока ЧАЭС). 5 мая был приглашён в Москву на заседание Политбюро ЦК КПСС. В тот же день, 5 мая, он был вновь отправлен на место аварии; 13 мая прилетел на заседание Правительственной комиссии; в июне сопровождал Генерального секретаря ЦК КПСС в Венгрию на тот случай, если будут нужны какие-то объяснения по обстановке на ЧАЭС. Июнь, июль, август прошли в подготовке доклада, сопоставлении и проверке цифр, характеризующих размеры и последствия теплового взрыва реактора 4-го блока ЧАЭС. На специальном совещании МАГАТЭ, проходившем в Вене с 25 по 29 августа 1986 г. и собравшем более 500 технических экспертов, среди которых были крупнейшие специалисты по энергетике, атомной физике, безопасности и медицине из 62 стран и 21 международной организации, советская делегация, во главе с первым заместителем директора Института атомной энергии им. И.В. Курчатова акад. В.А. Легасовым, представила подробный доклад об аварии в Чернобыле. Международных экспертов этот доклад (объемом 380 печатных страниц) поразил детальным анализом и откровенным характером информации. Это

была подготовка к Генеральной конференции МАГАТЭ, которая состоялась в сентябре 1986 г., где обсуждались важнейшие документы по безопасности атомной энергетики. Интерес к этой работе понятен: «... прогресс в ядерной энергетике позволил за необычайно короткий срок довести долю электроэнергии, получаемой в мире за счет ядерных источников, до 15 процентов. Накоплен огромный опыт, созданы мощные производства, подготовлены миллионы специалистов для атомной промышленности. Во всех i прогнозах новым энергоисточникам отводилась существенная роль, в них виделось спасение от засорения Земли, загрязнения атмосферы и воды...»

По свидетельству газеты «Известия», В.А. Легасов вошел в десятку самых популярных ученых мира за 1986 г. Политический еженедельник «Новое время» №1, 1 января 1987 г. сообщил, что присуждена премия акад. В.А. Легасову за лучшие материалы, напечатанные в 1986 г., и активное сотрудничество в журнале. События высветили масштаб этой личности, интерес к нему резко возрос. Осенью 1986 г. и в последующие месяцы он получил очень много приглашений с просьбой приехать прочитать лекции, провести пресс-конференции, заключить контракты и организовать научно-исследовательские центры по изучению проблем безопасного развития техносферы.

По оценкам некоторых специалистов «в его голове наиболее созрела концепция безопасности». Несколько приглашений им было принято...

В.А. Легасов принял приглашение Германской коммунистической партии ФРГ посетить страну с 26 октября по 2 ноября 1987 г. в рамках мероприятий, посвященных 70-летию Октябрьской революции, совершил поездку с докладами по маршруту: Франкфурт-на-Майне - Марбург - Карлсруэ - Мюнстер - Ольденбург - Франкфурт-на-Майне, провел пресс-конференции, передал небольшой материал для «Унзере-Цайт».

В нем, в частности, отмечалось: «Человечество в своем промышленном развитии достигло такого уровня использования энергии всех видов, построило такую инфраструктуру с высоким уровнем концентрации энергетических мощностей, что беды от их аварийного разрушения стали соизмеримы с бедами от военных действий и стихийных бедствий... Автоматизм правильного бдительного поведения в столь усложнившейся технологической сфере еще не выработался.

...Важный урок, вытекающий из чернобыльской трагедии, состоит в абсолютном отсутствии у всех фирм и государств технической готовности действовать в столь экстремальных условиях. Ни одно государство мира, как показала практика, не обладает полным комплексом алгоритмов поведения, измерительных средств, работоспособных роботов, эффективных химических средств локализации аварийной обстановки, необходимых медицинских средств и т.п.

Освоение сложных и потенциально опасных технологий нельзя более проводить закрытым порядком, в рамках замкнутой общины её создателей. Весь международный опыт, все научное сообщество должно привлекаться к оценке риска проектируемых объектов, должна быть создана система Инспекций (международных), непрерывно контролирующей правильность исполнения и функционирования опасных объектов!..»

За проделанную во время турне 1987 г. работу ему вручили благодарственную грамоту от Германской коммунистической партии ФРГ. Были получены интересные письменные отклики на его выступления: «Визит В. Легасова был очень важен для Германской коммунистической партии ФРГ и всех прогрессивных сил; ещё более важно, чтобы он мог и дальше работать... Твои мысли услышали многие, в дальнейшем все это будет широко обсуждаться в дискуссиях. После Чернобыля распространилось сомнение в человеческих возможностях справиться с огромными экономическими, энергетическими, технологическими проблемами и увидеть перспективы будущего... Исторический оптимизм, которым проникнуты твои выступления, необходим нам, чтобы без сомнений бороться за лучший мир... На пресс-конференциях вы увлекли всю критически мыслящую интеллектуальную публику, лучших мыслителей и людей, формирующих общественное мнение... Товарищ Легасов потому стал одной из известнейших личностей СССР, что он придает большое значение дальнейшему сотрудничеству, устранению кризисных явлений...».

После чернобыльских событий Легасов всё анализировал как бы «сквозь призму Чернобыля».

В качестве обобщенного материала, предложенного В.А. Легасовым во время пресс-конференций и дискуссий в ФРГ, прозвучали в тезисах его опубликованные ранее работы в журнале «Коммунист» 1987 г. № 8, «Проблемы безопасного развития техносферы» и в газете «Правда» от 5 октября 1987 г. «Из сегодня - в завтра» (мысли вслух) и др., идеи которых многие читатели рассматривают как его завещание:

I. Широко используемые ныне понятия «перестройка», «гласность», «новое мышление» возникли объективно, как отражение того факта, что завершающийся в нашем столетии этап промышленной революции, начатый изобретением паровой машины, с его развитой и динамичной инфраструктурой всех социальных институтов, привел мир на грань мощнейших кризисных явлений, представляющих угрозу дальнейшему развитию и выживанию цивилизации.

Грани этого явления ныне четко обозначены:

1. Угроза ядерной и вообще военной катастрофы;
2. Угроза разрушительного действия крупных промышленных аварий, сравнимая с военной;
3. Усиливающееся стационарное воздействие развивающейся деятельности людей на окружающую среду, здоровье человека (экологические проблемы);
4. Нарушение социальной, экономической, ресурсной гармонии как межличностной, так и межгосударственной;
5. Перекачка избыточной доли интеллектуальных ресурсов из гуманитарной в техническую сферу;
6. Потеря заметной частью общества ранее добытых человеческим опытом нравственных правил и, как следствие, распространение наркомании, проституции, новых болезней;
7. Отчуждение все большего количества людей, занятых в производстве, от решения проблем этого производства, от управления им;
8. Обострение, вплоть до вооруженных конфликтов, расовых, национальных, классовых и религиозных противоречий;
9. Развитие терроризма как средства решения личностных, национальных или политических конфликтов.

Вся сумма перечисленных противоречий означает, что завершен продолжавшийся четыре столетия этап промышленной революции, во время которого были созданы совершенные образцы техники практически во всех сферах человеческой деятельности. Но способ тиражирования и распределения этих образцов, т.е. технология их массового изготовления, исчерпала себя, приводя к растратам энергии, к избыточной нагрузке на недра земли, всю окружающую среду, обостряя социальные и межгосударственные конфликты.

Бездумное линейное продолжение сложившихся традиций, институтов, способов решения проблем по любой из вышеперечисленных причин способно привести мир к необратимой катастрофе. Поэтому поиск альтернативных решений во всех областях человеческой деятельности назрел объективно.

II. Специфика политико-экономического и социального отставания от намеченных целей и программ в последние 25 лет в Советском Союзе имеет много объективных и субъективных причин:

1. Наличие огромной территории и богатейших запасов большинства видов ресурсов объективно задержало перевод практически всех отраслей народного хозяйства на новую энерго- и ресурсосберегающую политику относительно большинства других стран, вынужденных многократно переплачивать за эти ресурсы;
2. Экономическая возможность в течение 1,5 десятков лет компенсировать малоэффективную деятельность целых отраслей экспортом избыточных ресурсов затормозила спрос на исследовательские работы принципиального порядка, снизила интерес промышленности к инвестициям в научный сектор, что немедленно сказалось качественно и количественно на новизне и уровне собственных технологических разработок, на возможностях опережающего развития фундаментальной науки;
3. Неверная инвестиционная политика в связи с вышеотмеченным фактом, привела к существенно большим капитальным вложениям в добывающие отрасли, чем в машиностроительные и наукоемкие;
4. Задержка на 15-20 лет начала реорганизации сферы управления экономикой.

Весь предшествующий период развития первого в мире социалистического государства был сложен и необычен. Разруха после гражданской войны и интервенций, враждебность мирового окружения, необходимость ускоренно развивать военную промышленность в условиях высказываемых притязаний фашизма. Вторая мировая война, разруха в период восстановления, необходимость противостоять ядерному шантажу США во имя сохранения мира и его послевоенного устройства предопределили концентрацию всех усилий государства на жизненно важных направлениях развития, причем развития в очень краткие сроки. Эти обстоятельства предопределили также жесткий централизованный стиль управления страной и её экономикой, создали определенную культуру управления и её носителей. К 1961 г., году нашего наивысшего достижения - полета Ю.А. Гагарина в космос - основные задачи по восстановлению народного хозяйства, созданию необходимых уровней обороноспособности на всех рубежах были решены. На повестку дня встал вопрос о приоритете хозяйственных, экономических методов управления, о следующем этапе в развитии социальных достижений коммунистического государства.

Была проделана большая работа, подготовлена экономическая реформа, но, не затронув политических институтов государства и попав для реализации в профессионально неподготовленные руки, она не только не была реализована, но привела к резкому расхождению между словом и делом, создала благоприятную обстановку не для творчества, а для декларации, для сокрытия реальных фактов, ибо они обнажали эти расхождения между словом и делом. В подобной обстановке начали быстро развиваться социальная апатия, поиск интересов, особенно у молодежи, вне общественной сферы.

Объективно сложившемуся застою способствовало отсутствие отработанных с обязательным участием широких масс механизмов смены руководителей, потерявших по возрастным, профессиональным или этическим нормам право на управление.

III. Ряд событий внутривнутриполитического и международного характера в корне изменил морально-политическую обстановку и создал необходимые предпосылки для максимального использования системы ценностей социалистического государства.

IV. Руководство страны достаточно четко сформулировало свои программные цели и задачи, которые я объединил бы одним термином - «безопасность».

Прежде всего, безопасность в буквальном смысле этого слова как выживаемость, недопущение военной конфронтации.

Во-вторых, безопасность от стационарного или аварийного воздействия мощной промышленной инфраструктуры, уже созданной или создающейся в нашей стране. За два года не только принята серия кардинальных конкретных решений, защищающих природу и людей, но изменены и философия, и механизмы принятия решений по функционированию ранее введенных или проектируемых промышленных объектов.

В-третьих, безопасность от возможностей продолжения экономически нерентабельного ведения хозяйства страны. Это наиболее сложная и требующая несколько лет, а возможно и пятилеток, часть программы, ибо она затрагивает практически все институты страны при большой потере времени на создание необходимых экономических, структурных и профессиональных предпосылок для существенного изменения положения во всех без исключения секторах народного хозяйства.

В-четвертых, безопасность от возможного ухода в сторону от намеченного курса, торможения начатого процесса, охватившего все общество. Этот раздел безопасности, не отработанный во всех своих юридических аспектах до конца, связан с развивающейся гласностью, созданием условий наблюдаемости действий всех должностных лиц и организаций, самой широкой формой демократизации при решении кадровых, социальных и хозяйственных вопросов, при соблюдении принципов единоначалия в послевыборный период.

В-пятых, безопасность при решении иногда сложных национальных вопросов в нашем многонациональном государстве.

В-шестых, безопасность в сохранении культурного, исторического наследия каждой из национальностей и страны в целом; возрождаются забытые традиции, культивируются общечеловеческие Ценности и достижения.

В-седьмых, безопасность от разжигания любых форм межнациональной или религиозной вражды и обособленности, безопасность от ортодоксальности и беспринципности в то же время.

В-восьмых, безопасность от избыточного воздействия технократических тенденций.

В-девятых, безопасность от снижения всех социальных завоеваний, добытых 70-летним опытом нашего социалистического государства.

V. Огромная работа по перестройке, начатая по инициативе КПСС, носит всеобщий, мировой характер и вызвана объективными причинами, имея для Советского Союза свои специфические задачи и оттенки всеобщих. Всеобщность этой задачи диктуется, во-первых, необходимостью уничтожения средств массового поражения людей, подготовленных для военных целей и, во-вторых, коренным изменением характера энергонасыщенных технологических процессов, угроза аварийного разрушения которых соизмерима по возможным потерям с угрозой крупного военного конфликта.

VI. В борьбе за промышленную безопасность и охрану окружающей среды весьма часто предметом острой полемики становится один из элементов промышленной инфраструктуры, например, ядерная энергетика как сумма объектов с наибольшей концентрацией энергии и радиоактивных осколков. С нашей точки зрения следует рассматривать всю промышленную инфраструктуру в целом, отыскивая в ней наиболее слабые места и ликвидируя их. Так, замена ядерных источников на угольные в равном энергетическом эквиваленте приносит гораздо большее количество неприятностей для здоровья людей и природы и с точки зрения канцерогенного воздействия, и с точки зрения извлечения из недр земли накопленных веками долгоживущих радиоактивных изотопов и рассеяния их в атмосфере. К примеру, в нашем Канско-Ачинском угольном бассейне в его верхних слоях содержится $2 \cdot 10^6$ кюри радиоактивных элементов.

VII. Советская атомная энергетика состоит как бы из трех элементов, спроектированных и построенных в разные периоды. Все станции последнего поколения и реакторы на быстрых нейтронах отвечают самым высоким требованиям по обеспечению безопасности их функционирования. Станции первых проектов, к числу которых по типу относятся и Чернобыльский реактор, обладая целым рядом инженерных достоинств, в то же время не обладают всем необходимым набором средств, обеспечивающим в экстремальных условиях безопасность окружающей территории. Наши специалисты заняты проблемой повышения их безопасности до принятого уровня. Разрабатываются проекты усовершенствованных, более безопасных аппаратов и ядерного топливного цикла в целом.

Работы В.А. Легасова «Проблемы безопасного развития техносферы» («Коммунист», 1987, № 8) и «Из сегодня - в завтра» («Правда», 5 октября 1987 г.) направлены на доказательство необходимости новой методологии обеспечения безопасности, являющейся одновременно научно-технической и социально-экономической проблемой. Стохастическое развитие индустриальной и военной инфраструктуры приняло угрожающие масштабы, развитие техносферы в нашей цивилизации опережает духовное осмысление происходящего, назревает общечеловеческий кризис. Этими проблемами был обеспокоен академик В.А. Легасов. Не только в зловещие дни чернобыльской трагедии постигал он нависшую над человечеством угрозу. Крупнейшие катастрофы, исход которых - огромные человеческие жертвы - трагический симптом нашего времени.

Необходимо сформулировать новые критерии безопасности и иметь современную методологию ее обеспечения, отказаться от монополии секретности, от сиюминутных решений. После чернобыльских событий Легасов стал активным сторонником полной информированности населения об особенностях АЭС, об уровнях радиации, опасных и безопасных для человека, о необходимости медицинского контроля, об индивидуальных дозиметрах и т. п. Совершенствование техносферы должно обеспечить комфортное безопасное процветание людей. Безопасность - защищенность человека и биосферы от вредных воздействий техносферы, опасных последствий антропогенной деятельности. Наиболее актуальна задача создания технологий на новых принципах, если возможно, с внутренне присущей им безопасностью, способных уменьшить последствия ошибочных действий человека.

Рост концентрации энергонасыщенных предприятий увеличивает вероятность аварий. Безопасный, казалось бы, объект при большом тиражировании теряет свою надежность. Неудачное соседство предприятий увеличивает опасность и возможный ущерб. В единичных разнородных авариях он заметил общее: увеличение взрывоопасных ситуаций, связанных с ростом промышленного и военного потенциала на Земле.

При изучении потенциальных опасностей, несущих смертельную угрозу человеку, необходим системный подход. Академиком В.А. Легасовым была задумана книга «Дамоклов меч», отдельные главы которой он успел подготовить. Красной нитью через нее проходит мысль, что сначала человек ищет спасение в технике, а потом - спасение от нее... «Многие достижения научно-технического прогресса, помогая решать материальные и социальные проблемы, привносят в мир и новые трудности, и опасности», - заключает Легасов.

Вспоминая о совместной работе, член-корреспондент АН СССР Л.Н. Сумароков заметил: «...поражала работоспособность Валерия Алексеевича. Среди качеств, присущих академику, хочу отметить пытливість ума. Я по роду деятельности связан с информацией. Мне пришлось наблюдать, как Валерия Алексеевича заинтересовал вопрос, с чем связано сокращение строительства АЭС в некоторых странах... Мы провели огромную аналитическую работу, просмотрели литературу, исследовали иностранные источники, банки данных, проанализировали на основе компьютерной информации причины снижения темпов развития атомной энергетики в США и в других странах. После тяжелой аварии с расплавлением активной зоны на атомной электростанции Три Майл Айленд в 1979 г. количество нормативных регламентирующих документов по конструкциям и строительству новых АЭС увеличилось там более чем в 10 раз, что удорожало проекты, удлиняло сроки согласования... В США, например, на функционирование АЭС наложено около 200 ограничений... Мы стали разбираться и уже тогда замаячила перспектива Чернобыля...»

В статье Н.С. Бабаева, И.И. Кузьмина, В.А. Легасова и др. «Проблемы безопасности на атомных электростанциях», написанной в 1979 г, опубликованной в 1980 г. в журнале «Природа» № 6, с. 30- 43, дан вывод: «При определённых обстоятельствах, несмотря на наличие мер безопасности, на АЭС возможно возникновение условий для аварии с повреждением активной зоны и выбросами в атмосферу небольшого количества радиоактивных веществ». Это утверждение вызвало категорическое возражение Министерства среднего машиностроения, оно не нашло поддержки среди специалистов института атомной энергии, занятых исследованиями в области ядерных реакторов. Статья была «практически единственным материалом, в котором широкой общественности сообщалась о вероятности аварий на АЭС». Первый серьёзный шаг по пути обеспечения безопасности - это отказ от ведомственности при разработке концепции и новой методологии безопасности.

Осенью 1975 года в ИАЭ им. Курчатова была создана «Лаборатория мер безопасности» для изучения открытых проблем безопасности топливного ядерного цикла и различных аспектов экологии. Инициатором и одним из создателей её был В.А. Легасов, возглавил лабораторию Н.С. Бабаев.

С приходом В.А. Легасова на кафедру «Химическая технология» МГУ им. М.В. Ломоносова 02.03.1983 г. началось становление новых научных направлений, в которых активное участие принимали и самые молодые сотрудники кафедры, и студенты, выполнявшие курсовые и дипломные работы по одному из новых научных направлений - по оценке риска, исследованию проблем безопасности сложных технологических систем. Многие из этих работ были отмечены премиями ректората университета и Министерства высшего и среднего специального образования СССР.

Коллеги отмечали: незаурядный ученый с пронзительным умом, направленным в будущее, с огромной научной эрудицией, системным подходом, выдающимися организаторскими способностями, высочайшей работоспособностью, генерирующий идеи, сумел увлечь коллектив, поддерживая инициативу каждого, скорректировал изменения в учебном процессе и совершенствовании научных исследований. По его инициативе и под его руководством традиционный учебный курс «Охрана природы» был преобразован в курс «Безопасность химических производств для человека и окружающей среды» с количественной оценкой опасных воздействий.

Им была создана научно-исследовательская лаборатория с тем же названием (заведующие лабораторией Р.Г. Азиев, А.А. Швыряев), сотрудники которой выполнили первые работы по количественной оценке риска некоторых проектов Госплана СССР (Березовского азотно-тукового комбината в г. Комсомольске-на-Амуре Хабаровского края, проанализировали проект производства бессвинцовых добавок к бензинам Сургутского комбината по переработке нефти), провели работы по оценке риска на некоторых объектах в Капотне, участвовали в

подготовке постановления Совета Министров СССР о мерах безопасности на нефтеперерабатывающем заводе в Капотне.

В октябре 1987 г. была организована группа при президенте АН СССР по оценке риска и проблемам безопасности. События объективно доказали необходимость развития и координации работ по названным проблемам, отказа от ведомственности при анализе безопасности, анализа исследований по оценке риска и проблемам безопасности сложных технологических систем, проводимых во всем мире, подготовки рекомендаций и внедрения результатов исследований.

В некоторых странах, особенно после чернобыльской трагедии, были организованы центры по исследованию проблем безопасности, структуры промышленных энергонасыщенных объектов, определению уязвимых точек, моделированию, локализации аварий, созданию специальных банков данных.

Академик добивался создания научного центра по проблемам безопасного развития цивилизации. Именно по инициативе В.А. Легасова было принято решение о создании в рамках Академии наук СССР вневедомственного Института проблем безопасного развития атомной энергетики; по первоначальному замыслу предполагалось, что тематика института включит и исследования энергоемких химических технологий. Он скрупулезно обосновал необходимость его создания, сумел доказать это в самых высоких государственных инстанциях и был рекомендован на должность директора этого центра.

В его рукописях сохранились попытки найти наиболее удачную аббревиатуру для названия современного центра по исследованию проблем ядерно-химической и промышленной безопасности, необходимость создания которого академик понимал еще в дочернобыльский период и руководителем которого он заслуженно мог стать...

С декабря 1987 г. Легасов возглавил при президиуме АН СССР рабочую группу по оценке риска и проблемам безопасности, цель которой - выработка концепции безопасности. С февраля 1988 г. он руководил работой временной научно-технической комиссии при ГКНТ по промышленной безопасности в химико-отраслевом комплексе.

Повышение защищенности отечественной промышленности, разработка методологии анализа безопасности, выявление особо опасных промышленных объектов, требующих разработки альтернативных технологий, развитие новых физико-химических принципов диагностики особо опасных технологий, сооружений, разработка сенсорных устройств, оценка вероятности аварий и масштабов возможного ущерба, выработка методологии сравнения опасностей, «приемлемый» уровень риска, оценка риска, оценка жизни человека, социальный риск, радиационный риск (величина, определяющая опасность ракового или генетического заболевания населения данного региона), многие другие проблемы интересовали академика, занимали его ум и время. Его не надо было призывать к перестройке и новому мышлению.

Безопасность - это не свойство объекта, за который отвечает то или иное ведомство, а вообще защищенность человека и окружающей среды от вредных воздействий техносферы от чрезмерной опасности.

Необходимо идентифицировать и количественно определить потенциальные опасности, обозначить «приемлемый» уровень риска, выше которого опасность чрезмерна, и с помощью инженерных и организационных мер построить систему защиты от чрезмерной опасности.

Примерно до начала 80-х годов XX века во всех странах мира политика защиты человека и окружающей среды от техногенных факторов была ориентирована на обеспечение «абсолютной» безопасности.

Любой техногенный риск, опасность рассматривались как чрезмерные, их требовалось исключить, свести риск к «нулевому» значению. Предполагалось, что воздействие на организм человека, обусловленное химическим и радиационным загрязнением окружающей среды, имеет пороговый характер - биологический эффект проявляется только в случае превышения ПДК, поведение технических систем предсказуемо, аварии на промышленных объектах можно предотвратить, исключить.

Если «защищен человек, как наиболее чувствительный к опасностям объект в биосфере, то защищена и природная среда». Требование «абсолютной» безопасности предполагало создание абсолютно безопасных технологий, существование соответствующего законодательства в промышленности, обеспечение её различными фильтрами, скрубберами, инженерными противоаварийными средствами, принятие организационных мер, исключаящих

аварии, ситуации, приводящие к превышению ПДК, ПДВ, «максимальным проектным авариям» (МПА). Система повышения безопасности имела инженерный характер, решения принимались на основе здравого смысла. Стандарты и нормы безопасности часто устанавливались под влиянием обстоятельств, накопленного опыта, из соображений какого-либо ведомства и обретали силу закона. Все это было известно как техника безопасности.

Не было научной методологии оценки риска, данных мониторинга состояния окружающей среды и полученных методом математического моделирования оценок её изменения в будущем.

Для локальных опасностей временного характера был вполне приемлем принцип «реагировать и выправлять».

Изменение масштаба хозяйственной деятельности, разрастание промышленной инфраструктуры, увеличение энергонасыщенности техносферы, повышение единичной мощности промышленных объектов, исчерпание возможностей к самоочистке некоторых экосистем доказало неадекватность существующей политики безопасности угрозам свойствам техносферы. Опровергнута правильность постулата о «пороговом» характере воздействия факторов опасности на человека и среду его обитания.

В изменившихся условиях возможны глобальные последствия техногенных катастроф и главным стал принцип «предвидеть и предупреждать», важнейшими стали задачи прогнозирования техногенной деятельности, количественное определение риска от развития определенной технологии или экономики в целом с помощью математического моделирования. Утверждены очевидные выводы:

- абсолютная безопасность - недостижимый идеал;
- нулевой риск присущ лишь системам, лишённым запасённой энергии, химически и биологически активных веществ;
- следует стремиться к достижению такого риска, который можно считать «приемлемым». Величина его (вероятность реализации или возможный при этом ущерб) настолько незначительна, что ради получения выгоды в виде материальных и социальных благ человек или общество готовы пойти на этот риск. Именно такие позиции поддерживал В.А. Легасов и представители его научной школы. Одним из первых в нашей стране он ввёл понятие экологической безопасности на публичных лекциях для экологов в МГУ им. М.В. Ломоносова на Воробьевых горах.

Возникновение опасности может иметь вероятностный характер (аварии, стихийные бедствия и пр.) или детерминированный (загрязнение атмосферы, литосферы, гидросферы). Сформирована качественно новая цель безопасности: главное - здоровье каждого человека общества в целом и качество природной среды. Для измерения опасности применяется «шкала», в качестве единицы которой используется риск. Риск - векторная, многокомпонентная величина, получаемая с помощью статистических данных или имитационных моделей, включающая величину ущерба от воздействия какого-либо фактора, вероятность его возникновения, неопределенность в величинах как ущерба, так и вероятности.

Для измерения безопасности предложена «шкала», в которой единицами измерения являются показатели, характеризующие состояние здоровья человека и качество окружающей среды. В начале 80-х годов школой В.А. Легасова предложено в качестве основной меры безопасности использовать показатели здоровья человека.

Здоровье - состояние организма и форма жизнедеятельности, которые обеспечивают приемлемую длительность жизни, необходимые её качества (физическое, психическое, социальное) и достаточную социальную дееспособность (на работе и в быту). Среднестатистическую ожидаемую продолжительность предстоящей жизни (СОППЖ), как показатель здоровья, можно использовать для количественной оценки уровня безопасности человека. Чем безопаснее общество, тем длиннее жизнь людей. СОППЖ зависит от социально-экономического положения общества, от успехов медицины, состояния среды обитания. Но материальные ресурсы всегда ограничены...

Общество может улучшать качество жизни за счет безопасности всех или некоторых его членов. Возможно и обратное: внедрение дорогостоящих технических систем безопасности может быть разорительным для общества, и оно отказывается от развития социально-

экономической системы: медицины, образования, услуг, при этом возрастает риск $R_{сэс}^1$, связанный с недостатком питания, социального и медицинского обеспечения, образования и др.

Прикладная наука управления риском идентифицирует риски, которым подвергается человек, и вычисляет оптимальные величины затрат, необходимых для их снижения. Критерием оптимальности затрат является максимально возможное снижение суммарного риска, от которого зависит СОППЖ и которое достижимо на данной ступени развития социально-экономической системы.

В ходе оптимального управления суммарный риск не снижается до нуля, но может быть приемлемой для общества величиной.

Теория управления риском основана на принципах:

- стратегическая цель управления риском - максимизация общей ожидаемой суммы общественных благ в предположении, что они равномерно распределяются между членами данного общества.

В реальной жизни равномерное распределение благ и ущерба недостижимо, поэтому важны ограничения:

1. деятельность, при которой хотя бы небольшая группа населения подвергается чрезмерному риску, не может быть оправдана, даже если она выгодна обществу в целом,

2. учитывая вероятностную природу распределения выгоды и ущерба среди членов общества, т.е. невозможность точно предвидеть все последствия от той или иной деятельности для каждого, люди добровольно соглашаются на определенный, не превышающий чрезмерный, риск.

Тактическая цель управления риском - стремление к увеличению СОППЖ. Можно выразить риск любой деятельности в единицах «сокращения СОППЖ», а выгоду от нее - в единицах «увеличение СОППЖ», сопоставление этих показателей позволяет сделать вывод о целесообразности деятельности, выборе альтернативных технологий и т.п.

Необходимо помнить ограничение:

максимизация СОППЖ в целом для общества не должна происходить за счет отдельных людей.

Третий принцип защищает среду: любая человеческая деятельность возможна, если нет превышения предельно допустимых экологических нагрузок (ПДЭН) на природные системы. Предельной является нагрузка, при которой природная система «не успевает приспособливаться» к изменяющимся внешним условиям. В Нидерландах, по законодательству о безопасности населения и среды обитания, ПДЭН не должна превышать величины, за которой могут пострадать 5% видов в экосистеме.

Концепция устойчивого развития предполагает создание условий для повышения качества жизни каждого члена общества и обеспечение безопасности его и окружающей среды.

В рамках концепции, предложенной и разработанной при участии В.А. Легасова, принята аксиома: «Безопасность - состояние защищенности отдельных лиц, общества и природной среды от чрезмерной опасности». Безопасность одна. Опасностей много. Опасность - это ситуация, которая может привести к отключению здоровья человека от среднестатистического значения (это заболевание или смерть) или к ухудшению состояния окружающей среды. Их обычно классифицируют как:

- социально-экономические (недостаточно развитые социальные структуры, недостаточный уровень питания, здравоохранения, образования, обеспечения материальными благами; нарушенные общественные отношения и т.п.);

- экологические (неблагоприятные климатические условия, физико-химические характеристики почвы, воды, атмосферы и функциональные характеристики экосистем; природные катастрофы, бедствия);

- техногенные (чрезмерные выбросы в окружающую среду отходов хозяйственной деятельности; необоснованное вовлечение в хозяйственный оборот природных ресурсов и т.д.);

- военные (транспортировка военных материалов и оборудования, испытание образцов оружия, средств уничтожения людей, военные действия).

¹ $R_{сэс}$ - риск социально-экономической системы

По инициативе акад. В.А. Легасова были подготовлены материалы профессора Н. Расмуссена, доктора Дж. Гэррика (США) «Вероятностный анализ риска и его применение к ядерным энергетическим реакторам», профессора Д.Д. Вудса (США) «Риск и человеческая деятельность: измерение потенциальной возможности аварии», академика К.Я. Кондратьева, академика В.А. Легасова и др. «Математическая модель воздействия тепловых сбросов АЭС на развитие мезомасштабных атмосферных процессов» и др. И опубликованы в Журнале Всесоюзного химического общества им. Д.И. Менделеева № 5, том XXXVI, 1991 г. В статьях представлена методология вероятностного анализа безопасности (ВАБ) или вероятностного анализа риска (ВАР). Она применена при оценке надежности более чем 40 АЭС во всем мире. Дано описание методологии, составных частей (анализ 1-го, 2-го, 3-го уровня), погрешностей, количественной оценки ошибок и их вкладов в риск.

Риск рассматривается и как результат взаимодействия человека с техническими системами. В потенциально опасных искусственных системах выделяют техническую систему, которая раскладывается на ряд подсистем (термодинамическая, механическая, электронная) и человеческую составляющую (конструирование, функционирование, поддержание технической системы), которая состоит из психологической, когнитивной, организационной, мотивационной.

Происходящие аварии бывают результатом целого ряда отказов, ошибок, совпадающих по времени. Анализ аварийных ситуаций позволяет выявить начальное - инициирующее - событие, приведшее к аварии, но невозможно определить ее единственную причину. Изучение последовательности событий, приведших к аварии, позволяет выделить моменты, в которые развитие аварийной ситуации могло быть приостановлено.

Некоторые аварии являются абсолютно непредсказуемыми и считаются невозможными до их наступления.

С точки зрения психологии многие аварии рассматриваются как «неожиданное событие» и вызывают «крайнее удивление».

К 60-летию В.А. Легасова академик РАН А.Л. Бучаченко написал: «...Легасову принадлежат яркие и глубокие идеи в области науки о факторах риска. Концепция безопасности в качестве научно обоснованной системы «приемлемого» риска стала главным делом Валерия Алексеевича в последние годы жизни. Он понимал эту концепцию широко - как научно-техническую, производственную и социально-экономическую. Она включала всю иерархию человеческой деятельности - безопасность процессов и аппаратов атомной энергетики и технологии, производства, культуры, безопасность мира и человечества, и, наконец, самое главное - безопасность личности».

Идеи В.А. Легасова выходили за профессиональные рамки:

- о безопасности как науке о взаимодействующих факторах риска,
- о современной трансформации научно-технической революции в революцию научно-технологическую, когда на первые позиции выходят вопросы «как, зачем, с каким материальным и социальным риском», а не «что, сколько» мы производим,
- о недостаточности чисто экономических принципов и критериев хозяйствования и необходимости нравственных принципов в экономике, обеспечивающих безопасность и комфорт человека, ради которого только и должна функционировать экономика,
- о наилучшей, абсолютно «идеальной» технологии и о том, насколько современная технология далека от идеальной, какие громадные резервы имеются для ее улучшения.

В сентябре 1996 г. в корпусе гуманитарного факультета Российского университета дружбы народов состоялось заседание, посвященное 60-летию академика Легасова В.А., организованное ректоратом РУДН и исполкомом Фонда безопасного развития цивилизации академика Легасова В.А. Открывая встречу, ректор Университета академик Филиппов Владимир Михайлович отметил, что она посвящена памяти человека будущего и выразил надежду, что «Легасовские чтения» станут еще одной доброй традицией... 28 января 1998 г. прошли научные чтения, посвященные памяти академика Легасова В.А. в рамках Международной конференции «Экологическое образование и воспитание на пороге XXI века». Были заслушаны выступления ученых, военных, участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, многие из которых получили памятную медаль академика Легасова В.А., учрежденную Международной академией наук экологии и безопасности жизнедеятельности. Медаль присуждается за научные и практические достижения в обеспечении радиационной безопасности.

Академик Л.А. Ильин: «...о В.А. Легасове можно говорить много. Хочу отметить два обстоятельства:

- когда мы с академиком Легасовым работали в Чернобыле, для этого человека не было понятия отдыха, он работал 24 часа в сутки,

- второе обстоятельство, которое, к сожалению, редко упоминался: он был одним из тех немногих, кто взял на себя незаслуженную им меру ответственности. Это очень важный момент, который мы все должны знать и помнить. Наконец, необходимо рассказать, как принимались очень сложные решения в те трагические часы и дни Чернобыля. Первого мая, ночью, на Правительственной комиссии Валерий Алексеевич и член-корреспондент АН СССР В.А. Сидоренко впервые поставили вопрос о возможности проплавления газового аппарата и возможности теплового взрыва. И вот ночью мы, профессор Бабаян, доктор Павловский и я, получили от Валерия Алексеевича задание (а точнее, предложение - он никогда заданий не давал) - оценить зону возможного поражения людей в случае повторного взрыва. Кстати, при этом родилось понятие «30-километровой зоны». После обсуждения нами различных вариантов предполагаемого масштаба выбросов, учитывающих метео- и другие факторы, Валерий Алексеевич рано утром второго мая сообщил эти прогнозы на Правительственной комиссии, после чего там же было принято решение об эвакуации населения из 30-километровой зоны и, в первую очередь, из 10-километровой зоны. К сожалению, этот план был несколько запоздалым. К тому же, никто не знал, что делать с тысячами людей, которые находились на площадке станции. Тогда ни у кого даже и мысли не возникло, что нужно эвакуировать персонал станции. Еще хотел бы обратить внимание на то, что награда (Звание Героя Российской Федерации и золотая Звезда) нашли героя спустя десять лет после подвига (посмертно). Россия есть Россия...»

Теперь немного о Легасове и научном предвидении.

В те тяжелые для Легасова дни, по отношению к нему было проявлено очень много несправедливости на различных уровнях: и со стороны руководства, и со стороны коллег по институту. И возникла у Валерия Алексеевича идея о создании института технологического риска, которую мы не только поддерживали, но даже вместе с ним разрабатывали проект. Это была идея именно Легасова.

Позвольте вам напомнить нашу историю. Если вы будете знакомиться с нашими энциклопедиями, изданными в советский период, и даже в первый период перестройки, то нигде вы не найдете дефиниции "риск" и, тем более, "технологический риск". Нет такого понятия. И когда впервые в 1959 году понятие "приемлемого" риска было сформулировано Международной комиссией по радиационной защите, у нас это понятие нашими профессорами и, к великому сожалению, многими учеными, в том числе экологами и медиками, подверглось остракизму, ибо у нас, в Советском Союзе, не могло быть риска.

Развивалась вот такая основная концепция...

Проблема технологических рисков является неотъемлемым элементом системных представлений о так называемой экологической безопасности. Выдающийся ученый академик В.А. Легасов был первым, кто указал на необходимость комплексного подхода к оценке экологических опасностей через критерии технологического риска. Здесь еще раз уместно подчеркнуть, что в тот период в отечественной энциклопедической, философской и тем более в официальной политизированной литературе дефиниция "технологический риск" вообще отсутствовала.

Валерий Легасов как профессионал-атомщик рассматривал проблемы технологического риска в атомной индустрии в контексте сопоставления с другими техногенными рисками, в частности, в химической промышленности.

В трагические дни и ночи Чернобыля В.А. Легасов был научным руководителем работ по ликвидации и ослаблению последствий этой катастрофы. Будучи полностью озабочен возникшими, нетерпящими отлагательства проблемами, он тем не менее не оставлял мысли о создании в будущем научного центра, специализированного в обсуждаемой области. Уже тогда в короткие промежутки отдыха В. Легасов дискутировал со мной по многим медико-биологическим аспектам проблемы технологических рисков, поражая энциклопедичностью своих знаний в этой достаточно сложной и, к сожалению, мало разработанной в нашей стране области знаний.

Его страстные выступления после Чернобыля в печати по многим проблемам безопасности человека и среды обитания в век технологического прогресса привлекли всеобщее внимание ученых и общественности и, несомненно, послужили стимулом для развития соответствующих научных исследований в нашей стране.

И вот спустя 10 лет после ухода из жизни Валерия Алексеевича, буквально на днях, возник бум - все отрасли стали заниматься рисками. Экологи занимаются рисками, медики рисками, ведомства - рисками. И к великому сожалению, когда на первом этапе Валерий Алексеевич возглавил эту комиссию, она не могла реализовать свою деятельность в связи с тем, что ушел из жизни автор этой идеи.

Академик Легасов был совершенно нетерпим к хлынувшим, как из рога изобилия, спекулятивным работам по проблемам Чернобыля, в которых политизировались проблемы экологии и здоровья человека. Он всегда требовал строго научного подхода и объективного анализа полученных данных и, особенно, их интерпретации. Валерий Алексеевич Легасов остался в памяти тех, кто его знал, как блестящий энциклопедически образованный ученый, человек с обостренным чувством гражданской ответственности и поглощенный мыслями о достойной судьбе воспитавшего его Отечества.

Я рад, что на этой конференции столько внимания уделяется проблемам экологического образования. Эта проблема в настоящее время является лейтмотивом для всех нас. Необходима консолидация усилий, чтобы иметь императивное представление о понятии «риск». Это очень сложная философская категория, которая у нас в стране, к сожалению, еще до конца четко не отработана..."

Легендарный Николай Тимофеевич Антошкин, генерал-полковник, Герой Советского Союза, участник ликвидации последствий аварии на 4-м блоке ЧАЭС рассказывал:

«...Я человек военный, и к гражданской ученой среде особого отношения не имею, хотя мне за Чернобыль присвоили ученую степень доктора военных наук и звание профессора. Сорок дней с 26 апреля 1986 г. до тех пор, пока не вывели авиацию из этого региона, я занимался проблемами ликвидации последствий взрыва. В этот период произошло много событий. С Валерием Алексеевичем Легасовым я знаком с первого дня его прибытия в Чернобыль до его кончины, как с Б.Е. Щербиной, И.С. Силаевым и другими председателями Правительственной комиссии, которые сменяли друг друга. Менялись руководители, я на первых порах оставался, пока не был заглушён реактор, меня из этого региона никто не выпускал.

Вы, коллеги, участники чернобыльской эпопеи в разные периоды времени там были. Все происходило у меня на глазах. Утром 26 апреля мы подняли первый вертолет для радиационной разведки, это был экипаж капитана Сергея Володина. О нем мало кто знает и он нигде не упоминается, но именно он был первым летчиком, который оказался над реактором и доложил нам и правительству Украины первые данные о случившемся. С тех пор какое-то затаенное чувство, может быть, шестое чувство заставило меня находиться в штабе, я никуда не уходил, дежурил.

...Командующий войсками округа вызвал меня и поставил задачу оказать ликвидаторам авиационную поддержку, разобраться, в чем нуждается комиссия, в каких вертолетах, самолетах и что нужно делать. К сожалению, никто еще не знал, что будем делать. После того как на следующий день приехали ученые, представители Правительственной комиссии, постепенно начала вырисовываться обстановка: радиация после выброса начала распространяться. Мы засылали машины и вертолеты радиационной химической разведки и с каждым днем бесформенное пятно («амеба») становилось все больше. Было принято, видимо, правильное решение «запломбировать» этот реактор. Надо было думать, как это сделать. Наиболее подходящей на данном этапе оказалась авиация, хотя никто не знал, как это делать. Мы не знали конструкцию реакторов и не могли что-то предложить. Когда же нам рассказали немного что к чему, мы начали пытаться что-то делать. Сначала нам скомандовали забросить туда бор, всего около 4 тонн. Это немного, и мы быстро забросили, затем глину, песок. Засыпали, начала подниматься температура. В срочном порядке прекратили засыпку, заставили забрасывать свинец. Работали до 6 мая 1986 г. пока не «запломбировали» реактор, забросив более 5 тысяч тонн всевозможных материалов.

Вертолет не приспособлен для этих целей, приходилось что-то выдумывать. Сначала мешки сбрасывали, за один проход каждый член экипажа получал «на грудь» много рентген.

Потом попробовали сбрасывать как бомбы - непроизводительный труд! Когда мне бросились в глаза подъемные краны и портовые сооружения, я вспомнил порт Ильичевск, и как там загружали мешки в трюмы кораблей, срочно запросил, но не оказалось сетей. Сразу же на ум пришли тормозные парашюты, запросили их, попробовали и вроде бы пошло, но их оказалось мало. Запросил через генштаб другие парашюты, и нам дали десантные. Две дивизии мы полностью оставили без парашютов, более десяти тысяч которых вместе с грузами сбросили в реактор.

Появились пресса, радио, ТВ, иностранцы из МАГАТЭ. С Валерием Алексеевичем мы встретились, как только он прибыл. С этого момента рабочая дружба, потом переросшая в более глубокую дружбу, завязалась с ним и с другими товарищами. Перечислять их не буду, сейчас речь идет о Валерии Алексеевиче Легасове. Мне он с самого начала понравился, не знаю по какой причине. Я проникся к нему доверием и уважением. С Б.Е. Щербиной мы крепко столкнулись вначале, и он даже хотел выгнать меня из этого района. Гражданские лица очень подводили: до 11 часов приходилось загонять кого пинками, кого за грудь, чтобы загружали в вертолет грузы, иначе экипажам вертолетов приходилось самим подвешивать, загружать и сбрасывать, и за каждый пролет получать «на грудь» минимум 5-10 рентген.

Я рассказывал семье Валерия Алексеевича, что после каждого вылета у бортмехаников были неприятные ощущения во рту, рвало всех, но они снова загружали вертолет, садились в него, летчики пилотировали, сбрасывали. Это было небезопасно, и падала производительность труда.

Пока мы не закрыли, не закупорили реактор, я в первую очередь в свободное время бежал, в свободные секунды или минуты к В.А. Легасову, В.К. Пикалову, Б.Е. Щербине и получал поддержку во всех отношениях.

Иван Степанович Силаев заменил Б.Е. Щербину, и эту традицию личных докладов и получение личных указаний по радио устно от первых лиц мы продолжили и далее. Время не терпело, мы не могли бы выполнить задачи, если бы находились где-то на совещании и через вторых и третьих лиц получали задания. У нас был очень хороший рабочий контакт...

Сам Валерий Алексеевич ежедневно поднимался на вертолете над реактором по 5-6 раз. Ученые, умные, грамотные, а когда надо идти вперед, то оказывались без средств защиты. Приходилось свинцом выстилать пол грузовой кабины вертолетов и давать респираторы (мы звали их намордниками), чтобы пыль не глотали, а вокруг вертолета всегда было очень много пыли. Пыль это плохо, вы, ученые, это понимаете. Пришлось как-то раз его покрыть нецензурными словами, хотя я никогда такими словами не ругаюсь, но именно его, Валерия Алексеевича, пришлось отругать. Я сказал сгоряча и при этом добавил: «Понимаешь, сам ты и голова твоя нужны Советскому Союзу. Такие люди очень нужны. Офицером, рабочим, инженером каждый может быть, а большой-большой умной головой, смотрящей далеко вперед - не каждому удастся».

Когда 5 мая он первый раз уезжал из этого района, обнял меня, расцеловал, и слеза у него покатилась, и он мне сказал: «Единственный генерал обругал меня матом, и я не обижаюсь». Это было при Б.Е. Щербине. После этого я еще больше проникся к нему уважением. Он был человеком мужественным, все понимающим, но в то же время беззащитным. Позже у нас было много моментов, когда мы втроем запирались - Б.Е. Щербина, В.А. Легасов и я, они много рассказывали о реакторах, о положении дел на них и о последствиях. Я понял, насколько эти люди умны и как далеко смотрят вперед, я видел, что нужно быстро-быстро все это закрывать, иначе вся эта зараза распространится и много людей будет подвергнуто облучению, понимал, что и как нужно делать, заставить людей, разъяснить им. Это удавалось...

Со всех точек зрения Легасов В.А. был очень порядочным человеком. Конечно, в Чернобыле он получил жестокий удар по своей судьбе. Многие его высказывания, видимо, не воспринимались тогдашним руководством: то ли боялись раскрыть большие масштабы Чернобыльской беды, то ли что-то еще, но многие его предложения не были восприняты. Зря! Предложения были хорошие. Полагаю в своих записях, выступлениях, в личных беседах со многими он говорил об этом...

...Б.Е. Щербина поздравил меня с присвоением звания Героя Советского Союза и попросил позвонить и поздравить Валерия Алексеевича с присвоением звания Героя

Социалистического труда. Я, конечно, тут же нашел его и поздравил по телефону, а потом при личной встрече.

Потом было следующее заседание Политбюро и, как мне сказал Б.Е. Щербина, в списках Героев Социалистического Труда почему-то не оказалось Валерия Алексеевича. И вот только сейчас, в 1996 году, ему присвоили звание Героя России (посмертно), у нас любят давать посмертно. Этот жестокий удар, думаю, сыграл впоследствии немаловажную роль в жизни Валерия Алексеевича.

...До этого я тоже получил удар, но в отношении меня справедливость восторжествовала несколько раньше. Меня, единственного от Киевского округа, представили к ордену В.И. Ленина, когда же дошло до основной инстанции, меня, как и многих других моих летчиков, в списках награжденных не было. Об этом узнал Б.Е. Щербина, видимо, они (В.К. Пикалов, В.А. Легасов – гражданские лица) написали представление на меня на звание Героя Советского Союза, потому что после пожарников основную роль играла авиация, в том, чтобы закрыть реактор и дать возможность остальным подойти и выполнять свои задачи. Потом расширились задачи химиков и других специалистов, горняков, рабочих, кого угодно.

К сожалению, сам Валерий Алексеевич не смог при жизни получить высокое звание Героя.

После Чернобыля произошло много экологических и неэкологических катастроф. Нам пришлось участвовать в ликвидации последствий землетрясения в Армении. Все получили (и я - через два года) ордена. Катастрофы за последние годы уходящего столетия обрушались на нас, как чума, мы успеваем то тут, то там оказаться на острие событий... Мы в боевой готовности, еще председатели комиссий не назначены, вопросы не решаются, а у нас на парах стоят вертолеты, самолеты, и мы в считанные минуты в нужные, моменты доставляли людей.

Хотелось, чтобы катастроф было меньше. Это зависит не только от ученых, но и от Правительства, от руководителей государства, от воспитания людей, насколько я понимаю. Мне, начиная с событий в Чехословакии, пришлось везде участвовать: в китайских, иранских, афганских событиях. Вижу, что и по Чернобылю выводов особых мы не делаем, хотя обобщаем опыт, пишем, отчитываемся. Целые тома исписали по всем направлениям...

Как происходит что-то, начинаем с нуля. Нам придется много работать вместе, выступать, многих придется учить. Опыт тех, кто побывал в чрезвычайных ситуациях на территории СССР, России пригодится.

Я считаю, встречи, организованные здесь, очень полезны для тех, кто участвовал во всем этом, и для тех, кто не участвовал, но занимался этим. Есть обоюдная польза.

За награду, врученную мне, за памятную медаль академика В.А. Легасова хочу поблагодарить. Думаю, что награда - аванс на будущее, но лучше, чтобы таких событий больше не было. Когда выйду на пенсию, обязательно буду писать о Чернобыле, потому что с первых дней аварии я провел в этом районе два года жизни: и эвакуация проходила на моих глазах, в съемках фильма помогал, сам снимал, есть, о чем рассказать..."

...Заслуги В.А. Легасова при жизни оценены: он был награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, медалями «За трудовую доблесть», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «За освоение целинных земель» и др.

Жизнь академика Легасова В.А. осталось позади, расплывены, развеяны его заботы и тревоги.

Много в его жизни было такого, что выматывало, изнуряло: работал, как фанатик, настрадался после Чернобыля, противостоял недоброжелателям. Почувствовав пренебрежение к собственной личности, он пережил глубокий психологический кризис.

Нам не дано завершить труды наши...

У подвижников недолгая жизнь. Долгой может быть память: каким был, чего хотел добиться, что удалось сделать.

Многие живущие говорят его словами о риске, безопасности, экологии, вспоминают его работы, проблемы которых устремлены в будущее.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ ДОЛЛЕЖАЛЬ

(1899-2000 гг.)

Воскресенский Г.А.

Кончина всемирно известного ученого Николая Доллежала потрясла очень многих. И очень многие прислали телеграммы соболезнования его вдове Александре Григорьевне. Одним из первых сделал это президент России.

«Николай Антонович Доллежал был одним из основоположников отечественной атомной энергетики и промышленности. Он внес огромный вклад в укрепление обороноспособности страны. Его имя навсегда останется в ряду с великими учеными, стоявшими у истоков покорения атома. Примите мои глубокие соболезнования.

В. Путин»

Конструктор, академик, профессор, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и пяти Государственных премии, кавалер шести орденов Ленина, ордена «За заслуги перед Отечеством», Золотой медали имени Курчатова. Это все Николай Доллежал, один из очень немногих, кого еще при жизни современники назвали «человеком-легендой».

Кончина его пришлось на день официальных торжеств по случаю 170-летия Бауманского технического университета. 70 из этих 170 - годы Доллежала. Не случайно, что именно с поступления в Бауманку начинается биография, написанная им самим. О себе Доллежал в июне 1964 года писал так: «Родился в семье земского инженера. До 1913 года проживал в Днепропетровске, а с 1913 года в Подольске, где учился в реальном училище. В 1917 году поступил в Московское высшее техническое училище, которое окончил в 1923 году со званием инженера-механика. Будучи студентом, работал с 1919 года на Подольском паровозном заводе конструктором, а по окончании МВТУ - инженером. Осенью 1923 года перешел на работу в Управление подмосковным каменноугольным бассейном инженером-конструктором. В это же время был избран ассистентом кафедры теплотехники Института народного хозяйства им. Плеханова, где по совместительству приступил к занятиям с 1924 года. В январе 1925 года перешел на работу в акционерное общество «Тепло и Сила», где в различных должностях (инженера-конструктора, монтажного инженера, заведующего техническим бюро, зам. начальника проектного отдела) проработал до октября 1930 года. В 1929 году был в научной командировке в Германии, Чехословакии, Австрии. С января 1932 по октябрь 1933 года работал в особом конструкторском бюро №8 заместителем главного инженера, отсюда перешел в «Гипроазотмаш» (Ленинград) техническим директором (зам. директора по научной части). В это же время был назначен заведующим кафедрой химического машиностроения в Ленинградском политехническом институте. В октябре 1934 года был переведен на работу в «Химмаштрест» (Харьков) главным инженером и заместителем управляющего. В апреле 1935 года был назначен членом Технического совета при Наркомате тяжелой промышленности. В ноябре 1935 года был назначен главным инженером завода «Большевик» (Киев), откуда в июне 1938 года был переведен в «Главхиммаш» (Москва) заместителем главного инженера. В декабре 1938 года перешел на работу в научно-исследовательский институт «ВИГМ», где проработал до июля 1941 года. С этого времени по сентябрь 1942 года - главный инженер Уральского завода тяжелого машиностроения (Свердловск). В сентябре 1942 года был назначен главным инженером, а затем директором и научным руководителем вновь создаваемого Научно-исследовательского института химического машиностроения (НИИхиммаш, Москва) с одновременным исполнением обязанностей директора завода № 846. В сентябре 1952 года по решению СМ СССР назначен директором вновь создаваемого Специального института.

«Специальный институт», который в 1952 году возглавил Николай Доллежал, был первым научно-исследовательским центром ядерного машиностроения. Ныне это знаменитый на весь мир Научно-исследовательский и конструкторский институт энерготехники (НИКИЭТ).

Созданные в НИКИЭТ первый промышленный ядерный реактор, первая ядерная силовая установка для первой советской атомной субмарины, первая в мире атомная электростанция, введенная в эксплуатацию в 1954 году, серия энергетических реакторов большой мощности для Ленинградской, Курской, Смоленской, Игналинской и других АЭС, исследовательские реакторы, которые сегодня работают и в нашей стране, и во многих странах за рубежом, система предупреждения о ракетном нападении и многое, многое иное - это все Николай Доллежал. И

еще Доллежалъ - это мощная школа конструкторов ядерной техники, одна из лучших в мире. Многие выходцы из его школы ныне успешно руководят атомной отраслью.

Судьба человека отражает то время, в котором он живет. Доллежалю пришлось в полной мере испытать превратности времени. Очень непростого времени. «Несмотря на все трудности, возглавлявшийся им НИКИЭТ выстоял в эти непростые годы, даже в чем-то стал сильнее, - говорил в год 100-летия Доллежала Евгений Адамов, его преемник на посту руководителя института. Это стало возможным благодаря поддержке, пониманию Доллежалем проблем, благодаря коллективу института, его способности к продолжению и развитию множества направлений в атомной энергетике, которые начаты Доллежалем и считаются лучшими его достижениями».

Ученый-атомщик, Николай Доллежалъ об атомной отрасли, которую он создавал вместе с еще одним легендарным человеком, министром Ефимом Славским, кажется, думал постоянно. О ней же размышлял и в своем последнем прижизненном интервью, которое было опубликовано в прошлом году: «Если оглянуться в прошлое и поверить науке, то человечество за один XX век нанесло природе вреда больше, чем за всю историю своего существования. Поскольку энергетика - один из очень мощных источников нанесения ущерба природе, она будет, очевидно, кардинально пересмотрена в техническом отношении. Вся идеология развития энергетике в XXI веке, несомненно, будет идти под лозунгом: «Не навреди природе»...

Что же касается атомной энергетике, то она, конечно, одна из самых чистых - с точки зрения природы, если бы не было радиоактивных отходов. Когда человечество научится утилизировать эти отходы, не вредя природе, для атомной энергетике путь будет открыт. Но совсем не в такой форме, как сейчас. Я не думаю, что будут строиться станции-гиганты.

Вероятно, когда-нибудь признают, что строительство мощных высоковольтных линий передачи с огромными магнитными полями, влияние которых на природу пока еще не изучено, нецелесообразно, и введут какие-то ограничения. Тогда могут возникнуть очень небольшие установки, работающие на использовании атомной энергии, которые будут применяться в городах, безвредные для людей и не травмирующие их психику. Ибо хотите вы того или нет, но сейчас есть люди, которые психологически отвергают атомную энергетике, считая ее вредной. Это, конечно, заблуждение, но с ними надо считаться. Поэтому развитие отрасли пойдет, видимо, прежде всего, в направлении сохранения природы».

По большому счету, мы все учили физику по Доллежалю. Его учебники переходили от поколения к поколению, объясняя строение мира и его законы. А он еще доказал, что физика не отделима от лирики, положив традицию в Бауманском университете читать студентам Пушкина наизусть. Не любил бюрократов и приглашал студентов говорить о физике и лирике за чашкой чая. Как знать, возможно, именно из этих бесед и родились замыслы книг и научных работ, написанные с той же страстью, с какой он занимался ядерными реакторами. И с какой ходил на лыжах.

И стал легендой при жизни. Тем, наверное, значимее то, что Доллежалъ сказал в своем последнем интервью о человеке будущего: «Мне кажется, люди в XX веке по сравнению с теми, кто жил в XIX, стали хуже, понятие «порядочность» перестало играть первостепенную роль. Поэтому мне представляется, что в будущем люди должны найти пути для своего исправления. Как это сделать? В этом смысле, наверное, и законы священных писаний смогут прийти на помощь. Хорошо помню, раньше, до революции, особенно это касалось воспитания нравственности, без которой человек не может стать человеком с большой буквы. Мне кажется, что в будущем к этому надо вернуться».

БОРИС ЕВДОКИМОВИЧ ЩЕРБИНА

(1919-1990 гг.)

Фрагменты из книги В.Г. Чирскова «Уроки Щербины», 1999 г.

От автора:

...Когда после одной из встреч ветеранов нашей отрасли решено было подготовить книгу о Щербине, приурочив ее выход к восьмидесятилетию Бориса Евдокимовича, мои коллеги и однокашники поручили мне проделать эту нелегкую работу. «Ты его душеприказчик. Тебе и карты в руки...». Здесь не было ошибки. Я действительно хорошо знал Бориса Евдокимовича

более двадцати лет, а последние 17 лет его жизни практически ежедневно находился с ним в тесном контакте (телефон, встречи, поездки). За это время приходилось наблюдать жизнь и деятельность Бориса Евдокимовича в разных должностях и при разных обстоятельствах. Мне была близка его деловая хватка. Его строй мысли... Я обошел ближний и дальний круг знавших Щербину. И теперь выношу их воспоминания на ваш суд.

Лидия ШМАЛЬ - журналистка.

Публикация в газете «Трибуна» 5 октября 1999 г.

УРОКИ ЩЕРБИНЫ

Его называют державником, государственнымником. И при этом сетуют на то, что таких людей сейчас нет. Б. Е. Щербина прожил в ладу со своим временем, пройдя путь от инженера-железнодорожника до министра газового строительства и зампреда Совмина СССР.

Родившись в 1919 году, он успел побывать в сражениях с белофиннами, боролся с фашистами, организовывал восстановление Харькова после оккупации. Когда прогремел взрыв в Чернобыле, он первым прилетел на обожженную землю и принял свои бэры, организовав ликвидацию последствий. Он был первым комендантом Ленинканана во время землетрясения в Армении.

Для одного человека, согласитесь, этого много. Но он создавал топливно-энергетический комплекс страны, который до сих пор кормит Россию.

Б.Е. Щербину считают основателем качественно новой индустриально-мобильной отрасли по созданию трубопроводов и обустройству месторождений. Он стоял у истоков вахтово-экспедиционного и комплектно-блочного строительства в условиях Крайнего Севера. Его идею передачи по трубопроводам угольной суспензии собираются осуществить в XXI веке. Апофеоз - сооружение газопровода Уренгой - Помары - Ужгород, того самого, на который американцы наложили эмбарго, но не сумели помешать вводу в эксплуатацию.

Он умел работать на перспективу, редко бывал в отпуске, тосковал в праздники и оживал в водовороте грандиозных строек. С подчиненных спрашивал строго, отчитывал сурово, хвалил редко, одаривал по-царски. На него нет обиженных за науку, но множество благодарных - за звания, награды и высокие премии. Сотни людей считают себя его учениками и с благодарностью говорят о школе Щербины. При этом ни один из них не может похвалиться тем, что был со Щербиной на «короткой ноге».

Борис Евдокимович не пил, не курил, не принимал подарков, не любил охоту, не ездил на рыбалку. Его хобби были книги, научные статьи и изредка шахматы.

Сегодня его благодарные ученики открыли мемориальную доску на здании РАО «Роснефтегазстрой» и назвали первых лауреатов премии Б.Е. Щербины. 5 октября ему исполнилось бы 80 лет.

Он умер в 1990 году, когда начало рушиться все, чему он так самоотверженно служил.

*Мотовилов Б.Н., 1984-1992 гг. - помощник заместителя
Председателя Совета Министров СССР. Награжден
орденами Дружбы народов, "Знак почета" и медалями.*

"По распределению обязанностей между зампредами правительства Щербина координировал работу целого куста близкопрофильных министерств - Миннефтепрома, Мингазпрома, Минэнерго, Минугольпрома, Мингео, Госгортехнадзора и Госатомэнергонадзора. Кроме того, отслеживал топливно-энергетические направления в деятельности Госкомитета по науке и технике, Академии Наук, Минвнешторга и так далее - всего здесь не перечислишь.

Но если вопросы нефтяной и газовой отраслей и тем более Миннефтегазстроя не представляли для него особых проблем, то с работой остальных министерств и ведомств надо было знакомиться практически с нуля. И время показало: Борис Евдокимович блестяще преодолел немалые трудности, проявил чудеса (иного слова не подберешь!) выносливости, работая более полутора лет в режиме "без выходных", по 12 - 16 и более часов в сутки, и это, заметим, несмотря на то, что ему в то время перевалило за 65..."

Безоглядная трата себя, каждодневное адово напряжение были видны, ощущались, пожалуй, только теми, кто работал со Щербиной бок о бок, со стороны же часто казалось, что дело управления огромным хозяйственным механизмом дается ему без особых усилий. Что он управленец от Бога. Впрочем, отчасти это было так.

"В Припять, на окраине которой, а точнее, в полутора километрах от центра города находится Чернобыльская атомная электростанция, мы прибыли примерно в 19 часов.

Дождь прекратился, гроза рассеялась, наступили весенние сумерки. Вся эта погодная идиллия омрачалась тем, что столб огня и дыма над четвертым энергоблоком был виден очень хорошо. Удивительно, но никакого особого чувства тревоги или беспокойства в тот момент никто из нас не испытывал. Все это пришло позднее, когда более или менее прояснились масштабы беды и, главное, начала поступать информация о радиационной обстановке... В здании горкома партии мы застали много людей".

"Он и без того жил в режиме нечеловеческого напряжения. А тут еще не сложившиеся с самого начала отношения с бывшим в те годы Председателем Совета Министров СССР Н.А. Тихоновым. Престарелый, желчный и капризный человек, Тихонов не терпел, когда его заместители и даже министры не оказывались на месте, не могли предстать пред очами. Он крайне по этому поводу раздражался и слышать не хотел никаких оправданий. А Щербине, как известно, на месте не сиделось, объектом его пристального внимания были не кремлевские кабинеты, а вся, почитай, страна. Кроме того, Борис Евдокимович не отличался мастерством по части оправдания. И Тихонов особенно донимал его, что постоянно отнимало изрядную часть и без того перегруженной нервной энергии. Помимо всего, на каждой неделе проходило как минимум одно заседание Политбюро (на которые, как правило, приглашались зампреды, поскольку повестки заседаний включали массу хозяйственных и экономических вопросов) и еще заседание Президиума Совмина, сугубо протокольных мероприятий.

Обо всем этом я говорю для того, чтобы было понятно, что в течение пяти рабочих дней недели и речи быть не могло о командировке на предприятия и стройки подведомственных отраслей. А без личного ознакомления на месте с положением дел Борис Евдокимович не считал возможным принимать какие-либо решения и открыто говорил об этом капризному руководству, исповедующему кабинетный стиль работы.

В итоге сложилась продолжавшаяся около двух лет практика полетов в командировки на объекты каждый уик-энд, причем чаще всего вылетали спецрейсом в пятницу вечером (реже - в субботу утром) и возвращались в воскресенье вечером. С собой обычно брали минимум руководителей соответствующих министерств, которые, хотя и не устраивали "бунт на корабле", но по понятным причинам особого энтузиазма не проявляли.

Эта "непрерывка", продолжающаяся месяцами и помноженная на все возрастающую взаимную неприязнь Щербины и Тихонова, мягко говоря, здоровья не прибавляла. Как выдерживал шеф эти чудовищные нагрузки, постоянное недосыпание, нерегулярное питание и прочие неудобства - ума не приложу. Будучи моложе его почти на 20 лет, я порой не выдерживал темпов и засыпал от усталости в самое неподходящее время.

География командировок была самая разная. Это и украинские атомные и тепловые электростанции, угольные предприятия Кузбасса, Красноярск, Братск, Иркутск и, конечно, Коми АССР (Борис Евдокимович избирался депутатом Верховного Совета СССР от Ухтинского избирательного округа), и горячо любимая Западная Сибирь с ее безграничными просторами и многочасовыми перелетами.

Что же касается работы на месте, в Кремле, то вряд ли стоит занимать читателя описанием бесконечных совещаний, подготовки соответствующих документов, выступлений и докладов, встреч с министрами, учеными, реже с представителями иностранных держав. Отмечу только, что Борис Евдокимович, с его неукротимым и взрывным характером, очень трудно воспринимал сложившиеся десятилетиями рамки рутинного "кремлевского" поведения, но, понимая неизбежность этого, "скрепя сердцем", смирялся".

Когда на заре перестройки в апреле 1986-го было создано Бюро по ТЭК Совмина СССР, его возглавил Борис Евдокимович. На работу этого новорожденного органа возлагалась большая ответственность. Комплекс имел 31 процент стоимости основных фондов страны, ежегодно в его развитие вкладывалось более 20 процентов капитальных вложений государства. Работало в ТЭЖе около семи миллионов человек.

На первом заседании бюро Борис Евдокимович, помнится, сказал: "Меньше заседательности, нужна оперативность, каждое дело надо решать как неотложное. Посмотрите, мы утонули в бумагах. Больше доверяйте телефону. На переднем плане должны быть научно-технические проблемы".

Запомнились еще два его выступления на заседаниях Бюро по ТЭК. Излагаю, как записал в дневнике - тезисно.

1988 год, январь. "Ушло время административно-силовых нажимов, необходимо аппараты министерств превратить в штабы по научно-техническому прогрессу, больше заниматься ресурсо-энергосбережением, нам не уйти от решения вопросов экологии, в кадровой политике смело выдвигать молодежь, поставить заслон бесхозяйственности. Зри в корень!"

1989 год, январь. "Главное, не сдать командные высоты. Среднее звено ослабло. Заработную плату надо платить только заработанную. Создалось опасное положение в стране с научно-техническим прогрессом. Не забывайте сберегающие технологии. Разумно совершенствуйте структуры. Создавайте банки, смелее принимайте решения по убыточным предприятиям. Еще много у нас совещаний, много бумаг пишем, нужно найти время для творчества. Для поиска рациональных систем управления".

А в том, что эвакуация неизбежна, большинство членов комиссии стали склоняться уже где-то к полуночи 26 апреля. Тогда более или менее точно определилась радиационная обстановка в городе.

Борис Евдокимович объявил перерыв в работе Комиссии и крепко задумался. Уединившись в одном из кабинетов Припятского горкома партии, он через меня последовательно приглашал к себе ученых-атомщиков (В.А. Легасова, В.А. Сидоренко и др.), медиков (в составе Комиссии был первый зам. министра здравоохранения СССР Е.И. Воробьев), военных, местных руководителей и после 1,5-2 часов такой напряженной работы вновь собрал Комиссию на заседание. В полном составе. К тому времени закончились эти бесконечные сутки 26 апреля 1986 г., шли первые часы нового дня.

Несмотря на глубокую ночь (по существу, предутренние часы), усталости у Б.Е. как не бывало. Это было характерно для него - его всегда угнетала неопределенность, неясность колебания окружающих, но когда он "созревал" для принятия решения, то буквально преображался: указания становились четкими, память работала, как часы и даже физически он как бы менялся... Исчезало раздражение, он начинал острить (а это у него получалось блестяще, причем штампов и затасканных чужих остроумий он не позволял, равно как и анекдоты он недолюбливал), юмор у него прорывался именно по ситуации, всегда, кстати, он остроумно и безобидно мог разыграть окружающих, но, повторяю, это случалось с ним только при хорошем расположении духа. Когда же что-то не ладилось или если его предложения не встречали поддержки у руководства (а с Председателем Совмина Н.А. Тихоновым у него это случалось нередко), - в эти моменты с ним лучше было бы не общаться. Впрочем, это качество характерно для многих людей, просто особое положение Б.Е., находящегося всегда в окружении многих людей, занимающих высокое служебное положение, заставляло всех внимательнее и пристальнее присматриваться к нему, отслеживать каждое его слово и делать для себя соответствующие оценки.

Итак, решение об эвакуации 50-тысячного города было принято, началась его практическая реализация. Следует сказать, что по предложению Председателя Совмина Украины А.А. Ляшко еще до принятия решения об эвакуации (на случай, если оно будет принято) из Киева в сторону Припяти начала двигаться колонна пассажирских автобусов и грузовых автомобилей, приспособленных для перевозки людей. К утру 27 апреля эти автобусы (около 700 единиц) и примерно 150 грузовиков выстроились многокилометровой колонной от Припяти в сторону Чернобыля, районного центра одноименного района Киевской области (между Чернобылем и Припятью 19 км).

Таким образом, транспортом для эвакуации людей мы были обеспечены. Оставалось главное - оповестить население, причем сделать это так, чтобы не спровоцировать панику. Щербина поручил мне подготовить текст обращения к жителям города. Это, казалось бы, несложное поручение превратилось в очень непростую проблему.

Начальник управления № 157 Минтрансстроя СССР (с 30.12.1992 г. - Генеральный директор ОАО "Визбас"), кандидат технических наук В.А. Плохих, участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Начальник отдела ОАО "Визбас" В.Н. Фоминых, участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Летчики после полета на дезактивацию, Чернобыль, 1986 г.

Н.Д. Тараканов (будущий участник ЛПК на ЧАЭС) в гостях у космонавтов. Слева направо: генеральный конструктор Мишин, генерал-майор П.И. Климук, полковник Н.Г. Тараканов, генерал-майор А. Войнов.

Л.С. Евтерев, доктор технических наук,
профессор, участник ЛПК на ЧАЭС

Спонсор Академического хора МГУ им.
М.В. Ломоносова: Президент – Генеральный
директор НАИЧ МГУ Л.С. Пятецкий
(справа) с руководителем Академического
хора М.С. Аксеровым, в период гастролей
хора в Голландии и Германии,
Дрезден, 2000 г.

Полковник А.Н. Албаев,
(1951 г. – 1998 г.),
участник ЛПК на ЧАЭС, 1989 г.

Гвардии майор В.А. Бондарев,
участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Полковник А.А. Надубов,
участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

У «Саркофага», октябрь 1988 г., В.И. Огородников, доктор химических наук,
профессор, лауреат Ленинской премии, участник ЛПК на ЧАЭС, 1986-1989 г.г.

Генерал-полковник медицинской службы,
в отставке Ф.И. Комаров, доктор
медицинских наук, профессор,
академик РАН.
Участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Сотрудники Российского онкологического научного центра РАМН, слева направо:
доктор биологических наук Е.М. Аксель, кандидат биологических наук Т.И. Ушакова,
академик РАМН Л.А. Дурнов, доктор медицинских наук С.А. Маякова, доктор медицинских
наук В.Г. Поляков

Доклад генерал-майора В.М. Максимчука мэру Москвы Ю.М. Лужкову, 1993 г.

Участники ЛПК на ЧАЭС. Полковник Моспанов (крайний слева), Чернобыль, 7 мая 1990 г.

Генерал-майор А.Г. Дьячкин,
Первый заместитель начальника
политуправления ЖВ (1984-1989 гг.),
участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Генерал-майор Т.М. Саламахин,
доктор технических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки и техники
РСФСР, участник ЛПК на ЧАЭС,
в мае 1986 г. один из первых проводил
взрывные работы на ЧАЭС.

Полковник В.П. Малышев,
доктор химических наук, профессор,
участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Сотрудники научного центра МО СССР, справа на башне – полковник А.В. Попельшко,
Чернобыль 1986 г.

Генерал-лейтенант Федоров А.К.,
начальник 1039 научного центра МО
СССР,
участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Генерал-майор в отставке,
профессор, доктор военных наук
Ю.П. Дорощев. В сентябре-октябре
1986 г. возглавлял оперативную группу
инженерных войск при ЛПК на ЧАЭС.

Главный технолог ОАО «Висбас»
В.Н. Киселев, участник ЛПК
на ЧАЭС, 1986 г.

Сотрудники НЦ МО. Крайний слева – старший лейтенант Е.Н. Додонов, крайний справа –
подполковник М.М. Шмаков, в центре – служащий СА С.С. Седойкин

Выступление президента Союза «Чернобыль» В.Л. Гришина на юбилее организации

Г.А. Жуков, военный химик,
генерал-майор в отставке,
участник Великой Отечественной войны.

Полковник И.Д. Грабовой,
доктор военных наук,
участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Обсуждение содержания монографии «Чернобыль. Долг и мужество». Справа налево: полковник А.Е. Пекарский, начальник типографии Воениздата, полковник в отставке В.В. Романченко (член редакционной комиссии), полковник в отставке А.А. Дьяченко (руководитель авторского коллектива)

Президент региональной
благотворительной общественной
организации инвалидов Чернобыля
«Заслон Чернобыля»
В.П. Корастилев,
участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Директор ситуационного Кризисного центра Минатома России В.П. Берчик
поздравляет ветеранов отрасли с Днем Победы, 2000 г.

А.А. Бриш,
Герой Социалистического труда, доктор
технических наук, профессор, лауреат
Ленинской и Государственной премий,
Заслуженный деятель науки, награжден
четырьмя Орденами Ленина.

После презентации монографии «Чернобыль. Катастрофа. Подвиг. Уроки и выводы» в
московской городской думе. Слева направо: полк. в отставке В.П. Корастилев,
ген. л-т в отставке В.П. Дутов, полк. в отставке А.А. Дьяченко,
ген. л-т в отставке В.К. Смыслов, 1996 г.

Полковник В.Я. Степанов,
профессор, кандидат военных наук,
член Союза писателей,
участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Сотрудники научного центра МО СССР, второй слева – полковник В.Я. Степанов, в центре – полковник Б.С. Решетов, Чернобыль, лодочная станция, декабрь 1988 г.

Трудность заключалась в том, что надо было убедить людей не брать с собой ничего лишнего, кроме документов, денег и минимума личных вещей, а этого можно было достигнуть только пообещав, что все вернутся в свои квартиры буквально через несколько дней. Комиссия прекрасно понимала, что все будет не так, что жители города не вернутся в него никогда или в лучшем случае смогут побывать в своих квартирах через много месяцев на короткое время, но было принято единодушное решение исказить в обращении истинное положение вещей.

Кстати, это обстоятельство впоследствии вызвало ожесточенную критику в средствах массовой информации, а также и в книгах отдельных авторов, писавших о Чернобыле. Но я уверен, что никому из тех, кто принимал решение об эвакуации, не в чем себя упрекнуть. Уверен также, что стоило лишь нам заявить, что Припятъ будет брошена навсегда, мы бы наверняка сорвали проведение эвакуации со всеми вытекающими последствиями.

Конечно, можно сегодня обвинять Правительственную комиссию и ее председателя в массовом обмане людей, но это был тот случай, когда этот обман был неизбежен, необходим. Более того, я очень сомневаюсь, удалось бы сегодня, в хаосе и беспределе последних лет, называемых годами проведения общегосударственных экономических и политических реформ, провести так четко и организованно эту непростую акцию. При том уровне доверия к власти, какой мы имеем сегодня, скорее всего - нет.

После одобрения Комиссией подготовленного нами текста обращения к населению началось осуществление практических шагов: в 10 часов 27 апреля (это был воскресный день) это обращение прозвучало по местному радио, затем оно повторялось через каждый час. Тексты обращения были расклеены на видных местах в городе.

Собственно вывоз населения был назначен на 14 часов. Людям было предложено собраться, подготовиться и выйти к этому часу к подъездам своих домов. Уже через 40 минут 50-тысячный город практически обезлюдел. В Припяти остался только минимум работников коммунальных служб для того, чтобы не допустить аварий и обеспечить планомерное отключение энерго-газо-водо-снабжения, других городских сетей.

«Конечно, были и другие события, чрезвычайно интересные и сложные как в техническом, так и в организационном плане: сбрасывание с вертолетов мешков с глиной, свинцом и «двуокисью» бора для ликвидации пожара на 4-м энергоблоке, разборка завалов в условиях жесткого радиационного излучения, устройство «саркофага» над разрушенным энергоблоком, дезактивация территории, возобновление работы трех сохранившихся энергоблоков, строительство нового города чернобыльских энергетиков Славутича и масса других, может быть, не таких заметных, но не менее важных дел, которыми занималась Правительственная комиссия под руководством Щербины. Но (возможно, это мое субъективное мнение) несгибаемая воля и характер Бориса Евдокимовича, его цепкий аналитический ум, способность подчинить всех участников интересам дела, непререкаемый авторитет и другие качества бесспорного лидера наиболее ярко проявились в первую ночь после аварии на Чернобыльской АЭС при принятии решения и оперативной его реализации по эвакуации населения из Припяти. Причем настолько ярко, что все остальное, продолжавшееся многие месяцы, казалось обычным, рутинным делом, просто затянувшейся командировкой, каких у нас были десятки ежегодно.

...И сегодня я убежден, что незаурядное здоровье Б.Е. Щербины было надломлено именно в Чернобыле, где он получил не менее 800 - 1000 бэр (биологический эквивалент рентгена) радиоактивного облучения. Убежденность моя не умозрительна: мне «досталась» доза в 55 бэр, но я значительно реже шефа бывал на разрушенном блоке, поскольку он определил мое место в основном у телефонов, для связи с Москвой, Киевом и т.д. Сам же он нисколько не считался с тем, какую опасность таит в себе радиационное поражение человека, часто проявляющегося через много лет после облучения».

Эвакуация населения из Припяти - только одно из звеньев. Следующее было связано с 30-километровой зоной...»

ВОСПОМИНАНИЯ СОРАТНИКОВ И УЧЕНИКОВ Б.Е. ЩЕРБИНЫ

Чирсков В.Г., 1984-1991 гг. - министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР. Доктор технических наук, профессор. Лауреат Ленинской и Государственной премий, премии Совета Министров СССР.

Вспоминаю, как в январе 1984 года я, по поручению Щербины, занимался подготовкой расширенной коллегии министерства, на которой в это время итожили работу минувшего года и заглядывали, что называется, вперед. Доклад министра вчерне был готов. Обычно Борис Евдокимович сам его дорабатывал, а то и основательно перерабатывал, оставляя от подготовленной болванки рожки да ножки - только цифровой материал.

Как-то поздно вечером он пригласил меня зайти. Я подумал, что речь пойдет о докладе, и приготовился отстаивать принципиально важное для меня. Дело, однако, приняло совершенно другой оборот. Когда я предложил ему прочитать особенно ответственные места и высказаться по части доработки, Борис Евдокимович без особой радости в голосе сказал:

- Вот сам читай и дорабатывай. Доклад будешь делать ты...

Я ничего не понял. А Борис Евдокимович как-то устало добавил:

- Я только-только вернулся с заседания Политбюро. Меня назначили зампредом Совета Министров.

Что ж, это выдвижение было закономерным. Приходилось говорить не раз: Щербина был человеком государственного масштаба и мыслил по государственному. Теперь ему поручили новый сложный и ответственный участок народного хозяйства страны, и он мог - сомнений не было - здесь всерьез развернуться... И все же меня вначале охватила оторопь: как-то он сумеет вжиться в новое назначение. Ведь времени у него для раскачек и прикидок не было. Впрягайся - и в дело!

Донгарян Ш.С., 1965 - 1989 гг. - заместитель министра Министерства нефтяной промышленности СССР. Заслуженный строитель РСФСР. Почетный нефтяник СССР.

«Он вошел в эту большую и ответственную должность, в свой кремлевский кабинет непостижимым образом отлично подготовленным. Я имею в виду не только впечатление, что как будто он много лет работает в этом кабинете, в этой должности, а главным образом его знания существующего положения в угольной промышленности, электроэнергетике, атомной энергетике, подготовке запасов полезных ископаемых. Знание этих отраслей он демонстрировал так же, как и знание положения в нефтяной и газовой промышленности...».

«Назначение Б.Е. Щербины заместителем Председателя Совета Министров по топливно-энергетическому комплексу многими специалистами подведомственных министерств было оценено как правильное. И, прежде всего, потому, что его стиль работы существенно, в лучшую, разумеется, сторону, отличался от стиля его предшественников. Он не оставлял нерассмотренными ни одного, даже самого пустякового, обращения, часто собирал у себя министров и их заместителей по текущим и перспективным вопросам. И здесь во всем чувствовалась его партийная закваска.

Сначала нам казалось, что мы теряем время, обсуждая проблемы своих коллег из других министерств. Но постепенно почувствовали себя одной большой семьей, решающей одну общую для всех задачу - обеспечения нашей страны и других государств топливом, сырьем, электроэнергией, теплом... Ведение Щербиной деловых совещаний становилось для нас раз от раза поучительнее. К примеру, по недавнему опыту хорошо зная функции заместителей министров, членов коллегии, он частенько обращался за разъяснением или консультацией не к присутствующему министру, а к его заместителю или члену коллегии, предупреждая тем самым захребетничество.

Конечно, было заметно, что он изрядно прикипел к Миннефтегастрою. Что его, как и прежде, интересуют подробности жизни его бывшего детища. Часто случалось, что до того, как начинать совещание по повестке дня, он поднимал своего преемника Владимира Григорьевича

Чирскова и с пристрастием допрашивал, почему, например, за истекшие сутки на той или иной стройке такой-то технологический поток сварил, заизолировал и уложил на столько-то метров меньше запланированного или почему такой-то поток оказался в простое. По большому счету нам это не нравилось. Не должен, считали мы, человек, призванный решать проблемы государственного масштаба, ежедневно интересоваться ходом дел крупных бригад, публично анализировать и обсуждать на глазах у всех со «своим» министром. Разумеется, подведомственный аппарат с большим рвением начинал работать на интересы шефа в ущерб подготовке решений по более крупным вопросам».

Согласитесь, было бы противоестественно, если бы Борис Евдокимович, став зампредом Совмина, в мгновение ока забыл о деле, которому посвятил лучшую часть своей жизни. Однако подобного рода привязанность была лишь отчасти данью инерции. Здесь, по моему разумению, мы имели дело с одним из пороков сложившейся в стране многолетней практики. С пороком, который в одночасье не преодолешь. А Щербина довольно скоро сумел преодолеть. И это далось нелегко.

Щербина Юрий Борисович

«Физически отец был достаточно крепок. Во-первых, он играл в футбол в юности, да и до последнего мне говорил: «Юра, давай потягаемся». Очень гордился тем, что не сдает, несмотря на бремя лет. Он постоянно утром делал гимнастику. С дисциплиной у него было все в порядке: полный распорядок «от и до», обязательно гимнастика, потом эспандер. А когда появилась возможность, то и тренажеры. По возможности бегал трусцой».

Все это, как ни покажется странным, было чрезвычайно важно и для того, чтобы не сдать накануне серьезных преобразований в обществе, которые он предрешал и о которых, особенно в начале восьмидесятых, говорил со своим ближним кругом.

«Трудился он до самозабвения, все отдавалось работе. Вспоминаются такие вещи: отец ведь по образованию железнодорожник, окончил Харьковский институт инженеров железнодорожного транспорта, а когда его назначили министром - тут уже нефть, газ, трубопроводы. Первое, что он сделал - запросил всевозможную литературу, обложился ею и ночами сидел, читал. Прежде чем он собирал совещание или давал какие-то указания, он садился и целыми сутками работал с материалами. Все, что можно брать, он брал, изучал и только после этого мог позволить себе сделать какой-то вывод, внести какое-то предложение».

Так же, впрочем, как он не торопился выносить на общий суд ту или иную проблему, не посоветовавшись предварительно с участниками предстоящей дискуссии или, как нынче говорят, деловой разборки. В нем с партийных, видимо, времен жила вера в коллективный разум. И вынося вроде бы единоличное решение, он непременно учитывал весь спектр мнений.

Тихонов Г.И., 1986 - 1991 гг. - начальник отдела Бюро по топливно-энергетическому комплексу Совета Министров СССР. Кандидат экономических наук. Заслуженный энергетик СССР. Заслуженный строитель Таджикистана.

«Впервые я познакомился с Борисом Евдокимовичем, когда еще учился в Академии народного хозяйства. В 1979 - 1980 годы через стены академии в качестве преподавателей прошли 35 союзных министров. Каждую среду кто-то из министров читал нам свою лекцию, и я вам скажу, что уже в то время Борис Евдокимович обратил на себя внимание как человек знающий, глубоко вникающий в самую суть. Хоть он и был, как говорят, партноменклатурщиком и взошел на партийных «дрожжах», тем не менее, составлял завидное исключение из традиционной партноменклатуры. Всерьез и глубоко окунувшись в работу министра, Совета Министров он докапывался до основ. Он разбирался во всех технических вопросах, никогда не принимал шапочных решений...»

И все же, как уже писалось, немало стоила Щербине такая высокая компетентность. Он нарабатывал ее не сразу и не вдруг - годами. Об этом свидетельствуют многие. И, наверное, особо ценно здесь свидетельство сына, который наблюдал за отцом ежедневно.

«В середине апреля 1986 года позвонил Борис Евдокимович и предложил мне перейти во вновь организуемую структуру Совмина - Бюро по топливу и энергетике. Я сказал, что мне надо подумать, он дал мне неделю срока, чтобы окончательно все решить. Борис Евдокимович не любил долгих рассуждений и долгих раздумий. По его мнению, человек всегда должен быть готов принять решение, если он определился, на каких позициях стоит, какие идеи исповедует. По-видимому, он считал меня таковым и сразу после очередного звонка, а это случилось в первый день Чернобыльской катастрофы, я, польщенный доверием Щербины, дал согласие на работу в бюро.

Он весьма нетрадиционно подошел к набору кадров в нашу молодую организацию. Половина состава бюро складывалась из старых аппаратчиков Совмина, из работников, которых когда-то подбирало прежнее начальство. Вторую половину составляли люди, приглашенные Борисом Евдокимовичем. Это были производственники (хотя я уже в то время успел поработать в Министерстве энергетики, это был короткий эпизод, до этого я занимался строительством электростанций, заводов и т.д.). Так вот, в новом Бюро по топливу и энергетике аппарат у Бориса Евдокимовича сложился пятьдесят на пятьдесят. Тяжело было работать первые полгода, потому что притирались люди совершенно разных управленческих школ. В конце концов опыт людей старой закваски и производственников, народа «от сохи», тот коллектив, который создал Борис Евдокимович, позволил Щербине четко руководить аппаратом, держать людей в строго вымеренном фарватере. В самом деле, старые аппаратчики умели хорошо работать с документами - делать то, что не умели мы. А мы внесли свою струю. Да, Щербина был очень жестким в работе, но справедливым человеком. Если даже он что-то чрезмерно требовал, снимая стружку, то обиженных не бывало. Выволочки устраивались только по делу.

Как-то один из его подчиненных, который вместе с ним работал еще в Тюмени, сказал мне: «Георгий Иванович, с нас он готов три шкуры спустить, а тебе все нипочем. Мы все вроде работаем одинаково, на одном уровне, а он к тебе больше прислушивается». Я говорю: «Дорогой мой Владимир Петрович, ты с ним проработал уже не один год, тебя он уже знает как облупленного, твой потенциал у него на виду. А я для него пока новый человек. Он ко мне прислушивается, пытается понять, что, как и почему. Хочет ото всех вновь пришедших свежих мыслей, свежих решений. Поэтому по отношению ко мне у него другой тон - он не хочет спугнуть инициативу, дает новичку выложиться. Некоторые о нем говорили, вот, мол, не считается с окружением, сам принимает решения. Да он принимал их сам, но до того выслушивал мнения не одного десятка человек, извлекая все рациональное и значимое, и только потом уже жестко выступал с определенных позиций. Такое нарабатывается годами. Это уже, верно говорят, стиль.

Борис Евдокимович был самоотверженным человеком. И когда в Чернобыле он первым бросился в пекло, он не то чтобы не понимал, чем это ему грозит, конечно, понимал. Но он твердо знал и другое, что генералу негоже отсиживаться в тылу, солдату в одиночку с бедой не справиться. Щербина шел в чернобыльский ад с открытыми глазами, зная, что получает облучение. Это был самоотверженный поступок.

«Георгий Иванович, - говорит он мне как-то, - ты знаешь, после Чернобыля много людей заболело лучевой. Ты знаешь, сколько я схватил? А ведь совершенно здоров. - И вынимает из кармана мумиё. Он знал, что я долго работал в Таджикистане и вроде бы советовался. - Я каждый день принимаю горошинку...» Я не стал ему говорить, что не особенно-то верю в это мумиё. Лечение болезни человека во многом зависит от его морального состояния. Пока человек борется, пока он, как говорится, воюет и загружен на сто процентов - некогда думать о болезни. По-моему, это Щербина понимал как никто другой».

Наверное, ему помогал крепко стоять на ногах и здоровый образ жизни, который давал возможность держать форму в изнуряющей повседневности и, кроме того, подтягивал и, я бы сказал, вселял оптимизм окружающим, которые, подражая Щербине, держали «марку» в тяжелейших условиях той же тюменской стройки. Борис Евдокимович всегда был опрятно одет: светлая сорочка, непременно - галстук, вычищенные туфли. Он был чисто выбрит, аккуратно подстрижен, подтянут. В еде не был привередлив. Любил хорошо прожаренное мясо, клюквенный сок, из деликатесов - сосьвинскую селедку. Мог выпить две-три рюмки водки, но никогда не злоупотреблял алкоголем.

Он хорошо играл на бильярде (очень не любил проигрывать). Был болельщиком киевского «Динамо». Не любил охоту, рыбалку, бани, карты. Правда, иногда, когда мы после сложных дней в Тюмени находили время поиграть в преферанс, он всегда стоял за моей спиной, наблюдал и давал дельные советы. Его сын свидетельствует и о других увлечениях отца.

Рыжков Н.И., 1979 - 1982 гг. - первый заместитель председателя Госплана СССР. 1982 - 1985 гг. - секретарь ЦК КПСС. 1985 - 1990 гг. - Председатель Совета Министров СССР.

«Борис Евдокимович грамотно вел свое направление в Совете Министров. Я говорю об этом потому, что ведь вести дело можно по-разному. Можно просто «заколачивать гвозди» - мол, давай, давай. А можно и «давай!» говорить, и в то же время подходить продуманно и грамотно к любой мало-мальски значимой деловой позиции. Таков был Щербина. Правда, он бывал иногда на редкость настойчив и упрям. Это, как говорится, была игра не по правилам. В правительстве, как, впрочем, и везде, все, на мой взгляд, строится на компромиссах. Яснее ясного, что надо и энергетику развивать, и машиностроение, и оборону, и сельское хозяйство. А Борис Евдокимович, все понимая, норовил потянуть одеяло на себя. Ну не может страна дать столько денег на ТЭК, надо пойти на компромисс, где-то поджаться. А он вдруг займет, знаете ли, такую твердокаменную позицию - не сдвинешь. До последнего отстаивает местнические интересы... Я тоже не лыком шит, твержу ему: «Вижу, что вы можете тут поджаться, поумерить аппетит». По-видимому, это болезнь всех отраслевиков - радеть за свое, а там хоть трава не расти. К сожалению, отраслевой принцип с одной стороны был и хорош - каждый за своим сектором следил, прекрасно знал свое направление, сосредотачивался на нем. Но в то же время озабоченность «своим» вызывала отраслевой антагонизм и иногда была во вред общегосударственным задачам. Так что Борис Евдокимович в этом смысле не был оригиналом. Он, как, впрочем, и все, вопреки общим интересам, порой гнул что есть сил, свою линию. Хотя этому и было основательное оправдание. Все прекрасно понимали, что нефть приносит доллары, обеспечивает страну топливом и электроэнергией и нельзя главного добытчика держать на голодном пайке. Так, глядишь, и все относительное благополучие сойдет на нет... Но и сельхозсектор не бросишь на произвол судьбы. И оборонку нельзя оголять... По-моему, со временем Щербина овладел искусством компромисса. Но далось это ему нелегко».

И вообще становление Щербины как одного из первых лиц государства складывалось нелегко, если не сказать - драматично.

Он, как мне помнится, с трудом усваивал нравы кремлевских коридоров, однако никогда не позволял себе обсуждать действия партийных и хозяйственных руководителей. И не сомневался в чистоте идеи.

Только однажды мне удалось услышать от него откровенно-огорчительное. Все остальное, очевидно, он, как и все мы, переживал внутри. Мы были в очередной командировке на Самотлоре. Поздно вечером в гостинице вдвоем смотрели московские новости и вдруг сообщение - Л.И. Брежнев удостоен очередной звезды «Героя». Борис Евдокимович помрачнел: «Подумать только, что он делает. Это за какие же заслуги? А что будут думать в народе о коммунистах?!»

Сам он никогда не лез в «дамки» и принципиально не выпячивался, сохраняя достоинство. При сопровождении «верхушки» в поездках по стране всегда скромно держался в тени, чего не могу сказать о многих руководителях его уровня. Не раз приходилось слушать доклады Бориса Евдокимовича на заседаниях Политбюро или Секретариата ЦК КПСС - они всегда были продуманы, аргументированы, предлагали оптимальные решения. Не помню ни одного случая отрицательной реакции на его выступления. Притом, что он никогда не приукрашивал состояние того или иного дела, резал правду-матку... И, тем не менее, тем не менее...

«Я ему говорю: «Дело серьезное, Борис Евдокимович, разрушен реактор, мы не знаем толком, что там происходит. Я сейчас подписываю Постановление о Правительственной комиссии, вас ставим во главе, давайте немедленно вылетайте туда». Он самолетом тут же вылетел, мне кажется, что он даже и в Совмин не поехал, сразу же на аэродром и полетел с Комиссией примерно в три часа дня, а вечером, часов в 10 - 11, он мне звонил из Припяти. Уже

более подробно рассказал, что там произошло. «Какие решения, Борис Евдокимович?» - спросил я. «Надо город эвакуировать», - был ответ.

Игольников В.М. 1976 - 1985 гг. - на стройках Севера Тюменской области: главный инженер треста, управляющий треста, главный инженер Главного управления; 1985 - 1987 гг. - начальник главного территориального производственно-распорядительного управления Миннефтегазстроя СССР. Кандидат технических наук. Лауреат Государственной премии СССР.

«Только сегодня с горки уже прожитых лет могу отчасти продемонстрировать, как и при каких условиях у Бориса Евдокимовича созревало глубокое, осознанное понимание необходимости перемен.

Март 1984-го. Нефтяная отрасль «упала» по добыче на 30 миллионов тонн в год. Борис Евдокимович - в роли зампреда Совета Министров... Тогда мне пришлось много времени проводить с Борисом Евдокимовичем в поездках и в Тюменском штабе, который я возглавлял. Анализируя причины срыва добычи нефти и многие другие «срывы» в экономике, Щербина многократно повторял, видимо, давно назревшее в нем. Как-то я задал вопрос: «Ну все же, почему произошел этот спад годовой добычи нефти? Ведь нефтяники и мы, строители, делали все необходимое, чтобы добыча росла или хотя бы была стабильной».

И Борис Евдокимович, как бы привлекая к беседе равного, без назидания, с паузами для подбора наиболее точных и образных выражений, начинает говорить. Этот разговор длился почти два с половиной часа. Главное из сказанного им в тот вечер:

«Одна из сверхбед нашей экономической политики - боязнь одновременных затрат. Отсюда рождаются усеченные пусковые и другого рода комплексы, на которых сэкономили копейку, а породили далекие от совершенства, высокочрезмерные в эксплуатации мощности. Таким образом, вкладывая огромные средства, страна не получает первоклассных высокотехнологичных производств и обрекает экономику на выпуск продукции гораздо низшего качества, чем на мировом уровне, но во много раз более дорогостоящую - это регресс, а не движение вперед».

«В стране сложился четкий стереотип решения организационных вопросов и руководства экономикой. В силу ведомственных, а зачастую личностных интересов идет сражение с искоренением последствий, а не с первородными причинами тех или иных бед экономики. Пример: весь Советский Союз на уровне первых лиц государства, союзных республик, краев и областей, крупнейших хозяйственников на местах и в центре ежедневно «трясет» от селекторов о простое 12-20 тысяч штук несвоевременно выгруженных вагонов. А то, что за последний месяц среднестатистическое суточное продвижение вагонов упало с 22 км до 19-ти, что равносильно простою ежесуточно 250 тысяч вагонов - тишина! За те 12 - 15 тысяч отвечают клиенты, а их МПС с помощью ЦК и Совмина дубасит в хвост и гриву. А за второе отвечает МПС, посему - всеобщий молчок, чтобы не попасть в немилость. Почти все, кому следует, знают это положение, но делают вид, что решают проблему в поте лица. И так почти повсюду».

«А вот тебе еще один экономический, политический, хочешь, имеющий стратегическое значение момент.

Рабочий, токарь, сварщик, пекарь - достигли небывалой производительности труда, перевыполнив нормы, скажем, в три раза. Следует команда: немедленно опыт передать. Все на борьбу за новые рубежи производительности! В то же время нормы тихонько пересматриваются - норму выработки увеличиваем, расценки уменьшаем. Все! Индивидуальный стимул для человека-производителя уничтожен. Хорошее дело умерло. И так все повторяется на уровне цеха, завода, объединения и отрасли.

Вот тебе вкратце и ответ на многих волнующий вопрос: «А где он, этот многоозвученный застой?»

...Я бы не взялся назвать, а тем более характеризовать воспитанников Щербины на стадии их вхождения и действий в нынешней «рыночной» ситуации.

Большинство тюменской поросли, ставшее за 70 - 80-е годы руководителями во многих отраслях топливно-энергетического комплекса СССР, своим выходом «наверх» обязаны Б.Е.

Щербине. А многих он тянул за собой руками и зубами, и эти люди обязаны своим ростом только ему.

Безусловно, протее же этим людям опиралось на веру в то, что продвигаются способные, преданные делу работники. Всегда ли Борис Евдокимович был прав в своем выборе людей? Беру на себя смелость утверждать - не всегда. Среди них были и корыстолюбцы, и карьеристы, были и посредственности, которые в общем потоке успехов отрасли попадали на должности, намного превышающие их деловые, а иногда, извините, и умственные качества. Где они сегодня? Может, в записных демократах?

Особо, думаю, печалила бы Бориса Евдокимовича идеологическая мимикрия некоторых его протее же, равно как и склонность прибрать к своим рукам, что плохо лежит. Слава богу, таких оказалось немного, но он об этом уже никогда не узнает».

Возняк В.Я., с 1971 г. - на партийной работе. В 1986 г. - заведующий Отделом, а в 1990 г. - первый заместитель Комитета по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС Совета Министров СССР. 1992-1994 гг. - председатель Государственного комитета Российской Федерации - министр Российской Федерации (Госком-Чернобыль России). Доктор экономических наук, профессор. Заслуженный строитель Российской Федерации. Награжден орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, Мужества и медалями.

«Правительственная комиссия распределила обязанности между собой и образовала рабочие группы по следующим главным направлениям:

- по обеспечению безопасного состояния реактора;
- по радиационной обстановке;
- по восстановительным работам;
- по подготовке мероприятий по эвакуации населения;
- по оперативному управлению обстановкой;
- по экспертной оценке причин аварии.

Работали всю ночь. Борис Евдокимович отпустил членов Комиссии и привлеченных специалистов на час помыться, побриться и сменить рубашки. Первое время работали в своей одежде, которую впоследствии пришлось выбросить из-за радиационной загрязненности.

Одним из самых сложных и ответственных вопросов был в этот период вопрос обеспечения защиты населения от облучения радиоактивными веществами. Недостаточность информации и некоторая противоречивость в инструкциях физиков и медиков не позволяли сделать однозначным ответ - нужно или нет эвакуировать жителей Припяти и других населенных пунктов вокруг АЭС. Здесь требовались и дальновидность государственного деятеля, и интуиция партийного работника, и прогноз развития психологической обстановки, а также учет целого ряда других факторов. В то же время требовалось принимать решение в считанные часы, имея в виду вероятную панику среди населения, неясную ситуацию с наличием транспортных средств, пунктов приема эвакуированных, с медицинским обслуживанием и возможностями остановить распространение радиоактивности за пределы зоны аварии...».

«Мне пришлось в тот период возглавлять Оперативную группу Правительственной комиссии в Чернобыле (в общей сложности я провел там 312 суток). Рабочий день продолжался с 8 утра до 20 вечера. Каждый день в 18 часов проводилось оперативное совещание с участием руководителей всех занятых на работах подразделений, руководства объединения «Комбинат» и дирекции ЧАЭС.

Каждое утро в 9 часов по связи ВЧ я докладывал обстановку Борису Евдокимовичу.

Особенностью его стиля и методов работы была нацеленность на практику, на конкретику, на обязательное достижение поставленных задач, получение конкретных результатов. Отсюда его дотошность, иногда превосходящая, по моему мнению, разумные управленческие пределы для руководителя такого высокого ранга. Бывало так, что он перепроверял полученную от меня информацию у директора Чернобыльской АЭС М.П. Уманца или генерального директора объединения «Комбинат» Е.А. Игнатенко. Вначале это меня

обижало. Потом я понял, что дело здесь не в недоверии, а в желании сопоставить различные точки зрения для принятия оптимального решения.

В работе не жалел себя, работал с максимальной нагрузкой, очень интенсивно. Как-то еще до работы в Чернобыле в минуту откровения он высказал мысль: «Я для себя понял — чтобы долго жить, надо мало есть, мало спать и много работать». С такой меркой он подходил и к своим подчиненным. Работать с ним было трудно (с обыденной точки зрения). Скрашивало обстановку одно важное обстоятельство - с ним все получалось, выполнялись поставленные задачи, росли и набирались опыта люди, занимая более высокие должности, получая премии и награды.

В деятельности по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС Щербина мог принимать смелые и неординарные решения. Он никогда не требовал многочисленных бюрократических согласований, которые, как правило, занимали много времени, размывали ответственность конкретных должностных лиц, зачастую делались только ради подстраховки.

Я не припоминаю случая, чтобы решение по обсуждаемому вопросу не принималось из-за отсутствия чьей-то подписи, переносилось или откладывалось без серьезных на то уважительных причин. Иногда, правда, решение принималось прямо противоположное тому, которое вносилось тем или иным министерством, ведомством или другими организациями, и это вызывало неудовольствие самого высокого начальства.

Многие руководители в тот период отмечали в частных беседах, что если бы в народном хозяйстве, во всех его сферах так принимались и реализовывались хозяйственные решения, как они осуществлялись Правительственной комиссией, то экономические результаты были бы намного весомее. В тот период в стране уже шла перестройка. Много говорили, обсуждали, но мало принимали решений и еще хуже они выполнялись. Исполнительская дисциплина на всех ступенях управления была на низком уровне.

Командно-административный стиль руководства, столь порицаемый ныне, требовал селекции и выдвижения талантливых руководителей, накопления живого опыта управления, высокой требовательности руководителя в первую очередь к собственной деятельности, умения подбирать команду управленцев для успешной реализации принятых решений. Таким руководителем был Борис Евдокимович».

Игнатенко Е.И., в то время генеральный директор объединения «Комбинат».

«С высоты 300 метров нам представилось незабываемое зрелище, которое могло бы послужить элементами картины Дантова ада. В сумерках, еще не расставшихся с чернотой украинской ночи, особенно отчетливо выделялась зловеще раскаленная активная зона. Верхняя конструкция реактора, его «крышка», называемая обычно ласковым именем «Елена», оказалась сорвана со своего штатного места, сдвинута в сторону северо-восточного квадрата от оси активной зоны и разогрета до желто-красного цвета. В «Елене» отчетливо просматривалась структура мест подсоединения каналов, имевших менее яркий цвет из-за повышенного теплоотвода. В общем, активная зона реактора смотрелась кокосовым пирогом, на котором многотонной сковородкой лежала раскаленная, слегка сдвинутая «Елена». Сполохи этой печи играли на остатках конструкции центрального зала четвертого блока и вентиляционной трубе. Раскаленный графит горел. В местах горения играло короткое пламя. Хорошо был виден разогретый воздушный столб, заполненный аэрозолями, поднимающимися вверх. Я посоветовал летчикам обойти его стороной. Мы прошли над объектом несколько раз, так как хотелось более четко зафиксировать в памяти детали увиденного и разобраться в происходящем.

На высоте над реактором бортовой рентгенометр вертолета с максимальной шкалой 500 рентген в час зашкаливало. После посадки я немедленно отправился в горком партии, где уже собралось большинство членов Правительственной комиссии, которые, выслушав доклад, должны были обсудить то, что было доложено мною.

В той радиационной обстановке надо было продумывать новое решение... Вечером я получил разнос от председателя: по его мнению, наши товарищи в Москве недостаточно активно занимались переводом действующих блоков РБKM в более безопасные режимы работы. При этом были упомянуты все мои бывшие прегрешения, от Запорожья до Балаково (я в свое время

организовывал пуски первых блоков этих атомных электростанций и поэтому часто находился в поле зрения Щербины). В ответ на критику я не смолчал, что еще более накалило обстановку. Наш министр Майорец, сидевший поблизости от меня, тихо сказал: «Ну что ты лезешь в бутылку? Помолчи, ведь ты же умный человек». Я воспользовался этим мудрым советом и получил дополнительное задание принять участие в работе группы, занимавшейся определением причин аварии...»

АКАДЕМИК АН СССР ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВИЧ ПЕТРЯНОВ-СОКОЛОВ

*Огородников Б.И., доктор химических наук, профессор,
лауреат Ленинской премии, участник ликвидации последствий
катастрофы на ЧАЭС, 1986 год.*

ВМЕСТЕ С ЧЕРНОБЫЛЬЦАМИ

Телеграмма, направленная академику АН СССР И. В. Петрянову-Соколову коллективом ЧАЭС по случаю его 80-летия (июнь 1987 г.).

Серия П. Москва, 6-120, ул. Обуха, 10,
НИФХИ им. Карпова Л.Я.,
Петрянову-Соколову.

Уважаемый Игорь Васильевич!

Коллектив Чернобыльской атомной электростанции им. В.И. Ленина сердечно поздравляет Вас с замечательным юбилеем - днем 80-летия со дня рождения и 60-летия научной, педагогической и общественной деятельности. Своим трудом Вы заслужили большое общественное признание. Мы знаем Вас как академика, умело сочетающего теоретические исследования и решение практических запросов народного хозяйства нашей родины. Вы уделяете огромное внимание педагогической деятельности, Вами подготовлены двенадцать докторов и 36 кандидатов наук, на Вашем счету 83 изобретения, 7 монографий и около 30 научных и научно-популярных книг.

Вы, Игорь Васильевич, ведете активную общественную работу общесоюзного значения, являясь председателем, заместителем и членом ряда научных советов, обществ, секций и комитетов.

Мы, работники Чернобыльской атомной электростанции им. В. И. Ленина, с особым чувством благодарности вспоминаем Вас, Игорь Васильевич, когда надеваем Ваше творение - респиратор "лепесток", надежно защищающий наши органы дыхания при ликвидации последствий аварии на нашей АЭС.

Желаем Вам, уважаемый Игорь Васильевич, долгих лет жизни и плодотворного труда на благо нашего народа и нашей социалистической родины.

По поручению коллектива директор Чернобыльской АЭС М.П. Уманец, парторг ЦК КПСС, секретарь парткома Е.А. Бородавко. Председатель проф. кома В.А. Березин, начальник цеха РБ А.К. Сухецкий.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ФЕДОРОВ

Корякин Ю.Р.

К сожалению, я не знаю, в какой семье рос Алексей Федоров (об этом как-то не принято было говорить), но совершенно точно знаю, что военная служба почиталась им за наиболее достойное занятие для мужчин. Он с блеском закончил суворовское училище, оно и заложило тот фундамент, опираясь на который, Алексей сумел раскрыть свой военный талант, к глубокому

сожалению не полностью. Наше знакомство с Алексеем Константиновичем состоялось в сентябре 1962 года, когда мы были зачислены слушателями Военной академии им. М.В. Фрунзе и по воле судеб попали в одну учебную группу. И если почти все мы приехали учиться с должности командира роты и ей равной, то Алексей прибыл с должности начальника штаба мотострелкового батальона уже в звании «майор». А это в те времена было ох как много! Позволю себе напомнить, что сроки присвоения очередного воинского звания выдерживались четко. И представление на очередное звание посылалось только по истечении срока предыдущего при условии: нет дисциплинарных (партийных) взысканий, успехи подразделения должны быть не ниже оценки «хорошо». Да и вопрос выдвижения на вышестоящую должность был всегда весьма проблематичным. Алексей сумел решить все эти задачи, и был среди нас единственным старшим офицером.

Этот невысокого роста, коренастый офицер в очках, которые придавали ему значительный вид, вошел в коллектив группы как-то сразу, без предварительного присматривания к другим, без всякого заискивания перед кем-либо. Своим поведением, отношением к окружающим, к преподавателям, к учебе он сразу заявил о себе как о лидере.

Учебу в 1962 году начали по новым, отвечающим тому времени требованиям тематических программ и учебных планов. Учебным процессом академии постоянно интересовались министр обороны СССР Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский и начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза М.В. Захаров. Основное внимание в учебном процессе обращалось на тактику и оперативное искусство. Первые же практические занятия по тактике, которые на первом курсе вел тактический руководитель группы полковник Марченко Г.А., показали, что Алексей Федоров уже владеет первоначальными навыками в работе командира. Человек гибкого и быстрого ума, энергичный и неутомимый, он прямо-таки с первых дней учебы поражал нас знаниями военного дела, умением разобраться в довольно сложной тактической обстановке и найти правильное решение. Примечательно, что в течение всего учебного процесса Алексей всегда принимал решение самостоятельно. И это решение убежденно отстаивал не только перед преподавателями, но и перед группой. Свое мнение, решение он отстаивал так настойчиво, что порой эмоции преобладали над приводимыми доводами. Леша (так его все называли в группе, а иногда и ласково - Леха) любил спорить. Но спорить только по делу. И если удавалось доказать, что он не прав или допускает в своих рассуждениях какую-то ошибку, то он соглашался. В своих спорах Алексей никогда не опускался до каких-либо оскорблений: он очень высоко ценил чувство товарищества. Частенько на первом курсе некоторым приходилось брать его решение за основу и внимательно слушать обоснование этого решения. И в конце первого курса он незаметно для нас стал главным тактиком группы. Когда встал вопрос, кого назначить командиром полка на предстоящем КШУ, то на самый ответственный этап была предложена кандидатура майора Федорова А.К. И он успешно с ней справился, докладывая свое решение и ставя боевые задачи в присутствии тогдашнего начальника академии генерала армии П.А. Курочкина.

В процессе учебы Алексей пытался не пропустить ни одного непонятого вопроса. Почти на каждом занятии, кроме семинарских, он задавал либо уточняющие вопросы, либо вопросы, углубляющие данную тему. Не всем преподавателям нравился этот настырный, ищущий слушатель, поскольку ответы на поставленный вопрос иногда требовали таких знаний, которыми педагог в данный момент не владел, а если владел, то весьма слабо.

Алексея Константиновича всегда отличали при ответах, докладах четкость и логика изложения материала. Вот за это многие преподаватели его уважали. Его уважала и группа. Уважала не за то, что он иногда позволял использовать плоды своего труда, а за то, что он был замечательным товарищем, прямым и откровенным в суждениях, никогда не позволявшим себе сказать что-то грубое, оскорбительное в адрес товарища, за его самостоятельность, открытость.

В нашей учебной группе в основном все были одного возраста. И, естественно, все были женаты за исключением одного - Бориса Абутидзе. У всех были примерно одни и те же житейские проблемы. Алексей со своей семьей, которая состояла, не считая хозяина, из трех человек женского пола (жена и две дочери), жил в академическом общежитии, которое располагалось около академии. Я начал вести речь о семье потому, что и здесь Леша был серьезнее нас. Он никогда не распространялся о своей семье, никогда не жаловался на те

трудности, с которыми ему приходилось сталкиваться. Но, по-моему, очень любил своих девчонок, как он ласково их называл.

Хоть Алексей и был человеком коллектива, но не во всех мероприятиях, которые организовывались, он принимал участие. Он обычно говорил: «Ребята, я бы с удовольствием, но меня ждут мои девчонки». И после этих слов никто не настаивал на его участии. Знали, если Алексей сказал, значит, так тому и быть. Единственное, о чем он иногда сожалел, это о том, что мало получает денег. И опять, если такое когда-нибудь настанет, что ему будут платить больше, он связывал с благополучием своих детей.

Алексей был отлично физически подготовленным офицером. Любовь к спорту ему была привита в суворовском училище, успешно учась в котором, он добился заметных результатов и в спорте: на одной из спартакиад суворовских училищ он стал чемпионом по боксу. Почему-то в академии Алеша не очень любил лыжи. Но, несмотря на свой невысокий рост и не слишком хорошую прыгучесть, увлекался волейболом. Я обращаю внимание на эту деталь по очень простой причине: мы с ним играли всегда в одной команде и на одной линии, это был совершенно любительский волейбол. В часы самоподготовки, когда основные задания были выполнены, группа отправлялась в спортзал, где, разбившись на две команды, играли при объективном судействе на «интерес». «Интерес» заключался в том, что проигравшие ставили победителям по бутылке пива. Алексей каждую игру играл азартно, с воодушевлением. И когда мы встретились с ним в академии много лет спустя (он уже был генерал-лейтенантом), то после первых слов приветствия в самом начале разговора он спросил: «А помнишь наши волейбольные баталии?!» И, развивая эту тему, он начал вспоминать всех тех, с кем пришлось учиться в академии, и тех, кто учил.

Я не помню случая, когда Алексей отказал бы в помощи своему однокашнику, если последний обратился к нему. И эта душевная доброта, эта постоянная готовность прийти на помощь товарищу были при нем всегда, на каком бы посту Алексей Константинович ни находился.

В книге «Военная академия имени М.В. Фрунзе» помещены фотографии выпускников, которые составляют не только гордость академии, но Вооруженных Сил России. И среди таких известных военачальников, как А.Г. Алтунин, И.М. Волошин, Ф.Ф. Кривда Ю.П. Максимов, И.М. Третьяк, А.М. Гареев, Д.А. Гринкевич и др., есть и фотография нашего Алексея Константиновича Федорова.

Всю свою жизнь Алексей Константинович Федоров отдал службе военной и до конца своей жизни был в строю. Он мог смело сказать о себе, что в дело укрепления обороноспособности России, боеспособности наших Вооруженных Сил вложено немало и его, Федорова А.К., мыслей, воли, умения, энергии.

НЕДОПИСАННАЯ ТЕТРАДЬ...

Степанов В.Я., полковник запаса, профессор, кандидат военных наук, член Союза писателей России, участник ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, 1986, 1988-1989 гг.

Мысль написать о событиях, которые происходили со мной летом 1986 г., возникла у меня еще в августе того страшного года. Но, как на грех, под рукой то не оказывалось бумаги или ручки, то не было времени, а потом стало недосуг.

Сейчас, по прошествии стольких месяцев, многое четко отложилось в памяти, приобрело черты осознанности и уверенности в некоей правоте. Какой? Попробую пояснить, но немалую часть событий еще предстоит осмыслить, понять и определить место каждого факта на «полочке в архиве» моей памяти.

В апреле теперь уже всему миру известного года на одном из блоков Чернобыльской АЭС произошла авария. Об этом с небольшой разницей во времени узнали жители не только нашей страны, но и Европы, да и, пожалуй, значительной части всей планеты. Это событие на долгие недели и даже месяцы приковало внимание огромного количества людей. Сейчас делаются выводы, извлекаются уроки и, хочется верить, что, дай Бог, это заставит некоторые

умные головы мыслить по-новому. Опыт истории показывает, что извлеченные из трагических событий уроки и сделанные выводы с годами забываются, и, как это ни печально, вспоминаются только тогда, когда происходит нечто подобное или что-нибудь еще более страшное.

Слухи... К сожалению, они в большинстве случаев сопровождают и даже предвосхищают, если хотите, те или иные события, рождаясь по углам, в курилках, в туалетах, на лестничных клетках и прочих подобных местах, где есть определенный «интим». Возникнув, слухи потихоньку, неторопливо и совсем не величественно выплывают на свет божий.

Нечто подобное происходило и в ту пору. Кто-то, где-то, что-то услышал... Словом, так продолжалось до официального сообщения в газетах о происшедшей, как тогда говорили, трагедии. Позднее, когда появились очевидцы, слухи достигли своего апогея и медленно пошли на убыль.

В середине мая 1986 года в один из понедельников, придя на работу, я узнал, что включен в состав группы, направляющейся в район Чернобыля. Но куда конкретно, когда, на сколько и с какой целью, - увы, этого не знал никто.

Рабочий день начался спокойно. Но уже через полчаса управление походило на растревоженный гудящий улей. Все что-то обсуждали и высказывали самые разноречивые предположения.

Неизвестность сама по себе штука возмутительная. Но дело в другом. Середина мая... Весна в том году была прекрасной, поэтому я старался не думать ни о чем. Тем более работы было очень много, а сотрудников не хватало. Под разными предложениями большинство отсутствовало. Сменилось руководство управления, пришло новое начальство в отдел, а дела оставались неизменными и неизменными. Словом, из десяти человек, числящихся по разным спискам, в наличие имелось только двое. «Ладно, - решил я, - поеду или не поеду, вопрос второй. А то, что не доделано, надо срочно заканчивать, и еще не мешало бы подумать о будущем». Ведь уезжаем или нет, какая разница? Все равно когда-нибудь вернемся, а нашу работу за нас никто делать не собирается. И делать точно не будет.

Вторая половина мая прошла в сборах и хлопотах. Начались, как это принято у нас (а мы еще говорим «как положено»), бесконечные и частые совещания, распоряжения, указания... еще более ценные указания... и тому подобное.

Итак, меня назначили заместителем начальника отдела. Список отдела получился большой - где-то десять-одиннадцать человек, точно не помню. Но потом он был урезан до семи человек, из которых трое оказались не из нашей организации.

На двадцать девятое мая, на четверг, был назначен день вылета, а на двадцать восьмое - строевой смотр отъезжающих. Смотр проводил генерал-лейтенант А.К. Федоров. Это был мужчина невысокого роста, как говорится, наполеоновского типа, но личность неординарная, хороший командир-строевик. По его признаниям в минуты «откровения», он был весьма далек от того, чем ему поручено заниматься.

В тот день мы принесли свои чемоданы и оставили их на работе. Мы уезжали вместе с нашим сотрудником Сергеем Серафимовичем Седойкиным. Сергей хороший парень. Он обладает, правда, до определенных пределов, удивительной способностью сглаживать острые углы и ни с кем не конфликтовать. Эта способность его характера, а также обязательность, доброжелательность и исполнительность делают его везде и всюду своим парнем.

Чемодан стоял на работе, все необходимое, как мне казалось, было взято с собой, оставалось только отправиться в район аварии. К слову, из всего того, что дома считалось необходимым, девяносто процентов оказалось просто ненужным.

Утром двадцать девятого мая все было как обычно. Стояло прекрасное, теплое утро, которое бывает в переходный период от весны к лету. За воротами войсковой части кипела жизнь, чем-то напоминающая жизнь в обозах. Переносились и загружались какие-то ящики, свертки, чемоданы. Вокруг сновало много незнакомых людей, собранных буквально со всего Советского Союза. Те, кто оставался в Москве, проходили на свои рабочие места, говорили нам ничего не значащие фразы, успокаивали, уверяли, что не происходит ничего особенного. Честно говоря, мы думали (во всяком случае, надеялись), что окажемся в стороне от практических работ, и будем заниматься «чистой наукой».

За воротами стояла колонна автобусов, которая должна была нас доставить на один из подмосковных аэродромов. Наша группа вылетала первым самолетом. Мимо окон автобуса

вереницами машин в клубах выхлопных газов проплывала невыспавшаяся Москва. И спешила по своим делам. Все шло своим чередом и, как мне казалось, никому не было дела до тех вопросов, которые предстояло нам решать. Впрочем, для Москвы это характерно: чтобы не случилось, кажется, ей всегда все равно.

Вот наконец показалось зеленое поле аэродрома. Мы вышли из автобуса и с чемоданами направились к самолету ТУ-154. Экипаж доложил командиру о готовности к полету, и мы стали занимать свои места согласно не купленным билетам. Вокруг не было ничего необычного, разве только отсутствовали бортпроводницы. В салоне приятно играла музыка, и я отметил, что у летчиков очень хороший музыкальный вкус. Записи были замечательные.

Моим соседом по креслу оказался майор, чья фамилия со временем забылась. В памяти лишь осталось, что он работал директором военного совхоза в Забайкалье. До этого я не знал, что сугубо гражданские должности могли занимать военные. Когда случилась трагедия, он написал рапорт, где указал, что хотел бы принять участие в ликвидации последствий аварии. И его просьбу удовлетворили. Потом мы не раз встречались с ним в зоне аварии, и у нас сложились неплохие отношения.

Следует также отметить, что в зоне аварии мы все, или точнее - многие из нас, подружились, поддерживали друг друга, несмотря на различие в возрасте, званиях, характерах или должностях.

Несколько часов полета, а может и не больше часа - я не ориентировался во времени - и мы приземлились на военном аэродроме. Знакомая техника, на которой мне ранее доводилось работать, вернула меня в годы моей лейтенантской службы - в годы молодости. Странное дело, пятнадцать лет назад я был в этих краях на стажировке молодым, «зеленым» курсантом и не думал, не гадал, что судьба вновь вернет меня в эти места, да еще по такому поводу.

По сравнению с Москвой здесь было очень жарко, бетонку продувал огнедышащий ветер, чем-то напоминающий казахстанский. На аэродроме нас встретил начальник отдела нашего института полковник Владимир Степанович Исаев, который с группой офицеров приехал на несколько дней раньше, чтобы решить вопросы нашего размещения. Подошли автобусы, выделенные местными властями, и грузовики, в которые мы сложили свои чемоданы. Через несколько минут мы были в городе Овруч на месте нашей дислокации.

Улицы небольшого украинского городка казались пустынными, редкие прохожие провожали нас настороженными взглядами. Буйно зеленели сады, цвели палисадники...

Нас привезли в казарму одного из полков, который был выведен в летние лагеря. После нескольких лет офицерской службы я почувствовал себя в казарме несколько непривычно. На первом этаже разместились штаб, на втором - рабочие кабинеты, перегороденные фанерой, на третьем - спальное помещение, также разгороженное, но аккуратными решетками по шесть койкомест. Каждому в придачу к кровати полагался один стул, тумбочка и одна треть шкафа. Кстати, шкафы стояли в проходе казармы вместо стен. Пятнадцать минут нам выделили на передышку, а затем на автобусах отвезли в офицерскую столовую.

Вернувшись из столовой, мы попытались обсудить, чем же нам придется здесь заниматься. Но начавшиеся разговоры быстро затихли. Тогда мы решили, что первым делом надо выспаться, а потом видно будет. Компания у нас подобралась хорошая... Особенно я сблизился с М.М. Шмаковым, А.В. Попельшко и В.А. Ханычевым. Первые двое - наши, а третий приехал с Урала.

Михаил Шмаков - добродушный, немного медлительный, спокойный и невозмутимый человек - уже имел опыт работы с радиоактивными веществами на Семипалатинском полигоне. Его оценки и прогнозы о ситуации всегда были осторожные и взвешенные.

Полную противоположность представлял Александр Попельшко. Несколько спешащий, старающийся как можно быстрее выполнить поставленную задачу, всегда улыбающийся и энергичный, готовый подставить свое плечо в трудную минуту.

Виктор Ханычев в наш центр попал случайно: приехал в Москву за назначением, а его определили в командировку в Чернобыль. Он имел при себе только документы и ничего из вещей, рекомендованных взять с собой в столь непростую поездку.

Долго решать, чем будем заниматься, нам не пришлось. Через два часа на вертолете с ЧАЭС вернулось начальство, и поступила команда получить обмундирование. Каждому со склада выдали нательное белье, сапоги, импрегнированное обмундирование, респираторы и по

два дозиметра, после чего мы пошли на второй этаж «оборудовать» рабочие места. Объявили, что с утра мы все без исключения вылетаем по четырем точкам. На саму АЭС отправлялись химики во главе с полковником Разувановым, по секторам в радиусе тридцатикилометровой зоны Б.П. Дутов и еще два генерала.

Наступила ночь, привезли карты, мы поднялись и начали над ними работать: резать, склеивать, наносить обстановку. Спать легли около пяти часов утра, а в восемь я должен был заступать на дежурство. То, первое дежурство, я запомнил, по всей видимости, на всю жизнь. Связь работала очень плохо, шли бесконечные звонки со всех управлений МО, так как здесь находились их представители. Требовали кого-то разыскать, что-то доложить (через два дня предполагался визит большого начальства в лице генерала армии Валентина Варенникова). Все стояли «на ушах», требовали результатов оценки обстановки от наших начальников, а наши начальники, в свою очередь, - требовали выяснить что-то в Москве, под Москвой и далеко за Уралом. Каким-то чудом, чутьем, нюхом или еще чем-то - не знаю, я пытался выполнять все указания. И все выполнялось, честное слово! Не знаю, правда, каким образом. Сейчас все кажется неправдоподобно-удивительным, а тогда я был просто как на пружине и очень сильно нервничал. Первое дежурство продолжалось сутки и еще шесть часов. Причем за это время ни разу не закрыл глаза, не перекусил, а только пил минеральную воду, благо, в комнате стоял целый ящик. Когда, сменившись, попробовал днем заснуть, у меня ничего не получилось.

Мне пришлось трудиться в оперативном отделе. Честно говоря, занимаясь наукой, я отвык от оперативки и с непривычки втягивался в работу очень тяжело. За два месяца похудел на тринадцать килограммов, несмотря на то, что кормили нас достаточно плотно. Очень сильной оказалась нервная нагрузка, которая во многом объяснялась неразберихой, творившейся в первые дни и месяцы. Тем, кто приехал после нас, было несколько легче, хотя и им тоже досталось с лихвой.

Первый выезд в зону. Что можно сказать об этом? До выезда я немного волновался, может быть, даже побаивался. Конечно, я же не знал ничего о радиации: как она выглядит, что с ней делать и как от нее уберечься. Первые вопросы сразу отпали, стоило прилететь в зону и заняться положенной работой. Все встало на свои места. Волнение исчезло и вопросы тоже, тем более что на последний ответа все равно не было, а значит не стоило на него обращать внимания.

Все шло своим чередом. Были ли мы подготовлены к такой ситуации? Со всей «своей объективностью», точнее, это лично мое мнение, скажу: нет. Поначалу не хватало самого элементарного - респираторов. Через несколько часов работы, респираторы, на которые, разумеется, осаждалась радиоактивная пыль, сами превращались в мощный источник излучения. Поменять респираторы на чистые возможности не было. Не хватало элементарного йодистого калия, предотвращавшего накопление радиоактивного йода в щитовидке, требовались и другие препараты, которые должны были исключить (что вряд ли) или уменьшить воздействие радиации.

Большинство приборов контроля, так называемых дозиметров, не могли измерять полученные дозы, потому что они предназначались для других целей. Они были рассчитаны на «чистую радиацию», как следствие ядерного взрыва, а при аварии из реактора в атмосферу и на землю выпала вся таблица Менделеева. Приборы измеряли чудовищно малую толику той гаммы излучений, вернее, только часть из всего спектра излучений. А некоторые данные наши приборы вообще не фиксировали.

Итак, наступило утро моего первого выезда в зону. Обыкновенное раннее утро. На строевом плацу, который был как раз перед нашей казармой, уже журчала поливочная машина, она добросовестно и регулярно прибывала пыль, то есть на нашем языке - проводила дезактивацию - три раза в день. Перед входом в казарму сидела маленькая собачка Джулька, которая лаем приветствовала начальство, причем обожала построения и всегда шла за генералами.

Мне предстояло вылететь в один из секторов, штаб которого находился в Белоруссии. На аэродроме в полной готовности стояли вертолеты, обеспечивающие деятельность нашего центра. Возглавлял группу генерал-лейтенант Б.П. Дутов.

На аэродром нас доставила машина. В тот ранний час стояла тишина. К ногам ластилась трава. Мы подошли к вертолету, который должен был доставить нас в зону. Вертолет покрывали

бело-соляные разводы и он напоминал чем-то солдата-трудягу в просоленной гимнастерке. Самолеты не летали. Один за другим в воздух поднимались тяжелые боевые вертолеты и, зависнув над бетоном взлетной площадки, брали курс на Чернобыль.

Подъехал генерал-лейтенант Б.П. Дутов. Командир экипажа, а с каждым генералом летал, как правило, свой экипаж, доложил, что по метеоусловиям (из-за тумана) вылет откладывается на тридцать минут. Борис Павлович поздоровался с нами (кроме меня летели еще два человека). Он держался довольно бодро. Но как ему это давалось, пожалуй, лучше меня никто не знал. Доктор технических наук, профессор, он являлся начальником штаба нашей временной войсковой части, точнее, научного центра Министерства обороны. Из ученого - стал штабным работником. Это не просто. И очень и очень ответственно. Вершить судьбы людей не на бумаге, отвечать за жизни подчиненных - этому знает цену только тот, кому приходилось попадать в подобные ситуации. Хотя, может быть, ему было в какой-то степени легче принимать правильные решения, так как он прошел Великую Отечественную войну.

Как человек порядочный, Борис Павлович ничего не умел делать по принципу «и так сойдет». Ежедневно, с шести утра до двух-четырех ночи, с короткими перерывами на завтрак, обед и ужин, продолжался его рабочий день. Но, главное, он не мог передвигаться без обезболивающих средств. У него открылась язва желудка и очень сильно воспалилась нога. Но лечь на лечение в госпиталь ему не позволяла совесть, и он держался только на уколах, таблетках и... сигаретах. Об этом кроме врача и, пожалуй, меня, больше никто не знал.

Чтобы скоротать время, мы достали сигареты и завели малозначительный разговор то ли об украинской природе, то ли о чем-то еще. Уже не помню. Минут через сорок по радио нам дали добро на взлет.

Солнце неохотно поднималось на небосвод. Становилось жарко и душно. Мы заняли места в салоне вертолета, благо теснота не ощущалась. Борис Павлович принял таблетку, видимо, напомнила о себе болячка. Командир экипажа отдавал какие-то команды. Машина винта, нехотя повинаясь указаниям командира вертолета, начала свой тяжелый разбег. Все задрожало, завибрировало. За окошками (вернее, за иллюминаторами) поднялась пыль, и машина медленно, несколько лениво стала отрываться от земли. Достигнув определенной точки и стряхнув с себя какое-то оцепенение, машина замерла, и затем, словно стрекоза, устремила по заданному курсу.

Следует отметить высший класс вертолетчиков. Все они прошли Афганистан. Некоторые, вернувшись домой из «горячих» точек, через неделю-другую вновь попали в это страшное пекло. Об этих парнях много говорилось и писалось и, по-моему, достаточно правдиво.

Итак, мы взлетели. До этого мне не часто приходилось летать на вертолетах, поэтому многое воспринималось как в первый раз. Мы направились вдоль линии электропередач, начало которой было в Чернобыле, в Припяти, а точнее - на АЭС. Внизу виднелись опустевшие деревни и поселки. Отчетливо просматривались машины, которые, что также было хорошо видно, успели побывать в дорожных авариях.

Через несколько минут показался Днепр с его многочисленными притоками, а чуть позже, за Припятью, возникли очертания блоков АЭС. Я смотрел на эту живописную панораму, открывшуюся с борта вертолета, и одна навязчивая мысль не давала мне покоя. Каким же надо быть непостижимым гением или полным идиотом, чтобы построить беспощадного демона среди такой красоты? Природа была потрясающей: богатая зелень, голубые ленты притоков - создавалось ощущение каких-то тропических мест. Обогнув станцию, мы взяли курс на север. Внизу тянулась лента асфальта, по которой бесконечным потоком шли тяжело нагруженные самосвалы. Огромное количество машин несло на своих могучих плечах жертву в виде песка, бетона и гравия для огромного идола-исполина - имя которому АЭС. Казалось, все эти жертвоприношения принимались с великой ненасытностью.

Мы подлетали к поселку Румянцево. Здесь находилась оперативная группа научного центра. Облетев вокруг этого поселка, мы пошли на посадку в поле.

Остановили свой бег винты, открылась дверь, и мы ступили на матушку-землю. Первое, что поразило, это огромная - по пояс - трава, хотя было только начало июня. Высоченная трава была темно-зеленого цвета и, что самое странное, из одного корня росли как бы два растения, одно длинное, а другое - пониже, наверное, помоложе, чем-то по цвету напоминающее озимые. Большущее поле травы, которую, увы, нельзя косить на корм скоту - по известной всем причине:

трава была радиоактивной. Это вообще странное состояние, не видимое глазу, но ощущаемое приборами. Каждый стебелек, каждый цветочек, каждая пылинка - превратились в источники, которые посылали невидимые лучи, несущие, в итоге, гибель всему живому, соприкоснувшемуся с ними.

Из подъехавшей машины легко выскочил полковник В.С. Исаев, который доложил Борису Павловичу обстановку за текущие сутки. Уровень радиации был "в пределах нормы", хотя пределы нормы никто не знал. Мы сели в машину и на ней очень быстро доехали до здания бывшей двухэтажной конторы то ли ПМК, то ли МТС, где теперь размещались военные.

Совещание проводил Борис Павлович. Он внимательно выслушивал доклады, задавал короткие вопросы, и точно так же кратко давал указания, что необходимо срочно сделать. Последним выступил Владимир Степанович, который доложил, что после дезактивационных работ в одном из поселков обнаружили высокие уровни радиации, на несколько порядков отличающиеся от уровней в других местах, где проводились мероприятия по обеззараживанию. Он предложил всей группой выехать на место и разобраться.

Мы вышли на улицу. Поселок был выселен, возле радиорелейной машины стояли солдаты. Два милиционера в полевой форме и респираторах прошли вдоль домов поселка. Это был милицкий патруль. Приехали три женщины, работавшие в детском садике этого поселка. Они решали вопрос о проведении уборки в детском саду и о необходимости забрать с собой кое-что из имущества.

Где-то далеко на краю поля к лесу тянулась стая бродячих собак. Собаки всех пород, оставшись без хозяев, сгруппировались в стаи и превратились в "волков". Кто-то из наших товарищей рассказал, что вечером брошенные собаки напали на оставшуюся в поселке свинью и разорвали ее на части. Голод дает о себе знать. К людям близко собаки не подходили, так как милиция начала их отстреливать. Как же было жаль домашних животных! На долю животных, как и людей, испытаний выпало немало, но люди могли постоять за себя, а животные оказались абсолютно беззащитными.

Особенно врезалось в память, когда в другом секторе увидел собаку, отдаленно напоминающую овчарку, с облезлой шерстью и двумя пулевыми ранениями. Перед моими глазами и сейчас стоит этот пес, который, еле волоча лапы, бредет по улице, поминутно останавливаясь и не обращая абсолютно никакого внимания на людей. Три раза в день он подходил к палатке, получал свою порцию еды и уходил в конец поселкализывать раны и размышлять - то ли о своей несправедливо горькой судьбе, то ли о жестокости этого мира и людей, его населяющих.

Недалеко от штаба находилась автолавка, в которой продавался дефицит: сгущенное молоко в банках, печенье и минеральная вода. Следует отметить, что питание в зонах было бесплатное и хорошее, но только никто не получал бесплатных винно-водочных изделий. Это всего лишь один из распространенных слухов. По всей зоне был объявлен "сухой закон".

Итак, перед нами поставили задачи, которые предстояло решать. Мы подошли к машине и... Вот здесь я должен остановиться еще на одном впечатлении, которое запало мне в душу.

Мы должны были ехать в село, где предполагались высокие уровни радиации. В.С. Исаев распорядился, чтобы вся группа садилась в машину. Борис Павлович стоял в стороне, наблюдая эту картину. Мы заняли места в первой машине и ждали указаний. Подошел Борис Павлович и негромко сказал Владимиру Степановичу: «Владимир Степанович, не торопитесь. Считаю, что всем товарищам ехать нет смысла. Поедете вы и я. Остальные до нашего возвращения будут здесь заниматься решением поставленных мною задач. Всем рисковать лишний раз нет смысла». Вот эта фраза мне, видимо, запомнится на всю жизнь. Это говорил человек, который прошел всю войну, начав ее солдатом, а закончив офицером. Он ценил людей и лишний раз рисковать здоровьем, а, по сути, жизнью подчиненных, без необходимости никогда не позволял.

Пожалуй, он единственный из руководства части кто по-человечески (если так можно выразиться) понимал, что такое радиация и каковы ее последствия, ибо этому он посвятил не один год своей работы. Его поступок - наглядный пример заботливого отеческого отношения руководителя к подчиненным в труднейшей ситуации. Наверное, Чернобыль явился для меня не только огромной встряской, но и хорошей школой жизни. А этот случай стал для меня в дальнейшем наглядным уроком бережного и справедливого отношения к людям. Уроком на всю жизнь.

Забота о людях и человечность снискали Б. П. Дутову глубокое уважение всех офицеров и сотрудников центра. Офицеры других частей завидовали, что у нас такой командир. И это несмотря на то, что коллектив наш представлял "Ноев ковчег", собранный из всех мыслимых и немислимых военных специальностей со всего Союза.

Мы остались делать то, что нам определили. Через некоторое время вернулись полковник В.С. Исаев и генерал Б.П. Дутов. Мы обсудили, что необходимо сделать, и вертолетом собрались вылететь в другой поселок, расположенный на границе зоны. Когда подошли к вертолету, то летчиков на месте не оказалось. Экипаж в полном составе сидел на берегу пруда, метрах в пятистах от вертолета, и дружно ловил рыбу, которую тут же отпускал обратно в пруд. Рыба была по известным причинам не съедобна.

У вертолета нас ждал полковник медицинской службы, который впоследствии многое мне рассказал о радиологической медицине. Он, кстати, бывал в стационаре 6-ой специализированной больницы Минздрава СССР, где лечились пожарные из Чернобыля.

Вертолет взял курс на Рудаково, богатое некогда село на границе зоны. Говорят, что село раньше принадлежало гражданину (долго думал, как назвать - господин, гражданин, товарищ) Рудакову, который являлся то ли членом Госдумы, то ли членом правительства Керенского. В каком-то году времен Гражданской войны он добровольно отдал это село и имение крестьянам, а сам то ли здесь доживал, то ли потом приезжал сюда из-за границы. Он, видимо, был неплохой дядька, раз в его честь оставили название села. В этом селе запомнился красивый пруд с островом посередине. Говорят, пруд выкопан вручную. Если это так, то сделано все с любовью и очень красиво.

Приземлялись мы рядом с этим прудом на поляне, в центре которой была привязана корова. Бедная корова не могла найти себе место от испуга и, наконец, спрятавшись в кустах, отчаянно мычала. Со всех сторон к вертолету бежали мальчишки и, прихрамывая, торопились старики. Это был первый рейс винтокрылой машины в это село и, видимо, ее появление вызвало столько суеты.

Обобщение опыта ликвидации последствий аварии входило в одну из наших задач. Появлялись первые записи, первые крупницы данных, которые потом обрастали конкретными предложениями. Тогда мне казалось, что это существенно, необходимо, крайне важно и очень нужно для всех.

Но вот, по прошествии многих месяцев, могу смело сказать, что никому ничего из того, что мы сделали, не надо. И если, не дай Бог, произойдет нечто подобное - мы опять будем начинать с нуля. Потому что мы ничего не делаем из того, что необходимо для обеспечения безопасности людей в полном объеме. У нас то не хватает средств, то специалистов, то еще чего-нибудь, вроде государственного «мышления». Все, что ни возьми, у нас в дефиците. А потом появляется какая-то успокоенность, или, как говорится, надежда на то, что в одну воронку снаряд дважды не попадает. Словом, много из того, что мы приобрели в том нелегком деле оказывается невостребованным.

Каково же мое мнение о ходе работ, проводимых в зоне и на самой АЭС в первые дни?

Первое. Удивляла боязнь доложить первому лицу в государстве бесполезность проведения дезактивационных работ.

Второе. Поражало стремление доказать всему миру (проклятому империализму), что социалистической стране атом не страшен и советские люди могут его укротить силой своей убежденности (я понимаю, что это горькая ирония).

Вот горький пример. Проводились дезактивационные работы. Логика здравого смысла показывала их бесполезность: мыли дома, улицы, снимали слои грунта в садах и во дворах - а через три - четыре дня реактор опять выбрасывал радиоактивное облако и уровни становились снова те же или еще больше. И вот эта работа выдавалась за героический труд. Да, но трудились-то молодые двадцати-тридцатилетние парни... С радиацией шутки плохи, но о людях разве думали?

Не один я видел бесполезность этих работ, но все говорили, что это политика, вернее, необходимые политические шаги. Бог ты мой, если это было так, то можно додуматься черт знает до чего! По существу, мы "махали шашкой" перед атомным реактором.

То, с чем мы вступили в борьбу с атомом, напоминало "каменный век": люди, лопаты, бульдозер (несовременный), да еще экскаватор. И опять... человек. Сотни тысяч человек пройдут

через подобное атомное "чистилище", но до сих пор меня мучает навязчивая мысль - а надо ли? Надо ли гробить людей? Надо ли тратить такие огромные средства впустую? Надо ли стараться вернуть людей на те места, где они жили раньше, но где сейчас нельзя жить? Надо ли... Я был глубоко убежден тогда, что не надо, хотя, может быть, я также глубоко заблуждаюсь и сейчас.

Но, да ладно, лет через тридцать или пятьдесят, а может и раньше, скажут, что Чернобыль был очередной ошибкой, в которой не будет виновных, а правыми будут те, кто дожил до настоящего времени. Они же и напишут о случившемся. Они же будут и судьями. Теперь мне кажется, что так, или примерно так, было всегда. Поэтому появлялись «малые земли», «героические полярники» и тому подобное.

Для чего я об этом пишу? Не знаю, но мне кажется, что в наше сложное, непродуманное до конца время - надо писать.

Надо писать для будущих поколений, чтобы они не считали нас - нынешних - плохо соображающими. Наступило ведь время давать оценки всякого рода культам, застоям и прочему.

Если читать газетные полосы, то все в результате было хорошо. И Чернобыль - это мужество и героизм, смелые решения, безграничная самоотверженность, вера в торжество человеческого разума, который непременно победит зарвавшийся взорвавшийся атом...

Все это так, все правильно... Но какой ценой? Мы привыкли жертвовать человеческими жизнями. Запросто жертвовать. Может быть, фраза слишком груба и не соответствует действительности? Может быть. Я не политик, я просто один из тех русских, которых не смогли уничтожить в Гражданскую (цифры погибших неизвестны), заиндустриализировать и заколлективизировать (цифры сложивших головы неизвестны), "завражить", т.е. объявить врагами народа (сколько замучено в тюрьмах и лагерях - неизвестно).

Бог мой, мы сейчас начинаем узнавать, что "свои" были хуже, чем враги. До какой же степени надо было одурманить народ, чтобы такое вершилось. Да, я один из потомков тех, кого не смогли победить в 41-ом. Миллионы талантливых людей погибло в войну. Далее все было также далеко не спокойно. Десятки, сотни тысяч моих соотечественников...

Мы до сих пор не знаем правды о своей истории. Но, если глубоко покопаться в истории нашего государства, то мы найдем в ней и Афганистан, и Чернобыль. Никак не могу ответить себе на один вопрос: почему светлое будущее мы должны строить на костях своих соотечественников? Почему за чьи-то ошибки - опять в зачет идут человеческие жизни и здоровье? Слишком сильно сидит в наших позвоночниках страх 37-го года. Мало кто мог и может открыто высказать обществу свое мнение. Или оно (общество) знает, но не хочет выслушивать горькую правду, а желает наслаждаться неприкрытой сладковатой ложью?

Сейчас мы тихо не соглашаемся в кулуарах, но громко молчим прилюдно. И в этом великая сила той власти, создавшей плановое хозяйство: все по плану, даже правда - и та дозирована (надо же, как радиация), и в определенное время. Часто время приема (из-за запаздывающего производства) правды приходит с большим опозданием. И целебные ее свойства, уже, увы, бессильны помочь тем, кто в ней нуждался (а может, смежники подводят).

Итак, снова лето 1986 года. Сейчас о нем пишут, по-моему, уже меньше, чем писали раньше. Неразбериха... Она царила не только при проведении работ по дезактивации. На месте аварии и в зонах очень много различных организаций занималось дозиметрическим контролем. Эти сведения по всевозможным каналам поступали в Москву. Кому-то наверху они не нравились. Ибо те, кто отвечал за происходящее, давали заниженные данные, а те, кто отвечал за проведение работ, то, что показывали приборы. Которые, как потом оказалось, не всегда были отградуированы.

На показания приборов влияла еще одна особенность ситуации: радиоактивный след от облака был не равномерный, а "пятнами". Мне приходилось самому не единожды в одном и том же населенном пункте измерять уровни радиации, допустим, на скотном дворе. Так, буквально на расстоянии 2-3 метров точки замера уровня отличались на два порядка, то есть в сто раз. К тому же, поначалу не было привязанных точек отсчета, и данные представляли собой набор случайных цифр.

В один из июньских дней поступила команда привести все в соответствие. Но предшествовало этому следующее. Как обычно, к полуночи поступила команда всем выехать в зоны для взятия проб. Кому и куда конкретно - неизвестно. За ночь нас поделили на группы, объяснив где, что и как брать. На шесть утра назначили выезд, чтобы к вечеру пробы были

доставлены на аэродром для отправки через всю страну на Семипалатинский полигон, где бы их могли исследовать. У нас на весь Союз соответствующих лабораторий было раз... и обчелся.

Как обычно, все началось с неразберихи: кто-то сел не в те машины, кто-то - не в тот вертолет. Но, славу Богу, к этому времени нервная система достигла соответствующей степени закалки, и на подобные пустяки я уже не обращал внимания.

На трех УАЗ-469 - мы отправились в район Терехи. По утреннему холодку очень быстро добрались до Чернобыля, но в город не стали заезжать, а поехали другой дорогой. Вдоль дороги тянулся водопровод, по которому вода подавалась в Чернобыль. Части МВД уже начали огораживать колючей проволокой зону отчуждения. Честное слово, стало даже как-то легче на душе, когда я увидел эти столбы с колючей проволокой. Название «зона» стало себя оправдывать.

Наконец-то, для всех стало очевидно, что надо огородить непригодную для жизни территорию и оставить на ней все без изменений... Ведь всю зараженную землю не сроешь и не вывезешь на другую планету. А время распада элементов определено с точностью до секунды, поэтому десятки, даже сотни лет здесь людям делать нечего. Это время просто должно пройти.

На дорогах было относительно пустынно, только дважды нас останавливали на постах химики-дозиметристы. Замеряли фон на машине и отпускали без помывки дальше.

Чем мне запомнился тот день? Мы проезжали вдоль леса. Ровненькие сосны, очень красивый бор, затянутый колючей проволокой. И... заяц, который не мог перелезть через эту проволоку. Он стоял на задних лапах, крутил головой и пробовал пробраться под сеткой, но не мог найти места, где можно пролезть. Мне подумалось, что заяц всю свою заячью жизнь бегал по этим местам, где хотел, а теперь вынужден жить как в зоопарке. Зона - зоопарк... Словом, такая вот глупая мысль засела тогда у меня в голове.

В Терехах нам по прибытии сразу выделили по БРДМ-2рх, а также к каждому из нас прикрепили по одному дозиметристу, водителю и офицеру, которые знали достаточно хорошо этот район.

Водитель был военным из запаса, откуда-то с Урала, а дозиметрист - молодой, девятнадцатилетний парень. Честное слово, мне было его очень жаль! Жаль, конечно, было всех нас, включая и самого себя. Но ведь он еще совсем мальчишка, и как сложится его дальнейшая жизнь, известно одному Всевышнему. Подвергать молодежь опасности, притом без особой необходимости - преступление. Преступление уже нашей эпохи, преступление моего времени.

К слову отмечу, что старшим группы в Терехах был полковник Е.Е. Клевец. Размещалась группа научного центра в маленьких клетушках фельдшерского пункта. Сам домик стоял в великолепном яблоневом саду. Деревья были усыпаны яблоками, к которым никто не прикасался. По земле были проложены доски, чтобы меньше заносить в дом пыли. Вдоль забора стояло большое количество умывальников. По дороге с небольшими интервалами ходили АРСы и поливали асфальт, потому что солнце изрядно припекало. Чтобы транспорт не поднимал пыль, скорость в поселке ограничили до 5 км/ч. После нашей бешеной гонки было очень непривычно смотреть на «вальсирующие» по поселку машины. Кстати, скорость, с которой мы пересекли всю зону, то же была своего рода средством защиты.

Мне понравилось четкое распределение участков работы, которое провел Евгений Евгеньевич. Взяв власть в свои руки, он каждому конкретно определил маршрут и точки замеров.

К сожалению, из памяти стерлись названия тех пунктов, которые мне предстояло обследовать. Раньше я их знал наизусть, как Отче наш. Миновав поселок, мы выехали на свой маршрут. Асфальт закончился, началась размытая дождями ухабистая дорога. Дождей не было давно, и от любого движения поднималась жуткая пылица, Напоминающая «по бархатистости» казахстанскую. Было очень душно, но пришлось закрыть люки. Говорили мы ни о чем, на вольные темы, лишь бы занять время. Километра через три вновь въехали на хорошую дорогу и начали проводить замеры в контрольных точках и брать пробы.

Населенные пункты... Когда мысленно представляю их, окидываю взором те улицы, сады, дома, то что-то неуловимо грустное начинает давить на сердце. Раньше я никогда не придавал серьезного значения тем ядерным ударам, которые мы наносили на карты во время тактических занятий и учений. Только здесь я почувствовал, что могло быть, если...

Взрыв на Чернобыльской АЭС - это ничтожная доля из того ядерного арсенала, который накоплен. И у них, и у нас. И, не дай Бог, когда-нибудь привести этот арсенал в действие. Да не то, что привести в действие ядерные заряды, а даже разрушить только созданные руками человека АЭС. Ведь во всем мире таких станций уже несколько сотен. То, что произошло всего лишь на одном энергоблоке, и то сильно впечатляет, заставляет задуматься.

Мы проезжали по безлюдным дорогам и селам, в которых некогда кипела жизнь. Где-то стояли дома под соломенной крышей, мазанки, где-то начали строить большие кирпичные хоромы. Вот это незавершенное строительство добротных домов почему-то очень сильно врезалось в память. Дома стояли как памятники-предостережения. Их вид словно говорил: "Одумайтесь, люди..." Эти дома напоминали мне песни, оборванные на полуслове. И действительно, чувствовалось, что все бросили на полпути: застывший раствор, неполные кучи кирпича, недоделанные стены, пустые оконные проемы... И ни одной живой души.

Правда, живые души были... Рядом со многими домами копались в пыли насадки, а около них солнечными комочками барахтались или носились друг за другом цыплята. Много цыплят бегало и в посевах пшеницы. Урожай из-за радиации был очень и очень хорошим.

За кормой БРДМ остался уже не один населенный пункт, сделаны десятки точек замеров. Последняя точка замеров была в Чернобыле. Мы выехали на асфальт и тут едва не попали в аварию. На большой скорости в Чернобыль шла колонна грузовиков со щебнем. Наш водитель, из-за плохого обзора, грузовиков не заметил и один из них, вильнув в сторону, чуть было не оставил на нас "памятный знак".

Вот, наконец, и Чернобыль... На окраине города остановились у милицейского контрольно-пропускного пункта. Старший лейтенант милиции в респираторе спросил наши документы. Услышав, что мы разведка, он махнул рукой.

Движения в городе почти не было. Мы проезжали по безлюдным улицам. На балконах сушилось белье, оставленное хозяевами в дни "организованной эвакуации". Из некоторых окон стекляннно-нарисованными глазами смотрели игрушки. На дорожках сквозь выложенные плитки пробивался бурьян. Интересное дело, стоит месяц не походить по этим дорожкам, и они уже зарастают травой. Так, видимо, и в нашей жизни, вернее, в наших коллективах: когда уходит человек, то память о нем и о его делах тоже зарастает бурьяном. Но душевный бурьян намного страшнее той сорной травы, которая зеленела на дорожках и тротуарах этого мертвого города.

Но вот и центр города, "стали попадаться люди"... В основном, военные, в такой же зеленой форме, как и мы. Изредка - в белой одежде и в тапочках. Это - гражданские. И совсем большая редкость - женщины. Они, пожалуй, встречались непривычно мало, хотя лучше бы их вообще не видеть на этих улицах.

В одной из витрин висела афиша, возвещавшая, что в клубе будет просмотр очередного фильма. Эта афиша среди пустоты и тишины казалась громом среди ясного неба. А с другой стороны подумалось, что жизнь, несмотря ни на что, будет продолжаться.

Здесь мы сделали несколько замеров и выехали к кладбищу машин. За колючей проволокой стояли и лежали, сваленными в кучу, десятки машин. Некоторые были совсем новые, но чересчур зараженные. Там, на этом кладбище, я впервые узнал, что фон больше допустимого набирается через обыкновенные воздушные фильтры. Поездив несколько дней на машине, можно запросто превратить ее в "мину замедленного действия". Самым поразительным оказались действия некоторых водителей, которые тайком, ночью, снимали «грязные» запчасти и устанавливали их на свои машины. Вот это у меня никак не укладывается в голове до сих пор. Ведь знают, что опасно для жизни, но все равно ставят. Что это, головотяпство или дурь? Хотя, мы сами были тоже не лучше.

Погода стояла очень жаркая. Сказать, что мы взмокли как мыши - это ничего сказать. Плавился даже асфальт... Наша бронированная коробка, раскалившись, дышала как хорошая знойная печка. Работа подходила к концу и мы поехали другой дорогой, где по пути находилась речка. В одном из населенных пунктов на скотном дворе мы увидели солдат, призванных из запаса, которые грузили старое сено и навоз для отправки в могильники. Могильники - это огромные ямы, в которые закапывали все, что только можно, как бы для обеззараживания. Солдаты неторопливо делали свое дело и не обращали на нас никого внимания...

За селом, из леса, по известным только им тропинкам, выходили какие-то люди. Позже, когда мы кое с кем из них поговорили, оказалось, что это местные жители. Они, минуя заставы и

кордоны, через колючую проволоку и шлагбаумы, возвращались к себе домой. Кто-то хотел взять документы, деньги, вещи, а кому-то просто стало тоскливо, и он решил взглянуть на родные места.

Больше всего поразила одна бабуся, забывшая дома кота. И, когда этот исхудавший радиоактивный кот, громко мяукая, вылез из-под крыльца на голос хозяйки, которую он уже не думал застать в живых до конца своей кошачьей жизни - то бабуся бросилась его целовать и гладить. Наговорила ему в слезах тысячи ласковых слов, которые он, видимо, никогда бы и не услышал, не будь этой беды. По всем законам физики и логики - бабуся этого делать была не должна, а по человеческим законам... Да разве объяснишь законами, формулами и прочими символами, что такое человек. Человек, он всегда человек.

Мы останавливались, заходили в проулки, в дома. Люди все-таки в этом краю жили бедно. Я не оговорился - бедно. При хороших руках и умных головах могло быть все не так уж и плохо. А, может быть, жили бедно потому, что здесь коротали свой век старики. Видимо, как и по всей России, молодежь отсюда подалась в город.

В некоторых огородах я видел, как древние старушки пытались полоть грядки, хотя нельзя было к ним прикасаться. Но они пололи. Хозяйский глаз не мог видеть, как зарастают их любимые огурцы и картошка. Кое-где в сараях находились трупы поросят, которых забыли эвакуировать, около некоторых домов на цепи от голода навсегда остались собаки. Я не знаю, что такое чума или какой-либо другой мор. То, что я увидел своими глазами, было неприятно и, если не страшно, а страха не было, то очень дико и неестественно.

Но вот, наконец-то, и речка. Подъехали еще два или три БРДМа, мы вылезли на броню и спрыгнули на берег. Достали приборы, померили уровни радиации - они были допустимы. Разделись, благо кругом не было ни одной чужой души, и с удовольствием искупались в речке. Она была неглубокая и очень теплая. На душе становилось все легче, да и приближалось время обеда. Работа работой, а обед есть обед... по распорядку.

... Как же быстро летит время! Иногда удивляешься, когда внезапно что-то вспоминаешь. И вдруг выясняется - то, о чем ты сейчас думаешь, было не вчера, не неделю назад... А уже прошло три, пять, десять лет. А, может, и больше.

Несколько дней назад вновь я вернулся из Чернобыля, где как-то незаметно пролетели три с половиной месяца. А уже весна 1989 года. До сих пор лежит эта недописанная тетрадь, а ведь после начала трагедии прошло более двух с половиной лет. Вернее, через два с половиной месяца будет три года.

Что осело в моей памяти помимо трудной рутинной работы? Конечно же встречи, порой очень короткие, с людьми.

В июле в наш центр прибыл Анатолий Александрович Дьяченко. Седовласый, плотного телосложения, энергичный полковник... Мы все выглядели (так было и на самом деле) усталыми. Шел второй месяц командировки. Мы вросли в обстановку. Сложился тот особый спокойный ритм работы, когда люди добросовестно делают порученное дело.

И вдруг появляется человек, который жаждет глубоко вникнуть в то, что было сделано до него, разобраться до мелочей в проведенной работе. Не знаю, но мне почему-то сразу показалось, что он будет «летописцем» чернобыльских событий. Я подметил, что Анатолия Александровича интересовала не только «фактура» материала, полученного в ходе исследований, но и «история» получения результатов и люди, которые стояли за этим результатом.

Спустя некоторое время он действительно выпустил несколько научно-публицистических книг о событиях, имевших место в чернобыльский период.

Не знаю, то ли старею, то ли становлюсь понятливее, но с годами, по-моему, критически оцениваю, точнее, пытаюсь оценить то, что происходило. Может быть, я в чем-то не прав. Может быть. Я не претендую на Истину в высшей инстанции. Просто смотрю, просто делаю, просто вижу - и не всегда то, что я ощущаю, совпадает с мнениями других, пусть даже официальных, лиц.

Героизм советских людей во время ликвидации последствий аварии был? Да, был! Но нужен ли он? Нужен ли он был тогда, да и сейчас? Да, героизм пожарных, вертолетчиков - это героизм! Другого, менее пафосного слова подобрать просто невозможно. Я повторяюсь, но героизм - это плата, причем очень дорогая плата за бестолковость руководителей.

Не знаю, почему мы так здорово говорим о Человеке с трибуны, в печати и вообще со всех наших пропагандистских высот, и так не ценим людей в конкретном случае. Почему? Почему мы только по официальным данным пропустили более 260 тысяч человек через эту радиоактивную зону, через это невидимое, но губительное "пекло". Зачем, во имя чего? И почему до сих пор все продолжается? Почему? Ответа на этот вопрос я искал и не нашел в 1986 году и сейчас, в 1988-1989 гг.

Что-то не укладывается в моем сознании. Не хочу относить себя к категории умников или чересчур наивных людей. Честное слово, не хочется считать себя и пустым местом. Совесть моя чиста, я сделал все, что мог. Но на душе нет покоя. Обидно, что продолжают незримое убиение людей. В основном, хотим мы того или не хотим, простых русских людей. Почему мы эту ликвидацию опять должны проводить на костях человека. Героизм на костях - во имя чего? Благополучных "непростых" людей? Или выполнения пожеланий чьей-то "левой ноги"? Не понимаю. Это моя боль. И не один год.

Во время своей второй командировки приобрел новых друзей. Один из них Решетов Борис Сергеевич. Полковник, политработник, глубоко порядочный человек, способный творить только добро и совершенно неспособный делать подлости. Он пришел в наш институт после командировки в Эфиопию, где проходил службу в должности советника начальника Главного идеологического управления Первой революционной армии. Время его офицерской службы подходило к концу. Но был составлен график командирования в научный центр, и его надо было выполнять. Поэтому, не успев освоиться и придти в себя после африканской командировки, он убыл в командировку чернобыльскую.

Где-то месяца через два к нему присоединился и я. Работать с ним было легко. Он умел располагать к себе людей и черновой работы не страшился.

Тех, кого угораздило попасть в командировку по второму разу, было не так много. В основном, все были «новенькие». Из Калининского медицинского института на должность радиолога прибыл Владимир Иванович Брянцев. В своем деле он был профессионалом. Старался привести в порядок не только документацию, но и наладить элементарный порядок прохождения санитарной обработки, получения необходимых лекарств и ведения дозиметрического контроля.

Но сейчас попробую опять вернуться в год восемьдесят шестой. Уже многое-многое позабылось. То, что раньше казалось очень значительным, стало мелочью, которая стерлась из памяти. Я об этом всегда жалею. Жаль, что я не вел каких-то, пусть коротких, но все-таки записей.

Дни были очень загружены, очень насыщены и остались в памяти одной тяжелой черно-серой громадиной. Сейчас вспомнил, как и тогда, по ночам, когда приходилось много работать, хотелось замедлить время. Я думал - пусть время идет чуть-чуть помедленнее, даже такое трудное, но пускай не так быстро.

В памяти остались звонки, поездки, замеры, совещания, доклады, подготовки справок, какая-та писанина, и прочая ерунда и суета. А вот последний день - день отъезда - запомнился до мельчайших подробностей.

Когда подъезжали к Киеву, на меня нахлынули воспоминания о днях, проведенных здесь во время учебы. Очень хотелось встретить кого-нибудь из знакомых тех лет, но, увы, чудес не бывает. Когда поезд тронулся, то долго смотрел из окошка на этот город, в который судьба забросила меня двенадцать лет назад. Но об этом расскажу в другой тетради.

Утром приехали в Москву. Окунулись в ее толчею, и сразу стало понятно, что жизнь продолжается. Абсолютному большинству людей очень не близок, точнее, очень далек и Чернобыль, и все, что с ним связано. У каждого свои дела и проблемы, своя жизнь. И порой то, что происходит лично с каждым здесь, намного важнее того, что происходило там со всеми. Так устроена жизнь. Да и, видимо, не могут общегосударственные проблемы для всех значить одинаково.

Что существенного вынес я из той, первой поездки в Чернобыль? Пожалуй, один момент, мне представляется интересным. С некоторыми сослуживцами у меня сложились хорошие отношения.

Мы делали одно общее (нужное или ненужное? - другой вопрос) дело, было какое-то единство мыслей и поступков. Была временная, но крепкая дружба. Но, приехав в Москву, мы опять замкнулись каждый в своей скорлупе, не выходя за пределы своего узкого - делового или

служебного круга. Мы больше никогда не собирались вместе, никогда ни разу не вспоминали дни, проведенные в той командировке и общих знакомых.

Второе наблюдение. Как правило, в числе первых получили правительственные награды люди, которые были, скажем, не самые героические, но умеющие хорошо, и, главное, вовремя преподнести под светлые очи начальства свою персону. Пожалуй, практически существовала некоторая должностная разрядка - кому и что. Поэтому ребята, работавшие на крыше и получившие такое количество бэров сверх всяких норм, что и говорить страшно, а некоторые, к сожалению, уже скончавшиеся, отмечены "солдатскими" медалями. Я не умоляю достоинство этих наград. Речь идёт о другом.

Третье. В этой непростой ситуации очень быстро, в течение буквально дней, а порой и часов, «раскрывались» люди. И, что самое важное и интересное для меня - мнение о людях, которое сложилось в то время, не меняется до сих пор.

Пожалуй, за многие годы «вместе делаемой» работы, я только в Чернобыле по-настоящему оценил деловитость, вернее, человечность и порядочность многих людей. То есть, там выяснилось, кто настоящий человек, а кто доброго слова не стоит. И самое страшное - иногда не очень, на мой взгляд, порядочные люди в экстремальной ситуации достигали наивысшего расцвета, особенно допущенные хоть к минимуму власти. Последнее наблюдение меня особо поразило. Может быть, в связи с разительным эмоциональным контрастом, это не укладывалось в определенные, уже сложившиеся рамки моего осознания жизни. Мне казалось, что такого быть не должно. А оно было.

Четвертое. Многие участники событий понимали, что порой делают бесполезную работу. Но осознавали ненужность своей деятельности исключительно в узком кругу. И выполняли с энтузиазмом эти работы на практике. Все всё понимали, но никто вслух ничего не высказывал, а те, кто высказывались, не были поняты. Эхом той трагедии - я так считаю - стало самоубийство академика Легасова. Пожалуй, выполнение противоречащих здравому смыслу указаний наиболее глубоко запало в мою душу. Сколько жизней и здоровья унесет еще этот "псевдоэнтузиазм".

Я не считаю себя ни провидцем, ни героем, и вообще ничем не выделяюсь из общей толпы. Люди есть люди, но ощущения, что ты человек - как мне кажется - приходит в каких-то необычных, как принято говорить - экстремальных проявлениях его жизни. Для одних это ощущение приходит через бездумное выполнение своих определенных обязанностей, для других - через критическое осмысление пройденного.

К тому, что наблюдаю, что делаю, и что не делаю - всегда отношусь критически. Это "сомнение" возникло у меня не сразу, а сформировалось благодаря моей бабушке, светлую память о которой я берегу в своем сердце. Безусловно, в разные периоды отношение к жизни было различным, начиная от наивного, и заканчивая просто смешным. Хорошо помню свои выступления "не по делу" и отдаю себе отчет в том, что мне тогда не хватало знаний, кругозора, обыкновенного житейского опыта. Но, тем не менее, как губка, впитывая в себя все то, что происходило вокруг, я пытался осмыслить картину окружающего мира, преломляя свои знания через опыт и познания других.

Я никогда не принимал на безграничную веру то, что написано в газетах, журналах или издано в книгах. Думаю, большинство поступает так же. По возможности, всегда старался найти (или по воле судьбы случайно они находили меня) живых свидетелей происходящего. И через их ощущения старался составить действительную картину того, что случилось на самом деле.

Теперь по прошествии нескольких лет по воле случая мне самому довелось говорить как очевидцу того, что происходило на моих глазах. Так почему я пишу? Откуда возникла потребность в изложении своих мыслей на бумаге?

Не знаю, но у меня в сердце живет постоянное ощущение недоделанного, недопонятого, недосказанного, а в целом-то уже безвозвратно потерянного. Сколько ценного могли бы оставить для нас наши бабушки и дедушки, если бы они умели писать. Какой богатый опыт могли бы передать нам наши родители - если бы они могли и хотели писать. Законы жизни неумолимы: ушло одно поколение, уйдет другое, придет наша очередь уходить, за нами - черед следующего поколения. И так бесконечно, пока будет продолжаться жизнь.

Надеюсь, кто-нибудь из будущих поколений "примерит" нашу жизнь на себя. Наивно думать (это, правда, многим свойственно в детстве), что мы открываем какую-то новую жизнь, и

никто до нас не жил правильнее. Всем нам предстоит пройти по одному и тому же пути открытий и ошибок. Всем, без исключения. Одним чаще выпадет споткнуться на чем-то праведном, другим - на ошибочном. Судьба у каждого человека своя! Но путь по жизни все проходят один, как одна вся наша жизнь в человеческом качестве на этом свете.

Сожалею, что мои родные нечего не оставили из написанных воспоминаний или размышлений, хотя рассказов я слышал достаточно. Но память, к сожалению, многое, скрыв навсегда, надежно спрятала в своих тайниках.

Пройдет немало лет. Еще не раз вспомнят Чернобыль. Вспомнят по-разному - с болью и горечью, скорбью и восхищением, осуждающе... Вспомнят. Родятся и поплывут по свету небывицы, может, продолжат свою жизнь были. Все возможно. Но своя правда о тех событиях останется в моей душе. Кто-то сказал, что человек - это целый мир и, если человек умирает, то погибает целый мир. В каждом мире-человеке есть свой Бог и своя правда. Только не каждый верит и говорит. Возможны другие варианты: "верит - не говорит", "говорит - не верит", "не верит и не говорит".

Хочется всегда жить по первому варианту "верить и говорить", но не всегда так получается. Слишком много выпало на долю наших предков, слишком долго вытравили из нас все человеческое, превращая в послушное, однообразное, единомыслящее стадо. Слишком ...

Хочется верить, что все еще вернется на круги своя. Человек живет верой, светлой верой в святое и вечное. Если лишит его этой веры - он уже не человек. Русский человек силен верой. На протяжении многих лет нас пытались лишит веры вначале в царя, потом в Бога, потом в сменявшихся "вождей" и все связанное с ними. Какой силой воли надо обладать, чтобы через все пройти, все вынести, выстоять, жить и верить.

Пройдут годы, может быть, не одно десятилетие, и эхо Чернобыльской трагедии глубокой болью отразится в сердцах доживающих и грядущих поколений. Что нас ждет, что будет с нами и с теми, кто придет после нас? По своим последствиям Хиросима и Нагасаки, может быть, покажутся "игрушками". Там был "чистый" атом, здесь - "мусорная свалка".

Да... В «веселое» время нам выпало жить. Потихоньку затираем "белые" пятна истории, а за каждым таким пятном сотни, тысячи, миллионы загубленных душ. Боюсь, когда-нибудь таким пятном - смытым "белом" пятном - станет и ликвидация последствий аварии на ЧАЭС...

А пока жизнь продолжается. Приехав, не находил себе места по ряду причин, в том числе из-за продолжавшегося беспорядка и никому не нужной суеты. Но я "дитя", славное "дитя" своего времени. Я уехал, на мое место прислали других. А дома навалились другие, не менее важные, но обыкновенно-обыденные дела, и я потихоньку стал забывать о происходящих на ЧАЭС событиях.

Они стали отодвигаться на второй план, и я уже все реже вспоминаю чернобыльский регион с его никому невидимыми зонами отселения, отчуждения, жесткого контроля и... Бог его ведает, еще с чем.

Понял одно - не записав что-то сразу, очень многое потом забывается или вспоминается как-то не так. «Каждый мнит себя героем...» Не хочу мнить себя героем, ибо к таковым не принадлежу. Не хочу что-то приукрашивать или как-то драматизировать. Написал то, что думал, то, что прочувствовал. Вспомнил всего несколько эпизодов. Потому что многое улеглось, многое отстоялось, хотя не все и не до конца. Если я когда-то начну говорить "не то", то отошлю себя к этим запискам. И тогда, может быть, все опять встанет на свои места.

А вообще хочется дожить до того времени, когда (по-моему, через 20-30 или 50 лет), скажут всю правду о Чернобыле. А то, что ее скажут - я верю. И, просмотрев эти записки, хочется еще раз убедиться в том, что ты не выполнял бессмысленных и пагубных социальных заказов, а просто жил, понимая и критически оценивая происходящее.

Очень хочется не оставаться в дураках. Но для этого надо было родиться позже. Может быть, эту оценку даст кто-то другой. После нас. Ну, да ладно, не в этом суть и не это главное.

Главное, чтобы больше не повторилось...

ЭХО ЧЕРНОГО ГРОМА...

Сотников А.П., полковник запаса, участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Сила человеческого духа порою просто поражает! Судьбина иногда так колотит-молотит человека, так рушит на него гром земной и небесный, так всё выжигает вокруг него черная молния неисчислимых бед и испытаний, что, глядя на согнутую в рогульку предательскую плоть - диву даешься: в чем только держится душа?! А душа держится. И, как непоклонный стерженек, держит собою человека, чтобы не рухнул он, чтобы не разрушилась суть личности.

Александр Сотников - человек мужественного чекана. Хотя все слагаемые его натуры - компоненты задушевного порядка: негромкое, но светлое детство военной поры в одном из южных городков, милые взору картины дня, музыка из окошка дома, во дворике которого величаво взирает на детскую резвость красавец-каштан. Почти - всё, как у всех. Почти... Вот на этой пружиночке всё потом и держалось... И когда судьбина месила его между жерновами бытия земного - пружиночка только наливалась сталью, а чекан личности твердел от безжалостной поковки в кузнице по имени Жизнь.

Нет проку пересказывать все плюсы и минусы этого свидетеля черного грома - вселюдской Чернобыльской беды - гул поступка этого простого смертного солдата во время укрощения Огня и Грома, - в его стихах, не всегда ровных, но дышащих неистребимым желанием осмыслить бытие человеческое и окликнуть бульжное пространство грозного мира.

Он - это надежное плечо настоящего мужчины, бесстрашный характер бывшего воина-десантника, светлая голова и умелые руки, за которые его ласково прозвали "Кулибиным".

Эти руки расчищали крышу 4-го блока Чернобыльской АС в 1986 году. Он был там добровольцем. Эти руки установили потом над реактором Красное знамя, как символ победы человека над вырвавшимся из-под контроля атомом. Эти руки спасали людей из-под завалов в Армении и Азербайджане после ужасных землетрясений...

Ник. Горохов, член Союза писателей

Был я матушке сыном.
Ребягне - заводилой...
Жизнь крутила так сильно,
Что аж скулы сводило.
Жизнь жестоко месила.
Но и в этом закруте,
Грома майского силой –
Я дышал полной грудью!
Хоть и грызла обида,
Что хлеб будней несладок,
Знал: такая планида –
Чтить закон и порядок.
Был я громом Державы.
Там, средь зноя окраин,
Моей гильзою ржавой –
Внук талиба играет...
Там, где встала космато
Взрыва чёрная крона,
Был по долгу солдата –
Укротителем грома.
Гром без запаха, цвета,
Подчинился там мне...
Только божьего света –
Стало меньше в окне.
Знать, судьбы не объехать.
И, до самого гроба,
Я теперь только эхо –
Эхо чёрного грома...

ЧЕРНОБЫЛЬ

Чернобыль! Слово-то какое –
раскатом грома вдалеке...
Непоправимую бедою
для многих стал ты на земле.

Кто мог подумать? Мирный атом –
наделать сможет столько зла...
Фонтаном буйным радиации
рвануться вверх и на поля...

На сотни верст сады и пашни,
и небольшие города,
пятном смертельной радиации –
теперь накрыты навсегда.

Родные хаты, скарб, могилы,
пришлось оставить и уйти.
И только горечь и обиды
с собою в сердце унести.

Чернобыль! Городок уютный –
зеленый, новые дома,
каким суровым и безлюдным
отныне стал ты на века.

Теперь по улицам заросшим
лишь в респираторах пройдешь.
И хат уж нет. Как в селах зоны,
все уничтожено под нож.

ФЛАГ

(Октябрь, 1986 г.)

Я рассказать хочу, друзья,
как мы, второго октября,
загнавши в логово врага –
подняли флаг под облака.

Цена победы велика.
Ее не знали мы, пока –
друзья не стали умирать...
Как тяжело друзей терять.

До мелочей всё помню я:
собрались в штабе мы тогда,
в той комнате, куда в те дни –
на инструктаж ходили мы.

Два телевизора. И стол.
Два стула. Очень "грязный" пол.
А на стене таблица той
последней зоны "Н" с трубой.

И в зоне той, что под трубой,
лежало топливо горой.
Задача нам: его убрать –
назад в реактор покидать...

Как очищали крыши мы?
Солдатики со всей страны –
были брошены туда...
Мне не забыть их никогда.

И парни эти, видел я,
работу сделали тогда –
убрали крышу зоны той.
Ну и разделались с трубой.

А там, внизу – внутри ЧАЭС –
пустили первый блок АЭС.
И штаб решил, пусть будет так:
поднять победы алый флаг!

Из самых смелых, нам троим –
доверен флаг поднять самим
на самый верх площадки той,
что находилась над трубой...

Мы лезем вверх. Внизу друзья.
Спуститься вниз уже нельзя.
Пролеты лестниц той трубы –
преодолели, как могли.

И вот стоим мы в вышине
с огромным флагом наравне!
А снизу машут люди нам –
они переживают там...

С уборкой крыш и пуском блока –
повеселели люди все,
кто, добровольно и без страха,
на помощь кинулся стране.

И, в подтверждении победы,
над крышей реял алый флаг
Как символ доблести и чести –
России преданных солдат!

ИЗ ОСЕННЕГО ЦИКЛА

I.

Начало сентября. Холодные рассветы,
все чаще дождик нудный моросит,
и хоть деревья все еще одеты,
но кроны их уж осень золотит...

Уже с рассвета белые туманы
от нас скрывают голубую даль –
дома, дороги, рощицу, поляны
вокруг всего мерцающая марь.

Ах, осень! Осень... Время золотое!
Печальная и грустная пора...
Ты к нам идешь невидимой тропой
и застываешь молча у окна.

Ты нас волнуешь, манишь, и тревожишь
конечностью природы бытия –
когда и прошлое вернуть уже не можешь
и жизнь вдохнуть в листок никак нельзя.

Как жаль, что быстро лето пролетело.
Да что там лето - молодость прошла...
А за окошком небо потемнело –
седая туча с севера пришла.

Ударил ветер гулко, хлестко, сильно!
Охапки листьев с шумом бросил вниз.
Дождь грянул, вот ни зги не видно –
лишь осень каплей бьется о карниз.

II.

Ах, осень! Осень!... Время золотое!
Венец всему живому на земле.
Ты к нам идешь незримою тропой –
с годами, проявляясь в седине...

Идешь ты властно - с ветром, с холодами.
Остановить тебя не хватит сил.
Ведь то, что было создано Богами –
никто здесь на земле не отменил.

III.

Вот снова осень. Быстро время
свершает оборотов путь.
И вот уж мы на год старше,
и страшно в зеркало взглянуть.

В нем отражаешься не только
ты - постаревший, с сединой,
в глазах своих ты видишь столько
всего, что прожито тобой.

Сижу один средь стылой ночи.
Передо мной свеча горит.
Смотрю в окно. Там чьи-то очи –
там кто-то на меня глядит!

"Ну что, приятель, как успехи? –
Вдруг слышу голос я глухой –
и долго ль будешь ставить вежи,
пути прожитому тобой?"

Я вздрогнул! Что за наваждение?
Взглянул в окно - там никого...
Какое странное видение
из тьмы ко мне сейчас пришло.

Ну, успокойся... Сколько прожил,
спросил себя я, - пятьдесят,
ещё фактически и не жил...
Ведь так в народе говорят.

Смотри вперед - ведь жизнь прекрасна.
Отбрось былое, годы, грусть.
Ты стал мужчиной, это ясно,
и смело продолжай свой путь!

Я встал к окну. Свечу задунул.
Ну, где ты тот, кто приходил?
Тебе отвечу, как бы ни жил,
а дел я черных не творил.

Всего я прожил лишь полвека.
Возможно, сделал мало дел.
Но свое имя - человека –
я не хочу сдавать в удел.

Я жил - как жить меня учили
друзья, родные, и судьба.
И буду жить, чтоб внуки были,
отдам им полностью себя.

Гляжу в окно: уже светает...
Уходит темень, с ней - печаль.
Листва с деревьев облетает,
которых мне - ничуть не жаль.

IV.

Желтые листья кружатся и падают –
осень вступает в права...
Годы уходят... И это не радует.
В сердце всё горше тоска.

Зелень, покрытая листьями павшими –
ярким цветастым ковром.
Дождик, ненастье с ветрами холодными,
вновь за родимым окном.

Небо всё хмурится, тучи тяжелые,
птиц запоздалый косяк –
крыльями машут, спасаясь от холода,
в жаркие страны летят.

В жизни мы все одинокие странники.
Бьемся над бытом своим.
Осень приходит и мы, как изгнанники –
птицам вдогонку глядим...

ВЫБОРА НЕТ

Выбора нет... Просто выбора нет.
Ночь опускается черным пологом.
Медленно гаснет мерцающий свет
перед родительским домом.

Тихо уходят родные, друзья.
Многих уж нету на свете...
Холмик могильный, сырая земля –
вот их приют на планете.

С каждой потерей - еще тяжелей!
Кажется, видеть нет больше силы,
идя по дороге своей –
близкие сердцу могилы.

Вот уже снегом легла седина...
Старость ли это? Усталость?
Выбора нет... Есть лишь дума одна:
сколько же жить мне осталось?!

ПРОЩАЙ, МОЙ ДРУГ!..

Прощай, мой друг! Прощай... Прощай!
Ушла моя тропинка вдаль,
ты на другом стоишь пути...
Тебе ж теперь - одной идти.
Прости меня! Я не успел
закончить много нужных дел,
помочь тебе и научить –
как нужно в этом мире жить.
Как расставаться и встречать,
как ненавидеть и прощать,
любить, ласкать, дарить тепло,
быть оптимистом всем назло.
Я не успел, мне очень жаль!
Но ты отбрось свою печаль,
ведь то, что я успел сказать,
в стихах об этом рассказать -
пускай останется с тобой
и станет мысленно судьей
твоих поступков и шагов,
основой добрых, нежных слов
тому, кого полюбишь ты -
кто на извилистом пути,
который ждет Вас впереди,
поможет счастье обрести...
Скорее в путь, иди вперед,

куда судьба тебя зовёт.
Меня ж, хоть редко, вспоминай...
Прощай, мой друг! Прощай... Прощай!

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МОЕМ МУЖЕ ДУТОВЕ БОРИСЕ ПАВЛОВИЧЕ

Дутова Е.В.

Почти четыре года нет моего Бореньки, а поверить в это я никак не могу и не хочу.

Прихожу на Троекуровское кладбище, иду к могиле, к Боре, и не могу понять, куда я иду и зачем я здесь. Неужели он, мой Боря, под этой тяжелой каменной плитой? С этим невозможно смириться...

Ничего изменить нельзя, но мучительно больно, что его уже никогда не будет с нами.

Вот уже почти четыре года, как его нет... Оленька, наша младшая дочь, окончила школу с медалью и выполнила отцовское желание - поступила в то учебное заведение, в котором он советовал ей учиться. И я, мысленно обращаясь к нему, говорю: "Наша Лёлька все сделала так, как ты хотел. Она у нас умница и уже совсем взрослая!". И я верю, что мой Боря не только слышит меня, но и помогает нам во всем. Я верю в это, и это помогает нам выживать...

Очень трудно писать о самом любимом для тебя человеке. Его уже нет почти четыре года, а в это просто нельзя поверить...

Мы не можем говорить о нем в прошедшем времени, он всегда с нами: во всех делах и мыслях. Не проходит ни одного дня, чтобы мы не вспомнили о нем и не посоветовались с ним...

Весна 1986 года... Очень ранняя и теплая. 26 апреля - трагедия на Чернобыльской АЭС. Мой Боря - генерал-лейтенант, доктор технических наук, профессор, начальник Всесоюзного научно-исследовательского института гражданской обороны МО СССР.

В те дни, первые дни после трагедии, работали практически круглые сутки, мой муж «не вылезал» из Генштаба МО СССР. Создавался научный центр для работы в зоне аварии. Иллюзий в отношении Чернобыля у нас не было. Да и Боря, приходя с работы, много рассказывал о происшедшем и о тех последствиях катастрофы, которые практически невозможно будет предотвратить. Странно, что в то время, средства массовой информации, телевидение молчали...

Я панически боялась, что его пошлют в это пекло, но предчувствие было: командировка непременно состоится. Так и получилось. Моего мужа назначили одним из руководителей этого центра.

Причина не ехать была - у Бори в начале апреля обострилась язва желудка: он очень страдал от болей, но лечь в госпиталь все откладывал. Уговаривать и убеждать бесполезно. Служба, прежде всего. Его поколение, прошедшее Великую Отечественную войну, не жалело здоровья. За Родину готово было отдать свою жизнь не только на словах.

И вот середина мая. Все готово к отъезду. Боря заехал домой со службы перед вылетом в Киев - попрощаться и взять чемодан с вещами. Наш лечащий врач Пигалев Г.А., зная, как чувствует себя мой муж, куда и зачем едет, хорошо подготовился - привез Боре мешок лекарств с напутствиями на дорогу.

Вот так, как всегда, как в любую другую командировку, отправился он в страшный Чернобыль.

В ожидании потянулись длинные дни и ночи. О нем я знала (звонили сослуживцы), но сам он не звонил и ничего не сообщал о себе, что наводило на разные плохие мысли. Природа наделила Моего мужа прекрасным даром: он очень любил людей, был общителен и очень внимателен к другим. За годы совместной жизни я привыкла к этому, и было странно, что он сам «не выходил» на нас, а передавал информацию о себе через товарищей по работе. Все оказалось просто - язва не давала покоя, было плохо. Врать не хотел, и правду говорить тоже желания не было. Из Днепропетровска, с химического завода, ему привезли какой-то адсорбент (он до сих пор находится у меня в аптечке), и это средство помогло. Через две недели Боря позвонил, сказал, что ему лучше, что не хотел расстраивать, что очень много работы, и дал номер телефона

в гостинице, где остановился, в г.Овруче. Там базировался научный центр, в тридцатикилометровой зоне от Чернобыля.

И я начала звонить. Весь вечер - никого... Всю ночь - никого... Под утро, около шести, телефонистка соединяет: мой муж вышел на связь. Два-три часа утренних на отдых и к восьми утра опять на работу: выезды в зону, аэродром и полеты, сбор данных. Потом, ночью, обобщение информации, доклады руководству аварией на месте и в Центр. Так каждый день и каждую ночь. А я в течение трех месяцев звонила и волновалась, и ни разу раньше пяти утра я до мужа не дозванивалась.

Конец июля... Вернулся больным Борин замполит Чекулаев Жора. Сказал ожидать Бориса Павловича не раньше августа. Потянулись дни ожидания. И, действительно, в августе, Боря позвонил и сказал, что командировка закончилась, и он возвращается...

Я была уверена, что весь ужас длительного пребывания в Чернобыле позади, что мы опять все вместе и все по-прежнему будет хорошо. Но ошиблась, весь ужас был впереди: бесследно ничто не проходит.

И вот почти четыре года мы одни, уже никогда его не будет с нами.

МОЙ МУЖ - НИКОЛАЕВ ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ

Николаева В.Я

Мой муж, Виктор Михайлович Николаев, родился 15 августа 1928 года в городе Орле в семье кадрового военного. Его детство прошло в переездах с родителями по месту службы отца. Орел, Брянск, эвакуация за Урал, Харьков, Львов - таков был путь военно-политического училища, где служил его отец, Николаев Михаил Павлович.

После войны, сдав экстерном экзамены за десятый класс, Виктор Михайлович поступил в Харьковский механико-машиностроительный институт, а затем перевелся по месту службы отца во Львовский политехнический институт, который и закончил в 1950 году. По распределению был направлен на Коломенский тепловозостроительный завод, где прошел почти все ступени служебной лестницы от конструктора в Особом конструкторском бюро до Главного инженера завода. Затем министерство и Госснаб СССР.

Будучи начальником Главка Госснаба СССР был в зоне аварии на Чернобыльской АЭС с 17 мая по 4 июня 1986 года в составе правительственной комиссии, которую возглавлял Лев Алексеевич Воронин, Первый Заместитель Председателя Совета Министров СССР, Председатель Госснаба СССР.

Обычно выходные дни мы проводили за городом, но в эту субботу остались в Москве. Зазвонил телефон. Я взяла трубку. «Это звонят из приемной Председателя. Можно Виктора Михайловича?». Я позвала мужа. Звонок от Председателя комитета вообще, а тем более в выходной день - это совершенно необычно. Сын и я с тревогой смотрели ему в лицо. Он внимательно, как всегда серьезно слушал, затем односложно ответил: «Я понял. Хорошо». Положил трубку. Помолчал несколько секунд, затем сказал: «Через час будет машина. Надо лететь в Чернобыль». Еще помолчав, он добавил: «Правда, мне сказали, что я могу послать кого-то из своих заместителей». У него их было четверо. Я видела, что муж уже принял решение, и все-таки, не отдавая себе отчета, сказала: «Звони». Он немного медлил, затем стал звонить. Люди отказывались, находя причины. Вообще, может быть, и уважительные.

Виктор Михайлович перезвонил в приемную Председателя, что полетит он. Его предупредили, что ничего с собой брать не нужно, кроме бритвенного прибора. Так он и полетел с маленьким кейсом.

Впоследствии мне говорили, что люди должны были меняться через 7 дней. Но участники этой комиссии были 19 дней. На фотографиях видны их усталые лица.

Еще бы! Надо было в рекордно короткие сроки построить саркофаг. Не знаю, сколько было строителей, но их там было много. Военных, гражданских, рядовых и начальников. Надо было всех одеть, обуть, накормить, вымыть, обеспечить отдых. Надо было определить, что нужно, распределить все это, доставить туда, куда надо, правильно спланировать работы, довести команды до непосредственных исполнителей. Люди, техника, материалы. Это все надо было организовать немедленно, не теряя даже минуты. Надо, надо, надо ... Ни подобного опыта

или знания, почти вслепую. И беззащитные, поскольку люди, и в т.ч. члены комиссии, были одеты в хлопчатобумажное белье и защитного цвета хлопчатобумажные куртки и брюки. На головах, маленькие, белые, вроде медицинских, шапочки, у кого-то респираторы и мало у кого датчики. А вокруг пылало смертельное зарево. И его надо было обуздать, обезвредить, построив так называемый саркофаг.

Как-то муж мне рассказал, что облетев на вертолете пресловутый «рыжий лес», полетели вторично. Нужно было кому-то сопровождать прилетевшего туда председателя ВЦСПС, пожелавшего увидеть этот лес. Люди были наперечет. И хотя вертолет был вроде бы бронированный, но ведь не герметичный. И пилот, и Виктор Михайлович (может быть кто-то еще там был?), таким образом, облучились дважды. Сколько их осталось в живых, тех кто был в этом аду, пока не построили саркофаг?

Когда муж вернулся домой из волос, чуть он проводил расческой по голове, сыпались искры. Мы решили что ему надо короче постричь волосы. Скорее всего, его стриг парикмахер на Орликовом переулке, не ведая, что это было опасно и для его жизни.

У меня сохранилось несколько листочков медицинского освидетельствования мужа там, на ЧАЭС.

После возвращения из Чернобыля Виктор Михайлович приступил к работе. И вроде бы все было хорошо. Но началась перестроечная пора. Меняется начальство, перетасовываются ведомства, меняются названия, акционирование, выборы руководителей, сокращения, отправки на пенсию. Одним словом, землетрясение. Муж не уходит в отпуск год, другой, третий. И хотя я его просила пойти в отпуск, он его откладывал и откладывал, всякий раз уверяя меня, что вот закончится это очередное мероприятие, и он обязательно возьмет отпуск. Для него работа была важнее заботы о себе.

По своей сути он был ответственным человеком, понимал людей и по-своему относился к ним, как мне кажется, с большой внутренней добротой. И, конечно, начисто был лишен зависти и служебного карьеризма. Поскольку от природы он был наделен недюжинным здоровьем, то и мало уделял ему внимания. Но все вместе взятое делало свое разрушительное дело.

Вот я смотрю на одну из его фотографий после Чернобыля. Он в своем кабинете за рабочим столом. Руки на столе, рядом телефоны. Он смотрит прямо в объектив. И вроде бы все хорошо. Но всматриваюсь в его глаза и вижу, какой уставший взгляд, не просто уставший, но больной. Это я только теперь понимаю.

В 1993 году 19 октября начался его трагический путь. Он по скорой помощи попадает в больницу с высоким давлением, почти сразу же начинается воспаление легких, затем отказывают ноги, руки, речь, к счастью ненадолго. Он даже выходит на работу, но полного выздоровления нет. Все это время я не отходила от него ни днем, ни ночью. Безусловно, рядом с ним были врачи, сестры, няни. Они учили меня уходу за ним. Даже чтобы поменять под ним постель, оказывается, тоже надо знать определенные приемы. Вообще, не дай Бог никому испытать это. Опять вроде бы улучшение и опять ухудшение. Я мечусь с ним из больницы ЦКБ домой, из дома в больницу. В каких отделениях там мы только не побывали! Врачи как-то уклончивы по поводу его состояния. Я звоню знакомым, мне советуют, я обращаюсь по рекомендациям к частным врачам, привозим их домой. Кто только и чем его не лечили! Бесплезно. Рекомендуют особый массаж. Нанимаю домой опытную добросовестную массажистку, некоторое улучшение.

Узнаю, что в 76-ой городской больнице открылось платное отделение, где многое лечат голодом. Через друзей добиваюсь палаты в этой больнице, еду с ним туда. Завариваю в термосе шиповник и лимон, два литра в сутки. Больше ничего из еды и питья. И прижигание китайскими свечами определенных точек на ногах. Врач нарисовала эти точки, и я потом уже прижигала сама, поскольку это достаточно длительная процедура. Муж резко похудел, но мужественно все переносил. Ни одной жалобы, ни одного стога. Но из больницы мы вернулись домой безрезультатно. Наступила весна. Я его увезла на дачу, надеясь, что поможет воздух, парное молоко и т.п. Там, на костылях, с моей помощью, он пытался передвигаться, падал. Поднимать его и доводить до постели (нет, дотащить) мне помогал боевой генерал Княжев Виктор Иванович, летчик, бомбивший Берлин. Он жил через дачу от нас. Великое ему спасибо.

Дети и я делали все возможное, чтобы его вылечить. Я отчаянно верила, что что-то можно сделать. Даже после того, как приехавший из радиологического центра врач, обследовав

Виктора Михайловича, сказал мне тихо в передней, когда я его провожала: «Вера Ивановна, ваши усилия напрасны, они все умирают». Врач имел в виду ликвидаторов аварии. Но даже после этих слов нас не покидала надежда, хотя состояние мужа ухудшалось.

Он все хуже и хуже передвигался, падал с постели. Он почти не спал. Его приходилось бесконечно мыть, менять постель, помногу раз в день двигать, чтобы не было застоев в легких и пролежней (и все-таки они были, и надо было их лечить месяцами). Я была в отчаянии. Мои силы уходили вместе с его силами.

Но, боже мой, сколько же было мужества у этого человека! Спокойствие, кротость и бесконечное «спасибо».

За три с половиной года его тяжелой болезни муж ни разу не позволил быть раздражительным, недовольным, требовательным, только смиренное «спасибо». С бесконечной любовью он говорил и заботился о детях и внуках, до самых последних дней своей жизни.

В это горестное для нашей семьи время мы познали людское добро и зло.

Просто не имею права не сказать огромное спасибо Надежде Ивановне, патронажной сестре из фонда «Чернобыль - Надежда», маленькой, красивой молодой женщине, привозившей (на общественном транспорте и на своих руках) бинты, лекарства и т.д.; Валентине Емельяновне Сафоновой, главному бухгалтеру Главка, добросовестным образом документально подсчитавшей за пять лет все выплаты, что дало возможность назначить после перевода мужа на инвалидность приличную пенсию.

Но страшный след оставило во мне, а у Виктора Михайловича обострилось и без того тяжелое состояние здоровья (в это время он был на бюллетене), письмо, в котором сообщалось, что на 4 декабря намечается внеочередное собрание акционеров (это уже во всю развернулось перестроечное время) с одним вопросом - перевыборы генерального, т.е. В.М. Николаева. Подписано оно было его заместителем Шумилиным Владимиром Михайловичем, который не так давно был принят на эту должность. Прочитав это письмо, муж тут же стал звонить ему: почему вдруг внеочередное собрание, кто дал команду, на каком основании перевыборы (по закону о чернобыльцах это было противоправное действие). В. Шумилин ответил, что так решил коллектив. Как потом выяснилось, это решил не коллектив, а несколько человек, которых он подговорил; видимо, ему позарез захотелось стать начальником. Виктор Михайлович попросил отменить это собрание (оно было назначено на 4 декабря), т.к. 6 декабря должен состояться ВТЭК, где ему должны были дать первую группу инвалидности. Когда я услышала концовку их разговора: - «Ну и подонок же ты, Шумилин» - я ужаснулась. Такой тон не был свойственен Виктору Михайловичу. Перезвонила Шумилину, объяснила, что через день ВТЭК и мужу дают первую группу инвалидности по ЧАЭС и, следовательно, он автоматически освобождает должность. В ответ я услышала жесткий тон и безапелляционный отказ. Тогда я тоже сказала: «Значит, Виктор Михайлович был прав, назвав вас «подонком».

Через день, т.е. 6 декабря, я поехала во ВТЭК, где выдали решение, что мужу дают первую группу инвалидности по ЧАЭС.

С тех пор с Шумилиным В.М. (человеком ли?), который своим местом в Главке был полностью обязан моему мужу, никогда мы не говорили. И пусть Бог будет ему судьей. И тем нескольким людям, которые в тяжелейшие дни для их руководителя, а он проработал в этом Главке 23 года, пошли на поводу у низменного человека.

Еще ужаснее было письмо из департамента жилья. Когда муж падал, он почему-то был очень тяжелым, хотя от него прежнего остались кожа и кости, я, как ни пыталась поднять его на постель, не могла. Мне приходилось закутывать его в одеяло, затем звонить сыну, зятю, вызывать их с работы, чтобы поднять и уложить мужа на постель. Были случаи, когда детей не оказывалось на месте и мне приходилось бежать на улицу и просить о помощи чужих мужчин. И вот тогда мы пришли к выводу, что нужно поменять нашу квартиру рядом с квартирой дочери или сына, где они жили со своими семьями. Послали в соответствующие организации необходимые бумаги с ходатайством высокопоставленных людей о необходимости обмена нашей очень хорошей квартиры на примерно равноценную, но рядом с кем-то из детей. Получаем письмо, в котором предлагают приехать получить ордер на квартиру вблизи дочери. Еду со смотровым ордером, нахожу подъезд, нужен третий этаж. Дом старой постройки, потолки высоченные, лестницы высокие, но лифта нигде нет. Еле поднялась на третий этаж. Спрашиваю встретившуюся женщину, где лифт. А лифта оказывается нет. Возвращаюсь домой, звоню туда,

где мне дали смотровой ордер. Спрашиваю, знают ли они, что мой муж не ходит. Оказывается знают, но «раз не ходит, какая вам разница есть лифт или нет». «Но как же быть, если потребуется везти его в больницу или на исследование?». Мне совершенно спокойно ответили: «Снесете на носилках». Я потом ходила к начальству, объясняла, показывала справки, мне обещали, но тем все дело и закончилось.

Так что в несчастье мы познали разных людей. Да, да, только в несчастье и можно различить, кто есть кто, ибо «люди лукавы», как однажды сказал мне в беседе один из служителей Троице-Сергиевой Лавры.

Раз уже представилась возможность публично сказать о том, что в душе, считаю обязательным сердечно поблагодарить тех людей, которые в тяжелейшие минуты оказали бескорыстную помощь семье уже после смерти мужа.

Краснянский Леонид Наумович из администрации мэрии помог мне буквально за считанные минуты получить разрешение на захоронение и место для могилы мужа на уже закрытом кладбище, где когда-то были похоронены моя мама и младший брат.

Огромное спасибо Сергею Алексеевичу Леонову из администрации президента, с которым судьба свела меня в больнице, и он помог мне получить решение межреспубликанского экспертного совета о причинной связи нахождения на ЧАЭС и смерти моего мужа. У меня на руках были документы о работе мужа в зоне аварии на ЧАЭС в мае - июне 1986 г. в правительственной комиссии, акт вскрытия, в котором было написано 75% - лучевое поражение внутренних органов, орден Дружбы народов, приказ по Госснабу СССР о премировании (смешно, 450 р.) за личное и непосредственное участие в ликвидации аварии на ЧАЭС.

И, тем не менее, получить это решение, как выяснилось, было большой проблемой. Как мне объяснили, членам этой комиссии ничего за эту работу не платили, и поэтому собрать их было затруднительно, а время было такое, что врачам уже перестали платить зарплату.

А без этого решения семья ликвидатора ничего не могла получить после его смерти. Но ведь только после того, как С.А. Леонов принял меня, посмотрел все эти документы, позвонил председателю этой комиссии, попросил его, в свою очередь, принять меня и решить мою проблему, дело сдвинулось с места.

Я назвала имена и фамилии и еще назову позже людей, которые совершенно бескорыстно помогали мне после смерти мужа. Я буду всегда помнить их, благодарить в душе, а перед святыми ставить свечи, чтобы им было даровано здоровье и благополучие. Своим детям, дочери и сыну, зятю и невестке, троим внукам я наказываю то же.

Много людей откликнулось на наше горе. В их числе - с завода, где мы с мужем начинали свою трудовую деятельность после окончания института; Генеральный директор Кизельштейн Михаил Ефимович, Чурашкин Николай Сергеевич (теперь тоже генеральный директор уже другого предприятия), Напетян Зоник Сосинкович и др.

Госснаб СССР оказал нам материальную помощь, а также фонд «Заслон-Чернобыль».

Но опять-таки не могу без содрогания вспомнить ту начальницу в страховой компании, которая обозвала меня наглой (буквально), когда я после почти 7-месячного ожидания страховки после смерти мужа попросила (очень корректно) объяснить, почему и сколько я еще должна ждать. В ответ на оскорбление я только и могла сказать «спасибо», на что она мне ответила буквально: «кушайте на здоровье». Вернулась из страховой компании оскорбленная, униженная и растерянная. За 10 лет моей трудовой деятельности на большом машиностроительном заводе и 30 лет преподавания в вузе меня никто и никогда не обвинил в наглости.

К счастью, таких чиновников на моем пути было мало. Когда я вернулась из страховой компании, машинально стала перелистывать записную книжку мужа и на очередной странице вижу фамилию, имя, отчество и телефоны заместителя министра финансов В.Н. Ковалева (По роду своей работы Виктор Михайлович был связан с огромным количеством министерств и ведомств). Я набрала номер прямого телефона и, к счастью, замминистра был у себя. Я представилась и попросила одну минуту. Выслушав меня, он тут же вызвал секретаря: «В течение двух дней выяснить и решить вопрос». Даже не через два дня, а в тот же день секретарь Марина позвонила мне, спросила, куда перевести страховые деньги. Спасибо этим людям!

И вот теперь я хотела бы сказать не о себе. Одна из вдов чернобыльца Нина Константиновна Сотскова организовала общество «Вдовы Чернобыля». По ее неполной статистике, только в Москве этих вдов насчитывается более 500 женщин. Нина Константиновна,

когда нас, нескольких вдов, пригласили на телепередачу «Старая квартира» и задали вопрос: «Как обеспечены вдовы ликвидаторов аварии на ЧАЭС?» - ответила очень кратко: «Да никак».

Много вдов ликвидаторов аварии на ЧАЭС живут почти в нищете, оставшись с детьми, со своим горем и ночными слезами в подушку, недолюбив, еще молодые и желанные когда-то. А дети? Те, кто в детстве остался без отца, я это знаю по себе, через всю жизнь пронесут глубочайшую горечь безотцовщины. Даже в старости хочется, порой невыносимо хочется, приклонить голову к родному человеку.

Ну хорошо, это эмоции. Но жизнь требует своего материального бытия. И все ли чернобыльские вдовы добились такой пенсии, которая бы позволила жить прилично?

Даже мне, жене умершего ликвидатора аварии на ЧАЭС, бывшего в самом пекле в составе правительственной комиссии, после его смерти пришлось пройти бюрократические круги ада по всяческим инстанциям, чтобы дали то, что было оговорено Законом о ликвидаторах аварии и их семьях.

Даже мне, кандидату наук, доценту, отработавшей 10 лет в огромном коллективе машиностроительного завода (а там народ умный) и 30 лет в вузе, ездившей по городам и весям нашей бывшей необъятной родины с лекциями и докладами об экономической политике партии и правительства, не боящейся войти в любой кабинет и к любому начальнику, пришлось пройти такую колючую бюрократическую волокиту, которую далеко не каждому удастся преодолеть.

Поэтому, заканчивая свою исповедь, публично обращаюсь к правителям высоким и разным, государственным и общественным деятелям: не забывайте вдов и обездоленных детей тех, кто не за страх, а за совесть, не за деньги, а по долгу своих профессий тушил в буквальном и переносном смысле смертельное зарево, чтобы в нем не сгорели все остальные, в том числе и Европа, а возможно, и вся остальная земля. Ведь никто не может предусмотреть, в какую сторону подует ветер и понесет с собою смертельное облако.

И тем более нельзя и близко подпускать к законодательству тех «рачителей», которые уже подготовили документы об урезании, ограничении назначенных пенсий и пособий еще живым ликвидаторам и семьям уже умерших.

«НЕ ВСЕ СГОРАЕТ В ПЛАМЕНИ ИСТОРИИ...»

Максимчук Л.

ЧЕРНОБЫЛЬ... Ключ, символ, вопль Великой трагедии человечества. Опыт Чернобыля - горький опыт. Он предупреждает всех живых и живущих откровением АПОКАЛИПСИСА, и это - последнее предупреждение Человечеству!

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Я не устану повторять,
Но если этого вам мало,
Могу и кровью написать,
Но если ясно вам не стало,

Молю, чтоб к вашим душам взвыл
Мой страх, мой ужас непритворный,
Чтоб наш КОНЕЦ предупредил,
О люди! Наш исход бесспорный!

Не только наш - но всех существ,
Всего живущего на свете...
Мне не хватает сил и средств,
Чтобы помочь моей планете,

И я предупреждаю тех,
В ком смог рассудок сохраниться:

Спешите, промедленье - грех!
Земле не дайте отравиться

И, захлебнувшись, умереть
В парах Чернобыльской отравы.
О, как нам трудно уцелеть! ...
Кто уцелеет - те и правы...

Август 1991 г.

Расползается Чернобыль по землям и судьбам человеческим, разъедает Чернобыль все живое и живущее, отравляет среду нашего обитания, запускает ядовитые щупальца в будущее, обрекая на неизлечимые болезни еще не родившихся в этом мире. Человек - причина и виновник трагедии. Жизнедеятельность человека доводит мир до войн и катастроф. Человек истребляет себя и все живое вокруг себя. Международная Красная Книга ширится и пополняется исчезающими видами животных и растений. Сам человек становится объектом ее внимания, являясь главным инициатором и виновником ее содержания.

В КРАСНУЮ КНИГУ

Приближаясь к последнему, самому страшному мигу,
Я прошу, вытирая слезу, зажигая свечу:
Запишите меня в заповедную Красную Книгу,
Буду главным героем - соавтором быть не хочу.

Не от голода - нет! От еды, от питья умираю,
Погибаю, умывшись водою кислотных дождей,
Задыхаюсь в дыму, но сильнее оттого я страдаю,
Что душа отравилась в больной оболочке моей.

Здравствуй, Красная Книга раскаяний в мыслях и вере,
Здравствуй, Красная летопись, книга концов и начал,
Здравствуй, Красный Ковчег!

Потеснитесь немножечко, звери,
Дайте место тому, кто так гордо себя величал!

Сентябрь 1991 г.

МЫ

Мы не боимся Страшного Суда.
Мы ничего на свете не боимся.
Сегодня скажем НЕТ, а завтра скажем ДА
Тому, чего с брезгливостью стыдимся.

Стыдимся, но грешим по воле зла,
Ни покаяния, ни слез, ни стоны,
Хотя в котле уже кипит смола
И отрастают зубы у дракона...

Январь 1992 г.

Человек, приходя в этот мир, должен оставлять его после своего в нем пребывания не хуже, чем он был до него. Конечно, хорошо бы в лучшем виде, но хотя бы - не в худшем. Однако, раз от разу, от десятилетия к десятилетию, от века к веку дети человеческие получают в наследство от своих отцов среду обитания, все менее и менее пригодную для полноценной жизни. Поэтому наказание и возмездие настигает каждого из нас и все человечество в целом.

Человек, опомнись!
Человек, остановись!
Человек, пойми: других шансов не будет!
Чернобыль - последнее предупреждение Человечеству!

* * *

Мой муж Максимчук Владимир Михайлович, как и многие другие, был одним из первых в Чернобыле. Быть первыми - значит взять на себя самый сильный удар стихии, страстей человеческих, ошибок воинствующего ума! Быть ПЕРВЫМИ - значит рисковать! Худшие к первенству не стремятся, в первенстве голову сложить. Они уступают место впереди себя альтруистам-первопроходцам.

ПЕРВЫЕ

Когда мир и горит, и плавится,
Задыхаясь в едком дыму,
Только ПЕРВЫЕ могут справиться,
Побеждая огонь и тьму;

Не откажутся, не отступятся,
Не забудут про долг и честь,
Только первые, только лучшие,
Служба ПЕРВЫХ была и есть.

"Ноль один" - это служба риска,
Та, что будет всегда нужна!
...Нет конца у святого списка,
Где Чернобыльцев имена,

Где над каждым именем доблестным,
Остывающим от огня,
Светлый лик встает Богородицы,
До последней секунды храня...

Опаленные, легендарные,
Окрещенные тем огнем,
Героические пожарные
На посту и ночью, и днем.

И когда все горит и плавится,
Задыхаясь в дыму вражды,
Только ПЕРВЫЕ могут справиться,
Заслонить других от беды!

... Кто-то будет из камня высечен,
Кто-то будет забыт, как сон...
Гибнут ПЕРВЫЕ, сотни и тысячи.
Мир их праху и низкий поклон!

Февраль 1999 г.

В январе 1997 года я написала небольшую повесть «Не все сторает...». Она - о моем супруге, Максимчуке Владимире Михайловиче, генерале пожарной охраны, блестящем, достойном человеке из ряда других, не менее достойных того же. Ему же я посвятила и мою поэму "Сны", и очень многие стихи мои появились на свет благодаря тому, что внутренне я часто обращаюсь к нему и памяти о нем, к имени его незабываемому... Привожу короткий

пересказ моей повести, названной по первой строчке моего же стихотворения "Не все сгорает в пламени истории". Эта строка вылита в бронзе на раскрытой книге надгробного памятника генералу Максимчуку, похороненному на Митинском кладбище, в непосредственной близости возле памятного мемориала Чернобыльским пожарным...

* * *

Мой муж, Максимчук Владимир Михайлович, генерал-майор внутренней службы МВД СССР, точнее сказать, пожарной службы, умер 22 мая 1994 года. Последние несколько лет жизни он тяжело болел, смерть стала для него облегчением... Ему не было и сорока семи лет... Он прожил яркую, целеустремленную жизнь, как раз ту самую, которая была неиссякаемым, казалось, ключом рядом с нашей семейной жизнью. Этим ключом была его работа, и то, что он в нее вкладывал, и то, что она ему отдавала. Вкладывал, конечно, все, что имел. А если не имел, то искал, находил и - отдавал, сколько мог... Не мог не отдавать, потому что она была для него самым главным детищем в жизни.

Работа - как средство самореализации,
а не цель самоутверждения.

Работа - как высокое служение, а не изнурительная служба.

Работа - как творческое искание, а не подневольное рабство.

Я не хочу создавать впечатление, что все было возвышенным и прекрасным. Скорее наоборот, каждодневный тяжелый труд. Возвышенным и прекрасным был его смысл. Такой труд невозможно оценивать по результатам, они не каждый раз соответствовали намерениям, но были, конечно, и результаты... Всю свою жизнь профессионального пожарного, Владимир Михайлович положил на великое дело - спасение людей и материальных ценностей, созданных трудом этих людей, от огня. Много кого спас. Много чего потушил, много кому помог, и еще больше сделал, для службы пожаротушения, для аварийно-спасательной службы страны. Все его дела мне были хорошо знакомы, все происходило у меня на глазах и за глазами - но рядышком. Для меня и своей дочки он жил очень мало, а для себя - в общепринятом смысле этого слова - никогда, так что любая минута, проведенная дома, с нами, была подарком для нас троих.

Стоило ему только показаться на пороге, тут же звонил телефон, его уже искали. Перерывов на личную жизнь не было. Совмещать и поначалу было трудно, а с течением времени становилось почти невозможно. Редкие часы отдыха. Гости. Театр. Отпуска, проведенные вместе. Домашние дела, семейные трения. Все это было как общий фон, нечто второстепенное. В первые годы нашей жизни я еще как-то пыталась изменить ход событий, мне хотелось, чтобы не жизнь была для работы, а работа для жизни. Не помогало. Был один ответ: "Там гибнут люди, а ты..." А я... Я не хотела, чтобы люди гибли. Еще больше я не хотела, чтобы постоянно подвергал себя Рисуку мой муж, отец моего ребенка. Неужели нет другой работы?

Другая работа, конечно, была. Но не для него.

Владимир Михайлович начинал службу в должности начальника караула второй военизированной пожарной части Управления пожарной охраны города Москвы в 1968 году. В том же году - заместитель начальника той же части. Через год - начальник уже другой части.

Потом были должности: заместитель начальника отряда, заместитель командира учебного полка, начальник отделения боевой подготовки штаба Управления пожарной охраны ГУВД г. Москвы. Эти перемещения происходили в течение десяти с небольшим лет. В начале 1981 года, как пишут в служебной карточке, Владимир Михайлович был откомандирован в распоряжение ГУПО (Главное управление пожарной охраны) МВД СССР, где проработал до 1992 года, сначала в должности заместителя начальника оперативно- тактического отдела, позже - начальника того же отдела, и, наконец - первого заместителя начальника Главка. С июня 1992 года и до конца..., до конца своей жизни, до мая 1994 года Владимир Михайлович возглавлял Управление пожарной охраны города Москвы.

Надеюсь, что не ошиблась в хронологии и перечислении должностей. Звания были все - по полной программе, от лейтенанта до генерала. Сути дела они не меняли. Как мне представляется, каждая новая должность предлагалась потому, что поначалу кандидат проявлял себя в качестве хорошо подготовленного специалиста, аккуратного, грамотного человека. Год от года все больше проявлялся опыт работы с людьми, техникой, документами. Личность набирала потенциал. Возрастала ответственность. Появлялся авторитет руководителя, человека, который

ведет за собой своим примером. Если с кого-то много спрашивал, то от себя требовал значительно больше. Был редкий случай совпадения личностных и человеческих качеств с неистово-мечтательным устремлением преобразить дело, за которое брался, и если я чего другого не понимала, то уж это понимала хорошо. Никакие должности, никакая карьера не избавляла Владимира Михайловича от известной степени непосредственного риска на пожарах. Во всем, в чем можно было принять участие, он участвовал сам, никогда не прятался за спины подчиненных.

Приведу строчки из газеты. "Его знали в лицо и командиры, и простые рядовые пожарной охраны - сколько раз они шли в огонь вслед за ним. Его принцип - нельзя заставить человека идти в огонь, можно повести его за собой - спас жизни тысяч людей".

У него было особенное чутье на ситуации, в которых без него нельзя было обойтись. Такие ситуации по жизни повторялись и чередовались неоднократно в тушении пожаров разной сложности. Он тушил все: промышленные и жилые здания, электростанции, нефтебазы и скважины, газопроводы, высотные дома, метро, леса, торфяники, многое другое, в том числе и то, что гореть и вовсе не могло по законам физики и химии. Я уже не припомню точно всех пожаров, на которых он бывал, всех городов страны и мира, которые он объездил... Это длинный список. Там, где Владимир Михайлович появлялся, он был всегда нужен, всегда его запоминали. Если верить в предначертание судьбы, то Чернобыля ему было не избежать. Должен был он быть там именно в то время и попасть в ту ситуацию, в том месте, которое оказалось самым слабым...

За пять лет работы в ГУПО МВД СССР, работы на более высоком уровне ответственности, работы в различных ситуациях, с разными людьми, появился новый опыт, который так пригодился потом в Чернобыле! Лучше бы не пригодился! Лучше бы вообще ничего не было: ни Чернобыля, ни Ионавы, ни пожаров вообще, ни тех причин, которые приводят к ним! Лучше бы сидел мой муж с нами у семейного очага, пили бы мы чай с пирогами, воспитывали дочь; ну, работал бы где-нибудь подальше от опасностей... Ведь мир так прекрасен, не должно в нем быть тех самых потрясений, которые уродуют его и нас. Но все так и не так: когда одни допускают чернобыли, другие обязаны положить жизнь, и не только свою, на то, чтобы такие чернобыли ликвидировать.

Да чего там! Есть служба "01" - звоните, выручит. А в службе "01" есть человек "01" - звоните, выручит, другому не научен!

* * *

...Служба "01" может многое, но не все, только в рамках решаемых задач при наличии соответствующей техники и возможностей специалистов. Человек "01" может очень многое, почти ВСЕ! - но выходя за установленные рамки, нарушая сознательно закон самосохранения и отработанные прошлым профессиональным опытом инструкции..."01" - синоним - профессия №1! Нет ее опаснее!

А ЧЕРНОБЫЛЮ все равно... Черная сила его взрыва имеет разветвленную направленность: его допустил человек к себе, в себе, Для себя и для... всего живого и живущего на Земле! Иначе не ограничились бы силы воинствующего зла пожарами, как 26 апреля 1986 года, так и 22-23 мая 1986 года, и опасными последующими ситуациями, которые были ликвидированы спасателями пусть даже ценою страшных жертв!

Чего мы хотим?

Чего мы ждем?

Куда мы идем?

Пока я живу на этом свете, я буду искать ответы на эти и другие подобные вопросы, скорее всего не найду. То есть ответы существуют теоретически, в отрыве от стандартного нашего существования - эти ответы знают все.

* * *

... К ночным звонкам я уже привыкла давно, и к ночным звонкам, и к запланированным, и к внезапным отъездам: командировочный дипломат был наготове всегда... Чернобыль ворвался в нашу жизнь ночным телефонным звонком 26 апреля 1986 года, когда все спали; звонил дежурный по Главку, сообщал о пожаре на атомной станции в Чернобыле. Так Владимир Михайлович раньше других узнал и расшифровал сообщение о страшной трагедии, подобной

которой еще не было. Помню не сам разговор, а его жуткие интонации. Мне представилось: сейчас вскочит, схватит что-нибудь на ходу и умчится в Чернобыль. Чернобыль... А где хоть это, в какой части страны? Я тогда ничего еще не знала, но точно догадалась, что даром не пройдет, что там гибнут люди, что лучше сразу отдать полжизни, чем туда ехать!

Не спала уже до утра. Владимир Михайлович срочно вызвал машину, поехал на работу. Все остальное известно из различных источников: сам факт аварии, оценка ее специалистами, но в самые первые минуты все было ясно, и многих тогдашних руководителей застал врасплох набор цифр: 1, 2, 3, 4, секретно, что означало:

- 1 - загорание на станции;
- 2 - крупный пожар;
- 3 - выход радиации;
- 4 - есть пострадавшие и погибшие;

Как раз в то время Владимир Михайлович возглавлял оперативно-тактический отдел ГУПО МВД, был в звании подполковника. Он не вылетел на место катастрофы ни в ту же ночь, ни в тот же день, но готовился к этому. Дома больше не ночевал. Повидаться с ним мы с Машенькой приходили на Октябрьскую площадь, в сквер к памятнику Ленину, приносили что-нибудь вкусненькое, он перебежал через дорогу, (здание министерства совсем близко), обнимал меня и дочь, коротко рассказывал о делах и прощался минут через пятнадцать. Собирался ехать в Чернобыль, хотел не с пустыми руками. Это только я одна просила - умоляла, держала за рукав, не пускала, убеждала, вспоминала формулы из ядерной физики, период полураспада ядра урана... Нет! Улетел в начале мая; только мы его и видели - когда заехал домой за дипломатом да с нами попрощаться ...

А дальше... Хочу привести выдержку из статьи Ларисы Асауловой, газета "Щит и меч", апрель 1993 года. Статья называется "Спасатель", написана по материалам беседы с Владимиром Михайловичем, в то время начальником Управления государственной противопожарной службы ГУВД города Москвы. В этой публикации по существу впервые за многие годы молчания было рассказано о пожаре на Чернобыльской АЭС в ночь 22-23 мая 1986 года, не считая единственной статьи «Мужество» в журнале «Трезвость и культура» №1 за 1988 год, в которой цензура не позволила указать дату возникновения пожара.

Начинается статья так. "Нога превратилась в "слоновую". Он отшвырнул сапоги, ботинки, с трудом натянул кеды. И побежал: на станции пожар! Потом, в госпитале, кожу ноги снимут вместе с лепехами расплавленных тапочек..."

И продолжается.

"Шел 13-й день командировки в Чернобыль. Владимир Михайлович, руководитель сил пожарной охраны в Чернобыле, ежедневно выезжал на станцию и с болью в сердце видел: каторжная работа по ликвидации последствий аварии, по сути, не начиналась. Об этом и сокрушались вечером 22 мая два Владимира - Максимчук и Чухарев, начальник пожарной части по охране Ленинградской АЭС. Потом разговор перешел на дом. Чухарев волновался: жене вот-вот рожать. "Будет девочка, как моя Машенька", - успокаивал его Максимчук. А в 2 часа 30 минут ночи их поднял звонок со станции. Горели помещения главных циркуляционных насосов 402, 403, то есть - 4-й блок, горели кабели - самое страшное, чего можно ожидать.

"Ни одной машины к блоку не пропускать! Сосредоточиться у бытового корпуса!" - командовал Максимчук, следуя на место пожара. Он и коллеги прекрасно понимали, что такой приказ, вопреки общепринятым уставам, диктуют нештатная ситуация и уроки первых пожарных Чернобыля. Сначала - разведка! Максимчук с боевым расчетом с одной стороны, Чухарев с другой - двинулись в Кромешной тьме к очагу через длинный транспортный коридор.

Вот и аукнулась бездумная гигантомания строителей, когда соединение блоков единым машинным залом не дает возможность локализовать возможную беду!

"Товарищ подполковник, зашкаливает!" - раздался голос молоденького дозиметриста. Ага - значит, там разрушенная часть коридора, так оно и оказалось. В адских условиях сделали замеры радиации. Молодчина Чухарев успел проложить рабочие линии к месту пожара. И тут услышали: "Внимание! Немедленно покинуть территорию! В зоне пожара 250 рентген в час!"

Как быть? Боевой устав диктовал бросить огромную массу людей в радиационное пекло на неопределенное время. Но Максимчук, с отличием окончивший высшую инженерную школу,

имеющий 20 лет практики на всех ступенях профессии, снова сознательно нарушил инструкцию. Он скомандовал - оставить технику на месте, а боевому расчету отступить к административному корпусу. Потом часто будут спрашивать: почему он избрал тактику, не имеющую аналога в мире? Расчет был прост: не дать людям переоблучиться. Пусть на худой конец каждый получит 70-80 рентген, но только не роковые 100 - иначе лучевая болезнь! А для этого спасатели должны работать в зоне пожара не более 10 минут. Их 318. Если в смену включать по пятеро, людей хватит на 10 с лишним часов посменной работы. Максимчук старался не думать о возможности повторных ходок. Он замахнулся на невозможное: и очаг ликвидировать, и пожарных не погубить.

В правильности выбранного решения убеждала сама атмосфера четких действий. Надо было видеть, как заботливо готовили на выход очередную пятерку, как строго следили за временем, подбадривали друг друга, шутили. Владимир Михайлович еще накануне чувствовал себя неважно. К боли в распухшей ноге присоединилось ощущение углей в груди. Это было ужасно: отказывал голос, сам еле держался на ногах. В 6 утра первым не выдержал семижильный Чухарев. За ним стали выбывать из строя другие, и потому пришлось повторно посылать самых опытных, таких, как москвич Александр Гудков, днепропетровец Федор Коваленко, киевлянин Василий Осипов, Василий Ткаченко из Ровно...

Но добились главного - усмиренный огонь не побежал по насосам в 3-й блок. И никто не погиб. В госпиталь попал примерно каждый восьмой. В том числе - Максимчук. С лучевыми ожогами ноги и дыхательных путей, безголосый, неподвижный, под капельницами, но твердо убежденный в том, что той ночью принял единственно верное решение. Спасатели, как проходившие курс лечения, так и продолжавшие схватку с невидимым врагом, считали своим долгом посмотреть на Максимчука и сказать только два слова - "спасибо" и "до свидания".

Это и многочисленные письма, звонки с предложениями помочь поддерживали Владимира Михайловича не меньше, чем исцеляющие руки медиков".

Продолжая по смыслу, отмечу, что это разбавляло горечь начинающейся болезни, невозможности помочь - впоследствии - и самим спасателям, и их семьям, уже не говоря, себе самому. Да, в этой смене сразу никто не погиб. Болезни догонят потом, и еще нужно будет многим из них доказывать через определенные медицинские комиссии связь появившихся заболеваний с пребыванием в Чернобыле. Да, сразу они были, может, и герои - в своем кругу. Потому что лишены были главного: возможности сообщить об этом миру. А зачем миру было знать про это, то есть, не миру, а миру? Ведь еще 28 апреля сообщали, что очаг ликвидирован, и в Киеве 1 мая народ ходил на демонстрацию, гулял. Опасность миновала, так чего же ради?.. Духовный Чернобыль опережал физический, а со временем их единство почувствует каждый из нас.

Атмосфера молчания, нежелание принять и признать поступок, - ранят сильнее всех болезней, они действуют психологически и усугубляют состояние здоровья... Все оставшиеся после той самой майской ночи - день в день - восемь лет жизни Владимир Михайлович прожил углубленно, сосредоточенно, лишь изредка позволяя себе расслабиться, когда болезни брали верх. Цель была все та же: сделать как можно больше для службы и тех, кто служит. Каждый последующий год был значительно труднее предыдущего, времени оставалось все меньше и меньше.

* * *

...За все годы с 1977 до 1994 столько переделано дел, совершено дальних и ближних поездок, потушено пожаров! Краткий официальный перечень значительных событий за это время выглядел бы примерно так:

- Олимпиада в г. Москве, 1980 год.
- Пожары в гостинице "Россия" в 1977 и 1987 гг.
- Авария на Чернобыльской АЭС, 1986 год.
- Землетрясение в Армении, трагедия Спитака и Лениакана, 1987 год.
- Авария на продуктопроводе Урал - Западная Сибирь, 1988 год.
- Химическая катастрофа на комбинате минеральных удобрений в Ионаве, Литва, 1989 год.
- Политическая ситуация в Баку, 1990 год.

– События в Москве (политическая ситуация в 1991 г., пожар в Белом доме и мэрии в 1993 г., пожар в 26-этажном жилом доме на проспекте маршала Жукова, трагедия на Дмитровском шоссе в 1993 г. и т.д.).

Много еще и такого происходило, чего сразу и не припомню. Каждая такая поездка усугубляла минорное звучание черных клавиш Чернобыля, но окончательно минор перешел в драму, а затем в трагедию после тушения пожара на производственном объединении «Азотас» в городе Ионаве Литовской ССР 20-22 марта 1989 года, который ученые назвали "химическим Чернобылем". Казалось бы, Чернобыльская катастрофа должна была многому научить, а также предупредить о возможных опасностях; уж, казалось бы, что дальше - некуда, оказалось - есть куда!

События в «химическом Чернобыле» начались с того, что по неизвестным причинам утром 20-го марта взорвался огромный резервуар для изотермического хранения аммиака. В считанные мгновения в окружающую среду было выброшено около 7000 тонн жидкого аммиака. Резервуар был оторван от днища и далеко отброшен силой взрыва, при этом был разрушен железобетонный защитный стакан, предназначенный для предупреждения разлива аммиака, и повреждена эстакада с трубопроводами, среди которых был трубопровод с природным газом. Жидкий аммиак превратился в газ и в сочетании с воздухом и природным газом быстро воспламенился, мощный огонь охватил все в радиусе 200 метров. Люди бежали по смертельной лаве, получая тяжелейшие ожоги, семеро так и остались в ней... Образовалось несколько очагов горения, в том числе и на складе минерального удобрения - нитрофоски, которой к тому времени скопилось уже немало - скоро весенний сев. Нитрофоска при высокой температуре стала быстро разлагаться по законам химической реакции с выделением токсичных и ядовитых веществ. И все это - вблизи населенного пункта с 50 тысячами жителей!

По масштабам выброса сильнодействующих ядовитых веществ данная авария не имела аналогов в мировой практике. Аврал, аврал, и опять аврал - с привлечением людей из служб срочной помощи, людей мужественных профессий! Пожарные сразу же включились в работу, но местными силами было справиться невозможно: «сигарообразное» горение на складе нитрофоски продолжалось и не поддавалось тушению. Из опасной зоны были эвакуированы все жители, больные из всех медицинских учреждений; обстановка накалялась, вопрос «висел» в отравленном воздухе...

Максимчук Владимир Михайлович, в то время полковник, заместитель начальника Главного управления пожарной охраны СССР, с самого начала Ионавских событий поддерживал связь с пожарными, находящимися на месте аварии; он недолго решал, ехать или нет. Ночью вместе с коллегой вылетели в Вильнюс, оттуда - на машине в Ионаву. Местные специалисты встретили в растерянности: все перепробовали, а толку мало... Наутро 21 марта стали действовать вместе. Вызвали подмогу из соседних регионов - Латвии и Белоруссии, нужны были свежие силы. Установили 7 насосных станций, каждая из которых ежесекундно подавала 100 литров воды, целый океан воды был вылит за сутки через вскрываемые проемы в кровле склада - ядовитая масса превращалась в «коктейль», таким образом, реакция прекращалась. Здесь так же, как и в Чернобыле, отряды работали посменно, чтобы не дать людям отравиться, группы работавших в противогазах людей сменяли друг Друга, ни на минуту не прекращая работ. Смены менялись, а Максимчук не менялся никогда, не изменился и теперь, оставаясь с каждой сменой до конца, сам себе говорил: «С места не сойду!»

Работали по полчаса; на безопасном расстоянии организовали питание, развернули прием пострадавших - противогазы и КИПы были мало пригодны для таких условий, поэтому несмотря на все Меры предосторожности, все-таки 216 человек получили ожоги, отравления и поражения различной степени тяжести. Список семи погибших пополнил пожарный, сержант Генрик Наркевич из УПО Литвы... В тяжелейших условиях и десятках других неудобств работали пожарные, рискуя жизнью. Представляю, с каким облегчением вздохнул Максимчук, когда вечером 22 марта прозвучало: «Полная ликвидация!» На место аварии было привлечено много сил различных специалистов и все восхищались действиями пожарных. Министр по производству минеральных удобрений СССР Ольшанский Николай Михайлович тут же дал обещание Владимиру Михайловичу выделить не менее одного миллиона инвалютных рублей на закупку за рубежом специальной техники для аварийно-спасательных работ, машин, оборудования и одежды, не производившихся тогда у нас, и выполнил это обещание.

* * *

Нет худа без добра. Уроки Чернобыля и Ионавы дали и положительные результаты. После возвращения из Литвы, соотнося эти события с происшедшим в Армении, пострадавшей от сил стихии двумя годами раньше, Владимир Михайлович уже ясно представлял себе острую необходимость создания в стране специальной аварийно-спасательной службы экстренного реагирования на чрезвычайные ситуации. Он начинает инициативно работать в этом направлении, искать, находить и объединять сторонников. Зимой 1990 года на страницах центральной печати была опубликована его статья «Перед лицом грозных опасностей», посвященная этому вопросу, были и другие опубликованные работы. Позже были и поездки в развитые страны за опытом. Все вместе взятое имело действие, и дело сдвинулось с мертвой точки.

Личный опыт спасателя, высокие профессиональные качества, умение рисковать грамотно всегда помогали Владимиру Михайловичу принимать нужные решения и следовать им неуклонно, что и спасало жизни многих людей. Так было в Чернобыле, в Ионаве, в ряде других случаев. Но здоровье уже не выдерживало таких тяжелых нагрузок. Сразу по приезде из Ионавы стало ясно, что чувствовать себя он стал гораздо хуже прежнего - дало себя знать столь долгое пребывание в зоне мощного отравления. Доза отравления в Ионаве была сопоставима с дозой радиации, полученной в Чернобыле - как субъективно, так и объективно. Это подтверждали анализы и обследования, проведенные в госпитале, куда он вскоре попал. Вот тебе и щитовидная железа, вот тебе и выход радиации и прочей отравы... Как все это было неотвратимо! Как я в очередной раз умоляла никуда не уезжать, спрашивала: неужели сам не понимаешь? Неужели кроме тебя никого нет?! Все было бесполезно.

Философ Фридрих Ницше, однако, замечал, что смешно читать дотации землетрясению. Вот именно! Что можно противопоставить? Заботу о здоровье? Напомнить о собственном ребенке? - Он знал и помнил без меня. Правда, кое-что я придумала. Я спрятала командировочный дипломат. Ну и что? Владимир Михайлович, как всегда, заехал домой минут на десять, чтобы собраться и успеть к самолету - организовали спецрейс. Дипломат я уже собрала, положила в него все, что он обычно брал с собой, но затолкала под стол, прикрыла скатертью. Володя пообедал.

- Где дипломат?

- Нигде!

- Эх, ты! Там люди гибнут, а ты...

А я... Я отдала ему то, что он хотел. Он ушел. Улетел в самую горячую точку на карте страны! ...Вот так и летал, так и ездил в горячие и горящие, в пылающие и опасные точки страны, так и оставлял там свое здоровье и то, что от здоровья пока оставалось... Была у него в январе 1990 года и поездка в Баку - поехал помогать, тушить пожар вражды. Хотя Владимир Михайлович и убежден, что пожарные должны быть вне политики, но в сложнейшее для народов нашей страны время самоустраняться от людского горя было нельзя. Так и улетел в Баку, даже не переодевшись в гражданский костюм... Поездка в Баку также усугубила состояние здоровья, сказалось как физическое, умственное, так и эмоциональное напряжение. Приходилось много говорить с людьми, долго ездить в открытых машинах, мало спать, а уж питание-то... - все это было роковым ударом для щитовидной железы - самого слабого места. А операция-то была сделана несколько недель назад, так и улетел со свежей раной; ведь там, да, там гибли люди!

* * *

Бывали в жизни и приятные минуты, и запомнившиеся с радостью события, но как немного их было! Приятным и неожиданным (для меня, а не для Владимира Михайловича, конечно, он-то заранее мог предполагать!), было присвоение ему генеральского звания в октябре 1990 года. Ведь у него так и не было никакой награды за Чернобыль: звание полковника, присвоенное вскоре, соответствовало его тогдашней должности, а орден «Красной звезды» вручили несколько лет спустя. Тогда не принято, видимо, было кого-то особенно отмечать, подчеркивая страшные события. Нет событий - нет героев - нет наград! Так что генеральское звание - дорогого стоило. Открывались новые горизонты, строились новые планы, просматривались новые перспективы. Много хотелось и можно было сделать в масштабах тогда еще огромной страны, но августовские события 1991 года смешали и разрушили многие планы и

намерения. Дело встало, куда повернется - никто не знал. Нескончаемо потянулось время... Изматывающе долгим было оно и для Максимчука, не привыкшего когда-нибудь сидеть без дела... Нервы не выдерживали, а болезни - только и ждали, чтобы человек расслабился...

* * *

О лечении. Владимир Михайлович лечился, конечно, лечился, но не с усердием, а периодически - ничего не хотел оставлять недоделанным по служебным делам. Дни и ночи работал, спешил все успеть сделать, на себя мало обращал внимание. Лечили и традиционные, и нетрадиционные медики, но успехов было мало! Традиционная медицина принимала традиционные решения, в духе установившихся медицинских рекомендаций, которые не могли поставить преграды развитию заболевания, а лишь ненадолго сдерживали развитие болезни. Когда деваться дальше было некуда, та самая медицина принимает следующее решение - хирургическое вмешательство, а после за это решение не отвечает, надеется на "авось". Такие выводы я сделала уже после первой операции рака щитовидной железы, которую Владимиру Михайловичу сделали в конце 1989 года. Операция не остановила болезнь, а, напротив, ускорила развитие заболевания...

Народные медики и целители считают - и, видимо, не без оснований, - что если злокачественной опухоли коснулся нож, то она разрастается еще сильнее, образуются новые очаги, после чего лечить становится архисложно, практически невозможно. Сразу вскоре после возвращения из Чернобыля мы стали искать какие-то нетрадиционные, народные пути выздоровления, очистки организма от радиации; так и познакомился Владимир Михайлович с Хайрулой, пожилым узбекским врачом, чьи средства и методы лечения уходят корнями в глубины веков. К 1990 году с ним занимался уже не тот Хайрула, а его сын, которого звали тоже Хайрула. Володя изредка бывал в Ташкенте, встречался с врачами, получал баночки с лекарствами и советы... Когда сделали операцию на щитовидной железе, Хайрула за голову взялся: почему не посоветовались с ним. Диагноз он ставил другой, была там якобы не опухоль, а уплотнение вокруг щитовидной железы, являющееся барьером для поражающего действия радиации в организме. Действовать нужно было иначе... Но говорить про это поздно, дело сделано. Дальше пошло все плохо, здоровье резко пошатнулось, возрастала общая усталость, появились трудности с принятием пищи. Коллеги привозили из Ташкента новые баночки, добавлялась масса новых лекарств из аптек. Коллеги из Ленинграда передавали (ведрами!) стебли засоленного папоротника, которые я потом вымачивала, мелко рубила и тушила получалось съедобно. Считается, что папоротник лечит болезни от радиоактивного поражения. Да много кто чего привозил и рекомендовал! Толку было мало.

Теперь дипломат для командировок путешествовал то в командировки, то в госпиталь, примерно в равных отношениях. Все карманы в нем были укомплектованы, как в дорожной аптечке. Карманы кителя хозяина дипломата - также... Когда прилетел в Карабах, хлопнул по карманам - таблеток нет, дома забыл, а взять негде, да делать нечего. Так бывало - и не раз - в других поездках. Прошел год-полтора после первой операции. Постепенно становилось хуже и хуже. Выход, к сожалению, намечался один. Снова госпитализировали и тут же прооперировали - рак желудка, октябрь 1992 года. На этот раз меня поставили в известность, строго предупредили, чтобы я рассчитывала на худшее, но мужу ничего не говорила - гуманная такая вот отечественная медицина! Больному, оказывается, правду знать не надо - в пропасть падать лучше с повязкой на глазах, не так страшно... Я уговаривала Владимира Михайловича не делать эту операцию, подождать, посоветоваться. Он - ни в какую. С одной стороны - старался верить врачам, а с другой - поскорее избавиться от болезни (ему-то они это обещали!), как можно скорее встать в строй и продолжить свои дела. Сила духа у него была исключительная, она ему помогала всегда, но нервы не выдерживали. Он прекрасно понимал положение дел, просто не хотел верить в приближающийся конец... После операции выжил с трудом, еле пришел в себя. Я приезжала к нему каждый день, привозила бульоны, тертые овощи и мясо. Процесс питания налаживался с трудом.

Смотреть на него стало страшно. Дома я ревела, не сдерживалась. Маша уже боялась оставаться наедине со мной. А с кем же ей было оставаться? Утешала меня, как могла.

Я молилась день и ночь, просила, пусть бы лучше было плохо что-нибудь другое, зачем же человека так мучают?! Работу я бросила уже совсем, сама болела, сил не было никаких.

Никому рассказать ничего я не могла - толку было б мало. Просто не знала, что делать дальше. Помню неотступную мысль того времени: только б Володю выписали домой, только б увидел снова свой дом, хоть немного отпустила бы болезнь! Я снова собиралась каким-то образом искать неизвестно что... Владимира Михайловича, наконец-то выписали. Это был, другой, медлительный, изменивший свой вид человек. Снова учился ходить, стоять, брать в руки обычные предметы, для начала - вилку и ложку. Бедный мой, бедный! Не могу себе простить всего, что я делала ему не так, как было нужно. Я никогда ни к чему не готова, как оказывается. Хоть и знаю все, но думаю, что еще обойдется, утрясется... Не обошлось. Да, через месяц Владимир Михайлович снова вышел на работу, как одинокий, легко одетый человек, вышел на открытое, хорошо простреливаемое со всех сторон поле, к тому же и продуваемое всеми ветрами. Вышел, взял свою поклажу. Я смотрела на него с замиранием сердца, просила бросить все дела, уйти с работы, сберечь жалкие крохи, что еще остались...

Смотрели и другие наблюдатели. Мысли у всех были разные. Были и примерно такие: а на что еще способен этот фанатик? Другие говорили, что зря старается-надрывается, одних только чернобыльских заслуг хватило бы, чтобы больше в жизни ничего не нужно было б делать - и так кругом ему многие были жизнью обязаны. Не знаю, право... Да и не тот он был человек, чтобы отсиживаться в сторонке от всех дел. Знал, что может быть полезным, вот и делал все, что мог. Кем был, тем и остался - останется и до конца своих дней. Мне было жутко каждый день видеть мужа, узнавать про его дела, замечать изменения в нем в худшую сторону. Но что я могла?

... Я и раньше то ничего не могла, а уж теперь-то...

* * *

Процессы были необратимы. После операции на желудке в октябре 1992 года Владимиру Михайловичу оставалось жить полтора года. Точно этого я, конечно, не знала, но чего уж было не знать... такое близкое и страшное будущее было неотвратимо. Мой дорогой метеорит, который всегда был прав и чист в своих высоких устремлениях, разбил еще не все кривые зеркала и пока он этого не сделал, не мог умереть. Собственный организм отказывался ему служить, но были духовные и душевные силы, была цель в жизни. Это спасало...

Так получилось, что после августовских событий 1991 года, через несколько месяцев напряженного ожидания, в июне 1992 года Максимчук Владимир Михайлович возглавил Управление пожарной охраны столицы, которое и стало его последним местом службы, последним подвигом жизни. Самое тяжелое время перемен в стране и - самое тяжелое состояние здоровья при этом... Для Москвы это была определенная удача, Максимчук успел сделать для Москвы многое - и более того: все, что было невозможно в масштабах страны, было возможно в пределах столицы - постараться довести столичный гарнизон до соответствия с мировым уровнем! Владимиру Михайловичу повезло в том, что мэр Москвы Юрий Михайлович Лужков, человек инженерного мышления, передовых взглядов, оценил и поддержал идеи руководителя пожарной охраны столицы - реформа началась.

Постепенно включился и заработал механизм взаимодействия всех звеньев и структур общества. Город развернулся лицом к службе, озадачился проблемами пожарной безопасности. Около года потребовалось, чтобы получить эффект от задуманных и проводимых мероприятий. Были привлечены и использованы все возможности: личный фактор, единомышленники, должностные лица, средства массовой информации и многое другое. За те неполные два года, что Владимир Михайлович руководил гарнизоном столицы, были произведены коренные изменения в работе службы, сделаны важные дела. Были решены актуальные проблемы по укреплению пожарной безопасности города; сдвинут с «мертвой точки» вопрос по строительству новых депо, которых в Москве уже несколько лет назад было гораздо меньше установленных норм, особенно в новых районах; был обновлен парк техники; был подготовлен к сдаче в эксплуатацию современный комплекс службы «01»; введен в строй Учебный центр по подготовке пожарных специалистов, конкурентоспособный с заграничными аналогами; закуплена современная аварийно-спасательная техника; преодолен барьер высотности зданий; решены многие хозяйственные вопросы. Много труда было вложено в разработку правовых документов и норм.

Еще много лет назад Владимир Михайлович, вскоре по приезде из Чернобыля, мечтал о создании вертолетной спасательной службы - нет пожаров опаснее, чем на большой высоте; не одно поколение покорителей огня мечтало тушить огонь «с неба». И вот в марте 1994 года пожарная охрана Москвы приняла на вооружение красавец-вертолет, чего только это стоило главному инициатору и генератору такой идеи! Были начаты работы по подготовке перехода на контрактную работу службы, намечены были и многие другие планы; кипучая деятельность Максимчука могла, казалось, и горы сдвинуть. Уже к середине 1993 года вступила в силу цепная реакция этой деятельности, она становилась необратимой. Были итоги, результаты, успехи. Слава Богу, старался он не зря. А сколько еще не успел!

...Однако болезнь более не могла дать отсрочки, перекрывала все каналы жизнедеятельности. В начале февраля 1994 года стало совсем плохо. Пришел с работы днем ватно-усталым, сверхизмученным (после тяжелого пожара в жилом доме на Ленинском проспекте - этот пожар стал для него последним в жизни), лег и не встал, вызвали врача. Срочно положили в госпиталь... На этот раз не оперировали - оперировать было уже нечего. Продержали месяц. Сделали, наверное, все, что могли. А что они могли? Вызвали меня и прямым текстом сказали, чтобы я уже ни на что не рассчитывала.

Как - вообще ни на что?

Да! Только на обезболивающие уколы дома.

И нет никаких шансов? И не может быть облегчения?

Шансов нет. Облегчения быть не может.

А что же ему...

А ничего. Главное, чтобы пациент ничего не знал... Чтобы ничего не знал. Даже и теперь... Нет! Я попросила на руки выписку из истории болезни с заключительным диагнозом. Для чего, я еще не знала, но решила куда-нибудь обращаться, а вдруг! Да, я обращалась и с пользой, и без пользы. Лечили дома. Лечили в Швеции - все было поздно...

Уже скоро, скоро финал - заключительный траурный аккорд оглушительного минора. Я никогда ни к чему не готова, а тут... Я должна была уже давно быть готова... Состояние моей внутренней дрожи переходило в непрекращающуюся тряску, как перед взрывом бомбы... Как раз в один из последних, самых тяжелых дней, я и написала стихотворение "НА КРЕСТЕ".

НА КРЕСТЕ

*(Моему страдающему мужу. 9 мая 1994 г.
Центральный госпиталь МВД)*

Каждый день НА КРЕСТЕ.
Каждый вечер снимают
До утра - до другого, такого ж креста.
Только боль, только мысли огнем обнимают
То, что телом считалось еще до поста.
Каждый час НА КРЕСТЕ, даже если и сняли,
И от ржавых гвоздей не заметить следа,
Даже если и клятву заранее дали,
Что уже никого, ни за что, никогда...
Каждый миг НА КРЕСТЕ.
Пренисланный свыше
Все мучительней, все драгоценнее груз.
Приоткрылись Врата отпущения. Тише!
Скоро, может быть, выйдет навстречу Иисус...

* * *

В последний раз я видела Володю за день до его смерти. Он ни разу не разрешил мне приехать к нему утром, чтобы провести у него целый день, раздражался и нервничал на мои уговоры. Только к вечеру, только ненадолго. Все неприятные процедуры, связанные с уходом за собой, старался одолеть с моей, конечно, помощью, но поскорее, чтобы я поменьше в них участвовала. То, что мы с Машей ему привозили, кушал медленно, аккуратно, с большим

трудом. Старался выглядеть пристойно, не быть отвратительным себе и нам. Состояние его было - сверх... всякого описания. Мужественный, скромный человек, не хотел никому быть в тягость.

Интересовался всеми нашими делами, особенно Машенькиными, спрашивал, как на работе. Телефон в палате давно был отключен. Старался отвлекаться от боли, как только мог. До последнего дня держал себя в узде, не распускался. Двадцатого мая я приехала к вечеру, как он и просил. Что-то привезла, суежилась вокруг, хотела умыться. Володя очень тихо произнес:

- Ничего не надо. Просто посиди.

Я села на стул возле кровати.

- Нет. Сядь поближе.

Я села на кровать, обняла его колени. Боялась причинить ему боль. Он улыбнулся:

- Хорошо...

Взял мои руки. Поцеловал. Задержал в своих.

- Все. Уходи.

Уйти сразу я не могла, принесла тазик, воду. Он качал головой - нет. Ну, хотя бы... Нет - ничего. Смотрел на меня умоляюще: уходи скорее. Хотел запомнить меня вот так, красиво, что ли, не связывать со своими болезненными ощущениями. Хотел остаться и в моей памяти ... красиво? Домой я еле добралась - машина довезла. Мне было крайне плохо. На другое утро я не могла поднять головы от подушки. К Володе Машенька поехала одна. Приехала. Как папа? Рассказала, что неплохо, покушал, просил завтра привезти гранат. Гранат. Ну, слава Богу, хоть что-то захотел. Я уже прикидывала, как завтра пораньше заскочим на рынок. Наверное, еще не сезон, но ведь должны же быть какие-нибудь гранаты, хоть прошлого сезона... Тем более, завтра - воскресенье, а рынок большой!

А завтра, двадцать второго мая, позвонили утром и сказали, что Володя умер. Все. Ничего не нужно, кроме исполнения формальностей и законов человеческих. Для исполнения каких-то формальностей и нужно было поехать в госпиталь. За мной заехали и вот я там. Вынесли вещи. Просили чего-то подождать. Я не выдержала, все бросила, зашла в палату... Все пусто. Окна - настежь. Голая кровать. Свернутый матрас. Посредине палаты - яркая кварцевая лампа. Убивают инфекцию. Только теперь до меня дошло окончательно, это действительно - конец!.. Конец. Последний аккорд - на оборванных струнах...

...Похоронили генерал-майора внутренней службы Максимчука Владимира Михайловича на Митинском кладбище рядом с мемориалом памяти жертвам Чернобыля. Отпевали в храме на Волоколамском шоссе по дороге на кладбище. Отец Федор провожал до самой могилы. Во время прощания ко мне подходил священник из Московской патриархии, передал соболезнования святейшего Патриарха Московского и Всея Руси, благодарил за помощь, оказанную Владимиром Михайловичем в свое время Патриарху...

На кладбище было море народу, за людьми не было видно могил. Мундиры, погоны, гражданские - немного. Съехались со всех сторон света, яблоку негде упасть. Состоялся траурный митинг, многие плакали. Над кладбищем сделал прощальный круг вертолет пожарной охраны, прощался с генералом. Шум его моторов перекрывали залпы траурного салюта.

... «Господи!...Прими, Господи, душу умершего раба Твоего Владимира и прости ему все прегрешения вольные и невольные, ведомые и неведомые, в слове, деле, помышлении и даруй ему Царствие небесное... Господи! Прости меня за то, что ропщу, что бываю малотерпелива... Благодарю Тебя за то, что я смогла пройти через все это! Благодарю за то, что сумела перенести страдания и скорби моего мужа, а также свои собственные страдания, скорби и искушения»...

* * *

...Человек приходит в этот мир, проходит свой путь и покидает мир навсегда. Никто не знает, когда и где закончится его путь, и что есть конец пути. Не всякий человек проходит свой путь до конца в течение своей жизни. Состоявшейся жизнью можно считать такую жизнь, какой хватило бы на преодоление этого пути, а если не хватило, то она дала бы начало или толчок другим жизням, способным продолжить и завершить этот путь или продолжать, преображая начатое дело, никогда не достигающее физического конца, а тем более - духовного совершенства. Деяния человека возводят лестницу к его прекрасной мечте, не сбывшейся при жизни. Лестница настолько прочна, что по ней смогут пройти все люди, мечтающие о том же...

...С теми, кто уходит безвозвратно, нужно расставаться кротко и смиренно, хотя удается это с трудом. Расстаюсь с трудом. Привыкаю с трудом. Смиряюсь с еще большим трудом, но что же еще остается? - Да, лестница; ведь лестница осталась и для меня...

В июле 1994 года в Москве проходили международные соревнования по пожарно-прикладному спорту, посвященные официальному открытию мемориального комплекса "Героям-пожарным Чернобыля". В них принимали участие сильнейшие спортсмены-пожарные России, стран содружества и зарубежных государств. Главным судьей этих состязаний был назначен начальник Управления государственной противопожарной службы ГУВД г. Москвы Максимчук Владимир Михайлович. Соревнования состоялись без него, но и в его честь.

...После похорон мне передали телеграммы соболезнований, присланные на адрес Управления Государственной противопожарной службы Москвы из городов и областей бывшего СССР. Если собрать воедино и раскрыть самые емкие в них слова, получился бы героический роман о человеке, личные качества которого и беззаветное служение делу не знает, наверное, аналогов. И если не писать о нем, то о ком же тогда писать? Пламя истории избирательно, оно знает, что спалить, а что оставить тогда, когда рассыплется в пепел и прах все, подлежащее сгоранию.

Все прошло и не все прошло.

Что-то остается всегда.

В мире все так тесно связано.

Сначала бывают только факты и эмоции.

Историей они становятся потом...

Январь 1997 года

ВОЛОДИНЫ ПИСЬМА ИЗ СОЧИ

Сочи, 25 августа 1985 г.

Здравствуй, милая Люся!

Здравствуй, моя дорогулька доченька!

Вот прошло уже пять дней, как я нахожусь на отдыхе. Как будто мало времени прошло с тех пор, как я уехал, но мне оно длиннее показалось. За эти дни успел я немного отвлечься от своих постоянных служебных забот, от проблем, не дающих покоя ни днем, ни ночью.

Скажу даже так: ежедневно ощущаю своим телом (душою - нет), что мне становится лучше, что постепенно восстанавливаюсь, что мышцы наливаются силой, что появляются естественные интересы к окружающей жизни, которые почти пропали за последнее время. Перед отъездом в санаторий я все задавал себе вопрос: а стоит ли вообще ехать; не остаться бы дома с вами, не навестить ли маму хоть бы на пару дней (и когда это будет, не знаю уже?). Но сейчас я понял, что поступил разумно, за что тебе, Люсенька, спасибо - ты правильно поняла мое состояние и поддержала меня. Я на самом деле очень устал от работы, устал физически и морально, даже больше морально, чем физически.

Трудно сказать, что там ждет нас впереди, но сейчас я отдыхаю в полной мере. Вот в эти минуты, когда я пишу вам на коленке, я сижу на скамейке возле самого моря. Погода не самая лучшая, солнце едва просвечивает сквозь косматые облака, но мне все это по сердцу. Я слушаю звуки моря, смотрю, как волны катают камешки, бьются о пирс, становятся пеной... Мне спокойно и хорошо, жаль только, что вас нет рядом. В моей теперешней жизни нет минутки, чтобы я не вспоминал и не думал о вас. Я вас очень люблю, мечтаю всегда отдыхать с вами, но видите, не получается. Мои любимые и дорогие, только на далеком расстоянии лучше понимаю, что вы значите для меня.

Люсенька, жалею и очень жалею, что ты не со мной, мы так никогда и не отдыхали по-настоящему. Люблю тебя и ценю твою заботливость, пусть иногда и чрезмерную, отчего и сама страдаешь. Вспоминаю и тебя, Машулька, мой зайчик хитрющий (как на любимой фотографии). Так хочется, чтобы ты у нас выросла доброй, отзывчивой, трудолюбивой и ответственной. Мы с мамой все стараемся для этого сделать.

Машенька, ты уже почти взрослая девочка, все понимаешь и даешь себе отчет в том, что хорошо, а что плохо. Ты должна знать, что для нас с мамой важнее всего на свете вырастить

честного и доброго человека. Будь, моя голубушка, умницей, всегда и во всем помогай маме. Вот написал все это, и страшно захотелось домой, увидеть вас, обнять и приласкать. Билет в Москву взял на десятое сентября, чтобы приехать чуть пораньше до выхода на работу, побыть с вами, помочь тебе, моя дорогая женушка и хоть недолгое время поводить Машеньку в школу.

О моем отдыхе, то есть отдыхе и лечении. Каждый день принимаю Мацесту, хожу на ингаляции. Здесь много моих знакомых, очень хороших людей. Мы вместе ходим на процедуры, в кино разговариваем, гуляем, потом расскажу обо всем. Заканчивая писать, поднимаю глаза: море успокаивается, вода становится голубой-голубой, вдали красуется Дагомысский комплекс, горы плывут по морю, как корабли... Здорово, а душа моя с вами! Закрываю глаза, и вижу вас мои очень дорогие люди.

Целую вас. Не болейте. До свидания.

Всегда Ваш Володя.

Сочи, 3 сентября 1985 г.

Здравствуете, мои дорогие и любимые Люся и Машулька!

Времени у меня сейчас много, вот и пишу, чтобы поделиться своими впечатлениями и мыслями моей теперешней жизни. Четвертые сутки льет дождь, словно из ведра - так говорят в таких случаях. Стало довольно прохладно, купаться нельзя, температура воды не более семнадцати градусов. Так хотелось бы тепла и солнца, да видимо, уже не будет, это не то, в Феодосии в прошлые годы! Но несмотря на это, я отдыхаю с удовольствием. Удовольствие мое в том, что я имею возможность оглянуться, осмотреться по сторонам, подумать о себе, о вас, о своем месте в жизни, вспомнить обо всех близких мне людях.

К сожалению, моя жизнь так закручена, что подходящей возможности у меня почти никогда и не бывает. Я устал от вечной гонки, устал быть "сжатой до предела пружиной". Да, Люсенька, ты меня часто в этом упрекаешь, наверное, думаешь, что мне самому все это нравится. Нет, и еще раз нет: не нравится, но сделать ничего нельзя. Коль я взялся за такую работу, коль от меня так много зависит, то по-другому я работать не могу. Не могу равнодушно относиться к людям, к недостаткам по вопросам службы. Хочу всегда делать все, что могу на своем месте, хочу жить так, чтобы мне никогда не было стыдно перед самим собой. Даю себе отчет в том, что свои поступки и решения я всегда тщательно продумывал. Да, я часто рисковал, но рисковал не напрасно. Ты знаешь, моя дорогая, как часто я вспоминаю отца, то есть живу памятью о нем. Уже двадцать один год, как его нет, а для меня все как вчера; он для меня - самый яркий пример в жизни, он много мне передал, многому научил. Как жалею, до боли в висках, что его нет, что он не может порадоваться за меня, не увидит мою дочь...

За эти дни я много раз возвращался в прошлое, в наше прошлое. Вспоминал нашу первую встречу у тети Веры, твою наивность и очарование, твою воспитанность и образованность. Очень, очень хотелось тебе понравиться, но надежды было мало... Вспоминал и многое другое. Хорошо, что у нас много всего было, так что есть материал для воспоминаний.

Теперь-то мы уже прожили немалый кусок жизни, у нас растет дочь. До сегодняшнего дня ни разу ни о чем не пожалел, ни разу. Знаешь, Люся, как иногда мне бывает не по себе, когда я чувствую иногда: ты меня не понимаешь! Не понимаешь мою занятость, необходимость постоянных командировок и дежурств, важность моей работы... А с другой стороны вижу, как утомляю и раздражаю тебя всем этим, порчу настроение, лишаю своего внимания и помощи в домашних делах.

Может, я старею, но с каждым годом все больше убеждаюсь: ты и только ты мне была всегда нужна. Мне никогда не хотелось ничего менять в своей жизни, мое - это мое. Я помню первые годы нашей жизни, когда Машеньки еще не было на свете. Помню, как работал напряженно, как уходил на сутки, как ты меня встречала, провожала, как сердце было готово выскочить из груди от радостного ожидания встречи с тобой, моя дорогая.

Ты можешь возразить мне: "А сейчас не так!"

Я отвечу: "И да, и нет".

То есть не каждый раз и то, и другое... Сейчас для меня никого нет дороже на свете, чем вы с Машенькой и моя мама. Моя память все сохраняет, хочу я этого или не хочу... А знаешь, Люсенька, с каким настроением я возвращаюсь с работы домой в настоящее время? Уже в

трамвае, уже спеша по тропинке к нашему подъезду, мысленно разговариваю с дочкой, уже слышу заранее ее звонкий голосок: "Папа, папа пришел!" Мой комок нервов распрямляется внутри меня, я дрожащими руками вставляю ключ в замочную скважину - и мой самый родной маленький человечек бежит мне навстречу, маленькие рученятки обнимают меня за шею, непослушные кудряшки прижимаются к моей щеке... Я наверное, эгоист, но думаю, что моя дочь - самая лучшая и неповторимая среди других детей.

Для меня Машенька - это подарок, это чудо, это дар. Люсенька, ты, конечно, считаешь, что я балую дочь и недостаточно строг к ней, поощряю ее проказы. Но я думаю, что ты воспитываешь ее правильно, стараешься привить ей знания, хорошие привычки и манеры. Я тоже хочу, чтобы она выросла умной и доброй, твоей помощницей. Машенька, прошу тебя всегда помогать маме, учись уже сегодня жить, а уметь жить правильно - целое искусство. Ц помни еще: жизнь - это труд, а труд - это жизнь. Я передаю не громкие слова, а глубокое их содержание.

Наверное, я утомил вас, мои дорогие, но случай представился и выдалось свободное время... Моя милая Люсенька, когда я уезжаю от тебя далеко и надолго, все наши размолвки и несовпадения мне кажутся незначительными, второстепенными. Моя долгосрочная память хранит многие моменты проявлений твоего тонкого отношения ко мне, повторение таких моментов... Пишу все это потому, что на самом деле соскучился за вами, мои дорогие. В моих командировках я не всегда это осознаю из-за отсутствия свободного времени, дикого автоматизма моего внутреннего состояния. А сейчас мне так хорошо, так тепло на душе от одной мысли, что вы у меня есть, что жить без вас не могу.

Я радуюсь этому. Написал, и как будто прикоснулся к вам душой и телом. Будьте мне здоровы, не болейте. Я очень-очень люблю вас.

До свидания, мои любимые.

Целую и обнимаю вас.

Ваш Володя.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

1. 22 мая 2000 года прошло шесть лет со дня смерти Владимира Михайловича. Незадолго до этого, 18 апреля 2000 года вышло Постановление правительства Москвы № 268 о присвоении пожарному катеру Управления государственной противопожарной службы имени героя-чернобыльца, генерал-майора внутренней службы, бывшего начальника Управления пожарной охраны города Москвы Максимчука Владимира Михайловича.

2. 20 июля 2000 года кабинет Министров Украины принял Постановление № 1144 о присвоении школе в селе Гизовщина Любарского района Житомирской области имени Максимчука Владимира Михайловича. В этой школе он учился в свои детские годы, и теперь две памятные доски с его именем и портретом украшают ее стены.

3. Владимир Михайлович был инициатором проведения в Москве международных соревнований по пожарно-прикладному спорту имени героев Чернобыля. Идея не погибла, соревнования стали традиционными и прошли в Москве в июле 1996 года и июне 1999 года. А с 15-го по 17-го сентября 2000 года такие соревнования были проведены в Астрахани и посвящены они были генералу Максимчуку - первая «ласточка» за пределами столицы. Знаменательно то, что соревнования такого уровня и направленности состоялись в последний раз именно в Астрахани в 1991 году, и проводил их лично Владимир Михайлович, в то время бывший председателем президиума пожарно-прикладного спорта Российской Федерации.

Ничего не проходит бесследно.

Ничего не бывает даром.

Отдавать всегда нужно больше, чем берешь...

Людмила Максимчук, январь 2001 года.

ПОЛКОВНИК
АЛБАЕВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

(1951 - 1998 гг.)

Участник ликвидации последствий катастрофы
на Чернобыльской АЭС, 1989 год.

Албаев Александр Николаевич родился 13 мая 1951 года в деревне Бригадировка, Мелекесского района, Ульяновской области, в семье крестьян.

С раннего детства Саша с любовью и восхищением относился к людям в погонах и жил мечтой стать военным. И вот его мечта сбылась! Окончив в 1968 году с отличием школу, он поступил в Саратовское военное училище химической защиты, которое успешно окончил в 1971 году по специальности инженер-химик. После окончания училища проходил службу в войсках в должностях: командир взвода, помощник начальника штаба, начальник штаба отдельного батальона химической защиты армии в ГСВГ. Продвижение по служебной лестнице Албаева А.Н. происходило в годы активного развития Вооруженных сил СССР и желание молодого офицера быть всегда впереди было естественным. Его подразделения, а затем и батальон в течение 10 лет оценивались только на отлично, а Албаев А.Н. неоднократно поощрялся вышестоящим командованием. Он постоянно совершенствовал свои знания и практические навыки. С 1982 года по 1985 год - обучение в Военной академии химической защиты. После окончания с отличием академии Албаев А.Н. был направлен в адъюнктуру, которую блестяще окончил в 1988 году. Защитив диссертацию и получив ученую степень кандидата военных наук, он проходил службу в Военно-научной группе (ВНГ - 25) академии в должности старшего научного сотрудника.

Под его руководством и при непосредственном участии выполнено несколько десятков научно-исследовательских работ, результаты которых реализованы в Руководствах, Наставлениях и учебниках для войск радиационной, химической и биологической защиты. Направлением его научной деятельности были объекты атомной энергетики и химической промышленности.

Его высокий научный потенциал, работоспособность и целеустремленность были подмечены руководством академии, и он был переведен на преподавательскую работу: старший преподаватель, а затем доцент кафедры управления повседневной деятельности войск радиационной, химической и биологической защиты.

И на этой работе Албаев А.Н. показал образец профессионализма. Высокая ответственность за порученное дело, инициативность, высокое чувство долга и коллективизма - это только часть его личностных и человеческих качеств.

Он неоднократно просил командование академии направить его в Чернобыль, чтобы реализовать накопленные знания на практике. В 1989 году Албаев А.Н. в составе группы научного сопровождения работ по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС направляется на объект "Укрытие". В течение трех месяцев Александр Николаевич добросовестно, не задумываясь о последствиях, выполнял поставленные ему задачи. Последствия пребывания в зараженной зоне оказались трагическими: тяжелая болезнь, смерть. Вдовой осталась супруга Александра Николаевича - Албаева Галина Михайловна, сиротами - сын Дмитрий и дочь Татьяна.

Воспоминания вдовы Александра Николаевича: "Саша был открытым, честным и жизнерадостным человеком. Его постоянными спутниками были хорошее настроение, повышенное чувство ответственности, доброжелательность по отношению к окружающим, надежность во всех случаях жизни и непредвиденных обстоятельствах. Как настоящий хозяин решал все бытовые проблемы, никогда не гнушался домашней работы. Для детей - непререкаемый авторитет. С самого их рождения принимал активное участие в воспитательном процессе. Был частым "гостем" на родительских собраниях в школе. В дни отдыха прививал детям любовь к природе, рыбалке и труду. Пользовался большим авторитетом у сослуживцев и соседей, часто помогал им мудрым советом. Ужасно не любил конфликтов, обладал сильной волей".

Светлая память об Александре Николаевиче надолго сохранится в сердцах родных, близких и товарищей по службе. Его профессионализм, воля и мужество, высокие человеческие и нравственные качества всегда были и останутся для них примером.

**ПОЛКОВНИК
ВИДАЙКИН ПЕТР ИВАНОВИЧ**

(1939-1993 гг.)

Участник ликвидации последствий катастрофы
на Чернобыльской АЭС, 1988-1993 гг.

Видайкин Петр Иванович родился 27 июля 1939 года в селе Большое Маресьево, Чингинского района, Мордовской ССР, в крестьянской семье, где и окончил с отличием школу в 1957 году. В этом же году поступил в Саратовское военное химическое училище, которое закончил в 1960 году по специальности аналитическая химия. Училище закончил с красным дипломом - З № 276354. После училища был направлен на Байконур, где и прослужил до 1967 года.

В 1967 году поступил в Военную академию химической защиты, которую закончил 27 июня 1972 года по специальности: защита войск от радиационных и отравляющих веществ - инженер-химик. Диплом С № 921707. После академии был направлен в Саратовскую область, г. Татищево, начальником химической службы дивизии.

В 1974 году поступил в адъюнктуру на кафедру № 9. Закончил адъюнктуру. Был оставлен на кафедре №21 преподавателем, в последующем назначен на должность старшего преподавателя кафедры № 18. Диплом получил 15 ноября 1987 года.

В 1987 году окончил курсы повышения квалификации тактики и разведки в академии им. Фрунзе. Сдал экзамены на хорошо 3 ноября 1987.

В октябре 1988 года был направлен в Чернобыль. Полковник Видайкин П.И. выполнял правительственное задание по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в 30-километровой зоне в должности начальника штаба оперативной группы Управления начальника химических войск. Петр Иванович принимал непосредственное участие в организации и осуществлении наземной и воздушной радиационной разведки, дезактивации зараженных объектов.

Выполняя задание Правительства в обстановке чрезвычайной ситуации, полковник Видайкин П.И. проявил себя смелым, трудолюбивым, грамотным специалистом, способным решать практические задачи. Он внес личный вклад в дело ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, проявляя при этом высокие профессиональные, моральные и психологические качества.

Петр Иванович был любящим отцом троих детей и хорошим мужем. Его очень любили и уважали в его родном колхозе, в который он приезжал, когда была возможность. На его похороны приехало 2 автобуса его родственников и друзей во главе с председателем. О нем говорили как о человеке, который объединял всех людей в колхозе и по возможности старался помогать людям.

Светлая ему память от сотрудников кафедр № 9 и № 18, которые любили и уважали его.

**ПОЛКОВНИК
ЮЛИН ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ**

(1936-1996 гг.)

Участник ликвидации последствий катастрофы
на Чернобыльской АЭС, 1986 год.

Владимир Сергеевич Юлин родился 12 июня 1936 года в г. Запорожье.

И так судьбе было угодно, чтобы свое 50-летие он встретил тоже на Украине, только в Чернобыле, а через 10 лет его не стало...

С детства Владимир Сергеевич увлекался спортом, особенно футболом, любовь к которому он сохранил на всю жизнь, интересовался техникой, мечтал стать офицером, что и

определило выбор его жизненного пути. В 1953 году, после окончания средней школы, он поступил в Ачинское авиационно-техническое училище дальней авиации, которое и закончил с отличием в 1956 году, получив специальность авиационного техника.

Первые пять лет офицерской жизни Владимир Сергеевич служил в должности авиационного техника, в том числе - в 37-ом бомбардировочном полку дальней авиации, меняя гарнизоны и адреса, а в 1961 году решил снова взяться за учебники и поступил в Военную академию химической защиты (ВАХЗ) на существовавший тогда факультет ракетных топлив. После получения в 1966 году академического образования он четыре года занимался наукой в одном из НИИ Министерства обороны по профилю названного факультета, а в 1970 году вернулся в ВАХЗ уже в качестве начальника научно-исследовательской лаборатории.

Целых 19 лет В.С. Юлин посвятил трудной и часто неблагодарной работе по созданию и совершенствованию способов и средств дегазации, дезактивации и дезинфекции различных объектов. Под его руководством и при непосредственном участии выполнено несколько десятков научно-исследовательских работ, результаты которых реализованы в специальных Руководствах, учебниках, а также в образцах химических и технических средств специальной обработки. В 1980 году Владимир Сергеевич защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук, а в 1983 году ему присвоено ученое звание старший научный сотрудник. Он является соавтором 15 изобретений... Невозможно перечислить все заслуги полковника Юлина В.С. в этой короткой статье. Высокого роста, по-спортивному подтянутый, находчивый и остроумный, любивший пошутить и посмеяться, но способный быть, когда это необходимо, требовательным и жестким, он привносил в работу коллектива дух товарищества, творчества, умело пробуждал интерес к работе.

Его профессиональные и человеческие качества особенно ярко проявились в экстремальной ситуации - при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Владимир Сергеевич был командирован в первый состав Научного центра Министерства обороны СССР, на долю которого выпало самое трудное - научное сопровождение работ при одновременном создании самого Центра как такового. Прибыл он в Чернобыль 1 июня 1986 года и проработал там два месяца.

В.С. Юлин был старшим группы, в обязанности которой входило научно-техническое сопровождение дезактивации машинного зала, вентиляционных систем и систем расхолаживания 1 - 3 реакторов АЭС, то есть: экспериментальная и теоретическая оценка способов и средств, предлагаемых для дезактивации помещений и оборудования, разработка рекомендаций по проведению дезактивации, а также участие в работах и контроль соблюдения технологии их проведения.

Объем решаемых задач явно не соответствовал численному составу группы, поэтому на отдых оставалось не более 5 часов в сутки. По свидетельству его подчиненных, Владимир Сергеевич проявлял удивительную работоспособность, чему, очевидно, способствовали его регулярные занятия спортом. А ведь именно в эти дни ему исполнилось 50 лет! В то время некоторым более молодым офицерам казалось, что В.С. Юлин не доверяет им выполнение некоторых задач, излишне опекает их. Только по прошествии нескольких лет они осознали, что Владимир Сергеевич, реально оценивая степень опасности, старался, насколько это было возможно, уберечь подчиненных от свойственного молодости неоправданного риска.

Группа под его руководством работала без суеты и штурмовщины, уверенно и слаженно, в чем проявился его талант организатора. А проблемы возникали на каждом шагу, и часто именно Владимиру Сергеевичу удавалось найти простые решения, казалось бы, сложных проблем. Так было при дезактивации стен и строительных конструкций машинного зала, высота которых достигала нескольких десятков метров. Попытки использовать для этого лестницы или какие-то подобия строительных лесов были признаны явно неудовлетворительными. Работа грозила затянуться на месяцы. Тогда В.С. Юлин, тщательно изучив оборудование машинного зала, предложил применить для дезактивации установленные там пожарные мониторы, что и было с успехом выполнено.

При дезактивации емкостей с маслом, необходимым для работы турбин, также возникли серьезные трудности, связанные с большими размерами этих емкостей и наличием на их поверхности, коммуникациях и окружающих объектах застарелого слоя масла, способствовавшего фиксации радионуклидов. Учитывая невозможность применения

органических растворителей по причине их пожароопасности, оставалось рассчитывать лишь на многократную обработку поверхности штатным моющим раствором. Однако по предложению Владимира Сергеевича эта задача была выполнена гораздо эффективнее с помощью нестандартных средств - последовательной обработкой щелочным раствором марганцовокислого калия, а затем раствором щавелевой кислоты.

Приведенные примеры, возможно, не самые яркие, но все же они помогают представить себе работу упомянутой выше группы и роль ее старшего. За мужество и самоотверженность, проявленные при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, в декабре 1986 года В.С. Юлин был награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени.

В 1989 году, после 36 лет службы, Владимир Сергеевич простился с Вооруженными Силами, но не расстался со своей специальностью. Следующие четыре года он работал старшим научным сотрудником в Институте гражданской обороны, где, занимаясь проблемами ликвидации последствий аварий, связанных с утечкой сильнодействующих ядовитых веществ, передавал свой богатый опыт более молодым коллегам. В.С. Юлин участвовал в написании нескольких Руководств, пособий и методических разработок по гражданской обороне, являлся автором и главным редактором учебного пособия «Сильнодействующие ядовитые вещества» для организаторов и руководителей занятий по тематике ГО.

Уволившись в 1993 году из Института ГО, он целиком посвятил себя просветительской работе: читал лекции и проводил другие виды занятий по проблеме ликвидации последствий аварий, собирал материал на новую книгу...

Казалось, впереди еще долгая жизнь. Владимир Сергеевич чувствовал в себе еще достаточный запас творческой энергии, по-прежнему регулярно играл в футбол, любил встречаться с друзьями и товарищами по службе.

Однако силы организма, его иммунная система так и не восстановились полностью после длительного воздействия ионизирующих излучений. После незначительной травмы началось сильнейшее воспаление, в результате которого, несмотря на все усилия врачей, Владимир Сергеевич скончался. Случилось это 22 октября 1996 года.

Его вдова, Лариса Андреевна, и сын Юрий, ныне офицер, благодарны всем сослуживцам Владимира Сергеевича, оказавшим помощь в первые, самые тяжелые дни после кончины главы семьи, и тем из них, которые не забывают их и сейчас.

Пусть сохранится в наших сердцах память о Владимире Сергеевиче Юлине - честном человеке, настоящем офицере и профессионале.

Глава IV
ЧЕРНОБЫЛЬСКОЕ
ДВИЖЕНИЕ

СОЮЗУ «ЧЕРНОБЫЛЬ» РОССИИ - 10 ЛЕТ

*Гришин Л.В., - президент Союза «Чернобыль» РФ,
участник ликвидации последствий аварии на ЧАЭС.*

Участники чернобыльской эпопеи первыми ощутили на себе не только пагубное влияние радиации, но и несправедливое отношение государства и общества к их медицинским и социальным проблемам. Это привело к тому, что вначале стихийно, а затем организовано по всей стране стали создаваться общественные объединения граждан, подвергшихся воздействию радиации. Среди первых организаторов были Владимир Попов в Харькове, Сергей Трофимов в Свердловске, Георгий Лепин в Чернобыле и Киеве, Валерий Бобков в Чебоксарах, Дмитрий Григорян в Ростове, Владимир Дроздов и Дмитрий Михеев в Новосибирске, Юрий Чайковский в Барнауле и Владимире, Теймураз Таказов в Осетии, Петер Гримм в Эстонии, Евгений Кравцов в Кабардино-Балкарии и многие другие.

В 1989 году в Харькове и в Москве проходят собрания участников ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и членов семей, потерявших кормильца вследствие катастрофы. Объявляются цели и задачи общественности, суть которых заключается в борьбе за социальные права пострадавших, за признание связи заболеваний и смерти с радиоактивным облучением и работами в зоне ЧАЭС, за гласность и информированность граждан страны о реальных масштабах и последствиях чернобыльской аварии. Юридическое оформление инициатив по созданию общественных организаций чернобыльцев состоялось под патронажем Фонда социальных изобретений СССР (Председатель Правления - Г.П. Алференко).

31 марта 1989 года решением Фонда была создана всесоюзная организация «Союз ветеранов Чернобыля» с Украинским и Белорусским отделениями. Представителем Фонда социальных изобретений СССР в указанных организациях являлся участник ликвидации последствий аварии на ЧАЭС Тиллес Р.С. 26 апреля 1989 года в Москве в Музее гражданской обороны СССР состоялась учредительная конференция Союза «Чернобыль» - Всесоюзного добровольного самоуправляемого общественного движения. На конференции был избран Исполком Союза «Чернобыль» и Ревизионная комиссия. В Исполком вошли: члены бюро - президент Союза Хитров Л.М. (ученый-химик, г. Москва), вице-президент Волощук С.С. (ученый-аналитик, г. Москва), Акимов Е.М. (инженер-строитель, г. Москва), Бурлакова Е.Б. (ученый-радиоэколог, г. Москва), Глущенко А.И. (инженер-физик, г. Москва), Гришин В.Л. (военнослужащий, г. Москва), Закаблук Н.А. (ветеран ЧАЭС, г. Киев), Иллеш А.В. (журналист, г. Москва), Кайбышева Л.С. (журналист, г. Москва), Сергиенко Р.П. (кинорежиссер, г. Киев), Ситникова Э.П. (вдова погибшего на ЧАЭС, г. Москва), Тиллес Р.С. (инженер-строитель, г. Москва), Троицкий С.Н. (журналист, г. Москва), Урывин С.Н. (военнослужащий, г. Москва), Фирсова Д.С. (публицист, г. Москва), Хараш А.У. (психолог, г. Москва), Шикалов В.Ф. (физик-ядерщик, г. Москва) и другие. Ревизионную комиссию возглавил Кузнецов В.А. (инженер-физик, г. Москва).

Конференция поручила Исполкому подготовить и утвердить в Фонде социальных изобретений СССР Устав Союза «Чернобыль». 27 июня 1989 года на бюро Исполкома поручение конференции было выполнено.

В Уставе были выделены два основных направления работы Союза:

1. Не допустить повторения чернобыльской трагедии.
2. Защитить интересы людей, испытавших и испытывающих на себе последствия аварии на ЧАЭС и других ядерных объектах, бороться с бюрократическим отношением к их проблемам, формировать правильное общественное мнение о героях-ликвидаторах, воплощая принцип «Никто не забыт, ничто не забыто».

Для достижения поставленных целей Союз «Чернобыль», согласно Уставу, использовал следующие формы деятельности:

- участие в работе Советов народных депутатов, их постоянных комиссий при рассмотрении вопросов, входящих в круг интересов Союза;
- выдвижение своих кандидатов в депутаты Советов народных депутатов, рекомендация членов Союза на выборные должности и штатную работу в исполкомах Советов разных уровней;
- проведение на всех уровнях (включая международный) конференций, симпозиумов, семинаров, демонстраций, митингов и других массовых мероприятий, изучение общественного мнения, проведение дискуссий с представителями различных организаций;
- организация своего пресс-центра, своих печатных органов, использование других средств массовой информации;
- организация собственной финансово-хозяйственной деятельности, отвечающей целям и задачам Союза;
- создание в рамках Союза общественного института «Чернобыль», который образует экспертные советы, общественные инспекции, научные исследования по наиболее актуальным проблемам, связанным с радиационной безопасностью населения;
- организация Международного дня памяти Чернобыля - 26 апреля ежегодно;
- содействие выполнению программы «Еврочернобыль»;
- сотрудничество с организациями, предприятиями и научными учреждениями;
- организация и проведение радиоэкологического всеобуча населения.

Вскоре после создания в Москве Союза «Чернобыль» СССР в мае 1989 года в Чернобыле прошла Учредительная конференция другого Союза «Чернобыль», председателем которого стал Г.Ф. Лепин (ученый-математик, г. Минск). Существование двух Союзов только ослабляло позиции общественных организаций чернобыльцев в борьбе за свои права. Съезд Союза «Чернобыль» СССР принял решение собрать организационный комитет, задачей которого было создание единого общественного объединения. Комитет возглавил Председатель Исполкома Союза «Чернобыль» СССР Гришин В.Л.

Летом 1990 г. состоялся объединительный съезд, на котором был избран президент Союза «Чернобыль» СССР – Шовкошитный В.Ф. (поэт, г. Киев). Вице-президентами были выбраны Хитров Л.М. и Лепин Г.Ф.

Со дня своего основания Союз «Чернобыль» СССР уделял особое внимание увековечиванию памяти погибших ликвидаторов. 19 ноября 1989 г. по просьбе вдовы Владимира Шашенка, умершего от радиационных и тепловых ожогов утром 26 апреля 1986 г. и захороненного на территории зоны отчуждения (с. Чистоголовка), Союз «Чернобыль» СССР организовал перезахоронение останков героя на Митинском кладбище г. Москвы. Это событие послужило основой для фильма Р.П. Сергиенко «По ком звонит колокол. Колокол звонит по тебе».

В 1990 году по инициативе Союза «Чернобыль» СССР Совет Министров СССР издал Постановление о разработке эскизного проекта и сооружения мемориала на Митинском кладбище, на месте захоронения первых погибших в результате чернобыльской катастрофы: работники ЧАЭС - **Акимов А.Ф.** (06.05.53-11.05.86), **Баранов А.И.** (13.06.53-20.05.86), **Бражник В.С.** (03.05.57-14.05.86), **Вершинин Ю.А.** (25.05.59-21.07.86), **Дегтяренко В.М.** (10.08.54- 19.05.86), **Иваненко Е.А.** (11.09.32-26.05.86), **Коновал Ю.И.** (01.01.42-28.05.86), **Кудрявцев А.Г.** (11.12.57-14.05.86), **Кургуз А. Х.** (12.06.57 - 12.05.86), **Лопатюк В.И.** (22.08.60 - 17.05.86), **Лузганова К.И.** (09.05.27-31.07.86), **Новик А.В.** (11.08.61-26.07.86), **Орлов И.Л.** (19.01.43-13.05.86), **Перевозченко В.И.** (06.05.47- 13.06.86), **Перчук К.Г.** (23.11.52-20.05.86), **Попов Г.И.** (21.02.40- 13.06.86), **Проскуряков В.В.** (09.04.55-17.05.86), **Ситников А.А.** (20.01.40-30.05.86), **Топтунов Л.Ф.** (16.08.60-14.05.86), **Ходымчук В. И.** (24.03.51-26.04.86), **Шаповалов А.И.** (06.04.41-19.05.86), **Шашенок В.Н.** (21.04.51-26.04.86). Пожарные: **Ващук Н.В.** (05.06.59- 14.05.86), **Игнатенко В.И.** (13.03.61-13.05.86), **Кибенок В.Н.** (17.02.63-11.05.86), **Тишура В.И.** (15.12.59-10.05.86), **Тытенко Н.И.** (05.12.62-16.05.86), **Правик В.П.** (13.06.62-11.05.86).

Авторами мемориального комплекса стали москвичи - художник Андрей Ковальчук и скульптор Виктор Корси. В мемориальный комплекс вошли бронзовая скульптура и 27 надгробий с барельефами. В осуществлении проекта участвовали Общество социальной защиты семей и родных первых жертв Чернобыля (председатель - Е.Д. Положай), Общество ветеранов ликвидации аварии на ЧАЭС и ее последствий (председатель - Л.А. Хоронжук).

Союз «Чернобыль» СССР прилагал все усилия для того, чтобы государство признало свою ответственность перед чернобыльцами и взяло их под защиту. Этот процесс шел очень медленно. В течение нескольких лет после аварии на ЧАЭС в СССР не существовало комплексного документа об участниках ликвидации ее последствий. В 1990 г., когда стало ясно, что проблема приобретает долгосрочный характер, этот вопрос встал особенно остро. При участии общественных организаций чернобыльцев государство начало законодательную деятельность по защите их прав.

31 марта 1990 г. было принято Постановление Совета Министров СССР и ВЦСПС № 325 «О мерах по улучшению медицинского обслуживания и социального обеспечения лиц, принимавших участие в работах по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС».

Согласно Постановлению, Минздрав СССР, а также все министерства и ведомства, имеющие в своей системе медицинские учреждения, должны были организовать дополнительное медицинское обследование всех лиц, принимавших участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС в пределах 30-км зоны. Минздраву СССР было также поручено организовать единый государственный учет (Государственный регистр) граждан, принимавших участие в работах по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС и подвергшихся воздействию радиации, в целях обеспечения систематического медицинского обследования.

Постановление устанавливало льготы для ликвидаторов, в том числе право на 50-процентную скидку со стоимости приобретаемых по рецептам врачей лекарств, первоочередное право на обеспечение по месту работы путевками для санаторно-курортного лечения и отдыха, право на первоочередное обеспечение жилой площадью нуждающимся в улучшении жилищных условий. Инвалидам-чернобыльцам было предоставлено право на бесплатное приобретение лекарств по рецептам врачей и ежегодное бесплатное санаторно-курортное лечение с проездом туда и обратно, а также право на первоочередное обеспечение жилой площадью нуждающихся в улучшении жилищных условий (в т.ч. семей погибших или умерших граждан). Этим Постановлением ликвидаторы практически Уравнивались в правах с ветеранами Великой Отечественной войны, и это закладывало основу для признания их подвига на государственном уровне.

В 1991 г. на собрании учредителей Союза "Чернобыль" СССР (Советский Фонд мира, Международный фонд защиты инвалидов Чернобыля, Фонд социальных изобретений СССР, Союз общества Красного Креста и Красного Полумесяца, Союз предпринимателей и арендаторов СССР, «Русский дом в Мельбурне» (Австралия), «Christian Care East-West» (Нидерланды) был принят Устав в новой редакции.

Позднее, 20 февраля 1992 г. коллективными членами «Чернобыль-Помощь» стали МО «Союз Чернобыль», Союз «Чернобыль» России, Союз «Чернобыль» Украины, МГНО «Чернобыль-Помощь» Беларуси, Международный союз экологии человека. Председателем совета попечителей был вновь избран А.Е. Карпов. Первым заместителем председателя был избран президент Союза «Чернобыль» России В.Л. Гришин, заместителями - Бобков В.К. (г. Чебоксары) и Румянцев А.Г. (г. Москва). В совет попечителей МГНО «Чернобыль-Помощь» входили: Адамович А.М. (писатель), Алференко Г.П. (председатель Фонда социальных изобретений), Андреев Ю.Б. (президент Союза «Чернобыль» Украины), Бедзик Ю.Д. (председатель СФМ Украины), Бунич П.Г. (председатель Союза арендаторов и предпринимателей), Бурлакова Е.Б. (профессор, доктор биологических наук), Васильев Н.В. (председатель Фонда инвалидов Чернобыля Украины), Венедиктов Д.Д. (председатель исполкома СОКК и КП), Воробьев А.П. (журналист), Григорович Н.Н. (президент Национального комитета помощи жертвам Чернобыля в Австралии), Григорьев Т.Г. (заместитель председателя правления СФМ), Егоров М.Ф. (председатель СФМ Республики Беларусь), Кельнер Л. (Ассоциация борьбы с детскими лейкозами, США), Костенецкая М.Г. (писатель), Косопкин А.С. (народный депутат РФ), Крутов А.Н. (политический обозреватель ТВ), Лешкович А. В. (председатель Объединения инвалидов Чернобыля Республики Беларусь), Мак-Доул Т. («Чернобыль-Помощь Северной Америки»), Назаров А.Г. (Международный Союз экологии человека, профессор, доктор биологических наук), Нечетная Н.П. (ткачиха, г. Клинцы), Петряев Е.П. (профессор Белорусского Государственного Университета, доктор химических наук), Подлесный А.Г. (Федерация независимых профсоюзов), Прудников В.Н. (народный депутат РФ), Сергиенко Р.П. (кинорежиссер), Силен Э. («Христианская забота Восток-Запад»),

Слепокурова Т.М. (заведующая горздравотделом г. Гомеля), Станкевич С.Б. (советник Президента России), Тиллес Р.С. (вице-президент Международного фонда инвалидов Чернобыля), Фирсова Д.С. (публицист), Шовкошитный В.Ф. (поэт, президент МО «Союз Чернобыль»), Шуклин Б.С. (президент Международного фонда инвалидов Чернобыля).

Общественные организации чернобыльцев принимали активное участие в разработке и экспертизе Государственной всесоюзно-республиканской программы по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Замечания экспертной комиссии были учтены в Постановлении Совета Министров СССР от 30 июня 1990 г. № 645 «Об обеспечении выполнения Постановления Верховного Совета СССР «О единой программе по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и ситуации, связанной с этой аварией». Программа предусматривала: кардинальное улучшение медицинского обслуживания жителей пострадавших районов, особенно детей и подростков; улучшение экологической обстановки, разработку новых подходов к снижению уровня радиоактивности на загрязненных территориях и предотвращению распространения радионуклидов на новые территории; разработку унифицированной государственной системы льгот и компенсаций ущерба, нанесенного здоровью людей вследствие аварии; создание единой системы радиоэкологической информации, доступной для всех слоев населения.

Кроме того, Постановление инициировало разработку специальной программы «Дети Чернобыля», направленной на ограничение и исключение воздействия неблагоприятных факторов чернобыльской катастрофы на подрастающее поколение. Эта программа была утверждена Постановлением Совета Министров СССР № 1312 от 19 декабря 1990 г. в качестве самостоятельного раздела единой долгосрочной Государственной союзно-республиканской программы по защите населения СССР от последствий чернобыльской катастрофы.

Для реализации единой Государственной программы 6 июля 1990 г. Постановлением Совета Министров СССР № 651 в составе Государственной комиссии Совета Министров СССР по чрезвычайным ситуациям был образован Комитет по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. На него были возложены следующие основные обязанности: проведение и совершенствование общей стратегии ликвидации последствий аварии на ЧАЭС; определение важнейших направлений научно-исследовательских работ, связанных с защитой населения и среды его обитания от последствий чернобыльской катастрофы; совершенствование совместно с Советами Министров РСФСР, Украинской ССР и Белорусской ССР, Академией наук СССР с привлечением отечественных и зарубежных специалистов единой долгосрочной Государственной союзно-республиканской программы по защите населения СССР от воздействия последствий чернобыльской катастрофы, контроль и координация за ее практическим осуществлением; регулярная информация (с использованием средств печати, радио и телевидения) населения СССР о радиологической обстановке на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате чернобыльской катастрофы, и мерах по ее оздоровлению; разработка дополнительных мер по социальной, экономической и правовой защите лиц, пострадавших от аварии на ЧАЭС и ее последствий. Председателем Комитета стал Губанов В.А., заместителем председателя - В.Я. Возняк.

Комитет по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, а впоследствии и Госкомчернобыль, при решении вопросов социальной защиты граждан, пострадавших от чернобыльской катастрофы, учитывали мнение общественных организаций чернобыльцев. В рабочую группу по подготовке нормативно-правовых актов, в том числе Законов СССР и РСФСР «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на ЧАЭС», были включены представители Союза «Чернобыль» СССР и Союза «Чернобыль» РФ: Акимов Е.М., Волощук С.С., Гришин В.Л., Тиллес Р.С., Хитров Л.М. и другие.

Этот факт свидетельствовал о том, что Союз «Чернобыль» был значимой общественной силой, дававшей пострадавшим от радиации надежду на достойную жизнь.

1 сентября 1990 г. депутаты Верховного Совета СССР создали Комиссию по расследованию причин чернобыльской трагедии и оценке действий должностных лиц в послеварийный период. По решению Комиссии от 04.10.90 при ней была образована постоянная экспертная группа, задачами которой стало выявление типовых причин, условий и факторов экологических аварий и катастроф, а также разработка научно-практических и правовых рекомендаций по их предупреждению. От Союза «Чернобыль» СССР в состав

экспертной группы вошли: профессор, доктор физико-математических наук Дубовский Б.Г.; профессор, доктор биологических наук Бурлакова Е.Б.; член-корреспондент АН БССР, профессор, доктор технических наук Нестеренко В.Б.; профессор, доктор медицинских наук Шевченко; биофизик Шахс А.И.

Комиссия пришла к выводу, что вследствие разобщенности действий, отсутствия единого методического руководства, точных целей и критериев качества проводимых работ государство оказалось бессильным перед масштабами чернобыльской катастрофы. Непринятие своевременных и эффективных мер привело к дополнительному облучению ликвидаторов, значительному увеличению площади загрязненных радионуклидами территорий и, в конечном итоге, росту числа массовых заболеваний у населения пострадавших районов БССР, УССР и РСФСР. Ведомства, ответственные за безопасность ядерной энергетики, пренебрегли здоровьем сотен тысяч людей и не смогли предотвратить перерастание радиационной аварии в одну из самых крупных катастроф современности.

Генеральной Прокуратуре РСФСР было поручено возбудить уголовное дело по фактам злоупотреблений и халатного отношения должностных лиц министерств и ведомств, приведших к аварии на ЧАЭС и проявленных в ходе ликвидации ее последствий. Руководителем группы следователей был назначен Уваров Б.И., следователь Генпрокуратуры по особо важным делам. Союз «Чернобыль» России предоставлял свидетелей и факты по запросам Генеральной Прокуратуры. В декабре 1993 г. дело было закрыто в связи с распадом СССР.

Для более успешной реализации программы по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на территории РСФСР 19 сентября 1990 г. был принят закон РСФСР «О Государственном комитете РСФСР по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС». В соответствии с Постановлением Съезда народных депутатов РСФСР от 29 мая 1990 года «О неотложных мерах по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС в ряде областей РСФСР» Верховный Совет РСФСР постановил образовать Государственный комитет РСФСР по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС и определить его месторасположение в г. Брянске. Председателем Комитета был назначен Волощук С.С., его заместителем - Урывин С.Н. Оба они входили в число создателей Союза «Чернобыль» СССР.

1990 год стал новой точкой отсчета деятельности Российского Союза «Чернобыль», в который к тому времени входило 47 организаций, насчитывающих более 100 тыс. ликвидаторов и более 200 тыс. граждан, проживающих на загрязненных территориях. 10 декабря 1990 г. на 1 Съезде Союза «Чернобыль» России в Брянске были определены основные цели и задачи общероссийского общественного объединения. Согласно принятому на 1 Съезде Уставу, деятельность Союза строится на основе творческой инициативы его членов под общим девизом «Гуманность. Милосердие. Братство. Защищенность». Главными задачами Союза были признаны:

- объединение в борьбе за социальные гарантии широких масс граждан, озабоченных медицинскими, социальными, экологическими и прочими последствиями аварий на объектах атомной энергетики;

- защита интересов участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, их семей и граждан, пострадавших в результате аварии или других случаев воздействия ионизирующего излучения, всестороннее содействие в улучшении жилищных условий, бытового и медицинского обслуживания и других социально-бытовых вопросов;

- выполнение государственных и ведомственных решений по вопросам улучшения социально-бытового, экономического и медицинского обеспечения граждан, принимавших участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, и пострадавшего от нее населения.

Для достижения поставленных целей и задач Союз избрал следующие формы деятельности:

- подготовка и внесение в Верховный Совет и Правительство РФ предложений по правовой защите участников ликвидации последствий аварии и лиц, пострадавших в результате аварий на атомных объектах;

- взаимодействие с диагностическими, лечебными и реабилитационными центрами, органами здравоохранения в стране и за рубежом;

- создание в соответствии с действующим законодательством диагностических, лечебных и реабилитационных медицинских центров, в том числе детских и семейных;

- проведение лекционно-просветительской работы;
- организация и ведение в соответствии с действующим законодательством производственно-хозяйственной деятельности в целях получения средств на осуществление благотворительных программ;
- участие во всемирном движении миротворческой и экологической направленности, в движении за выживание человечества;
- сотрудничество с зарубежными национальными и международными организациями милосердия;
- организация в благотворительных целях выставок, концертов, культурных программ;
- ведение издательской деятельности (издание фотоальбомов, сборников художественных, документальных, научных, публицистических произведений).

По Уставу, членами Союза могли стать: ликвидаторы последствий аварии на ЧАЭС или любом ином атомном объекте; эвакуированные и отселенные с загрязненных радионуклидами территорий или проживающие на этих территориях; подвергшиеся воздействию ионизирующего излучения по роду своей службы или работы. В деятельности Союза могли принимать участие коллективы предприятий, учреждений, организаций, признающие его основные цели и задачи.

Основу Союза «Чернобыль» России составляли региональные организации, руководящими органами являлись: Съезд (высший орган, созывается не реже одного раза в четыре года). Центральный Совет, Президиум Совета. Высшее должностное лицо Союза - президент, который избирается на Съезде сроком на четыре года. Им стал Гришин В.И. Вице-президентами - Иванов А.В. (г. Москва) и Рыбкин А.С. (г. Пермь). Членами Президиума были избраны: Акимов Е.М. (г. Москва), Бобков В.К. (Чебоксары), Булгаков С.И. (г. Москва), Великий А.Я. (г. Ленинград), Диденко А.К. (г. Тула), Дроздов В.П. (г. Новосибирск), Ойсбойт М.И. (г. Калининград), Суздальцев М.А. (г. Москва), Трофимов С.П. (г. Свердловск), Хитров Л.М. (г. Москва). Председателем Центральной ревизионной комиссии был избран Коняев В.И. (г. Рязань).

Согласно Уставу, средства Союза образовывались из взносов членов Союза, добровольных взносов предприятий, общественных организаций, граждан России и иностранных государств; доходов от хозяйственной, издательской деятельности, культурно-массовых и лекционно-просветительских мероприятий. Эти средства расходовались на:

- оказание медицинской помощи членам Союза, а также грав- данам, пострадавшим от аварии на атомных объектах или от иных случаев воздействия ионизирующих излучений;
- строительство объектов социально-бытового, медицинского, культурного назначения, санаториев, домов отдыха, пионерских лагерей, детских учреждений и жилья;
- охрану и оздоровление природной среды;
- финансирование издательской, культурно-массовой и лекци- онно-просветительской деятельности;
- оплату труда штатных работников, аренду и содержание служебных помещений, аренду и приобретение необходимого для выполнения уставных целей и задач оборудования, транспорта и инвентаря.

В дальнейшем в связи с изменением ситуации в стране и расширением деятельности Союза «Чернобыль» России в Устав вносились изменения и дополнения, направленные на повышение эффективности работы Союза по защите прав и законных интересов граждан, пострадавших от радиационного воздействия. Но основные цели и задачи оставались неизменными.

Для достижения этих целей Союз «Чернобыль» России принимал самое активное участие в разработке Чернобыльского Закона, работая с депутатами Верховного Совета. Подготовка Закона была поручена комиссии Верховного Совета по социальной политике, которую возглавлял депутат Захаров М.Л. Вопросами социальной защиты граждан, пострадавших от аварии на ЧАЭС, занимались члены комиссии Косопкин А.С., Прудников В.Н. В комиссии по экологии эту работу вел Гаспарьян Ф.Г. При разработке Закона они брали за основу предложения, подготовленные Союзом «Чернобыль» России. Активную работу по подготовке этих предложений проводили Акимов Е.М., Карибджанян Н.А., Назаров А.Г., Нестеров И.А., Тиллес Р.С., Урывин С.Н., Федин В.И., Хитров Л.М. И другие.

15 мая 1991 г. был принят Закон РСФСР «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на ЧАЭС».

21-25 мая 1991 г. Союз «Чернобыль» России принял участие в 1-м Международном конгрессе памяти А.Д. Сахарова «Мир, прогресс, права человека», который проходил в Москве. Члены Союза Л.М. Хитров, Е.Б. Бурлакова работали в секции по установлению причин и по масштабам последствий аварии на ЧАЭС.

24 августа 1992 г. распоряжением Президента Российской Федерации № 445-рп было принято положение о Государственном комитете Российской Федерации по социальной защите граждан и реабилитации территорий, пострадавших от чернобыльской и других радиационных катастроф (Госкомчернобыль России) - центральном органе государственного управления. На Госкомчернобыль России были возложены:

- определение и проведение единой научно-технической политики и общей стратегии преодоления последствий радиационных аварий и катастроф и иных случаев опасного радиоактивного загрязнения на территории Российской Федерации;

- организационно-методическое руководство и координация деятельности министерств, ведомств и органов исполнительной власти по вопросам социально-правовой и медицинской защиты граждан, пострадавших от радиационных аварий и катастроф или принимавших участие в ликвидации их последствий, а также реабилитации территорий в районах, подвергшихся радиоактивному загрязнению;

- разработка совместно с заинтересованными министерствами, ведомствами и органами исполнительной власти государственных и международных программ по ликвидации последствий радиационных аварий и катастроф;

- подготовка предложений по объемам и направлениям использования финансовых и материально-технических ресурсов, выделяемых на реализацию этих программ;

- информирование населения и общественных организаций о Радиационной обстановке на радиоактивно загрязненных территориях, принимаемых мерах по ее оздоровлению и социальной защите граждан, пострадавших от радиационного воздействия, разработка рекомендаций по обеспечению безопасного проживания и хозяйственной деятельности на этих территориях.

Решения Госкомчернобыля России, принятые в пределах его полномочий, объявлялись обязательными для министерств и ведомств, предприятий, учреждений и организаций, осуществляющие деятельность на территории Российской Федерации. Местонахождение Госкомчернобыля России - г. Москва.

Госкомчернобылем России была разработана Единая государственная программа по защите населения Российской Федерации от последствий чернобыльской катастрофы. Комитет по вопросам экологии Верховного Совета РФ поручил Союзу «Чернобыль» России провести независимую общественную экспертизу программы, к которой были привлечены ведущие специалисты страны по радиационной медицине, биологии, радиационной экологии, социальной психологии. Общественная экспертная комиссия признала текст программы противоречивым и отметила, что вред, нанесенный чернобыльской катастрофой, занижается. Кроме того, мало внимания уделяется ликвидаторам как отдельной группе риска, что препятствует принятию целевых персонализированных дозозависимых мер по защите здоровья и реабилитации пострадавших. Распределение затрат по годам не учитывает динамики ситуации в зависимости от экономических, демографических и социально-психологических условий. К сожалению, при доработке программы замечания общественной экспертной комиссии были учтены лишь частично. Но в целом совместная работа Союза «Чернобыль» с Госкомчернобылем России была конструктивной.

Конец 1993 г. стал периодом пробы чернобыльских общественных сил в таком важном государственном событии как подготовка предложений в новую Конституцию Российской Федерации. Итогом работы стало включение в Основной Закон статьи 42: «Каждый человек имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением». Право граждан на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или должностных лиц, гарантируется статьей 53 Конституции Российской Федерации.

За годы становления Союза «Чернобыль» в России произошел целый ряд существенных изменений общественно-политического, экономического, социального и духовного характера. На наших глазах произошла смена одних производственных отношений другими, перераспределилась государственная, общенародная собственность, утратились и до этого непрочные нравственные и духовные ценности, снизилась степень социальной защищенности. В условиях экономического и общественно-политического кризиса государство оказалось неспособным выполнить то, что было продекларировано в Чернобыльском Законе. Это возлагало на общественные организации дополнительную ответственность за судьбы пострадавших от катастрофы.

10 января 1994 г. указом Президента РФ Госкомчернобыль России был ликвидирован, а его функции были переданы вновь созданному Министерству РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России). Министром был назначен С.К. Шойгу. В соответствии с возложенными на министерство задачами оно осуществляет организационно-методическое руководство и координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений и организаций по вопросам социально-экономической, правовой и медицинской защиты граждан, пострадавших от радиационных аварий или принимавших участие в ликвидации их последствий, а также контролирует исполнение мероприятий в этой области.

8 февраля 1994 г. МЧС и Союз «Чернобыль» России в целях объединения усилий по защите прав и интересов граждан, принимавших участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС и других радиационных катастроф, заключили соглашение о взаимодействии. В нем были выделены следующие основные направления сотрудничества:

- обобщение практики применения законодательной и нормативной базы в вопросах социальной защиты граждан, пострадавших от чернобыльской и других радиационных катастроф, и разработка предложений по ее совершенствованию;
- участие в практической реализации Чернобыльского Закона, в том числе обеспечение эффективного и целевого использования федеральных финансовых и материальных ресурсов, изыскание внебюджетных средств;
- создание устойчивой системы медицинского обеспечения и оздоровления ликвидаторов;
- реализация совместно с органами государственной власти и местного самоуправления государственной программы «Жилище»;
- социальная реабилитация инвалидов Чернобыля;
- реализация государственной программы «Дети Чернобыля»;
- проведение совместно с научными организациями и учреждениями системных исследований с целью совершенствования концепции защиты населения и реабилитации территорий, пострадавших от радиационных катастроф;
- формирование объективного общественного мнения в вопросах чернобыльской темы, создание в обществе благоприятных условий для реализации принятых программ ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС.

В марте 1994 г. в соответствии с решением Правительства РФ через МЧС России был выделен один миллиард рублей на оказание материальной помощи инвалидам, семьям, потерявшим кормильца, и детям Чернобыля. Решением от 24 марта 1994 г. Президиум Центрального Совета СЧР утвердил механизм распределения финансовой помощи. Средства были направлены на материальную помощь, приобретение медикаментов, лечение и оздоровление, улучшение условий жизни семей погибших (умерших), инвалидов, тяжело больных, многодетных, малообеспеченных семей, матерей-одиночек (с «чернобыльскими» детьми). Размер денежной материальной помощи определялся руководителями региональных организаций в соответствии с принципами социальной справедливости, коллегиально и гласно.

25 апреля 1994 года Указом Президента Российской Федерации за мужество и отвагу, проявленные при ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, и активную помощь гражданам, пострадавшим в этой аварии, орденом «За личное мужество» были награждены следующие члены Союза «Чернобыль» России: Абдулаев А.Ш. (зам. Представителя президента Союза «Чернобыль» по Уральскому региону), Андреев В.Н. (вице-президент Чувашской республиканской организации Союза «Чернобыль»), Антонов В.Д. (председатель Мордовской

республиканской организации Союза «Чернобыль», посмертно), Булгаков С.И. (член президиума Центрального совета Союза «Чернобыль» России), Гребенюк В.И. (кинооператор новосибирского производственного объединения «Обь», посмертно), Гришин В.Л. (президент Союза «Чернобыль» России), Жибитенко В.Я. (председатель Ульяновской областной организации Союза «Чернобыль»), Кокин Э.А. (председатель Нижегородского комитета инвалидов и пенсионеров Чернобыля), Любицкий И.В. (председатель Ростовской областной организации Союза «Чернобыль»), Сорокин В.С. (начальник Главного управления МЧС России), Хитров Л.М. (вице-президент МО «Союз Чернобыль»).

Одна из уставных целей Союза «Чернобыль» России - участие в экологической работе. 15 апреля - 5 июня 1994 г. впервые были проведены Общероссийские Дни защиты от экологической опасности под девизом «Экология - безопасность - жизнь». Среди инициаторов этой акции был и Союз «Чернобыль» России. Основная цель Дней защиты - вовлечь все общественные организации, органы власти и управления, каждого россиянина в борьбу за ликвидацию последствий и предотвращение экологических нарушений, бедствий и катастроф, за обеспечение конституционного права каждого человека жить и трудиться, не подвергая опасности свое здоровье. Оргкомитет Дней защиты предложил следующие конкретные меры: организация «зеленых» субботников, экологический всеобуч населения, финансовая и иная помощь семьям погибших и пострадавших от экологических, в том числе радиационных, нарушений, бедствий и катастроф. Оргкомитет обратился в Совет Федерации и Госдуму с просьбой рассмотреть вопрос о соблюдении Закона РФ «Об охране окружающей природной среды» в части запрещения ввоза на территорию России радиоактивных отходов и материалов из других государств с целью их хранения или захоронения. Дни защиты стали ежегодным экологическим мероприятием.

25 мая 1994 г. Правительство РФ своим Распоряжением № 740-р поручило МЧС России совместно с другими ведомствами и организациями подготовить проекты государственных программ, позволяющие решить самые сложные проблемы ликвидаторов - получение жилья и предоставление медицинской и социальной помощи. Гарантированная Чернобыльским Законом норма предоставления Жилья инвалидам в трехмесячный срок, а ликвидаторам - в первоочередном порядке в действительности не исполнялась. Поэтому требовалось создать государственную систему реализации этой нормы.

По данным Госкомстата на 1 января 1994 года, количество граждан, принимавших участие в работах по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС и состоящих на учете для получения жилья, составило 27,7 тыс. человек. Среди них, по данным органов исполнительной власти субъектов РФ, 3,4 тыс. инвалидов и семей умерших инвалидов. Функции госзаказчика и координатора по реализации этой программы были возложены на МЧС России. Обеспечение строительства жилья и предоставление его нуждающимся ликвидаторам по месту жительства входит в обязанности органов исполнительной власти субъектов РФ.

Союз «Чернобыль» России подготовил предложения по принятию Федеральной программы медико-социальной реабилитации участников ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС и других радиационных катастроф на 1995-2000 гг., основной целью которой было осуществление комплекса дополнительных мер по социальной защите ликвидаторов путем создания системы медико-социальной реабилитации, направленной на снижение их заболеваемости, инвалидизации и смертности, преодоление негативных социальных и социально-психологических последствий радиационных катастроф для этой категории граждан.

Очередным этапом в деятельности Союза «Чернобыль» России стал его II Съезд, который состоялся 13-15 декабря 1994 года в городе Обнинске Калужской области. На Съезде присутствовало 125 делегатов, представляющих общественные организации Союза от 62 субъектов Российской Федерации. В работе Съезда приняли участие руководители чернобыльского движения из Прибалтики, Украины, Беларуси, других стран СНГ, Министр МЧС России Шойгу С.К., ответственные работники ряда министерств и ведомств, представители средств массовой информации. Съезд российских чернобыльцев приветствовал Б.Н. Ельцин.

На Съезде был заслушан доклад Президента Союза «Чернобыль» России Гришина В.Л. «Отчет о работе Центрального Совета Союза «Чернобыль» России за 1991-94 годы и основные направления деятельности общероссийского общественного объединения в последующий период».

В докладе отмечалось, что одной из главных задач в организационной деятельности Союза является увеличение числа общественных объединений граждан, подвергшихся радиационному воздействию, и рост рядов их первичных организаций (городских и районных). Докладчик подробно остановился на взаимодействии СЧР с органами государственной власти и местного самоуправления, отметив, что это одно из главных и определяющих направлений в уставной деятельности Союза. И от того, как и на какой основе оно будет строиться, зависит решение многих проблем чернобыльцев. Опыт работы общественных объединений Союза «Чернобыль» России показывает, что там, где взаимодействие с органами государственной власти и местного самоуправления осуществляется на конструктивной основе, организация оказывает влияние на структуры власти, там успешнее и с меньшими потерями для людей решаются непростые чернобыльские проблемы.

В докладе была освещена экономическая и финансово-хозяйственная деятельность Союза. С принятием Чернобыльского Закона и появлением в нем статьи «О деятельности общественных объединений граждан, пострадавших от катастрофы» в чернобыльских организациях стали создаваться предприятия с различными видами собственности. В целях определения путей развития экономической деятельности СЧР при Президиуме был создан Экономический совет. В докладе отмечалось, что основу международной деятельности СЧР составляет тесное и эффективное сотрудничество с МО «Союз Чернобыль» (президент - Шовкошитный В.Ф.) и МГНО «Чернобыль-помощь» (председатель совета попечителей — Карпов А. Е.).

Съезд сформировал руководящий орган - Центральный Совет Союза «Чернобыль» России. Избрал президента Союза – Гришина В.Л., а также председателя Центральной ревизионной комиссии - Метельского В.П. (г. Москва). Принял ряд программных документов и обращений, утвердил новую редакцию Устава Союза с изменениями и дополнениями. Постановлением Съезда была сформирована постоянно действующая комиссия для подготовки предложений в законодательные органы государственной власти и местного самоуправления.

Кроме того, на основании сообщения члена Президиума ЦС Великина А.Я. была одобрена инициатива Межпарламентской Ассамблеи СНГ по созданию Международного гуманитарного проекта «Ликвидатор». Съезд принял решение организовать его поддержку в правительственных органах РФ.

На Съезде были утверждены основные направления деятельности Союза на период 1995-98 гг.:

1. Укрепление единства, совершенствование организационной структуры Союза «Чернобыль» России.
2. Участие в формировании законодательных актов.
3. Взаимодействие с органами государственной власти и местного самоуправления.
4. Работа с инвалидами и семьями, потерявшими кормильца.
5. Участие в реализации программы «Жилье - ликвидаторам».
6. Медико-социальная реабилитация пострадавших.
7. Работа с детьми.
8. Работа с военнослужащими и служащими МВД, пострадавшими от воздействия радиации.

Съезд направил обращение Президенту России, Федеральному Собранию, Правительству Российской Федерации.

После проведения II Съезда решением от 16 декабря 1994 г. Центральный Совет СЧР утвердил состав Президиума: Абдулаев А. Ш. (г. Чайковский, Пермской обл.), Баскин К.Е. (г. Москва), Бобков В.К. (г. Чебоксары), Бородкин В.Ф. (г. Владивосток), Бузовкин О.А. (г. Тула), Булгаков С.И. (г. Москва), Великий А.Я. (г. Санкт-Петербург), Валентей С.А. (г. Обнинск, Калужской обл.), Дроздов В. П. (г. Новосибирск), Зубов В.Н. (г. Ростов), Косарев Ю.И. (г. Волгоград), Любицкий И.В. (г. Ростов-на-Дону), Фомин В.И. (г. Тамбов), Чайников Н.Ю. (г. Тюмень).

В начале 1995 г. в связи с очередной реорганизацией МГНО «Чернобыль-Помощь» взаимоотношения с ней Союза «Чернобыль» России усложнились. 8 февраля 1995 г. Президиум Центрального Совета СЧР принял решение приостановить членство в МГНО «Чернобыль-

Помощь» в связи с нецелесообразностью расходования финансовых средств на уставную деятельность, а также с участием СЧР в работе МО «Союз Чернобыль».

19 ноября 1998 г. в г. Обнинске состоялся Внеочередной Съезд Союза «Чернобыль» России. На Съезде было принято новое название СЧР - Общероссийская общественная организация инвалидов «Союз «Чернобыль» России», а также утвержден Устав в новой редакции, который действует и сейчас. Кроме того, была утверждена дата очередного III Съезда Союза - 23 марта 1999 г.

19-20 декабря 1998 г. состоялся III Конгресс Международной организации «Союз Чернобыль». На нем была принята резолюция и заявление, в которых отмечалось ухудшение социально-медицинского положения пострадавших в результате чернобыльской катастрофы, снижение ответственности государств СНГ и Балтии за ущерб, предусмотренной международными соглашениями и национальными законодательными актами.

Конгресс счел необходимым объявить 26 апреля ежегодным Международным днем памяти жертв чернобыльской и других радиационных аварий и катастроф. Конгресс обратился к главам государств СНГ и Балтии с предложением о заключении соглашения по координации действий и взаимной помощи в решении комплекса проблем по социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации. Конгресс постановил провести работу по признанию международного статуса участника ликвидации последствий чернобыльской и других ядерных аварий и катастроф.

Основными задачами СЧР в предсъездовский период являлись: государственная регистрация Устава новой редакции в Министерстве юстиции РФ; согласование Уставов региональных организаций; оказание им помощи в формировании новой структуры общественных организаций инвалидов; продолжение активной работы по недопущению принятия в Госдуме изменений и дополнений в Чернобыльский Закон, противоречащих Постановлению Конституционного Суда РФ; поддержка законопроекта, подготовленного Комитетом Госдумы по делам ветеранов (председатель - В.И. Варенников).

Позднее было также создано внутренне подразделение - торговый комплекс, который осуществлял сбыт произведенного товара и продажу сантехнического оборудования и материалов.

Решением Президиума от 11 февраля 1999 г. в целях приведения структуры организации в соответствие с новой редакцией Устава Союза «Чернобыль» России были ликвидированы его структурные подразделения:

- Комитет по делам инвалидов и семей, потерявших кормильцев (г. Чебоксары);
- постоянные Представительства: по Центральному, Центрально-Черноземному, Северо-Западному, Ростову-на-Дону и Ростовской области, Волго-Вятскому, Сибирскому и Дальневосточному регионам;
- отделение по делам населения, проживающего в зонах радиоактивного загрязнения.

III Съезд Союза «Чернобыль» России состоялся 23 марта 1999 г. На него прибыли делегаты от 61 региональной организации. В работе Съезда принял участие Министр РФ по чрезвычайным ситуациям С.К. Шойгу, председатель Госдумы по делам ветеранов В.И. Варенников.

Приветствия делегатам III Съезда направили: администрация Президента РФ, председатель Госдумы Г.Н. Селезнев, уполномоченный по правам человека в РФ О.О. Миронов, председатель Комитета Совета Федерации по вопросам социальной политики В.А. Торлопов, заместитель председателя Комитета Госдумы по труду и социальной политике В.Р. Пашуто, депутаты фракции Госдумы «Наш дом - Россия», председатель ЦК КПРФ Г. Зюганов, депутаты группы «Российские регионы», МО «Союз Чернобыль».

С докладом об итогах работы Союза «Чернобыль» России за 1994-99 гг. и основных направлениях его деятельности на последующий период выступил президент СЧР В.Л. Гришин. В докладе отмечалось, что за истекший период Союз «Чернобыль» России усилил взаимодействие с органами государственной власти, активно участвуя в законотворческой деятельности. В связи с изменением в последние годы экономического и политического положения страны роль общественно полезной деятельности СЧР возросла. Придя к соглашению с органами исполнительной власти, многие организации Союза взяли на себя часть

государственных функций по практической реализации Закона «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС».

Дальнейшая деятельность Общероссийской общественной организации инвалидов «Союз «Чернобыль» России» будет строиться на основании новой редакции Устава, с учетом обновленных положений Закона «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», а также Федерального Закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (24.11.95 г.), изменений и дополнений в статью 33 этого закона (04.01.99 г.) и «Стандартных правил обеспечения равных возможностей для инвалидов», принятых на 48-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 20 декабря 1993 г. Основные направления работы Союза «Чернобыль» России в период с 1999 по 2002 г.:

- участие в разработке законодательной и нормативной базы по проблемам инвалидов и граждан, принимавших участие в ликвидации последствий чернобыльской и других радиационных аварий и катастроф, а также членов их семей и семей умерших и погибших вследствие этих и других техногенных и экологических аварий и катастроф;

- работа по социальным и медицинским проблемам, в т.ч. реабилитации инвалидов и других категорий пострадавших граждан;

- защита прав и интересов инвалидов и других категорий пострадавших граждан;

- организационное развитие Союза «Чернобыль» России;

- информационная деятельность Союза и просвещение общества о проблемах инвалидов и других категорий пострадавших граждан;

- осуществление и развитие предпринимательской деятельности Союза «Чернобыль» России как основы достижения его уставных целей и укрепления его организаций;

- международная и благотворительная деятельность.

На Съезде выступил Министр РФ по чрезвычайным ситуациям С.К. Шойгу. Он охарактеризовал состояние дел по исполнению Федерального Закона «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» и реализации Федеральных целевых программ по преодолению последствий чернобыльской катастрофы и предоставлению жилья ликвидаторам. С.К. Шойгу отметил сложность и противоречивость совершенствования Закона в Госдуме. А также дал высокую оценку сотрудничеству МЧС с Союзом «Чернобыль» России.

В своем выступлении депутат Госдумы В.И. Варенников рассказал о работе по подготовке изменений и дополнений в Чернобыльский Закон и подчеркнул необходимость поддержки СЧР проекта Закона, разработанного Комитетом по делам ветеранов.

На Съезде выступили: вице-президенты СЧР Великин А.Я., Валентей С.А.; члены Президиума: Ойсбойт М.И., Юрков Е.Д., Дроздов В.П., Баринов Г.А., Баскин К.Е. и другие. Всего - более 20 делегатов. Съезд вновь избрал президентом Союза «Чернобыль» России В.Л. Гришина. Центральную ревизионную комиссию возглавил Торгашев П.И. (г. Новосибирск).

Делегаты Съезда приняли обращение к Президенту России, Федеральному Собранию и Правительству РФ, в котором были обобщены и проанализированы сведения о выполнении Чернобыльского Закона и Федеральных программ, а также предложены меры по усилению социальной защиты чернобыльцев.

3-4 октября 2000 г. в Москве состоялась Всероссийская конференция «Равные возможности для инвалидов: проблемы и государственная стратегия», одним из организаторов которой был Союз «Чернобыль» России. На конференции обсуждалась государственная политика в отношении инвалидов и инвалидности в России; положение инвалидов и понимание их проблем в обществе; реализация государственных гарантий основных прав инвалидов в России; социальное партнерство общественных организаций инвалидов и государственных органов власти и управления. С докладом «Усиление роли общественных организаций инвалидов в социальном управлении» выступил президент Союза «Чернобыль» России В.Л. Гришин. В докладе говорилось, что система социальной защиты инвалидов охватывает миллионы людей и представлена большим количеством форм (социальное и медицинское обслуживание, материально-бытовое и пенсионное обеспечение и др.). Объем, многообразие, сложность и специфичность решаемых ею задач, требуют системности в организации и управлении. Однако единой системы управления социальной защитой инвалидов не создано,

действия исполнительно-распорядительных органов государственной власти всех уровней часто осуществляется разрозненно.

В докладе были освещены проблемы инвалидов-чернобыльцев. Отмечалось, что по результатам социологического опроса, проведенного Союзом «Чернобыль» России в первой половине 2000 года, требования действующего законодательства о социальной защите граждан, пострадавших от последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, исполняются на 20-30%. Работа органов государственной власти всех уровней по социальной защите чернобыльцев оценивается Союзом как неудовлетворительная. Подтверждением этому являются акции гражданского протеста инвалидов и вдов в защиту своих прав. Все это свидетельствует о необходимости реформировать управление социальной защитой пострадавших от радиационных аварий и катастроф. Главная задача такой реформы - централизация, создание специального органа государственного управления, который занимался бы всем объемом проблем, связанных с социальной защитой ликвидаторов и населения, проживающего на радиационно-загрязненных территориях. Союз «Чернобыль» России ставит своей задачей участие в создании такого органа управления.

Особое внимание в докладе было уделено сотрудничеству государственных органов и общественных организаций чернобыльцев, без которого невозможно эффективное управление социальной защитой. Региональные организации Союза «Чернобыль» России - самое близкое к пострадавшим звено, первым узнающее об их бедах и потерях.

Итогом конференции стало принятие резолюции по вопросам государственной поддержки инвалидов и обеспечения им равных возможностей с другими гражданами РФ. В ходе работы конференции делегация от СЧР провела встречу с заместителем Председателя Правительства РФ Матвиенко В.И.

25 октября 2000 г. большая группа инвалидов-чернобыльцев Тульской области во главе с председателем региональной организации СЧР Наумовым В.Н. осуществила в Москве публичную акцию возврата государственных наград, полученных за участие в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы. Эти действия получили неоднозначную оценку среди ликвидаторов и их общественных организаций.

31 октября 2000 г. на Совете по делам инвалидов при Президенте РФ по предложению Союза «Чернобыль» России была заслушана информация члена Совета В.Л. Гришина о состоянии дел по рассмотрению в Госдуме чернобыльского законопроекта и исполнению обязательств Правительства РФ в погашении задолженности по выплатам возмещения вреда инвалидам в соответствии с решениями судов. Для решения этого вопроса Советом создана рабочая группа.

Активными действиями Ростовской областной организации Союза «Чернобыль» России (председатель - Филиппенко А.П.) удалось привлечь внимание полномочного представителя Президента РФ в Южном федеральном округе В.Г. Казанцева к проблемам инвалидов региона. При встрече с Президентом В.В. Путиным 9 ноября В.Г. Казанцев передал ему письмо, в котором предложил погасить задолженность по судебным решениям, а также обратить внимание Главного государственного правового управления Президента РФ на проведение тщательной правовой экспертизы проектов новых законодательных актов, относящихся к социальной защите чернобыльцев и членов их семей.

15-17 ноября 2000 г. в г. Москве с участием Союза «Чернобыль» России прошла научно-практическая конференция «Состояние здоровья детей, рожденных лицами, принимавшими участие в ликвидации последствий радиационных катастроф». На конференции выступили депутат Госдумы Рогонова П.П., Яковлева Т.В., заместитель Министра здравоохранения Шарапова О.В., президент Союза «Чернобыль» России Гришин В.Л. Конференция приняла резолюцию, в которой отметила необходимость активизировать работу по медицинскому и лекарственному обеспечению детей ликвидаторов, увеличить финансирование на эти цели, улучшить координацию работы ученых-медиков стран СНГ. В работе конференции принимали участие медицинские работники и представители общественных чернобыльских организаций из регионов.

21 ноября Пленум Верховного Суда РФ вынес на обсуждение Постановление «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел, связанных с реализацией инвалидами

прав, гарантированных Законом РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС».

По мнению Союза «Чернобыль» России, данный документ может существенно изменить порядок и уменьшить объем возмещения вреда инвалидам вследствие чернобыльской катастрофы. В безусловном порядке могут быть пересмотрены десятки тысяч дел инвалидов-чернобыльцев, возмещение вреда которым исчислено из чернобыльского заработка. Исполнение вступивших в силу судебных решений может быть обжаловано в порядке надзора органами Генеральной Прокуратуры РФ. В результате инвалиды не смогут получить государственный долг. В заседании Верховного Суда принимали участие вице-президент СЧР Великий А.Я. и заместитель председателя Тульской областной организации СЧР Карибджанян Н.А. Накануне заседания в редакции газеты «Московский комсомолец» прошла пресс-конференция. В день заседания было проведено пикетирование в знак протеста против незаконных решений.

Итак, вышеизложенные факты и описанные события свидетельствуют не только о значительном снижении государственных гарантий гражданам, пострадавшим от последствий чернобыльской катастрофы, но и о грубом нарушении конституционных прав и законных интересов инвалидов.

За 10 лет деятельности Союза «Чернобыль» России мы стали свидетелями смены общественно-политических отношений в стране. Пережили и переживаем кризисы, чрезвычайные ситуации, которые смещают акценты в общественном сознании, снижая внимание к проблемам почти 3-х миллионов россиян, пострадавших вследствие чернобыльской трагедии.

Многолетняя борьба за права и интересы чернобыльцев воспитала стойких активистов и профессиональных руководителей общественных организаций, многие из которых удостоены государственных наград и наград Союза «Чернобыль» России.

Мы склоняем головы, отдавая дань памяти нашим безвременно ушедшим товарищам - членам Центрального Совета: Рывкину А.С. (г. Пермь), Антонову В.Д. (г. Саранск), Булгакову С.И. (г. Москва), Окишеву Ю.А. (г. Пермь), Жарикову А.А. (г. Пермь), Хитрову Л.М. (г. Москва), Иванову Л.С. (г. Москва).

10 лет - это период становления организации и укрепления ее рядов. 10 лет - это горечь неудач и радость побед, приобретенный опыт и укрепившаяся взаимовыручка.

Девиз «Гуманность и милосердие» призывает нас защищать право чернобыльцев на достойную жизнь и уважение сограждан.

Генерал-лейтенант Л.В. Зверковский,
председатель совета Московской
региональной организации Союза
«Чернобыль» России,
участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Припять, 1987 г. Начальник ПК В.Я. Возняк (в центре), начальник 912 ОГ ГО СССР
ген.полк. А.Я. Ряхов, зам. нач. ОГ ГО СССР по политчасти ген.м-р В.Н. Шорников

Вера Дмитриевна Лоскутова,
участница ЛПК на ЧАЭС.

Учредительный съезд Всеармейского союза «Чернобыль». Крайний справа в президиуме
подполковник Е.Н. Додонов. 16 декабря 2000 г.

Управление 605. Чернобыль, июль 1986 г.

Сотрудники научного центра МО СССР,
во втором ряду, третий справа полковник А.А. Дьяченко, Чернобыль, сентябрь 1986 г.

Генерал-майор В.М. Лоборев,
доктор технических наук, профессор
лауреат Государственной премии СССР,
Заслуженный деятель науки РФ.

Полковник Г.А. Бондаренко (крайний слева), участник ЛПК на ЧАЭС, 1987 г.

Полковник В.С. Юлин,
(1936 г. – 1996 г.),
участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Полковник В.Д. Алтухов,
участник боевых действий в ДРА,
участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Ведущий научный сотрудник,
кандидат технических наук
З.Е. Баньщикова, участник
ЛПК на ЧАЭС, май 1986 г.

Н.К. Сотскова (справа). Председатель правления Московской общественной
организации «Вдовы Чернобыля», слева Е.А. Коба, 1996 г.

Генерал-лейтенант Ю.Н. Корякин,
начальник Военного университета РХБЗ,
кандидат технических наук, профессор,
участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Полковник А.А. Базылев,
главный инженер управления техники
и вооружения Пограничных войск,
участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Полковник П.Ф. Поташников,
участник ЛПК на ЧАЭС в 1986 г.

На встрече Президента – Генерального директора НАИЧ МГУ им. М.В. Ломоносова
Л.С. Пятецкого (слева) с ветеранами подразделений особого риска
в Префектуре САО г.Москвы

Научный сотрудник Т.А. Полякова,
участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

С.Ю. Мелехина, участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Подполковник А.А. Паншин,
кандидат технических наук

Полковник в отставке, профессор,
доктор технических наук А.А. Шакин,
участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

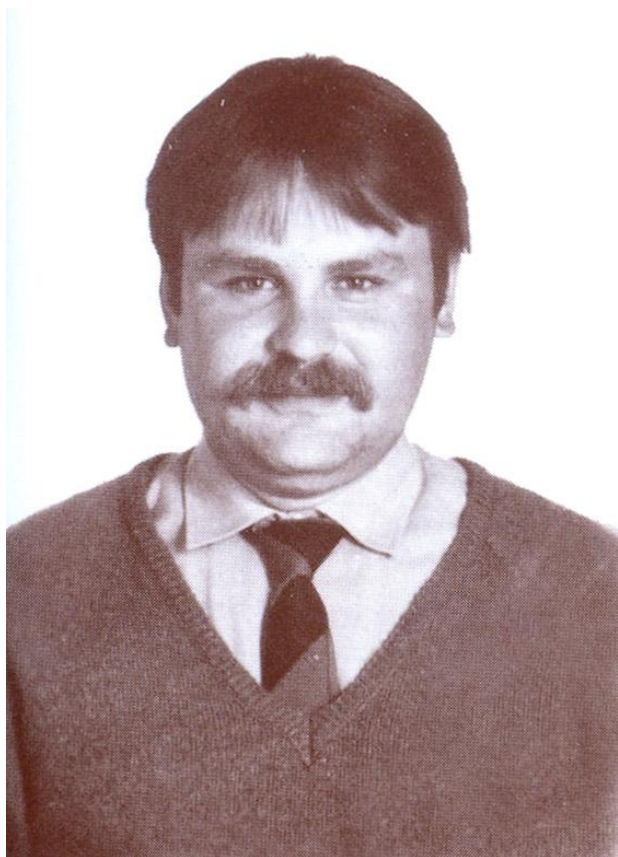

Подполковник В.С. Перельгин,
участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Старший прапорщик С.В. Наумов,
фотокорреспондент Центрального
музея ВВ МВД,
участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Вилькович Ю.Ю.,
участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Учредительный съезд Всеармейского союза «Чернобыль», выступает
участник ЛПК на ЧАЭС генерал-майор Ваулин Ю.М., 16 декабря 2000 г.

Посадка аллеи Памяти 15-летия аварии на ЧАЭС в районе «Басманный», 22 апреля 2001 г.

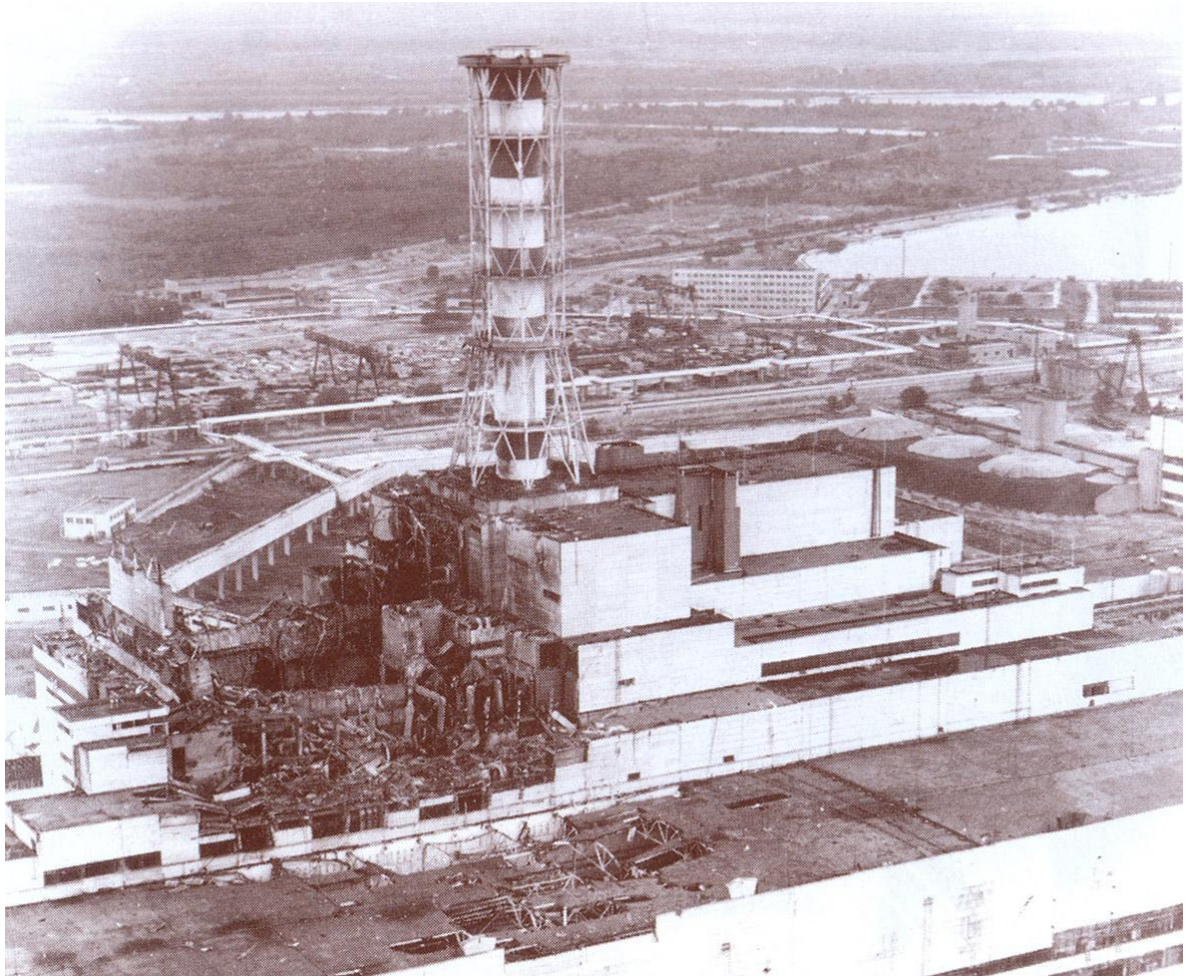
Участники ЛПК на ЧАЭС. В центре генерал-лейтенант А.К. Федоров, 1986 г.

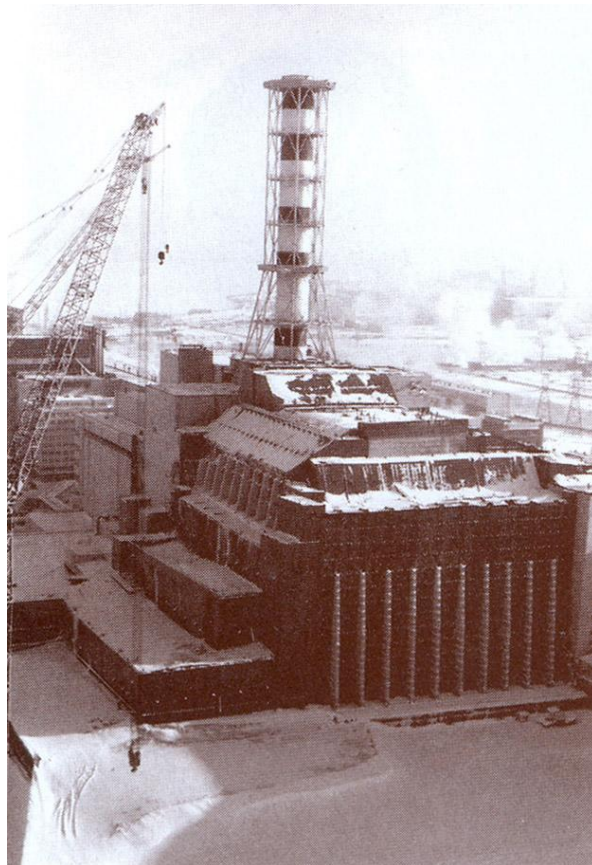
Э.Л. Отрошенко,
участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Полковник запаса, кандидат
технических наук В.С. Гаваза,
участник ЛПК на ЧАЭС, 1986 г.

Четвертый энергоблок Чернобыльской АЭС после взрыва, апрель 1986 г.

Укрытие 4-го энергоблока Чернобыльской АЭС.
Январь 1987 года, первая зима после аварии. Снег на саркофаге не растаял...

МОСКОВСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИНВАЛИДОВ СОЮЗ "ЧЕРНОБЫЛЬ" РОССИИ (МРО СЧР)

Зверковский Л.В., Председатель Совета МРО СЧР, член Президиума СЧР, участник ликвидации последствий аварии на ЧАЭС 1986 г., генерал-лейтенант.

Московское региональное общественное объединение инвалидов вследствие чернобыльской катастрофы и других катастроф, аварий и испытаний (МРООИЧ), как и ряд других Московских чернобыльских общественных организаций, создано в конце 1995.

Несмотря на большую благородную работу в 1996-1997 годах благотворительных чернобыльских общественных организаций г. Москвы, они не были сплочены в единую монолитную организацию, отстаивающую интересы всех инвалидов-чернобыльцев г. Москвы.

В связи с этим, а также с появлением ряда новых Федеральных Законов, нормативных документов и значительных изменений в различных сферах страны, когда, особенно после августа 1998 года, у инвалидов-чернобыльцев возникло множество социальных и бытовых проблем, потребовалось как никогда организационно-структурное укрепление МРООИЧ и, прежде всего, его окружных общественных организаций, отделений местного (районного) самоуправления. Это давало большую возможность защищать, отстаивать социально-экономические и другие конституционные права и свободы инвалидов-чернобыльцев перед органами власти и управления (Дума, Правительство, Префектуры, Управы г. Москвы).

Исходя из этих соображений, в июне 1999 года на Общегородской Конференции инвалидов-чернобыльцев было принято решение о вступлении Московского регионального общественного объединения инвалидов вследствие Чернобыльской катастрофы и других катастроф, аварий и испытаний (МРООИЧ) в Общероссийскую общественную организацию инвалидов Союз "Чернобыль" России (Президент СЧР - Гришин В.Л.) о преобразовании в Московскую региональную организацию Общероссийской общественной организации инвалидов Союз "Чернобыль" России (МРО СЧР - Председатель Совета МРО СЧР, член Президиума СЧР - Зверковский Леонид Васильевич) с сохранением функций правопреемника МРООИЧ по всем его обязательствам.

МРО СЧР является общественным объединением граждан, проживающих в г. Москве и создана для содействия в решении задач медицинской, социальной помощи и правовой защиты инвалидов вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, а также граждан, получивших или перенесших лучевую болезнь и другие заболевания, связанные с радиационным воздействием вследствие радиационных аварий и катастроф и их последствий на объектах гражданского и военного назначения.

Организация включает в себя 10 окружных организаций г. Москвы, согласно ее административно-территориальному делению, и состоит из 2 358 человек.

За последние годы Московская региональная организация инвалидов-чернобыльцев, исходя из Конституции Российской Федерации, ряда Федеральных Законов, Устава МРО СЧР, "Целевых комплексных программ социальной помощи инвалидам, а также лицам, получившим увечье в связи с аварией на Чернобыльской АЭС на 1998 и 1999 годы", утвержденных Правительством Москвы 16 июня 1998 г. № 464 и 10 августа 1999 года № 725, и ежеквартальных планов Совета, работала по основным направлениям деятельности МРО СЧР на 1999-2002 годы, которые были определены на Общегородской Конференции инвалидов-чернобыльцев 9 июня 1999 года.

Деятельность организации в 1998-2000 годах была направлена на:

I. Защиту прав и интересов инвалидов-чернобыльцев и других категорий пострадавших граждан, приравненных к ним.

II. Лечение инвалидов-чернобыльцев и решение других медицинских проблем (в том числе реабилитации) как инвалидов-чернобыльцев, так и других категорий пострадавших граждан.

III. Решение социальных проблем инвалидов-чернобыльцев.

По первому направлению постоянно в течение 1999 и текущего года, в рамках проекта "Целевой комплексной программы на 2000-2001 годы" специалистами МРО СЧР в вышестоящих органах проводилась работа по правовой защите инвалидов-чернобыльцев и граждан, подвергшихся воздействию радиации на Чернобыльской АЭС, что, прежде всего, было связано со своевременной выплатой возмещения вреда инвалидам-чернобыльцам.

МРО СЧР совместно с рядом других организаций, с депутатами Мосгордумы, Госдумы, поддерживающими права чернобыльцев и выступающими за равенство всех инвалидов перед Законом, независимо от временного фактора получения инвалидности, в течение 1999-2000 годов неоднократно вносили и отстаивали свои замечания и предложения в проекты Законов "О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС".

В МРО СЧР получили правовые квалифицированные консультации по вопросам возмещения вреда здоровью, компенсации по случаю потери кормильца, льготам вдовам, обмену удостоверений, получению жилья и др. 780 инвалидов-чернобыльцев, в том числе с консультацией на дому - 4 инвалида-чернобыльца 1 группы.

Составлено 107 исков, жалоб и заявлений в различные организации.

Составлено 50 исковых заявлений для инвалидов-чернобыльцев в судебные органы различных инстанций.

Обеспечена защита в судах (в качестве доверенных лиц - 19 инвалидов-чернобыльцев).

Выдан 3321 лист информационно-нормативных материалов правового характера.

Подготовлены макеты 4-х сборников (из 10) по 50-60 страниц Законов, нормативных актов, судебной практики.

Постоянно проводились юридические консультации по телефону для инвалидов-чернобыльцев и граждан, пострадавших от радиационных воздействий. За отчетный период таких консультаций проведено более 600.

С целью улучшения правовой защиты инвалидов-чернобыльцев, возможности привлечения к работе высококвалифицированных специалистов (юристов и др.), имеющих большой опыт работы с законодательством, касающимся защиты законных прав, льгот и интересов участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС и инвалидов, в первую очередь, в судебных органах различных инстанций, МРО СЧР учредила некоммерческую организацию - Учреждение "Кодекс СЧР" (руководитель Кривошеин А.А., заместитель председателя МРОСЧР), специалисты которого, начиная с IV квартала 1999 года, приступили к активной работе.

В 1999-2000 гг. проделана значительная работа по второму направлению деятельности - в сфере медицинского обслуживания. На взносы Инвесторов проводилось лечение постоянно проживающих в Москве инвалидов, подвергшихся радиационному воздействию (включая ветеранов подразделений особого риска), в соответствии с п. 9 ст. 2 Закона г. Москвы "О ставках и льготах по налогу на прибыль" № 19 от 18 июня 1997 года и в соответствии со ст. 3 п. 2 Закона г. Москвы "О ставках и льготах по налогу на прибыль" № 39 от 22 декабря 1999 г.

В прошедшем году многие инвалиды-чернобыльцы получили квалифицированную стоматологическую помощь: в АОЗТ "Стомат-Сервис", ООО "Санация", ООО "Щукино" пролечено 131 человек. В организациях ООО "Санация" и ООО "Щукино" инвалидов-чернобыльцев обслуживали высококвалифицированные специалисты. Лечение осуществлялось с использованием новейших технологий и лучших импортных светоотверждаемых пломбирочных материалов 5-6 поколений. Проводилась косметическая реставрация зубов, применялось лазерное воздействие, оказывались разнообразные медицинские услуги. Лечение проводилось безболезненно с анестезией импортными препаратами (США, Франции и др.) и под контролем радиовизиографов и другой новейшей аппаратуры.

Осуществлялось уникальное лечение инвалидов-чернобыльцев в государственном предприятии "Центр разработки, выпуска и эксплуатации лазерной медицинской техники "Астр". С помощью новых лазерных технологий в 1999-2000 годах 159 инвалидов-чернобыльцев получили своевременную квалифицированную помощь в клинических условиях, а к некоторым больным врачи выезжали на дом.

Учитывая, что большинство инвалидов-чернобыльцев нуждаются в психологической и психотерапевтической помощи, т.к. согласно данным клинико-эпидемиологических

исследований 25% инвалидов-ликвидаторов страдают депрессивными расстройствами, для оказания данного вида медицинской помощи при активном участии МРО СЧР был создан и успешно работает "Центр психологической патронажной помощи, реабилитации и профилактики суицидов". С 1999 года этим Центром оказана помощь и проведено лечение 384-х инвалидов-чернобыльцев.

Пролечено более 450 инвалидов-чернобыльцев в ООО "Международный Центр Биотической медицины", где впервые удалось установить и компенсировать нарушения ионного обмена у лиц, подвергшихся радиационному воздействию. Оплачены лекарственные препараты по медицинским показаниям.

Огромная работа проделана нашей организацией по лечению инвалидов-чернобыльцев на базе Российского научного центра рентгено-радиологии Минздрава РФ под руководством академика В.И. Харченко. Путем использования рентгеноденситометрии (определение содержания кальция в костях) у большинства участников ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС было обнаружено наличие высокого уровня остеопении (потеря кальция костной тканью 1 степени) и остеопороза (2 степень, на грани перелома) и была установлена прямая зависимость частоты развития остеопении от величины дозы радиационного воздействия.

Так, если в норме у мужчин в возрасте 50-60 лет, проживающих в Москве, максимальная насыщенность костной ткани грудного отдела позвоночника составляет 1,051, то у участников ликвидации последствий аварии этот показатель ниже на 25-50 % .

Комплекс восстановительного лечения чернобыльцев с наличием остеопении в вышеупомянутом Научном Центре рентгено-радиологии специальными препаратами, из которых наиболее эффективным оказался "ЭНДУР-Е", содержащий витамин Е и кальций, показал, что большинству пациентов (85% случаев) был достаточен 2-х месячный курс лечения, остальным (15% случаев) потребовался более длительный курс лечения - до 4-х месяцев.

В 1999 году в этом Научном Центре проведено диагностическое обследование и комплекс восстановительного лечения, оказана медицинская помощь 92 инвалидам-чернобыльцам г. Москвы.

По рекомендациям медицинской комиссии, созданной при Российском научном центре рентгено-радиологии Минздрава РФ, многие инвалиды-чернобыльцы в 1999 году получили оздоровительное санаторно-курортное лечение, как внутри страны, так и за рубежом.

За период с начала 2000 года на водном курорте в Чехии получили лечение свыше ста человек.

В 1999-2000 гг. санаторное лечение заболеваний сердечнососудистой системы, периферической нервной системы, сосудистых заболеваний головного мозга, заболеваний дыхательных путей, хронической пневмонии, опорно-двигательного аппарата и других получили 56 инвалидов-чернобыльцев в санаториях России и Чехии.

В течение 1999-2000 гг. продолжалась работа по обеспечению чернобыльцев лекарственными препаратами, которые они не могут бесплатно получить в аптеках города, биологически-активными добавками, повышающими их иммунный статус и снижающими возможность заболевания острыми респираторными заболеваниями, растительными экстрактами, лечебным питанием и отдельными видами медицинского оборудования для лежачих больных - инвалидов 1 группы.

Наборы дополнительного лечебного питания в 1999 году получили 1550 инвалидов-чернобыльцев. Были закуплены для 2-х лежачих инвалидов 1 группы специальные медицинские гидроподъемники.

Кроме вышеуказанных направлений деятельности в 1999 и текущем году немало удалось решить проблем и в социальной сфере согласно "Целевым комплексным программам социальной помощи инвалидам, а также лицам, получившим увечья в связи с аварией на Чернобыльской АЭС", ежегодно утверждаемым Правительством г. Москвы (от 16 июня 1998 г. № 464, от 10 августа 1999 г. № 725).

Понимая все сложности экономической и финансовой жизни страны и города, основное внимание было уделено дополнительному негосударственному пенсионному обеспечению инвалидов-чернобыльцев.

Были пролонгированы договоры с негосударственными пенсионными фондами "Выбор" и "Русский промышленный пенсионный фонд".

Полученные от инвесторов средства, согласно совместным с соисполнителями протоколам, аккумулировались на счетах Головного исполнителя - МРО СЧР с последующим их перечислением указанным негосударственным пенсионным фондам.

В 1999 году на пенсионное обеспечение в эти фонды было перечислено 234,4 тысячи рублей, что с учетом средств, перечисленных в предыдущие годы составило сумму 2566,94 тысяч рублей, которая является нерасходуемым капиталом, прибыль от размещения которого идет на оказание помощи инвалидам-чернобыльцам. Так, за истекшее время из указанных негосударственных пенсионных фондов 2035 инвалидам-чернобыльцам ежеквартально выплачивались дополнительные пенсии, сумма выплат зависит от степени утраты ими трудоспособности.

В 1999 году МРО СЧР принял активное участие в подготовке и проведении "Дня Памяти" - 26 апреля. Помимо участия в траурном митинге на Митинском кладбище были организованы панихиды и траурные митинги в округах, встречи с инвалидами и вдовами, взаимодействие с федеральными и местными телерадиокомпаниями и прессой по освещению чернобыльской тематики в связи с 14-летием аварии на ЧАЭС. 210 наших инвалидов участвовали во встрече-концерте в Мэрии Москвы.

Свыше 400 чернобыльцев участвовали в общественной благотворительной акции "Чужой беды не бывает". Все участники получили подарочные наборы. Вместе с Комитетом общественных и межрегиональных связей Правительства Москвы 53 инвалидам 1 группы передали продовольственные наборы. Очень многое было сделано для чернобыльцев окружными и некоторыми районными организациями благодаря помощи префектур, управ, спонсоров и отдельных учреждений. Это и продуктовые наборы, благотворительные обеды, подарки, транспорт и др.

Большая работа была проделана МРО СЧР совместно с Мосгордумой, Правительством Москвы и окружными организациями по подготовке и представлению наградных документов на чернобыльцев, особо отличившихся при ликвидации последствий аварии и принимающих в последние годы активное участие в чернобыльском движении. 23 инвалида чернобыльца Указом Президента 26 апреля 1999 года были награждены Государственными наградами. А в 2000 году - 20 человек.

В 1999-2000 гг. была продолжена работа по формированию информационно-справочного банка данных о гражданах г. Москвы - инвалидах-чернобыльцах и созданию системы персонифицированного учета и контроля получения социальной помощи инвалидами вследствие чернобыльской катастрофы.

В связи с этим МРО СЧР совместно с окружными организациями инвалидов-чернобыльцев, охватывающими 10 административных округов города Москвы, в 1999-2000 гг. провела работу по систематизированному сбору и обработке информации об инвалидах-чернобыльцах и созданию персонифицированного учета получения ими различных видов социальной помощи.

Весомый вклад в выполнение этих работ вносят руководители Совета и Президиума Совета МРО СЧР, инвалиды-чернобыльцы Кривошеин Л.Л., Будумян А.А., Мисюра Н.Н., Карасюк А.А., Канунников А.С.; руководители и работники дирекции МРО СЧР Турин А.И., Хаскельберг Г.И., Носкова Л.А., Брызгалова Е.Ю., Нестерова Е.Ю.; работники учреждения "Кодекс СЧР" инвалиды-чернобыльцы Нечипоренко Е.Д., Тураев Р.Н., а также руководители и персонал медицинских учреждений и центров: Горбатова Н.Е. (Центр разработки, выпуска и эксплуатации лазерной медицинской техники "Астр"), Прохоров Н.Е. (Центр психологической патронажной помощи, реабилитации и профилактики суицидов), Харченко В.И., Зубовский Г.А. (Российский научный Центр рентгено-радиологии Минздрава РФ), Клурфельд В.Д. (Стоматологический Центр "Санация" и "Щукино") и др.

Большая работа по социальной поддержке инвалидов, а также организации их отдыха и лечения, проводится непосредственно окружными организациями МРО СЧР.

В Северной окружной организации инвалидов-чернобыльцев (Председатель Белов Г.К.) организован медицинский диагностический центр сердечно-сосудистых заболеваний, в котором диагностика проводится на сверхсовременном импортном оборудовании.

В организации Южного Административного округа (Председатель Куликов В.И.) ведется большая работа по обеспечению остро нуждающихся инвалидов лекарственными препаратами, а также обеспечение их санаторно-курортными путевками.

Восточная окружная организация (Председатель Карасюк А.А.) обеспечивает инвалидов лекарственными пищевыми добавками, а в 2000-2001 гг. приступит к их собственному изготовлению.

В окружных организациях Центрального, Юго-Западного и Северо-Западного административных округов (Председатели Мисюра Н.Н., Канунников А.С. и Рудаков А.Б.) также ведется большая работа по обеспечению нуждающихся инвалидов-чернобыльцев наборами дополнительного лечебного питания и санаторно-курортными путевками.

Активно работают в составе окружных Правлений инвалиды-чернобыльцы Шалин А.А., Тимофеев В.И., Афонин Ю.В., Пронин Л.С., Тураев Р.Н., Метельский В.П., Тетерин М.А. и многие другие активисты чернобыльского движения.

Постановлением Московской Городской Думы от 14 апреля 2000 года № 39 за многолетнюю плодотворную работу по социальной защите инвалидов, а также лиц, пострадавших в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, МРО СЧР награждена Почетной грамотой Мосгордумы. Эта награда является убедительным свидетельством плодотворной и самоотверженной работы нашей организации на благо инвалидов-чернобыльцев.

ДОБРОЕ БРАТСТВО ДОРОЖЕ БОГАТСТВА

Корастилев В.П., - полковник в отставке, президент Регионального благотворительного общественного объединения инвалидов Чернобыля "Заслон Чернобыля", президент Московского союза общественных объединений инвалидов Чернобыля. Участник ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС 1987 год.

Накануне пятнадцатой годовщины чернобыльской катастрофы в средствах массовой информации были опубликованы статистические данные о том, сколько людей участвовало в ликвидации последствий этой трагедии. Цифры приводились разные. Одни утверждали, будто бы ликвидаторов было 300 тысяч, другие - 650 тысяч. Будучи человеком военным, знаю точно, что только военнослужащих в Чернобыле побывало несколько сот тысяч. Но также известно, что никакой статистики в отношении ликвидаторов чернобыльской катастрофы никто не вел и, кажется, по сей день не ведет, хотя с той страшной поры минуло уже пятнадцать лет. Казалось бы, москвичам проще разобраться, сколько нас там было, сколько стало инвалидами, а сколько, как говорится, ушло в иной мир. Как и прежде, государственные учреждения не ведут статистику, а чернобыльские организации и объединения, к сожалению, разобщены и часто свои проблемы каждый решает в одиночку.

Здесь я считаю необходимым заметить, что в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы приняли участие многие и многие тысячи москвичей. Москва, ее жители внесли огромный вклад в эту необычайно трудную и смертельно опасную работу. Около 30 тысяч москвичей были брошены в чернобыльское пекло. К настоящему времени более трех тысяч из них - инвалиды, более тысячи - умерли. Вот такая горестная статистика. В том, что среди ликвидаторов оказалось так много москвичей, ничего удивительного нет. В Москве - правительство, министерства, ведомства, штабы (вплоть до генерального), гражданские и военные ведущие научные учреждения, специалисты, способные в самых экстремальных ситуациях четко решать любые задачи, здесь же и мобильные подразделения различных родов войск.

В конце восьмидесятых страна еще помнила о самопожертвовании тех, кто был брошен на усмирение вырвавшегося из-под контроля атома. Чернобыль был еще свеж в памяти не только самих участников этой битвы, но, что особенно ценно, помнило о чернобыльцах и правительство и пыталось, так или иначе, помогать. Одной из форм такой помощи стало в ту пору предоставление ликвидаторам различных льгот. Пользуясь этими льготами и, разумеется, хорошо потрудившись, можно было заработать средства для оказания материальной и иной помощи чернобыльцам. Пользоваться ими могли лишь официально зарегистрированные

организации. Вот и стали ликвидаторы объединяться не только для того, чтобы «вспоминать минувшие дни и битвы, где вместе сражались они», но и для совместного труда, направленного на поиск средств к более или менее сносному существованию.

Хотелось бы напомнить, что одним из первых в Москве, кто задумался над проблемой объединения чернобыльцев в организации, был Евгений Михайлович Акимов. Ликвидаторы в большинстве своем хорошо знают этого человека - в самую горячую пору ликвидации последствий катастрофы он был назначен одним из руководителей строительства «саркофага». Я думаю не ошибусь, утверждая, что созданное Евгением Михайловичем Московское региональное объединение явилось прообразом и ядром будущего Российского Союза «Чернобыль». Его примеру последовали и стали создаваться другие организации.

Об одной из московских организаций чернобыльцев, создание, становление и развитие которой стало главным и единственным делом моей жизни, я и хочу сегодня напомнить читателям этой книги.

Все резче проявлялось коварство Чернобыля - инвалидов становилось все больше. И однажды подумалось, что пора эту категорию ликвидаторов выделить в особую группу, потому что у них свои специфические проблемы, решать которые надо и особыми путями. Вот тогда-то, в 1990-1992 гг., я сам уже став инвалидом Чернобыля, и решил создать отдельную чисто инвалидскую организацию.

Пришлось многому учиться, советоваться, консультироваться. Удалось, в конце концов, создать инициативную группу и начать подготовку необходимых документов для официальной регистрации, главным из которых явился, конечно же, устав. Прежде всего, нужно было дать имя нашему детищу. После долгих раздумий решили назвать его «Заслон Чернобыля». Поскольку ликвидаторы заслонили собой страну, Европу от ядерной опасности, исходящей из развала четвертого блока атомной станции. А наша организация призвана заслонить самих ликвидаторов, ставших инвалидами от тягот и лишений нелегкой жизни. И девизом нашего объединения стали гуманность и милосердие - слова близкие и понятные каждому.

Я ставил своей главной целью объединить инвалидов - участников ликвидации последствий чернобыльской катастрофы, чтобы добиваться реализации их законных прав и интересов: полноценного питания, улучшения жилищных условий, бытового и медицинского обслуживания и других насущных социальных запросов. С самого начала я понимал, что никто не принесет нам деньги на блюдечке для реализации наших планов. Именно поэтому я заложил в устав специальный пункт, в соответствии с которым могли создавать свои предприятия с различными формами собственности, обладающие статусом юридического лица. Много места в уставе занимали различного рода пропагандистские мероприятия, научная деятельность по изучению чернобыльских проблем, развитие информационной службы и другие вопросы, так или иначе связанные с чернобыльской проблематикой. Но, разумеется, главной задачей было и остается до сих пор оказание медицинской и материальной помощи инвалидам, пенсионерам, семьям умерших и погибших участников ЛПА на ЧАЭС.

25 декабря 1992 года у нас состоялось общее собрание, на котором единогласно был принят устав и образованы руководящие органы. Я был избран президентом. А 28 января 1993 года нас зарегистрировали в Управлении юстиции Москвы как городскую организацию. Так родился «Заслон Чернобыля»...

Не сразу стали намечаться первые результаты. Лишь спустя какое-то время я смог платить своим работникам заработную плату, арендовать помещение. Потом появилась возможность оказывать и материальную помощь членам нашей организации, а спустя какое-то время - значительно расширить круг инвалидов, которым «Заслон Чернобыля» мог существенно помочь в решении различных проблем.

С самого начала меня неотступно преследовала мысль, что ликвидаторам необходимо объединяться. Конечно, я был не одинок в этом. Начали создаваться районные, муниципальные, межмуниципальные, окружные и другие инвалидские организации Чернобыля. Возникали объединения в министерствах, различных научных учреждениях, многие объединялись по производственному принципу. Естественно, стало необходимым объединить наши усилия, уйти от такой разобщенности.

Примерно в это же время стало известно, что депутат Городской думы Владимир Кузьмич Катушенко тоже создал чернобыльскую организацию - фонд «Чернобыль - Надежда».

Видимо, и его занимали подобные мысли. Состоялась наша встреча, знакомство и зародилось сотрудничество. Очень скоро Владимир Кузьмич стал нашей опорой. Ему, как депутату Московской городской Думы, конечно, было сподручней хлопотать в верхах о наших нуждах. Для решения наших проблем создали координационный совет. Нужно было проанализировать возможности уже существующих организаций инвалидов (а их насчитывалось в ту пору более 25) и продумать наиболее приемлемый вариант их объединения в масштабах города. Определились два варианта решения проблемы. Некоторые считали, что объединения следует организовывать по территориальному принципу: московская городская организация собирает под свое начало окружные, а те, в свою очередь, все остальные, независимо от того, на какой основе они организованы - производственной, территориальной или ведомственной. Если бы мы начинали с нуля, на пустом месте, может быть, такая схема была бы идеальной. Но к тому времени в Москве уже было несколько десятков различных инвалидских образований чернобыльцев, ни одна из которых не желала кому бы то ни было подчиняться.

Второй вариант предусматривал создать организацию на базе объединения физических лиц. Приверженцами такого варианта, кроме меня были В. Катушенок, А. Кузнецов и другие. Мы считали, что именно наш вариант единственно приемлем в создавшейся в чернобыльском движении ситуации. Время подтвердило нашу правоту.

Казалось бы, все благополучно приближалось к свершению наших планов. Но тут (июль 1995 года) правительство отменило все льготы, ранее распространявшиеся на всех ликвидаторов, сохранив их лишь за инвалидскими организациями. Таким образом, государство разделило всех чернобыльцев на два лагеря. Если раньше в наши планы входило «под одной крышей» объединить всех ликвидаторов, создав единую организацию, то теперь вынуждены были думать об объединении одних инвалидов. Формальное разделение ликвидаторов повлекло за собой и раскол во всем движении. На инвалидов распространялись льготы, а на неинвалидов нет.

Дело в том, что чернобыльские организации, лишаясь членства инвалидов в своих рядах, лишались и основных льгот, чего они, естественно, не хотели. Мы не являемся какими-то отщепенцами, раскольниками, но жизнь заставила нас объединяться в сугубо инвалидские организации. Руководитель Союза «Чернобыль» России, Гришин В.Л. и его структура в стране могли входить во все властные структуры, создавать свои подразделения и от имени инвалидов-чернобыльцев, от имени вдов и семей умерших ликвидаторов получать всевозможные льготы и средства от спонсоров. Теперь, лишаясь инвалидов в своих рядах, они лишались и этих возможностей. Понимая шаткость своих позиций, эти руководители пытались как можно дольше удерживать в рядах своей организации инвалидов, хотя государство нас уже разделило. Чернобыльцы, имея статус инвалидов, стали создавать в Москве чисто инвалидские организации, такие как «Чернобыль-Надежда», «Заслон Чернобыля» и другие.

Видя такой ход событий, В.Л. Гришин пытается создать в столице Московскую организацию своего Союза во главе с М.А. Суздальцевым, который проводит работу в округах г. Москвы, создавая параллельные нашим инвалидским организациям свои окружные организации Союза «Чернобыль».

Долго такая неопределенность продолжаться не могла. Настал день, когда мы нашли единственно правильный выход: собрать всех инвалидов на общее собрание, и, посоветовавшись, если придем к единому пониманию и согласию, учредить новое объединение. Оппонентов, естественно, приглашать не стали. Несмотря на принятые меры, «лазутчики» все же просочились в зал, но наших было больше.

Написал слово «наших» и не сдержал грустной улыбки. Говорим об объединении, о солидарности, а делим ликвидаторов на «своих» и «чужих». Но вся беда в том, что само государство разделило нас. Хуже того - сегодня и инвалиды (опять же государством) разделены. Чернобыльский закон по разным меркам проявляет заботу о лицах гражданских и о военнослужащих...

Когда на собрании В.К. Катушенок спросил у зала: «Кто за то, чтобы мы объединились?» - поднялся лес рук - «за» проголосовали все сто процентов, исключая, разумеется «оппозицию». Одним словом, на том историческом собрании состоялось объединение физических лиц (инвалидов) и было создано Московское региональное общественное объединение инвалидов Чернобыля (МРООИЧ).

В результате, несмотря на всяческие препоны, чинимые оппонентами, - я назвал бы их так, - мы в Москве создали Московское региональное общественное объединение инвалидов Чернобыля (МРООИЧ) - организацию чисто инвалидскую во главе с В.К. Катушенком, а я был одним из его заместителей. Таким образом, была создана организация МРООИЧ. 5 мая 1995 года она была зарегистрирована в Управлении юстиции Москвы.

Была у нас идея объединить не только московских инвалидов Чернобыля, а создать и всероссийское объединение, тем более что от правительственных учреждений было получено «добро». Было принято решение образовать Всероссийскую организацию инвалидов Чернобыля. Но на это, признаться, не хватило ни средств, ни сил. Ведь и оппоненты наши не дремали. Но я не теряю веры и надеюсь, что мы создадим Российское объединение инвалидов Чернобыля.

В то время между нашими организациями (между МРООИЧем и организацией Союз «Чернобыль», созданной М.А. Суздальцевым) существовали добрососедские отношения, основанные и на личных контактах. Часто он присутствовал на наших заседаниях правления МРООИЧ и мы вместе решали общегородские задачи. Не без наших совместных усилий, а особенно председателя МРООИЧ, депутата Московской городской думы В.К. Катушенка, в Москве появился закон «О ставках и налогах на прибыль...», который давал возможность инвалидским организациям привлекать на нужды инвалидов средства от спонсоров. При разработке первых Целевых программ социальной помощи инвалидам-чернобыльцам некоторые их проекты были включены в программы. Но из-за того, что на их не инвалидскую структуру не распространялись льготы Закона и из-за неспособности найти спонсоров, найти средства на реализацию своих проектов, ничего из этого у них не вышло. В конце концов, эта организация развалилась. Мы же выжили.

Кстати замечу, что МРООИЧ в то время играл, в основном, координационную роль, а Городские организации инвалидов Чернобыля «Заслон Чернобыля», и Чернобыль "Надежда", руководители которых входили в руководящие органы МРООИЧ, занимались каждый своей деятельностью по выполнению программы социальной помощи инвалидам и их лечения.

Мы работали в рамках существовавших тогда законов и все было бы хорошо, если бы Правительство России (в который уж раз!) не внесло «рацпредложение» по усовершенствованию чернобыльского движения, решив предоставлять льготы только всероссийским организациям и тем организациям инвалидов, которые входят в эту всероссийскую организацию инвалидов. Чернобыльскому движению в очередной раз был нанесен удар. Этот закон (1998 г.) принуждал нас или же создавать свою всероссийскую организацию инвалидов-чернобыльцев, что было бы долгим делом, или же подойти под какую-нибудь всероссийскую структуру.

В.К. Катушенок по болезни не мог возглавлять МРООИЧ и на конференции инвалидов-чернобыльцев сложил с себя обязанности руководителя МРООИЧ. Временно исполняющим был избран В.Г. Игнатов. Я к тому времени был заместителем председателя

МРООИЧ и председателем Экспертного совета по чернобыльским проблемам. На очередной конференции нужно было избрать председателя МРООИЧ. Стремясь не допустить к руководству МРООИЧ человека случайного, с экстремистскими наклонностями, по рекомендации правления МРООИЧ выбрали на должность председателя Л.В. Зверковского, до этого бывшего членом Попечительского совета при МРООИЧ.

В это время руководитель Союза «Чернобыль» России В.Л. Гришин решил переделать свою организацию в инвалидскую, чтобы можно было пользоваться льготами для инвалидов, как юридическому лицу (организации). И, используя закон РФ 1998 г., подчинить под себя все инвалидские организации страны, так как они вынуждены будут войти в его всероссийский Союз «Чернобыль», потому что закон 1998 г. лишал их льгот, в том числе и по фонду заработной платы. В результате Л.В. Зверковский и некоторые другие руководители МРООИЧ стали проявлять «интерес» к вхождению в этот Союз.

Я, как заместитель председателя, и другие руководители инвалидских организаций, входящих в правление МРООИЧ, были, в общем-то, согласны с таким ходом событий, но при условии, что руководство Союза «Чернобыль» не будут вмешиваться в нашу организационную и финансово-хозяйственную деятельность в г. Москве.

Надо заметить, что нами созданные окружные организации, входящие в МРООИЧ, полагали, что, освободившись от опеки организаций «Чернобыль - Надежда» и «Заслон Чернобыля», через которые они и должны были работать в соответствии с Инструкцией

Налоговой инспекции г. Москвы, так как закон «О ставках налога на прибыль...» является законом московским, они обретут больший вес, дело у них пойдет лучше, они станут полностью независимыми. К тому же Московская городская дума внесла в закон «О ставках налога на прибыль...» поправку, которая давала право всем инвалидским организациям привлекать инвесторов. Мы решили, что, действительно, организации могут сами самостоятельно проводить работу и находить спонсоров и средства. Их руководители посчитали, что настал момент, когда они могут стать независимыми. А чернобыльских организаций в Москве в то время уже было более сотни. Среди них были московские муниципальные и межмуниципальные, районные и межрайонные, региональные и межрегиональные, ведомственные и межведомственные и т.д. и т.п. Закон об общественных объединениях, по которому можно создавать организации в любом количестве, состоящие не менее чем из трех человек, это позволял. В результате некоторые из них (Мисюра Н., Зверковский Л., Канунников и др.) предлагали перестроить все структуры по территориальному принципу. Конечно, если бы начинать «с нуля», это бы имело определенный смысл, но ломать уже налаженные структуры, наработанные отношения организаций с исполнительной и законодательной властями, со спонсорами, уже делавшими большие дела по оказанию инвалидам помощи...

Руководство Союза «Чернобыль» стало чинить всяческие препятствия нашему обособлению. Ведь, отпуская из-под своего крыла инвалидов, Союз лишался той категории своих членов, чей социальный статус позволял требовать от государства льгот, автоматически распространявшихся на всю организацию. Образно говоря, под флагом, на котором написано «инвалиды Чернобыля», кто-то желал пользоваться нашими льготами, не имея на это никакого права. Наш флаг, как и наш крест, мы решили нести сами.

То, что предлагалось нашими оппонентами, ни к чему хорошему привести не могло. Это понимал и я, и другие руководители инвалидских организаций г. Москвы (В.Г. Игнатов, О.Н. Дейнеко, В.Ф. Маркелова и др.). На Правлении МРООИЧ, когда решался вопрос о вхождении во всероссийскую организацию (и в каком статусе), мы пытались убедить других членов Правления не ломать наработанное. Но Правление, судя по всему, было должным образом «подготовлено». Мы оказались в меньшинстве, хотя и «бились» до конца.

Для того чтобы подойти под Союз «Чернобыль», нужно было изменить Устав и перерегистрироваться в Управлении юстиции г. Москвы. Решение об этом могла принять лишь конференция. Начали готовить конференцию. Руководителей большинства организаций, не согласных с решением Правления МРООИЧ, на нее не пригласили. Пригласили по 5 - 7 человек от каждого округа, т.е. в основном присутствовали рядовые члены, не имеющие порой представления о юридических и экономических тонкостях и последствиях предстоящей реконструкции. К тому же с малым числом делегатов - около 80 человек, а в организацию в то время входило не менее тысячи - легче проводить нужную «работу», которая и была проведена.

Я в то время находился в больнице, готовился к операции на сердце (шунтирование). Узнав о конференции, я упрямил врачей отпустить меня на день под расписку. Поскольку я был заместителем председателя, то имел право быть членом конференции. Стоя на трибуне, едва держась на ногах, с валидолом под языком, убеждал, разъяснял причины и возможные последствия, предлагал не придерживаться только территориального принципа. Предлагал такие работающие организации, как наш «Заслон Чернобыля» и некоторые другие, которые выполняли программу социальной помощи и делали большую работу по лечению инвалидов-чернобыльцев, ввести в новую структуру на правах региональных (закон это позволял, стоило лишь сделать соответствующие изменения в Уставе); сказал, что если наши предложения не будут приняты при изменении Устава - ведь более 100 инвалидских организаций оказались не охваченными - то мы создадим параллельную организацию из юридических лиц. Но все было напрасно. Мой призыв оказался «гласом вопиющего в пустыне». Подготовленные делегаты тут же, на конференции приняли новый Устав, было принято решение о вступлении в Союз «Чернобыль» России, возглавляемый Гришиным В.Л. Избрали новый состав Правления и руководства, куда я, естественно, не вошел, как и все несогласные с таким решением.

Замысел удался. Устав был перерегистрирован с учетом только 10 окружных организаций г. Москвы. И называться стали по-другому: МРО СЧР - Московская региональная организация Союза «Чернобыль» России. Теперь они везде представляются как единственная чернобыльская структура, выступающая от имени всех чернобыльцев Москвы.

Я, выйдя после операции из больницы и восстановив немного силы, решил создать свою организацию инвалидов-чернобыльцев - Московский союз общественных объединений инвалидов Чернобыля (МСООИЧ). Членами его стали юридические лица, т.е. организации по вышеназванным причинам не вошедшие в МРО СЧР - РБООИЧ «Заслон Чернобыля» (В.П. Корастилев), «Инрад» (О.Н. Дейнеко), «Общее дело» (В.Г. Игнатов), «Чернобыль-Щукино» (В.Ф. Маркелова), «Солнцево, Ново-Переделкино и Внуково» (Т.И. Чекушин), «Четвертый блок» (А.С. Шашков), «Центр гуманности и милосердия» (В.С. Титов), «Экология и семья» (С.В. Чистякова), «Чернобыльский след» (С.С. Геращенко), которые объединились чтобы не произошло развала всей уже сложившейся структуры в инвалидском чернобыльском движении. В основе своей это те организации, руководители которых не сочли нужным входить в организацию МРО СЧР на их условиях. Рушить все легко, опыт развала Советского Союза, в угоду некоторым лицам, есть.

В результате в Москве появились два московских чернобыльских объединения: наш МСООИЧ (право на использование символики г. Москвы и производных от нее - «Московская организация» - дало Московское правительство), объединяющий юридических лиц, и МРО СЧР, объединяющий лиц физических. Что удивительно, некоторые чернобыльцы являются членами нескольких организаций, что, впрочем, законом не запрещено. Хотя наши оппоненты и утверждают, что только они представляют чернобыльцев, но простой подсчет показывает, что и у них, и в наших рядах (в каждой из организаций, входящих в МСООИЧ от 100 до 1000 инвалидов) приблизительно одинаковое количество инвалидов. Но, тем не менее, руководители МРО СЧР везде стараются заверить, что их организация является главной, а мы, как бы если уж не самозванцы, то, во всяком случае, организация второстепенная. Но на самом деле региональные организации, входящие в МСООИЧ, выполняют большую часть проектов программы социальной помощи. А вместе с другими региональными организациями, не входящими ни в МСООИЧ, ни в МРО СЧР, предоставляют возможность лечения, курортно-санаторного лечения и других видов услуг инвалидам Чернобыля г. Москвы, что составляет не менее 80% от всей помощи, оказываемой всеми организациями (а их более 100) г. Москвы...

У нас в Москве есть один закон и одна программа, действующие одинаково для всех. Основная работа по реализации Целевой программы на 2000-2001 гг. ложится на организации, входящие в МСООИЧ, и на другие организации, которые нигде не состоят. Но главное, что региональные организации г. Москвы, которые не состоят ни в МСООИЧ, ни в МРО СЧР, могут создавать многочисленные союзы. А это значит, что будет продолжаться дальнейшее раздробление чернобыльского движения в г. Москве, что очень нежелательно. Председатель МРО СЧР Зверковский Л.В. не пошел на

наши предложения, после которых он был бы действительно руководителем одной общей организации. На самом деле получился раскол и он может продолжаться и далее. Конечно, жаль, что члены Правления МРООИЧ не поняли всей опасности, которую заложили в новый Устав новой организации МРО СЧР, а те предупреждения, которые мы высказывали, не приняли во внимание. Но жизнь идет. Чернобыльцы болеют и только в Москве умерло более тысячи ликвидаторов. Поэтому МСООИЧ будет делать все, чтобы помогать больным людям, чтобы удерживать мирное сосуществование всех инвалидских организаций г. Москвы.

Кое-кто уже высказывает предложение о каком-то варианте объединения. Но поскольку наш Союз (МСООИЧ) - объединение юридических лиц, мы к ним влиться не можем, а вот они к нам - пожалуйста, но кажется, они на это не пойдут. Мы, МСООИЧ, организация самостоятельная и независимая. Над нами только Правительство Москвы, Городская дума и Закон. Они, хотя и имеют в своем названии слово «Московское», но поскольку над ними еще Союз «Чернобыль» России, то их «Московское» не имеет должной «чистоты».

Со временем Конституционный Суд признал не конституционность закона 1998 г., но, тем не менее, МРО СЧР оказался в подчиненном, зависимом положении от Союза «Чернобыль» России, возглавляемого В. Гришиным, который теперь высказывает недовольство руководителям некоторых организаций, входящих в МРО СЧР за проявленную инициативу, за участие в тех или иных акциях чернобыльского движения. Известно, что за участие в пресс-конференции в Центральном доме журналистов, проведенной 17 ноября прошлого года нашим МСООИЧем, некоторые участники конференции от МРО СЧР и от других организаций Союза «Чернобыль» России удостоились негативной оценки г-на Гришина.

Хотелось бы отметить еще один аспект этого процесса. Создав всероссийскую организацию инвалидов Чернобыля, Союз «Чернобыль» России, они исключили основную массу ликвидаторов из участия в чернобыльском движении. В Уставе Союза «Чернобыль» записано, что организация может иметь в своем составе лишь 20% ликвидаторов, а остальные 80% - инвалиды. В то же время известно, что в стране сейчас более 40 тысяч инвалидов. Получается, что членами их организации могут быть лишь около 10 тысяч ликвидаторов не инвалидов. Но в стране ликвидаторов около 300-400 тысяч человек! Куда девать этих людей? Кто будет отстаивать интересы и права сотен тысяч ликвидаторов? Они оказались брошенными руководством Союза «Чернобыль» России.

Жизнь подскажет, какие формы сможет принять наша совместная работа и наше сотрудничество. Но как бы ни сложилась ситуация, решать нужно сообща, без апломба и амбиций. К чему это приводит, я рассказал. Не зря говорят в народе: доброе братство дороже богатства.

Дело прошлое, но мы отпочковались в свое время не потому, что по сути своей являемся какими-то сепаратистами, а потому, что, имея статус инвалидов, можем пользоваться льготами и, стало быть, используя их, можем организовать действенную помощь наиболее социально ущемленной категории населения - инвалидам Чернобыля. Мы искренне солидарны со всеми ликвидаторами, всех уважаем и говорим от души: «Не дай Бог, станете инвалидами, добро пожаловать к нам, в наше инвалидское братство». Самое интересное, что некоторые из тех, кто в ту пору всячески препятствовал воплощению наших планов, уже стали инвалидами, - такова жизнь, - и теперь ездят в зарубежные санатории, пользуются другими благами за счет инвалидских организаций, в том числе и за счет «Заслона Чернобыля»...

Новый этап в развитии чернобыльского движения в столице наступил, когда городская дума приступила к разработке закона «О ставках и льготах по налогу на прибыль в г. Москве». В перечень категорий организаций и предприятий, пользующихся предоставляемыми этим законом льготами, были включены и организации инвалидов Чернобыля. Этот закон имеет самое непосредственное значение для деятельности наших организаций.

Закон «О ставках и льготах...» предоставляет общественным организациям инвалидов Чернобыля возможность воспользоваться благотворительными пожертвованиями различных коммерческих структур и частных предпринимателей. Эти деньги наш спонсор должен был отдать государству в счет налога на прибыль. Но, отдавая их инвалидам, он рассчитывается с государством и одновременно творит доброе дело. Предоставляя нам такое право, закон вместе с тем четко регламентирует, на что тратить полученные средства. Во-первых, мы имеем право потратить эти деньги на лечение инвалидов. На этот счет налоговая инспекция разработала подробнейшую инструкцию, расписав, что входит в понятие лечения - отправка в санатории и на курорты, операции, зубное протезирование, периодическое обследование и т.п. Во-вторых, мы можем разрабатывать комплексные социальные программы, которые должны утверждаться городской думой и московским правительством. На осуществление этих проектов, а также на лечение, инвесторы, в соответствии с законом, имеют право направлять до 100 процентов налога на прибыль, отчисляемого в Московский бюджет...

Что же такое эти комплексные программы? В январе 1995 года Московская городская дума приняла постановление «О социальной защите в г. Москве граждан, пострадавших от воздействия радиации в результате аварий, катастроф и испытаний». Это была реакция на то, что многие нормы законодательных актов Российской Федерации, декларирующие социальную защиту этой категории граждан, в настоящее время не выполняются или выполняются частично. Правительству Москвы было предложено рассмотреть вопрос «О комплексе мер по реализации в г. Москве законов Российской Федерации о социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварий, катастроф и испытаний». В итоге была согласована «Целевая комплексная программа социальной помощи инвалидам, а также лицам, получившим увечья в связи с аварией на Чернобыльской АЭС на 1995-2000 годы». Тогда программа состояла всего из семи проектов, в которых нашли отражение основные проблемы инвалидов-чернобыльцев. На первом этапе стояла задача создания банка данных, содержащего информацию об инвалидах-чернобыльцах и об их заболеваниях в целях определения необходимых средств для лечения. Важное место было уделено работам по созданию и применению эффективных лекарственных и восстановительных препаратов, обеспечивающих

вывод радиоактивных изотопов из организма. Была начата программа оказания помощи семьям погибших и умерших, предусматривающая оказание им материальной помощи для установки памятников на могилах, а также оплату ряда ритуальных услуг. В целях улучшения пенсионного обеспечения инвалидов стали назначаться дополнительные пенсии через негосударственный пенсионный фонд. Было положено начало созданию консультационно-методического центра, было начато создание специализированного автохозяйства для перевозки инвалидов, обеспечения патронажной службы и выполнения остальных пунктов программы. Кстати, большое значение имело и создание службы электронного патронажа «Забота», предусматривающей оперативную связь инвалида с медицинскими и социальными службами для оказания срочной помощи. Были определены и предельные уровни расходов по каждому проекту и их исполнители, среди которых была и общественная организация инвалидов Чернобыля «Заслон Чернобыля».

Правительство Москвы своим постановлением поставило задачи департаментам здравоохранения, муниципального жилья, Москомимуществу по оказанию содействия чернобыльцам и общественным организациям инвалидов-чернобыльцев.

4 октября 1995 года постановлением Московской городской Думы была согласована «Целевая комплексная программа социальной помощи инвалидам на 1996 год». Эта программа явилась логическим продолжением предыдущей, в результате реализации которой повысилась эффективность социальной защиты граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварий, катастроф и испытаний. Новая программа была составлена с учетом опыта работы

1995 года и рекомендаций городских контрольных органов. В ней были сохранены наиболее актуальные и социально значимые проекты 1995 года, кроме того, появились и новые. Много внимания было уделено созданию новых дополнительных рабочих мест с использованием надомного труда инвалидов. Была начата работа по созданию службы психологического патронажа и профилактики суицидов, социально-правовой службы. Начались работы по созданию летописи о жизни и деятельности чернобыльцев за десятилетний период после катастрофы на Чернобыльской АЭС, было предусмотрено издание книги воспоминаний и создание фильма о чернобыльцах.

Новым крупным шагом в реализации программ социальной помощи инвалидам стала Целевая программа на 1997 год. Она вобрала в себя все программы, которые показали актуальность в 1995-1996 гг., кроме того, в ней появились и новые проекты...

Так, каждый год принимались целевые комплексные программы оказания социальной помощи инвалидам-чернобыльцам. Сейчас правительством Москвы утверждена новая Целевая комплексная программа на 2000-2001 гг. Она уже включает в себя 17 проектов.

Наряду с такими известными организациями, как Региональное благотворительное общественное объединение инвалидов Чернобыля «Заслон Чернобыля», Московское региональное общественное объединение инвалидов вследствие чернобыльской и других катастроф, аварий и испытаний и Ассоциация инвалидов радиационных катастроф и аварий («Инрад»), уже давно работающими по реализации проектов целевых программ, среди исполнителей проектов программы появилось много других («Общее дело», «4-й блок», «Чернобыль-Щукино», «Экология и семья», «Заслон Чернобыля» и другие).

На осуществление этих программ требуются немалые средства. В который раз хочу подчеркнуть, в эти солидные суммы не входит ни одной копейки из государственного бюджета. И когда правительство Москвы, утверждая наши программы, оговаривает стоимость того или иного проекта, это означает лишь одно: в пределах этой суммы мы имеем право найти спонсоров, которые согласятся сделать в пользу чернобыльцев благотворительные взносы. Если бы не было московского закона «О ставках и льготах по налогу на прибыль», который в числе других учитывает и интересы инвалидов-чернобыльцев, мы бы никогда не нашли благодетелей, согласных спонсировать наши социальные программы и лечение.

Позволю себе процитировать Закон в той части, которая непосредственно касается инвалидов Чернобыля. «...Сумма налога на прибыль уменьшается на величину фактически произведенных затрат, связанных с реализацией программ социальной помощи инвалидам, а также лицам, получившим увечья в связи с аварией на Чернобыльской АЭС (для программ, утвержденных правительством Москвы по согласованию с Московской городской думой)».

Обратите внимание на слова, заключенные в скобки, в конце цитаты. Наша комплексная программа социальной помощи как раз и подпадает под действие этого пункта, так как каждый год утверждается правительством Москвы и согласовывается с Московской городской думой. Следовательно, именно этот пункт Закона «О ставках и льготах ...» дает нам право находить спонсоров для осуществления наших программ. Еще раз хочу подчеркнуть, что задача эта не из легких, как это может показаться на первый взгляд. К сожалению, далеко не все руководители финансовых, производственных и коммерческих структур, предприниматели понимают сегодня, что, перечисляя деньги на нужды инвалидов-чернобыльцев, они и с государством рассчитываются, и творят благое дело.

Что же делает «Заслон Чернобыля» для оказания социальной и медицинской помощи инвалидам? Сначала о социальной помощи, самой печальной ее части. 310 семьям наших умерших товарищей мы оплатили ритуальные услуги. Были изготовлены и установлены более 200 памятников тем, кто ушел от нас в последние годы. Кроме того, более 500 человек пользовались нашим автотранспортом. Наборы медицинских препаратов и биологически активных веществ, и наборы диетических продуктов выдавались ежегодно и многократно. Каждый раз этой услугой пользовались от 700 до 1000 человек. Около 100 человек было снабжено тонометрами, 150 - стиральными машинами. За это время было роздано более 2000 комплектов постельного белья.

Если же говорить о медицинской помощи, в первую очередь надо вспомнить, что более 1000 человек побывали в зарубежных санаториях, а более 500 - в российских. Курсы лечения инвалиды проходили в лучших лечебных учреждениях Москвы.

Есть уже первый опыт прикрепления наших инвалидов к лечебным учреждениям, которые в недалеком прошлом обслуживали чиновников из высших эшелонов власти. Так, например, более 150 человек получили медицинскую стационарную помощь в объединенной больнице-поликлинике при Управлении делами Президента РФ, что на Мичуринском проспекте. Еще более 50 наших инвалидов обслуживались в Медицинском центре при Управлении делами Президента РФ в Романовском переулке (бывшая ул. Грановского), где когда-то лечились члены Политбюро. Надо полагать, что там и персонал высшей квалификации, и соответствующее оборудование, и уход на высоте. Около 1000 человек получили лечение и протезирование (металлокерамика) в стоматологической клинике Дента-Люкс.

Шести десяткам инвалидов мы вручили абонементы, дающие право пользоваться услугами весьма солидного заведения Российско-Британского стоматологического центра «Медстар». Каждый владелец такого абонемента в течение целого года мог проходить бесплатно терапевтическое, стоматологическое и ортопедическое лечение, пользоваться услугам амбулаторной хирургической стоматологии.

Самая большая наша беда - лежачие больные. До настоящего времени у нас уже имелся некоторый опыт оказания им помощи. Оформляли на должность патронажной сестры с оплатой кого-нибудь из близких, если они имели хотя бы начальную медицинскую подготовку. Но это не решало проблемы до конца. Теперь мы осуществили организацию Центра патронажной и реабилитационной службы (ПРЦ). По замыслу, он должен охватить всех инвалидов-чернобыльцев, проживающих в Москве. На первом этапе мы развернули работу в Юго-Западном административном округе, затем предполагаем охватить и другие округа. Думали, в каждом округе иметь свои опорные пункты со своим медперсоналом, автотранспортом, аппаратурой и запасом медикаментов. Конечно, основной формой деятельности центра является работа у постели больного. Инвалиды, получавшие такую помощь, безмерно благодарили и считают такую организацию медицинской помощи на дому весьма успешной и нужной. Работа была организована: закуплено медицинское оборудование, выделен транспорт, набрали высокой квалификации врачей и медсестер, стали обслуживать более 100 человек (инвалиды 1-й группы и 2-й группы со 100% потери здоровья) в ЮЗО и в прилегающих к нему округах, но наступил «дефолт» в 1998 г., спонсоры разорились, и ПРЦ перестало существовать.

В настоящее время мне удалось привлечь средства от спонсоров, организовать на длительное время лечение инвалидов Чернобыля в лучших лидирующих центрах г. Москвы.

Это и объединенная больница-поликлиника управления делами Президента, научный центр медицинской хирургии Академии Медицинских Наук Российской Федерации, Научно-исследовательский институт Академии Медицинских Наук Российской Федерации имени

Вишневого, Центральная клиническая больница Российской Академии Наук, Центр лазерной терапии Минздрава России, ряд стоматологических клиник и др. Лечение как амбулаторное, так и стационарное будет вестись в течение нескольких лет. В этих медицинских учреждениях уже пролечено более 200 человек.

Вот уже 6 лет руководством организации инвалидов "Заслон Чернобыля" выпускается газета "Заслон Чернобыля", единственная публикующая в г. Москве, все, что происходит в исполнительной и Законодательной власти страны, и какую борьбу ведут с чиновниками разных уровней и званий. С чиновниками оказалось намного труднее бороться, чем с разбушевавшимся атомом. Там был известен враг, а здесь двуличие, коварные и угодливые перед правительством чиновники. С участием органа "Заслон Чернобыля" под руководством Дьяченко А.А. были выпущена книга в двух томах "Москва - Чернобылю".

В настоящее время готовится к 26-му апреля выпуск книги "Художественный альманах чернобыльцев", где будут помещены стихи, проза, художественные картины, рукотворные поделки и др. тех инвалидов Чернобыля, которые не пали духом от болячек, борются с ними, что и продлевает им жизнь.

Перечисленный выше объем услуг, оказанных инвалидам-чернобыльцам г. Москвы, не весь. Большую работу с инвалидами проводит Болотин А.М., Козлова Н.И., Гапонова Л.В., Талонов И. И. и другие. Определенную роль в этом играет и газета «Заслон Чернобыля», а также Президентский совет: Кузиков В.И., Ткачев, Крылов А.А., Илюхин М.Н. и др.

Конечно, круг проблем, которые приходится нам решать, значительно шире, но медицинская помощь - первейшая из задач, стоящих перед «Заслоном Чернобыля». А все проекты комплексной социальной помощи инвалидам Чернобыля направлены на решение социальных задач, и все средства, которые с большим трудом удается раздобыть, тратятся в основном именно на эти задачи.

При депутате Московской городской думы И.Ю. Новицком работает общественный экспертный совет, утвержденный Московской Городской думой, который одинаково объективно относится и к инициативам нашего МСООИЧ, и к предложениям и планам МРО СЧР, помогает находить взаимоприемлемые решения чернобыльских проблем. Опыт и точки зрения многих депутатов Городской думы показывают, что этот консультативный орган эффективен и достаточен. Он помогает решать сообща наши проблемы по оказанию помощи инвалидам в г. Москве.

Минувший 2000 год запомнится нам надолго. Не только напряженной работой по осуществлению наших программ. В очередной раз правительство затеяло пересмотр законов, определяющих порядок выплаты пенсий и пособий по возмещению вреда здоровью чернобыльцам. Сначала по указанию правительства была создана рабочая группа, перед которой поставили задачу подготовить проект о социальной защите чернобыльцев. В состав группы с правом совещательного голоса были включены представители общественных организаций. Нами были подробнейшим образом разработаны предложения по изменениям и дополнениям к закону «О внесении изменений и дополнений в закон «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС». Большую работу проводили инвалиды чернобыля Игнатов В.Г., Горохов Д.М., Турецкий, Овгаров В.Р. и др. Надо отметить, что существующий до сего времени закон «О социальной защите...», мягко говоря, не согласуется не только с некоторыми статьями Гражданского кодекса, но даже противоречит отдельным статьям Конституции России. На эти несоответствия, обращаясь в суды, указывали не только инвалиды-чернобыльцы, чьи интересы и законные права, таким образом, оказались ущемлены. На эти же несоответствия обращал внимание и Конституционный Суд России, отметив их в своем постановлении. Более того, Президент России указывал на необходимость привести закон «О социальной защите...» в соответствие с другими законам России и с Конституцией. Причем в постановлении Конституционного Суда указано, какие статьи закона не согласуются с положениями Конституции, и, более того, дано разъяснение и рекомендации, как эти статьи трактовать, чтобы не было неконституционного ущемления прав одних категорий граждан за счет других.

И вот в июле 2000-го года Государственная Дума приступила к рассмотрению законопроекта «О внесении изменений...» Причем, в результате проведения соответствующей «работы» чиновниками Правительства, на рассмотрение был предложен старый, доставшийся

еще со времен Думы прошлого созыва, закон Шенкарева - Правительства, слегка, правда, «припудренный». «Косметика» эта, по словам представляющих его в Думе чиновников, являла не что иное, как принятие во внимание постановления Конституционного Суда. Но все это в действительности оказалось «косметикой», призванной в той или иной мере скрыть суть этого законопроекта, который, к сожалению, оказался по сути своей все тем же законопроектом, разработанным бывшим депутатом Шенкаревым. Что собой представляет этот законопроект - всем чернобыльцам хорошо известно. Нельзя сказать, что это был единственный вариант законопроекта. Был представлен и законопроект, разработанный в Думе прошлого созыва депутатами Громовым, Варенниковым, Безбородовым и другими. Но, к прискорбию, депутаты действующей Думы сочли нужным принять в первом чтении законопроект Правительства. Об этом довольно подробно писала наша газета «Заслон Чернобыля». Несмотря на большое количество замечаний и предложений, присланных чернобыльцами и в адрес газеты, и непосредственно в Комитет Госдумы по труду и социальной политике, на втором чтении оказался тот же законопроект почти в той же редакции, и в малой мере не учитывающий ни поправки и предложения чернобыльцев, ни постановление Конституционного Суда. И тем не менее, депутаты Государственной Думы подошли к этому законопроекту, а, по сути, к судьбе инвалидов-чернобыльцев, настолько равнодушно, что приняли его и во втором чтении. Это глубоко всколыхнуло все чернобыльское движение. Несправедливость подобного законопроекта задела всех инвалидов-чернобыльцев. По стране прошли акции протеста, вплоть до объявления голодовок. Эти сцены, когда возмущенные отношением к себе правительства России чернобыльцы снимали с себя заслуженные награды, видели во многих странах мира по СМИ. В результате массовых акций протеста: пресс-конференций, на которых чернобыльцы взывали к общественности не только российской, но и мировой (кстати, такую пресс-конференцию провел Московский союз общественных объединений инвалидов Чернобыля), митингов и голодовок ликвидаторов депутаты заблокировали в третьем чтении принятие законопроекта.

Правда, законопроект, возвращенный во второе чтение в результате применения определенных технологий работы с депутатами, 21 декабря 2000 года был рассмотрен Государственной Думой во втором и третьем чтении без внесения каких-либо существенных изменений в пользу инвалидов-чернобыльцев. В результате в семнадцати регионах России прошли митинги протеста. Это красноречивый признак, что, несмотря на попытку растащить чернобыльцев по различным «квартирам» (ведомственным и региональным), необходимость объединения и сплочения чернобыльских рядов ощущается все острее. Потребность в таком объединении назрела.

Нам, московским «чернобыльцам», завидуют ликвидаторы во всей России. Наши проблемы всегда находят понимание и в Правительстве города во главе с мэром Ю.М. Лужковым, и в Городской думе во главе с В.М. Платоновым. У нас нет оснований для проведения акций протеста в их крайних формах: с голодовками и демонстративным бросанием наград.

Если уж нельзя пока объединиться организационно, то, во всяком случае, мы обязаны объединять наши усилия по оказанию помощи чернобыльцам, объединить наши проекты социальных программ...

От имени МСООИЧ я написал мэру г. Москвы Лужкову Ю.М. письмо о необходимости отметить 15-летие чернобыльской катастрофы - событие, ставшее поворотным пунктом в судьбе каждого ликвидатора. Тем более настала необходимость упорядочить подготовку и проведение 15-й годовщины чернобыльской катастрофы и создать комиссию по подготовке мероприятий и проведению их в жизнь. В отличие от прошлых лет, эта печальная дата будет отмечаться централизованно, по заранее разработанным и утвержденным планам. Раньше каждая чернобыльская организация отмечала эту дату в силу своей фантазии и своих возможностей, т.е. разрозненно.

Обсудили эту проблему с куратором по чернобыльским проблемам в Городской думе И.Ю. Новицким. Инициатива нашла понимание. Более того, он и еще девять депутатов Московской думы также направили мэру г. Москвы свои замечания и предложения, совпадающие с нашими. В результате этих обращений мэр г. Москвы Лужков Ю.М. издал распоряжение от 18 декабря 2000 года (№ 1324-РМ) «О создании Комиссии по подготовке и проведению мероприятий в связи с 15-летием начала ликвидации аварии на Чернобыльской

АЭС», где сказано: «..Поддерживая инициативу ряда общественных организаций, в целях координации усилий органов власти г. Москвы и общественных организаций по подготовке и проведению мероприятий в связи с 15-летием начала ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС:

1. Создать Комиссию.

2. Комитетам, Департаментам разработать предложения в план мероприятий и представить их в Комитет общественных и межрегиональных связей, а Комитету обобщить предложения и до 1 марта 2001 года утвердить в установленном порядке. Комитету по телекоммуникациям и средствам массовой информации Правительства Москвы, Пресс-центру Мэрии и Правительства Москвы оказать содействие в освещении мероприятий, связанных с 15-летием аварии на ЧАЭС в средствах массовой информации».

Председателем Комиссии утверждена Л.И. Швецова, первый заместитель Премьера Правительства Москвы. Членами Комиссии являются депутаты Московской городской думы И.Ю. Новицкий, В.К. Катушенок, председатели Комитетов, Департаментов и других органов власти. От общественных Московских организаций - Корастилев В.П. (МСООИЧ), Кривошеин Л.Л. (МРО СЧР), Сотскова Н.К. («Вдовы Чернобыля»), от региональных - Дейнеко О.Н. («Индрад»), Додонов Е.Н. (Военный университет химической защиты). Членом Комиссии является также депутат Государственной Думы, народный артист СССР Кобзон И.Д.

Работа Комиссии уже началась. Предложения поступили от правительственных органов и от общественных организаций. И на проведение мероприятий необходимо изыскать средства в ознаменование этой печальной даты, стоившей Москве более тысячи погибших ее граждан. Что-то, конечно, выделяют городские структуры, что-то - чернобыльские организации из спонсорских средств.

Но проблема возникла опять с ликвидаторами: в Москве приблизительно 25-30 тысяч ликвидаторов, из них более 3,5 тысяч - инвалиды, являющиеся членами инвалидских организаций, где большую работу проводят руководители этих организаций, сами являющиеся такими же инвалидами, больными людьми. От имени инвалидов г. Москвы нужно их поблагодарить за все усилия и умение в оказании помощи инвалидам и пожелать им дальнейших успехов в этом благородном деле. А вот с ликвидаторами г. Москвы большая проблема. Они оказались брошенными, как и ликвидаторы по всей России. На Комиссии этот вопрос обсуждается. Раз Союз «Чернобыль» России во главе с Гришиным В.Л. не беспокоится о результате неправильно принятых решений о ликвидаторах, а их по стране несколько сотен тысяч, в том числе и в г. Москве, то заботу о них должно взять на себя государство, исполнительная и законодательная власть г. Москвы и России.

Конечно, в этой статье сказано несколько не очень приятных слов в адрес некоторых руководителей общественных организаций страны и города Москвы, но это факт, это история. А ведь душа болит за то, что произошло в нашем чернобыльском движении, а значит, нам нужно думать, как исправить такое положение и стать едиными в оказании помощи всем ликвидаторам.

Мы перешли жить в новый год, в новое столетие, в новое тысячелетие. А 2001 год является годом 15-летия трагедии на ЧАЭС. Наша задача (руководителей общественных организаций и всех ликвидаторов) достойно встретить эту трагическую дату - 26 апреля, отдать дань ушедшим от нас нашим боевым товарищам, живущим - вспомнить ту колоссальную работу, которую выполнили по ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, найти пути, средства и методы для оказания помощи больным ликвидаторам, семьям умерших ликвидаторов. Пусть этот 2001 год станет годом сплочения чернобыльцев по отстаиванию наших прав, и надеемся, что государство (Президент, Правительство и Законодательная власть) нас не забудут. Хочется пожелать всем пострадавшим от катастрофы на ЧАЭС здоровья и благополучия.

Если чернобыльская катастрофа - явление непредсказуемое, порожденное стечением обстоятельств, то, как расценивать тот "миничернобыль", что устроили в густонаселенном косовском регионе "миротворцы" из НАТО? По сообщениям прессы, уже есть погибшие среди военнослужащих в результате применения снарядов с обедненным ураном. Солдаты приходят и уходят, но как жить крестьянам, проклиная ту землю, которая должна родить хлеб, кормить их? Страшно подумать! Еще страшнее то, что люди не хотят воспринимать уроки истории, чужие ошибки, чужую беду. Неужели опыт Хиросимы и Нагасаки, опыт Чернобыля ничему не научил? Что есть горячие головы среди политиков и военных, обрядившихся в тоги миротворцев,

размахивающих ядерной дубиной и способных ни за понюшку табака устроить ядерный ад в центре Европы?

НАУЧНАЯ АССОЦИАЦИЯ ИНВАЛИДОВ ЧЕРНОБЫЛЯ МГУ им. М.В. ЛОМОНОСОВА

Пятецкий Л.С., президент, генеральный директор Научной ассоциации инвалидов Чернобыля МГУ им. М. Ф. Ломоносова, участник ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, 1986 год.

Благотворительная общественная организация Научная ассоциация инвалидов Чернобыля Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (НАИЧ МГУ им. М.В. Ломоносова), зарегистрированная 12 июля 1994 года на базе Ассоциации "Чернобыль-Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова", созданной 11 марта 1991 года, объединяет более 1000 инвалидов Чернобыля и инвалидов-ветеранов подразделений особого риска г. Москвы.

НАИЧ МГУ им. М.В. Ломоносова:

- оказывает помощь для лечения более 1000 инвалидов в лучших клиниках г. Москвы;
- оказывает финансовую помощь для лечения детей, которые родились после катастрофы на Чернобыльской АЭС;
- выдает всем членам организации с периодичностью 45 дней лечебное питание и более 30 видов лекарственных препаратов;
- оказывает финансовую помощь инвалидам для приобретения лекарств, которые не выдаются государством бесплатно;
- выдает ежемесячно более 150 специальных именных стипендий НАИЧ МГУ им. М.В. Ломоносова студентам, аспирантам и слушателям подготовительных отделений города Москвы, которые:
 - а) являются детьми или внуками инвалидов - 300 руб. (отличникам - 500 руб.);
 - б) являются детьми лиц, погибших при исполнении служебного долга, - 1000 руб.;
 - в) прибыли на обучение из зоны отселения или с правом на отселение - 600 руб. (отличникам - 1000 руб.);
- предоставляет финансовую помощь семьям умерших членов организации на похороны и продолжает выплачивать стипендии их детям и внукам до окончания учебного заведения;
- оказывает помощь молодежи Новозыбковского района Брянской области (зона отселения), обучающейся в учебных заведениях города Москвы;
- финансирует издание книг, в том числе готовящуюся к выпуску "Чернобыльская катастрофа - 15 лет" (воспоминания членов организации о работе на Чернобыльской АЭС, в других чрезвычайных ситуациях);
- оказывает помощь более 500 сотрудникам МГУ - участникам Великой Отечественной войны и ветеранам труда;
- провела более 40 научно-исследовательских работ по экологическим проблемам, в том числе связанным с катастрофой на Чернобыльской АЭС;
- является спонсором Академического хора МГУ им. М.В. Ломоносова;
- открыта для взаимовыгодного долговременного сотрудничества.

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Степанов В.Я., полковник запаса, кандидат военных наук, профессор, член Союза писателей России, участник ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС 1986, 1988-1989 гг.

Пятнадцать лет минуло с того памятного апрельского дня, ярко высветившего то героическое и то просто человеческое, что искони присуще нашим людям. Чернобыльский след

прошел через душу и сердце каждого советского человека, оставив у многих свой неизгладимый след.

Пятнадцать лет... Много это или мало? Вопрос, видимо, чисто риторический. Пятнадцать счастливых лет пролетают как одно мгновение... Пятнадцать трудных и горестных лет - они длятся дольше, чем вся жизнь.

Поросла бурьяном и травами чернобыльская зона. Покосились брошенные своими хозяевами осиротевшие дома. Что-то подернулось дымкой забвения и в памяти людской. Слишком много всякого произошло в жизни нашей страны, в жизни каждого из нас.

И все-таки, чем дальше в историю уходят годы, тем осознанней и различимей становятся масштабы той трагедии, которая произошла на маленьком клочке украинской земли в апреле 1986 года.

События тех, не столь далеких, лет внесли существенные коррективы в историческое развитие всей земной цивилизации. Отголоски той трагедии до сих пор долгим эхом чернобыльской тишины продолжают звучать в различных уголках земного шара.

И все-таки, наверное, Чернобыль явился миру не случайно. Человечество в прошлом веке, на мой взгляд, нарушило некие Вселенские Заповеди в использовании достижений научно-технического прогресса. За нарушение неких незыблемых постулатов человечество вынуждено было заплатить столь дорогую цену. Чернобыльская катастрофа и ее последствия - это своего рода страшное знамение и грозное предупреждение всем жителям маленького космического корабля с таким милым названием - Земля.

Не пытаюсь дать историческую, политическую или некую глобальную философскую оценку произошедшего катастрофического события планетарного масштаба. Есть что-то мистическое в звучании словосочетания Чернобыль.

Начавшийся полураспад выброшенных из чрева реакторного исполина радиоактивных элементов ознаменовал «полураспад» чего-то большого и значительного в судьбе каждого жителя не только одной шестой части земного шара, но и остальных жителей, населяющих другие пять шестых территории планеты.

Чернобыльская беда коснулась своим крылом буквально всех и каждого. Только, может, кто-то отнесся к этому равнодушно, кто-то воспринял эту трагедию как свою собственную...

Чернобыльская трагедия предопределила с апреля восьмидесят шестого года «эпоху полураспада». Распался Советский Союз. Мир из диполярного превратился в однополярный. Почти ровно половина из трехсотмиллионного государства оказалась в пределах России, а остальные за ее границами. В результате «полураспада» оказались разделены не только народы, но и многочисленные семьи, родственники, друзья, знакомые... Негативные последствия этого «полураспада» практически каждый из нас испытывает и по сей день.

«Период полураспада» вверг огромную территорию нашей страны в раздоры, вооруженные конфликты и гражданские войны. Чернобыль пропечатал, как излучение на рентгеновской пленке, границы новоявленных территориальных образований, вызвав «раковые опухоли» недоверия и скрытой вражды.

Отголоски чернобыльского «периода полураспада» - это не только брошенные города и села, не только возросшее количество онкологических заболеваний на территориях, над которыми прошло радиоактивное облако, но это и духовные, экономические, политические и масса других проблем, которые возникли в отношениях между некогда братскими республиками, а теперь независимыми государствами.

Отголоски чернобыльского «периода полураспада» - это сотни тысяч тонн боеприпасов с обедненным ураном, сброшенных американскими агрессорами на головы мирных жителей Ирака и Югославии. Мне довелось своими глазами видеть боль в глазах иракских детей, страдающих от лейкемии, в Багдадском детском госпитале. Страдания иракских детей также ужасны, как и страдания русских, украинских и белорусских детишек, появившихся на свет в постчернобыльский период.

Список тех, кого унесла «радиационная» смерть, полнится не только ликвидаторами и жителями зараженных, или загрязненных, территорий, но и иракскими детьми, солдатами балканских миротворческих контингентов. Смерть продолжает свою радиационную жатву на просторах планеты.

«Период полураспада» прошелся и по многочисленным семьям ликвидаторов... Появились вдовы и сироты чернобыльской эпохи. Чернобыль оставил черную боль. Саднящую и незаживающую рану в душах и сердцах родных и близких, тех, кто потерял дорогих людей в невидимом и невиданном по масштабам радиационном сражении на просторах Украины, Белоруссии и России...

Прошли годы с момента Хиросимы и Нагасаки, Чернобыля и операции «Буря в пустыне», но человечество забыло, или не хочет помнить, те страшные уроки, которые преподнесли нам эти трагедии. Много для многих поросло бурьяном забвения. Для многих, но не всех... Перефразируя слова известного классика, можно смело утверждать, что «радиоактивный пепел Чернобыля стучит в наших сердцах...»

В первую очередь это относится к вдовам Чернобыля, оставшимся без кормильцев, к матерям, которые потеряли своих сыновей в результате тяжелейших болезней, к детям, которые в столь непростое время растут без своих отцов.

Как написала в одном из своих стихотворений талантливая поэтесса Людмила Максимчук - Лучшие всегда погибают Первыми. У Лучших одна привилегия - Первыми заслонить собой беду. Самой Судьбой Первым было предопределено принять на себя самые страшные удары разбушевавшейся стихии мирного атома.

Последствия «периода полураспада» тяжким бременем легли на женские плечи. Наверное, так было и так будет всегда, что после самых великих и победных сражений горькие плоды побед достаются тем, кто потерял своих детей, мужей в битвах с врагом.

Тяжелая доля досталось вдовам Чернобыля. Ибо их одиночество еще и усугубилось той нестабильностью периода жизни государства, который пришелся на последние десять лет ушедшего столетия. Конечно, невозможно в строчках описать то, что пережили Вы за эти годы. Лучше Вас никто не знает, через какие испытания пришлось Вам пройти.

Хочется верить, что в новом тысячелетии жизнь наладится. Будут здоровы и счастливы Ваши дети и внуки. Хочется верить, что время хоть немножечко зарубцует Ваши душевные раны. И что больше уже никакая беда не постучится в Ваши двери.

Храни Вас Бог! Жизнь продолжается...

ВДОВАМ ЧЕРНОБЫЛЯ

Когда смерть на плацу поражений
Примет павших последний парад –
Даже после победных сражений,
Остается всегда боль утрат.

Отойдет лихолетье сурово,
И в скорбящей по всем тишине
Слово тяжкое, горькое - вдовы –
Пойдет эхом гулять по стране.

Вот и ныне, где небо сине
И трава в человеческий рост –
Неотъемлемой частью России
Стал чернобыльский тихий погост.

Время трудное. Лиха хватает
Все. Но вам тяжелей во сто крат,
Ибо в ночах без сна не смолкает
В душах ваших апрельский набат.

Вновь саднит сердце черною болью.
Одиночеством мысли щемит.
И о нем одном вечно с любовью
Память светлую верность хранит...

РЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИНВАЛИДОВ ЧЕРНОБЫЛЯ, УЧАСТНИКОВ ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ АВАРИИ НА ЧАЭС ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ ХИМИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ – РАБОТАТЬ НЕ ФОРМАЛЬНО, А ЭФФЕКТИВНО

Алтухов В.Д., полковник, участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 году.

Перельгин В.С., подполковник, участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 году.

18 марта 1998 года в Управлении юстиции г. Москвы была зарегистрирована наша организация за № 8939. Председателем правления был избран подполковник Додонов Евгений Николаевич, прибывший в академию для прохождения службы в апреле 1997 г. с военно-химического полигона из Шихан. Он принимал участие в работах по ликвидации последствий чернобыльской катастрофы с 29 мая по 18 августа 1986 года в составе научного центра МО, который возглавлял ныне ушедший из жизни генерал-лейтенант Федоров Алексей Константинович.

В правление нашей организации входят: полковники Цехмистер В.И., Алтухов В.Д., Роговой С.И., Чуринов Р.С., Власов М.М., подполковник Котляревич А.Н. В организации состоит более 250 человек чернобыльцев, ветеранов Великой Отечественной войны и трудового фронта, афганцев, участников боевых действий в локальных войнах и ветеранов войск РХБ защиты. Решением Благотворительного совета Москвы нам присужден статус «Благотворительной организации».

За прошедшее время была проведена большая работа по оказанию материальной помощи членам организации, организован отдых и санаторно-курортное лечение, проводится постоянная работа в подшефных учебных заведениях по военно-патриотическому воспитанию детей и обучению их экологической грамотности.

Дважды нам присуждены Дипломы Комитета общественных и межрегиональных связей Правительства Москвы за социально значимые Программы «Военно-патриотическое и экологическое воспитание подрастающего поколения «Любовь к Родине» и «Подготовка к проведению мероприятий к 15-летию аварии на ЧАЭС «Память Чернобыля».

В рамках Программы «Любовь к Родине» в подшефных школах № 346 - директор Мацнева Галина Александровна, № 353 - директор Языкова Наталья Никитична, № 354 - директор Родионова Татьяна Константиновна, № 470 - директор Колесникова Нина Георгиевна, учебно-воспитательном комплексе «Надежда» (ныне кадетский корпус) - директор Ромайкин Вячеслав Юрьевич (участник боевых действий в ДРА и ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС), проводились творческие вечера, беседы и встречи, посвященные вопросам Военной истории и Вооруженных Сил, а также по экологическому воспитанию. В канун 14-летия трагедии Чернобыля членами организации совместно с учениками школы № 346 были высажены деревья на пришкольной территории.

По Программе Фонда «Москва-Крым» при Правительстве Москвы в течение 2000 года была организована отправка детей членов организации, из подшефных школ для отдыха и лечения на курорты Крыма и Черноморского побережья Кавказа. Всего отдохнуло более 150 детей.

Постоянно организуются встречи с ветеранами Великой Отечественной войны и трудового фронта в военно-историческом центре академии, им регулярно оказывается материальная помощь.

Правлением организации был разработан и направлен на рассмотрение в Комитет общественных и межрегиональных связей проект Плана по подготовке и проведению мероприятий к 15-летию Чернобыльской трагедии. Наш председатель правления Додонов Евгений Николаевич вошел в состав комиссии при Правительстве Москвы, которая будет заниматься организацией и проведением мероприятий, посвященных этой дате.

С заместителем главы Управы района «Басманный» Сысоевой Натальей Михайловной и председателем организации чернобыльцев района «Басманный» Тараном Александром

Петровичем было проведено рабочее совещание по подготовке и проведению мероприятий к 15-летию Чернобыля в районе и школах. В 21 школе, расположенной в районе, будут организованы фотовыставки «Чернобыль - как это было». Пройдет конкурс детского рисунка «Мир без войн и ядерных катастроф», члены нашей организации проведут беседы, посвященные подвигу, совершенному москвичами при ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, будет организован просмотр видеокассет с хронологией чернобыльских событий. 26 апреля пройдет посадка аллеи памяти жертв чернобыльской катастрофы.

Хотелось бы отметить, что большую помощь и внимание нам постоянно оказывают Правительство Москвы, возглавляемое Ю.М. Лужковым, лично Швецова Л.И., Андрианов В.В., Васильева Т.А., Александрова В.В., Сулова М.Н., Лучникова Э.Ю., Коваль Л.В., Хнеркова М.В., Тынкович О.В., президент Фонда «Москва-Крым» Котолупов О.А., руководитель филиала № 11 Фонда социального страхования РФ г. Москвы Усова Л.В., сотрудники фонда Сударикова З.Д. и Алферова Г.Ю.

Наиболее активное участие в работе организации принимают начальник университета генерал-лейтенант Корякин Ю.Н., генерал-майоры Ваулин Ю.М., Ильин Л.Н., полковники Алтухов В.Д., Константинов А.М., Роговой С.И., Цехмистер В.И., Чуринов Р.С., Колтунов Е.Б., Пьянков С.А., Борисов Ю.И., Груздев А.А., Воронин М.Г., Казыдуб В.Г., подполковники Перелыгин В.С., Крайков С.Н., Самохвалов В.О., Кинаш О.Ф., Киреев А.Ф., Котляревич А.Н., Дерачиц Н.А., Гвоздев С.В., Бубнов Д.А., Чентемиров М.М., Баньщикова З.Е., Алферов А.И., капитан 2-го ранга Савельев В.П.

По нашей инициативе в школе № 353 им. А.С. Пушкина (специализация русский язык и литература - директор Языкова Н.Н.), был проведен конкурс сочинений на тему: «Мой взгляд на Чернобыльскую трагедию».

Жюри в составе: завуча школы Гончарук Марины Алексеевны, учителей русского языка Равинской Ирины Эриковны и Черепника Олега Юрьевича, выбрало три лучших сочинения, фрагменты из них публикуются ниже.

*Ученица 9 «б» класса **Белова Аня***

26 апреля 1986 года произошел взрыв на Чернобыльской атомной электростанции. В результате этого взрыва некоторые участки России и других стран подверглись радиоактивному заражению. Выселяли жителей многих городов, все это привело к появлению «мертвых» городов.

Последствия взрыва сказались на всем. Заражены огромные территории, почвы, которые теперь нельзя использовать.

Говорят, что все это произошло из-за халатности людей, которые там работали. Может быть, они просто не понимали, к каким последствиям все это могло привести, так же как и остальные сначала не понимали этого. Не понимали того, с какими серьезными проблемами придется столкнуться потом.

Известно, что радиация оказывает сильное влияние на здоровье человека. Мы можем не замечать этого, но иммунитет ослабевает, и человек может умереть от любой болезни. После этой трагедии погибло много людей. И даже сейчас, когда показывают по телевизору близких, родных этих людей, мне становится не по себе, иногда я не могу удержаться от слез. Все, что произошло, ужасно.

*Ученица 9 «б» класса **Косинская Ольга***

Чернобыльская трагедия случилась 26 апреля 1986 года.

После этого произошло выселение людей из близлежащего города Припять. Многие люди умерли, заболели.

Чернобыльская трагедия сказалась на растениях. До сих пор в близлежащих лесах нельзя собирать грибы, ягоды. Они вырастают очень крупные, и некоторым людям кажется, что это хорошо. Но на самом деле это очень плохо, радиация, излучение.

Когда произошла Чернобыльская трагедия, я еще не родилась, и я благодарю бога за то, что мне повезло, что я родилась только спустя три месяца и в Москве. Но я прекрасно понимаю тех людей, которые были в то время в Чернобыле и близлежащих городах. Ведь и в наши дни там рождаются люди с различными заболеваниями, и долгое время это будет продолжаться.

У некоторых моих знакомых, одноклассников родители, родственники были в Чернобыле в этот момент, я представляю, каково им. Да и болезни, которыми заразились люди в результате этого взрыва и радиации, будут передаваться их потомкам из поколения в поколение.

Сейчас государство представляет некоторые льготы, выплачивает пособия людям, пострадавшим в результате взрыва на Чернобыльской АЭС. Но разве эти выплаты могут возместить им тот ущерб? Ведь был нанесен ущерб их здоровью, был нанесен моральный ущерб. Разве могут эти льготы и выплаты возместить им все, что они перенесли?

Ученица 9 «б» класса **Ураева Евгения**

Чернобыльская авария - это одно из ужаснейших, по-моему, происшествий прошлого столетия.

Это произошло 26 апреля 1986 года, но официально было объявлено об аварии на АЭС после майских праздников. Сотни людей участвовали тогда в параде в Киеве и по России, когда радиация распространялась с помощью ветра.

По рассказам бабушки и дедушки, авария на АЭС произошла потому, что рабочие допустили халатность, когда строили атомную станцию. Мой дедушка работал на АЭС, а бабушка лечила облученных. Они получили тоже свою дозу облучения и пока живут с ней (им уже по 63 года). Моя мама и ее родители, мои дедушка и бабушка жили в Припяти, маленьком городе, рядом с Чернобылем. Представьте себе, какую дозу облучения получили они. Некоторые люди, жившие в Москве, жалуются на последствия аварии, говорят, что из-за взрыва у них образовалась та или иная болезнь, а каково людям, которые работали, расчищали АЭС. Конечно же, многие из них погибли от избытка полученной радиации, но есть и те, кто остался в живых, например, мой дедушка. Ведь после взрыва и работ на АЭС он чувствовал себя очень, очень плохо. И если бы не я, он бы умер. Я говорю: «Если бы не я», - потому что тогда родилась я (17 июля 1987 года), правда через год после аварии, но, все равно, моя мать была там.

Моя мама очень переживала из-за той аварии, но она рада, что дедушка и бабушка еще живы. Конечно, я стараюсь ей не напоминать о той аварии.

P.S. По-моему, только из-за халатности людей происходят все беды и несчастья, взрывы и войны, убийства...

Я стараюсь не делать ошибки, которые могут привести к беде.

О ВДОВАХ ЧЕРНОБЫЛЯ

Сотскова Н.К., председатель правления Московской общественной организации «Вдовы Чернобыля».

23 ноября 1995 г. было проведено учредительное собрание членов семей умерших участников ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Пришли вдовы и матери умерших ликвидаторов. В зале собралось 49 человек, озлобленных, издерганных, ожесточенных, не понимающих, зачем их сюда пригласили, зачем оторвали от бесконечных дел.

Почему назрело время создать нам свою организацию? Да потому, что после смерти наших мужей-кормильцев, детей, мы, их жены, их дети, родители остались никому не нужны. Есть Закон, казалось, чего проще: положены семье, потерявшей кормильца, льготы, то и получай. Да не тут-то было! Закон Законом, но человек есть человек. И для него обязательно нужно создать проблемы, создать видимость работы чиновникам, показать себя борцом за правильность исполнения Закона, поставить любые препоны, при этом ссылаясь на необходимость исполнения данного Закона. Бюрократ везде найдет лазейку, чтобы отступить от Закона.

Вот поэтому состояние женщин, пришедших на это собрание, было нам понятно и очень знакомо.

«Кто вы?» - вопрос, который задавали и мне, и Елене Кобе, и другим женщинам, выбранным в президиум собрания. И вот с этого и пошел разговор. Мы пояснили собравшимся, что мы тоже вдовы, причем с большим стажем вдовства, что у нас дети - школьники. И что проблем у каждой из нас хватает предостаточно. В какое-то мгновение мы поняли друг друга, и женщины стали делиться наболевшим.

Почти каждая вдова сталкивается с большим количеством проблем: и по оплате квартиры, коммунальных услуг, медицинского обеспечения, обучения детей и т.д.

К слову сказать, ни я, ни Елена Коба никогда не думали создавать, а тем более возглавить такую организацию, как «Вдовы Чернобыля». У Елены, молодой вдовы, два сына школьника, у меня тоже двое - школьник и студент. Плюс к тому, работа, занимающая весь день, домашние дела, престарелые родители... Но Вадим Павлович Корастилев - руководитель чернобыльской организации «Заслон Чернобылю» - смог подобрать такие слова, что нам ничего другого не оставалось сделать, как согласиться с таким предложением. Найти место, где можно было собраться вдовам, провести собрание помог все тот же «Заслон Чернобылю».

В конечном счете, все единогласно решили: такая организация нам нужна. Нужна нам самим, чтобы решать наши проблемы, которые мы знаем лучше, чем кто-либо. Мужчины-чернобыльцы преодолевают свои проблемы, их предостаточно, а мы вдовы совместно с ними преодолеваем свои. Но если глубоко вдуматься, то все чернобыльские проблемы общие.

12 февраля 1996 года Министерство юстиции выдало свидетельство о регистрации Московской организации членов семей умерших участников аварии на Чернобыльской АЭС - «Вдовы Чернобыля».

Наша организация помогает нам не быть одинокими. Мы все вместе чувствует локоть друг друга. Мы знаем, что если кому-то сегодня трудно и тяжело, мы придем на помощь, мы знаем, что мы и наши дети нужны друг другу.

Приближается 15-я годовщина со дня страшной катастрофы XX века. День 26 апреля стал Днем Памяти погибших в радиационной катастрофе на Чернобыльской АЭС. 15 лет! И много, и совсем мало. Но как коротка память людей, как молодое поколение мало знает об этой трагедии. «Вы из Чернобыля или из Припяти?» - спрашивают люди, когда приходится представляться. И - «почему у вас нет украинского говора». И приходится объяснять людям, возвращая их в год 1986. Случилась страшная беда, трагедия, был взорван 4-й блок Чернобыльской атомной станции. «Сила взрыва была столь велика, что массивная двухтысячетонная плита верхней биологической защиты реактора была оторвана, подброшена вверх и развернута почти вертикально. Облако радиоактивного выброса, достигшее в безветренную погоду высоты 10-11 км от уровня земли, начало свое движение на северо-запад, через Беларусь, в сторону Скандинавии. Чернобыльское облако за три недели обогнуло северное полушарие планеты, покрыв выпадениями долгоживущего цезия-137 почти всю Западную Европу и было дважды зафиксировано в США, в первую и последнюю недели мая 1986 года», - так говорит кандидат технических наук, «ликвидатор» 1986-1987 гг., член Лиги независимых ученых России Глуценко А.И. Это была самая крупная промышленная катастрофа в истории и по пространственному охвату, и по последствиям для человечества и живой природы.

Вот почему у нас не может быть ни украинского говора, ни белорусского, ни какого другого. «Нет, мы из Москвы, почти все коренные». Да потому, что Москва одной из первых откликнулась на эту беду, наши мужья с самого начала были направлены на ликвидацию последствий аварии.

Но самые страшные последствия аварии, как выясняется теперь, которых стараются не замечать, умолчать, - происходят сейчас. Ликвидаторы начали умирать сразу же, Митинское кладбище в Москве - тому подтверждение. Но с тех пор мы каждый месяц, каждый год теряем все больше наших героев тех дней. Сами они, их дети и вдовы оказались ненужными стране. Семьи этих высококвалифицированных специалистов влачат жалкое существование. Тогда не только Москва, но и вся Россия отбирала самых лучших, самых здоровых, крепких и высокопрофессиональных специалистов - от рабочего до руководителей всех рангов, от рядового солдата - до генерала.

Поэтому целью создания нашей организации была забота о женщинах и детях. Вывести женщин из стрессового состояния, заставить их не замыкаться в своем горе, не сосредотачивать внимание только на беде. Главное - думать о детях. Не давать нашим детям чувствовать себя обездоленными сиротами, ущемленными и ненужными в этой жизни. Когда через месяц после Учредительного собрания мы смогли для нескольких детей сделать к Новому 1996 году подарки - билеты на елки в Дом кино и Кремль, нашей радости не было предела. Как будто нам подарили миллион. Мы шли с Ниной Неплюевой, держа билеты в руках, и были счастливы. Мы были счастливы, что судьба наших детей для кого-то не безразлична.

Сфера нашей деятельности разнообразна: моральная, социальная, юридическая, семейная, детская, психологическая, экологическая, медицинская, образовательная... И все они нас касаются. Наша организация участвует в Программах Правительства Москвы, в части социальной защиты чернобыльцев и их семей, детских Программах. Часто приходится выступать по радио, приглашают на передачи телевидения, готовим и издаем статьи в местных газетах, в изданиях общественных организаций. налажена связь со многими некоммерческими организациями и государственными структурами. Имеем поддержку от Правительства Москвы, Комитета общественных и межрегиональных связей, Комитета семьи и молодежи, Московской Думы. Очень благодарны многим Фондам и общественным организациям. Не могу умолчать о таких людях, как Людмила Ивановна Швецова, Зинаида Федоровна Драгункина, Галина Николаевна Карелова, Галина Ивановна Климантова, Владимир Кузьмич Катушенок, Иван Юрьевич Новицкий, Татьяна Алексеевна Васильева, Мария Александровна Слободская, Светлана Петровна Горячева, Ирина Владимировна Федорова, Надежда Вячеславовна Черниченкина, Дмитрий Иванович Горохов, Галина Андреевна Харитонова, Любовь Михайловна Белова, Нина Сергеевна Свириденко... и многие - многие другие, которые на протяжении этих лет помогают нам делом, словом, оказывают помощь. Делятся с нами опытом, советом и поддерживают нас в трудные минуты.

Поддерживаем добрые отношения не только с московскими чернобыльскими организациями, но и из других регионов. Никогда не оставляем без внимания просьбы вдов о юридической помощи из регионов. Химки, Таганрог, Серпухов, Новомосковск, Брянск, Саратов, Тула, Мытищи... - вот не полный перечень городов, с вдовами которых мы имеем взаимосвязь. Все это помогает нам поддерживать полезные начинания, отстаивать свои права и право на достойную жизнь.

«Ишь ты, чернобыльских денег ей, видимо, захотелось», - слышим часто мы от работников социальной защиты. Горько это слышать и обидно. Пусть нам вернут мужей, детям нашим - отцов и матерей, родителям - сыновей и дочерей. И пусть заберут те жалкие крохи, которые называются льготами, компенсациями, возмещением вреда..., лишь бы только были с нами наши дорогие и любимые.

Верните нам их и нам больше ничего не надо!

ПРОШЛО ПЯТНАДЦАТЬ ТРУДНЫХ ЛЕТ

Лоскутова В.Д., Член правления Московской Общественной организации «Вдовы Чернобыля».

Прошло 15 лет со дня катастрофы на Чернобыльской АЭС, 15 лет борьбы за выживание участников ликвидации аварии, 15 лет борьбы с болезнями и чиновниками разных уровней. На ликвидацию этой страшной техногенной аварии в 1986 году уходили самые опытные, самые активные мужчины, самые лучшие представители научной и технической мысли, лучшие организаторы производства.

И вот минуло уже 15 лет. Чем дальше в прошлое отодвигается трагедия 26 апреля 1986 года, тем больше участников работ по ликвидации аварии уходят из жизни. Но, остаются их жены, матери, дети. Чтобы выстоять в постигшей беде, женщины Москвы объединились в общественную организацию «Вдовы Чернобыля» (МО-ОВД). Помогая друг другу советами, поддерживая морально, женщины стойко переносят своё горе, остаются чуткими и отзывчивыми на чужую беду, понимают друг друга с полуслова.

Многим вдовам (матерям) наше созданное общество заменило утраченную семью. Ну кто ещё, лучше человека, перенесшего смерть близкого, поймёт тебя?! Ни коллеги, ни соседи, даже родные и близкие не всегда смогут найти нужные слова утешения, особенно в первое время после потери дорого человека. Храня память о своих безвременно ушедших любимых, наши женщины продолжают достойно жить, воспитывать детей, внуков.

По состоянию на 1 января 2001 года в нашей организации учтены 728 человек, в том числе 676 непосредственных участников ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС и 52 человека подвергшихся радиационным воздействиям на других объектах, в том числе: на

производственном объединении «Маяк» (Челябинск) - 18 чел.; на Семипалатинском полигоне - 6 чел.; в подразделениях особого риска (Новая Земля) - 2 чел; работники 6-ой Клинической больницы Москвы - 10 чел.; отселенцы из Чернобыля - 2 чел. И нет сведений о 14 чел.

Но, к сожалению, наш список постоянно растёт. По некоторым источникам в Москве умерло более 1000 ликвидаторов. Мы не смогли разыскать всех, у некоторых не осталось родных и близких; кто-то не вступил в нашу организацию по другим причинам.

Московская общественная организация «Вдовы Чернобыля» объединила 9 административных округов Москвы (без Зеленограда). Административные округа разделены на 43 микрорайона, привязанных, в основном, к муниципальным управам. Такая схема управления даёт возможность, при необходимости, оперативно донести информацию до каждого члена нашего общества и быстро получить обратную связь.

За 5 лет существования организации «Вдовы Чернобыля» была отработана схема поиска семей умерших ликвидаторов. Установлена и поддерживается с ними связь. Рост организации шёл не только за счёт семей ликвидаторов, умерших в текущий период, но и за счет найденных семей ликвидаторов, которые ушли из жизни в 1986-1995 г. Только за последние два года (1999-2000 г.) мы разыскали 373 человека.

Поверьте, постоянно общаться с горем, с болью и человеческими страданиями - довольно тяжелая обязанность.

При этом следует отметить, что все мы работаем абсолютно бесплатно, по велению сердца и во имя памяти о наших умерших любимых.

Средняя продолжительность жизни умерших участников ликвидации аварии на ЧАЭС, по данным МООВЧ, по состоянию на 01.01.2001 г. характеризуется такими величинами:

- общее количество прожитых лет 36579;
- общее количество умерших ликвидаторов 676;
- средняя продолжительность жизни 54,1.

Конкретные данные приведены в таблицах 4.1., 4.2.

Возраст умерших ликвидаторов во время их участия в работах по ликвидации аварии на ЧАЭС (данные на 01.01.2001 г.)

Таблица 4.1.

Возраст	до 30	31-40	41-50	51-55	56-60	старше 60	всего
Человек	70	165	211	114	76	40	676
%	10	24	35	17	11	6	100

Возраст умерших участников ликвидации аварии на ЧАЭС на момент их смерти (данные на 01.01.2001 г.)

Таблица 4.2.

Возраст	до 30	31-40	41-50	51-55	56-60	старше 60	всего
Человек	8	78	165	99	106	220	676
%	1	12	24	15	16	32	100

За 5 лет были составлены списки семей умерших участников ликвидации аварии. Но это не просто перечень фамилий. Это полная информация, как об умершем ликвидаторе, так и о его семье. Имеющиеся данные позволили провести анализ структуры потерь ликвидаторов. Анализ был проведен по состоянию на 01.01.1999 г., 01.01.2000 и 01.01.2001 года. За три года изменился только количественный состав членов общества, но тенденции, выявленные в результате анализа, сохранились. Все данные для наглядности приведены в таблицах. Цифры подтверждены документально, и автор несёт полную ответственность за их достоверность.

Данные дали нам возможность разобраться не только в том, что же из себя представляет наша общественная организация, но и разрешить ряд вопросов по социальной поддержке семей и в зависимости от этого спланировать работу в будущем.

Среди членов МООВЧ - 58% составляют пенсионеры, в т.ч. 13% в возрасте 56-60 лет и 45% старше 60 лет. Это значит, что у них нет ни сил, ни здоровья бороться за своё достойное существование. Многие из них больны и одиноки, нуждаются в социальной и медицинской помощи.

Основной возраст вдов на момент смерти мужей пришелся на допенсионный возраст (таблица 4.3.).

Возраст вдовы на момент смерти мужа (данные на 01.01.2001)

Таблица 4.3.

Возраст	до 30	31-40	41-50	51-55	56-60	старше 60	всего
Человек	10	71	138	81	67	137	504*
%	2	14	28	16	13	27	100

*В расчёте не учтены прочие родственники, входящие в состав членов МООВЧ.

До 30 лет - 2%, 31-40 лет - 14%, 41-50 лет - 28%, 51-55 лет - 16%. Это составляет 60% от общего числа вдов непосредственных участников аварии на ЧАЭС. На момент смерти мужа они по возрасту не были на его иждивении, следовательно, по существующему законодательству не имеют права на получение компенсации за ущерб нанесённый здоровью их мужей.

Заключение Экспертного Совета об установлении связи причины смерти с участием в работах по ликвидации аварии на ЧАЭС имеют только 38% вдов. Простой расчёт показывает, что только 15,2% вдов имеют право получать доплату за смерть мужа.

При этом следует отметить, что основная масса вдов получает «так называемое» возмещение за потерю кормильца в размере 292 руб., а с 1 января 2001 года - 350 руб.

Основной возраст участников аварии на ЧАЭС колеблется от 19 до 55 лет. Это 82% от общего числа ликвидаторов и только 18% составляют люди старшего поколения. Последние, как правило, специалисты с большим опытом работы, организаторы и руководители высокого ранга.

Средняя продолжительность жизни умерших ликвидаторов аварии на ЧАЭС (данные МООВЧ на 01.01.2001 г.) составляет всего 54 года, что значительно ниже среднего порога жизни по России.

Из таблицы 4.2. видно, что 68% ликвидаторов умерли в возрасте до 60 лет. Данные о причинах смерти приведены в таблице 4.4.

Причина смерти

Таблица 4.4.

Причина смерти	Лучевая болезнь	Онко заболевания	Инфаркт	Инсульт	Травма, суицид	Сосудистые заболевания	Прочие
Человек	5	184	206	32	76	12	44
%	1	32	37	6	14	2	8

Основная причина смерти онкологические - 38% и сердечнососудистые (37%) заболевания. Третье место (14%) среди причин смерти занимают тяжелые травмы и суициды. В подавляющем большинстве, в эту категорию входят самые молодые ликвидаторы, среди них 30 человек в возрасте 22-40 лет и 24 человека в возрасте 41-50 лет.

Динамика смерти ликвидаторов аварии на ЧАЭС по годам за период с 1986 по 2000 год

Таблица 4.5.

Год	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993
Человек	6	6	9	16	14	27	50	66
%	1	1	1	2	2	4	7	10

Продолжение таблицы 4.5.

Год	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	Всего
Человек	61	87	89	80	70	49	46	676
%	9	13	14	12	10	7	7	100

Динамика смерти ликвидаторов аварии на ЧАЭС с 1986 по 2000 год (таблица 4.5.) показывает, что пик смертей (14%) пришёлся на 10-летний период с момента начала работ (что и предсказывали ученые).

После 1996 года начался спад соответственно: 1997 г. - 12%, 1998 г. - 10%, 1999 - 2000 год по 7% от общего числа умерших за 15 лет.

Состояние беззащитности и безысходности вызывают цифровые данные таблицы по динамике получения заключений Экспертного Совета о связи смерти ликвидаторов с работами на ЧАЭС.

Динамика получения заключений Экспертного Совета о связи смерти с работой на ЧАЭС

Таблица 4.6.

Год	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993
Человек	3	3	3	7	5	12	18	27
%	1	1	1	3	2	6	9	14

Год	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	Всего
Человек	15	21	29	22	27	12	2	206
%	7	10	14	11	14	6	1	100

С 1990 г. до 1993 г. (таблица 4.6.), когда создавались организации инвалидов-чернобыльцев, наблюдался значительный рост выдачи заключений - от 2% до 14%. Затем в 1994 г. произошел спад до 7% и снова рост до 14% в 1996 - 1998 г., а вот с 1999 года полный провал - до 6% в (1999 г.) и всего 1% в 2000 году. Из умерших в 2000 году только на 2 человека вдовы получили заключение Экспертного Совета. Это были инвалиды I группы с онкозаболеванием.

Еще хуже положение предстает при рассмотрении таблицы 4.7. - «Процент полученных заключений Экспертного Совета к общему числу умерших ликвидаторов за период 1986 - 2000 гг.».

Процент полученных заключений Экспертного Совета к общему числу умерших ликвидаторов

Таблица 4.7.

Год	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993
Кол. умерших	6	6	9	16	14	27	50	66
Кол. заключений	3	3	3	7	5	12	18	14
%	50	50	33	44	36	44	36	41

Если в 1986 - 1993 и 1998 годах заключение Экспертного Совета получали от 36% до 50% к числу умерших, то в 1994, 1995, 1997 и 1999 годах только 24% - 27%, а в 2000 году вообще 2%. Настораживает совпадение процентов по годам:

1988, 1990, 1991 - 36%;
 1989, 1991, 1993-41 - 44%;
 1994, 1995, 1999-24 - 25%.

Продолжение таблицы 4.7.

Год	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	Всего
Кол. умерших	61	87	89	80	70	49	46	676
Кол. заключений	15	21	29	22	27	12	2	206
%	25	24	32	27	38	24	2	30,5

Случайное ли это совпадение, или были какие-то ограничения со стороны чиновников высокого ранга по количественным показателям?

Наверное, полезно было бы провести такой подробный анализ по России в целом. Но для этого необходимо иметь полную достоверную информацию обо всех умерших участниках ликвидации аварии по всем регионам России.

Московская общественная организация «Вдовы Чернобыля» готова помочь всем заинтересованным организациям в работе по сбору и обработке данных как методически, так и консультативно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

XX-й век принес человечеству не только принципиально новый, фактически неиссякаемый источник энергии, но и поистине разрушительные силы, способные полностью уничтожить цивилизацию.

Однако созданное ядерное оружие не привело к новым войнам, оно послужило основным сдерживающим фактором в развязывании глобальных военных конфликтов. В связи с этим, для сохранения твердых антивоенных позиций в мире, развитие, модернизация ядерного оружия не может быть приостановлена. Для обеспечения национальной безопасности страны необходим ядерный паритет между государствами, имеющими ракетно-ядерное оружие.

Но этого недостаточно. Ведь СССР перестал существовать не в результате крупномасштабной войны, а из-за внутреннего кризиса и идеологических подрывных действий извне.

Одним из факторов сложившейся нестабильности в нашем социалистическом государстве в конце 80-х годов минувшего столетия послужила ядерная энергетика с вышедшим из-под контроля "мирным" атомом. Как известно, чернобыльская "карта" была умело "разыграна" лжедемократами для достижения своих, явно не государственных интересов. В результате, чернобыльская катастрофа на весах истории стала одним из немаловажных факторов, приведших к гибели социализма в нашей стране, долговременным страданиям большей части населения страны.

Об этом нельзя забывать в настоящее время и в ближайшем будущем развития нашего общества. Надо постоянно помнить, что в случае аварий или катастроф на крупных техногенноопасных предприятиях могут возникнуть не только значительные социально-экономические последствия, но и долговременные социально-психологические и, что самое опасное, - политические последствия, тем более в условиях ослабленной национальной безопасности нашего государства. Таким образом, безопасность ядерной энергетике это не только ее технико-экономическое свойство, как сложной организационно-технической системы, но и существенная составляющая национальной безопасности нашего государства.

Катастрофа на ЧАЭС - всколыхнула весь мир. Население многих государств фактически на себе почувствовало непосредственное влияние радиации, реальное "дыхание" нависшей угрозы уничтожения человечества. Поэтому изучение и анализ причин катастрофы - насущная необходимость общества, так как это позволяет разрабатывать современные средства и методы защиты от подобных катаклизмов в будущем.

Анализ причин катастрофы на ЧАЭС показывает, что они определяются не только уровнем подготовки персонала АЭС и конструктивными недостатками реактора. Их корни возникли одновременно с зарождением ядерной энергетике в стране.

Надо отчетливо понимать, что крупные аварии и катастрофы в промышленности в настоящий период и в ближайшем будущем стали намного вероятнее из-за старения оборудования, возрастания социальной нестабильности, остроты межнациональных конфликтов и учащения диверсионных актов.

Чернобыльская катастрофа подвергла серьезной проверке готовность и способность государственных, партийных, хозяйственных и военных органов управления к ликвидации крупных чрезвычайных ситуаций.

Чернобыльская катастрофа, как величайшая техногенная катастрофа XX века, по внезапности, масштабам, степени готовности страны к ее ликвидации, привлеченным силам и средствам, уступает только Великой Отечественной (ВОВ).

Однако катастрофа и ее последствия во многом сравнимы с ВОВ, имеют много общего. Как тогда, так и 1986 году страна была не готова к проведению широкомасштабных мероприятий.

Как и в начале ВОВ, чернобыльская катастрофа потребовала значительных изменений в органах управления страной сверху донизу. Фактически в считанные дни была сформирована и успешно функционировала многоуровневая централизованная система управления стратегической группировкой сил и средств страны по локализации катастрофы на ЧАЭС и ликвидации ее последствий. Это был апогей в эффективности функционирования организационно-технических систем государственного масштаба в конце XX века.

Катастрофа на ЧАЭС произошла в условиях неверия в нее и, исходя из этого, неготовности к ее ликвидации. В стране отсутствовали необходимые для защиты народного хозяйства, населения в мирное время законодательные и нормативные документы.

Чернобыльская катастрофа со всей очевидностью высветила огромного масштаба "прокол", заключающийся в отсутствии в атомной энергетике и в целом в стране специальной службы по борьбе с авариями, имеющей необходимые силы и средства для выполнения таких функций. С учетом опыта ЛПК на ЧАЭС в МО, в ГО СССР в 1987 - 1989 гг. формируются специальные мобильные соединения, предназначенные для ликвидации ЧС.

Чернобыльская катастрофа преподнесла урок того, что в экстремальных условиях успех дела во многом определяется четкой его организацией, жесткой и твердой его дисциплиной, безукоризненной исполнительностью, ответственностью и мужеством.

Исходя из целей ЛПК оперативные группировки министерств и ведомств, силы и средства республиканских, областных уровней выполняли поставленные им задачи в тесном взаимодействии. К сожалению, вклад наших братских республик в ЛПК еще недостаточно раскрыт и нуждается в более широком освещении.

Экономика переживает в настоящее время нелегкий период. Закрыты многие предприятия, сокращены расходы на развитие сил и средств, предназначенных для предупреждения и ликвидации ЧС, - на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в этой области.

В связи с этим возрастает необходимость в выборочных и целенаправленных исследованиях накопленного опыта по чернобыльской тематике и его развитию, т.е. сосредоточение усилий научных формирований на наиболее важных направлениях, обеспечивающих наибольшую эффективность конечных результатов. Необходимо разработать программу исследований в государственном масштабе.

Такой подход позволит значительно сократить нерациональные направления развития действующей системы ЛПА, разрабатывать более прогрессивные формы и методы основных процессов ЛПК, а также создавать новые образцы оборудования, агрегатов, применяемых в чрезвычайной обстановке.

В ходе ЛПК на ЧАЭС были начаты и успешно проводились научные исследования по отработке наиболее эффективных методов работ по локализации катастрофы, дезактивации населенных пунктов, объектов АЭС и др., в последующем эти исследования были продолжены. В монографии представлены достижения и результаты отдельных коллективов и научных работников.

В постчернобыльский период в стране были приняты директивные и нормативные документы, регламентирующие оказание помощи пострадавшим от радиационных загрязнений. Однако реализация федеральных целевых программ помощи чернобыльцам затруднена по многим причинам, в том числе и из-за экономических трудностей в России.

Авторский коллектив считал своим гражданским долгом на страницах этой книги воздать должное героическому труду ликвидаторов. Наверное, впервые в чернобыльской летописи на наших страницах нашли отражение воспоминания рядовых участников ликвидации последствий катастрофы. Ибо всегда следует помнить, что во всех героических делах и повседневных буднях главные страницы в истории пишет рядовой гражданин.

Несмотря ни на что, жизнь продолжается. И мы уверены, что в последующем выйдет еще немало хороших произведений, в которых будет продолжена летопись, невиданного по масштабам радиационного сражения и найдутся добрые слова о тех, кто заслониł собой планету от невидимой смертоносной опасности.

А.А. Дьяченко

ЛИТЕРАТУРА

1. Доллежалъ Н.А. У истоков рукотворного мира: Записки конструктора. М., 1989.
2. Н.И. Демидов. "МВД в Чернобыле: Уроки и выводы", М, 1997.
3. Круглов А.К. Как создавалась атомная промышленность СССР. ЦНИИ Атоминформ, 1995.
4. Легасов В. А. Из сегодня в завтра. М., 1996.
5. Михайлов В.Н., Петросьянц А.М., Горобец Б.В., Кротков В.В., Друглов А.К., Негин Е.А., Цырков Г.А. Создание первой советской ядерной бомбы, 1995.
6. Монография: "Чернобыль: катастрофа, подвиг, уроки и выводы". М., Интер - Весы, 1996.
7. Монография: "Чернобыль. Пять трудных лет". М., Издат., 1992.
8. Монография: "Москва - Чернобылю". М., Воениздат, 1998.
9. Материалы международных конференций. М., Воениздат, 1998.
10. А.А. Дьяченко. Деятельность государственных и военных органов по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС. М., Воениздат, 2000.
11. В.Ф. Скляр. Завтра был Чернобыль. К., "Ос-вита"- "Велес", 1991.
12. Ю.И. Щербак. Чернобыль. М., Советский писатель, 1991.
13. А.А. Ярошинская. Чернобыль. Совершенно секретно. М., Другие берега, 1992.
14. А.И. Воробьев. До и после Чернобыля. 1996.
15. Чернобыль. 10 лет спустя. 1998.
16. Л.А. Ильин. Реалии и мифы Чернобыля. М., 1998.
17. Н.И. Рыжков. Перестройка: история предательств. М., 1997.
18. Чернобыльская трагедия. Киев, 1996.
19. С. К. Шойгу. От МПВО к гражданской защите. М. 1998.
20. Ю.М. Щербак. Чернобыль. М., 1991.
21. А.В. Яблоков. Атомная мифология. М., 1996.

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ЗА СЧЕТ СРЕДСТВ СПОНСОРСКОЙ ПОМОЩИ КОЛЛЕКТИВОВ:

1. Правительства города Москвы;
2. Института стратегической стабильности Минатома РФ.
(Директор института - В.Н. Михайлов);
3. Научной ассоциации инвалидов Чернобыля МГУ им. М. Ломоносова.
(Президент - Л. С. Пятецкий);
4. Акционерного объединения "Визбас".
(Генеральный директор - В.А. Плохих).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение *В.Я. Степанов*

Глава III "РЯДОВЫЕ" ЧЕРНОБЫЛЯ

Вместо введения к главе. *А. А. Дьяченко*

Патриарх Минатома. *А.А. Бриш*

Мягкий дирижер. *М.Е. Хализева*

Герой Советского Союза генерал-полковник Владимир Карпович Пикалов. *А.А. Дьяченко, Г.А. Жуков, Л.Н. Ильин, М.А. Чирков, Е.Н. Додонов*

Герой социалистического труда СССР, генерал-лейтенант Кунцевич Анатолий Демьянович.

А.М. Константинов, Е.Н. Додонов

Генерал-майору Евгению Тимофеевичу Мишину - 80 лет

Генерал-майор Тимофей Михайлович Саламахин. *Ю.П. Дорофеев*

Наш Саламахин Тимофей Михайлович. *А.А. Шакин, В.С. Гаваза*

Капитан Валентин Андреевич Бондарев - командир батальона железнодорожных войск.

А.Г. Дьячкин

Врач рядом с пострадавшими. *А.К. Гуськова*

Одна из массовых профессий... *Ю.Ю. Вилькович*

Фотокорреспондент ВВ МВД. *С.В. Наумов*

Я победил "чернобыльские болезни". *Г.А. Бондаренко*

Коротко о главном. *С.С. Седойкин*

Из Красноярска в Чернобыль. *А.А. Надубов*

Год 1986. *Т.А. Полякова*

Служащие Советской Армии в Чернобыле. *С.Ю. Милехина*

Из Челябинска в Чернобыль. *А.В. Попов*

Радиодоземитрист. *Э.Л. Отрошенко*

Оказание технической помощи *В. В. Полежаев*

Академик АН СССР Валерий Алексеевич Легасов. *М.М. Легасова*

Николай Антонович Доллежалъ. *Г.А. Воскресенский*

Борис Евдокимович Щербина. *В.Г. Чирсков, Б.Н. Мотовилов*

Воспоминания соратников и учеников Б.Е. Щербины. *В.Г. Чирсков, Ш.С. Донгарян, Ю.Б. Щербина, Г.И.*

Тихонов, Н.И. Рыжков, В.М. Игольников, В.Я. Возняк, Е.И. Игнатенко

Академик АН СССР Игорь Васильевич Петрянов-Соколов. *Б.И. Огородников*

Генерал-лейтенант Алексей Константинович Федоров. *Ю.Р. Корякин*

Недописанная тетрадь. *В.Я. Степанов*

"Эхо чёрного грома...". *Л.Я. Сотников*

Несколько слов о моем муже Дутове Борисе Павловиче. *Е.В. Дутова*

Мой муж - Николаев Виктор Михайлович. *В.И. Николаева*

"Не все сгорает в пламени истории..." *Л. Максимчук*

Полковник Албаев Александр Николаевич

Полковник Видяйкин Петр Иванович

Полковник Юлин Владимир Сергеевич

Глава IV ЧЕРНОБЫЛЬСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Союзу "Чернобыль" России" - 10 лет. *Л.В. Гришин*

Московская региональная организация общероссийской общественной организации инвалидов Союз

"Чернобыль" России (МРО СЧР). *Л.В. Зверковский*

Доброе братство дороже богатства. *В.П. Корастилев*

Научная ассоциация инвалидов Чернобыля МГУ им. М.В. Ломоносова. *Л.С. Пятецкий*

Региональная общественная организация инвалидов Чернобыля. *В.Ф. Алтухов, В.С. Перылыгин*

Жизнь продолжается... *В.Я. Степанов*

Региональная общественная организация инвалидов Чернобыля, участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС военной академии химической защиты - работать не формально, а эффективно.

В.Д. Алтухов

О вдовах Чернобыля. *Н.К. Сотскова*

Прошло пятнадцать трудных лет. *В.Д. Лоскутова*

Заключение *А. А. Дьяченко*

Литература

**ЧЕРНОБЫЛЬ
ДОЛГ И МУЖЕСТВО**

Научно-публицистическая монография

Том II

К15-летию катастрофы

Под редакцией А.А. Дьяченко

Художественное оформление книги
А.Е. Пекарского, Д.А. Пекарского
Компьютерная вёрстка
С.К. Пекарской

Сдано в производство 4.01.2001 г.
Подписано в печать 4.06.2001 г.
Формат издания 60x84/16. Объем усл. печ. л. 20 + 3 вкл.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Тираж 1 300 экз.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии 4-го филиала Воениздата.
Заказ №5105.

